

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И НАУКИ МОНГОЛИИ
ХОВДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**АЛТАЕ-САЯНСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА
И ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ
ЕЕ КОЧЕВНИКАМИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2007

ББК 63.4я43+63.5я43
УДК 930.252.6
А52

Ответственные редакторы:
доктор юридических наук **В.В. Невинский**;
доктор исторических наук **А.А. Тишкин**

Редакционная коллегия:
доктор географических наук **В.С. Ревякин**;
доктор исторических наук **В.В. Горбунов**;
доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**;
кандидат географических наук **Н.И. Быков**;
кандидат исторических наук **П.К. Дашковский**;
кандидат исторических наук **Б. Нямдорж**;
кандидат педагогических наук **Х. Цэдэв**

А 52   **Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками** :
сборник научных трудов / отв. ред. В.В. Невинский, А.А. Тишкин. – Барнаул :
Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 258 с.: ил.
ISBN 978-5-7904-0690-4

В сборнике представлены материалы Международной научной конференции «Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками» (Барнаул, август 2007 г.). В нем публикуются статьи, сгруппированные в три раздела: «Географические исследования и выявления памятников историко-культурного наследия», «Материальная и духовная культура кочевников в древности и средневековье», «Использование естественно-научных методов при археологических исследованиях».

Издание рассчитано на исследователей, занимающихся проблемами географии, археологии, этнографии, истории и культурологии.

ББК 63.4я43+63.5я43

*Подготовлено и издано при частичной финансовой поддержке
РГНФ–МинОКН Монголии (проект №07-01-92061з/б),
а также в рамках реализации научно-исследовательской работы
кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ
по теме «Комплексное изучение материальной и духовной культуры
древних и традиционных обществ Сибири»*

ISBN 978-5-7904-0690-4

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Быков Н.И., Быкова В.А. Колебания климата и смена материальных культур на Алтае	6
Кальная И., Аюнова О.Д. Историко-географические этапы освоения Чаа-Хольской и Шагонарской котловины	8
Килуновская М.Е., Чадамба Л.Д. Памятники наскального искусства Тувы	10
Ожередов Ю.И. Предварительные исследования монументальной скульптуры в сомоне Умнэ-Говь Убсунурского аймака Западной Монголии	18
Платонова С.Г., Назаров А.Н. Результаты изучения эпицентральной зоны долины р. Согол-Гол в Западной Монголии	22
Ревякин В.С., Егорина А.В., Козырева Ю.В., Ревякина Н.В. Алтай-Саянский интеррегион в судьбах кочевой цивилизации	24
Танкова М.В. Сохранение памятников историко-культурного наследия Чуйского тракта в целях развития туризма	26

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Предварительные результаты изучения керамики бийского этапа поселения Енисейское-2	30
Азбелев П.П. О верхней дате традиции сооружения таштыкских склепов	33
Алсабеков М.Х. Суфийская поэзия в казахских изданиях XIX – начала XX вв.	36
Борисов В.А. Захоронение средневекового воина по обряду кремации на стороне в Кузнецкой котловине	39
Варенов А.В. Контакты Аньяна с кочевниками Севера (по инвентарю погребения Е9 большой могилы в Угуаньцунь)	43
Васильева Н.А. К проблеме вотивизации деревянных сосудов (по материалам могильника Кокэль)	47
Васютин А.С., Зиняков Н.М., Онищенко С.С. Кремированное погребение начала II тыс. н.э. с кузнечными инструментами и сопроводительным захоронением лошади на могильнике Порывайка	49
Васютин С.А. Системный анализ кочевых обществ раннего средневековья	53
Вольная Г.Н. Влияние кочевников Саяно-Алтая на прикладное искусство Кавказа в середине I тыс. до н.э.	56
Горбунов В.В. Военное искусство населения сротскинской культуры	60
Дашибалов Э.Б., Дашибалов Б.Б. Горные укрепления Саяно-Алтая и их аналогии с корейскими крепостями	63
Дашковский П.К. К вопросу об изучении религиозной системы кыргызов Южной Сибири и Центральной Азии	65
Досымбаева А.М. О символике сосуда в тюркском прикладном искусстве и его связи с идеей сакрализации пространства	69
Илюшин А.М. Материальная и духовная культура средневековых кыпчаков Кузнецкой котловины	75
Кисель В.А. Деревянные гробницы Тувы в свете межэтнических контактов	78

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результатам работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета).....	80
Ковалевский С.А. Конские черепа и камни-obelisks в системе погребально-поминальной обрядности ирменской культуры.....	85
Конькова Л.В., Король Г.Г. Набор средневековых ременных украшений с мифическим персонажем из Минусинской котловины Саяно-Алтая (комплексное исследование).....	89
Король Г.Г. Портрет средневекового жителя Саяно-Алтая	92
Кубарев В.Д., Едилхан Х. О знаках-символах в новых петроглифах Билуут-Толгой (Монгольский Алтай)	97
Кузнецов Н.А. Торговые и политические связи Семиречья и Северного Алтая в I тыс. н.э.	100
Кунгуров А.Л. Инновации в камнеобработке скотоводческих культур Алтая бронзового века и их особенности.....	90
Ларичев В.Е. Небожители: космическая охота со сворами собак (опыт интерпретации каноничных сюжетов наскального искусства эпохи бронзы).....	105
Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Прокопьева С.А. Первый Сундук: протохрам наблюдения и почитания летнего Солнца (к проблеме календарно-астрономических знаний и мировоззренческих установок жречества эпохи палеометалла юга Западной Сибири)	109
Марсадолов Л.С. К вопросу о прототипах для «оленных» камней.....	113
Мунхбаяр Ч. Об одном изображении на «оленных» камнях.....	117
Нямдорж Б. Развитие экономико-культурной жизни Кобдоского округа в начале XX в.....	119
Панкова С.В. Китайские прототипы сибирских изображений раннеташтыкского времени	121
Папин Д.В. Особенности расположения памятников рубежа бронзового и железного веков на территории Алтайского Приобья.....	125
Пилипенко С.А. Применение бересты носителями пазырыкской культуры.....	129
Пилипенко С.А. К вопросу о выделении монголо-тянь-шаньской разновидности женского головного убора средневековых монголов «бокка»	133
Рыбаков Н.И. Енисейские муже-девы в мантиях: кто они?.....	137
Савинов Д.Г., Сэрээтэрийн Урантугс. Опыт типологии херексуров.....	142
Солодовников К.Н. К вопросу о роли европеоидного компонента в расогенезе населения Алтае-Саянского нагорья эпохи ранней и развитой бронзы.....	145
Тадина Н.А. Опыт реконструкции модели мировоззрения алтае-саянских кочевников на основе этнокультурной символики алтайцев	150
Тихонов С.С. Об изучении социальной структуры населения раннего железного века в степях Евразии	153
Тишкин А.А. Металлические украшения женских головных уборов монгольского времени	155
Тишкин А.А., Мыльников В.П. Начало изучения комплекса деревянных изделий булан-кобинской культуры Алтая.....	159

Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Первые результаты Буянтской археологической экспедиции	165
Ткаченко И.Д. Традиционное снаряжение лошади у алтайцев (по материалам коллекций РЭМ).....	168
Тойшанулы А., Нурбаев А. «Тойге» – древний напев трудовых песен скотоводческой культуры	171
Файзуллина Г.Ш., Егизбаева М.К. К вопросу об атрибуции музейных предметов из этноконтактных зон в фондах ЦГМ РК (одежда казахов и татар Семипалатинской обл.).....	175
Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д. Погребальный обряд населения юго-восточного Присаянья в монгольское время	178
Худяков Ю.С. Взаимодействие русских с кочевниками Южной Сибири в военном деле в эпоху позднего средневековья.....	182
Шелепова Е.В. Новые сведения о захоронениях конских черепов (по результатам исследования памятника Тыткескень-VI).....	185
Ширин Ю.В. К проблеме культурной интерпретации археологических памятников середины I тыс. до н.э. в предгорьях Салаира.....	188
Шульга П.И. О датировке и синхронизации памятников Алтая и Тувы VI–III вв. до н.э.	191

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Боброва А.И., Валиулина С.И., Храмченкова Р.Х. Средневековые бусы из Нарымского Приобья	196
Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование благородных металлов в изготовлении украшений конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая)	199
Дашковский П.К., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Результаты спектрального анализа металлических изделий из могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай)	202
Поляков А.В., Хаврин С.В. Горизонтальная стратиграфия могильника Кюргеннер-I (Хакасия).....	206
Соёнов В.И. Использование методов естественных и точных наук при изучении археологии Горного Алтая гунно-сарматской эпохи.....	209
Тишкин А.А., Хаврин С.В., Френкель Я.В. Бусы хуннского времени (по материалам раскопок памятника Яломан-II в Горном Алтае).....	212
Тишкин А.А., Чугунов К.В., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Позднякова О.А., Миненко М.И., Адайкин А.А. Геофизические исследования на памятнике Бугры в предгорьях Алтая	215
Тур С.С. Новые методы и перспективы исследования антропологических материалов из погребений кочевников Алтая	221
Библиографический список	224

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Н.И. Быков, В.А. Быкова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КОЛЕБАНИЯ КЛИМАТА И СМЕНА МАТЕРИАЛЬНЫХ КУЛЬТУР НА АЛТАЕ*

Климат – один из главных природных факторов, оказывающих влияние на общество. Часто его изменения являются спусковым механизмом процессов, происходящих в социально-экономической сфере. К сожалению, в отечественной науке на протяжении длительного периода детерминистское значение климата в отношении общества не рассматривалось. Опасаясь обвинений в географическом детерминизме, многие ученые избегали этих вопросов. Образовавшийся «вакуум» тормозил понимание некоторых научных проблем, а также сдерживал междисциплинарную интеграцию, в частности, между историей и географией.

Один из способов изучения влияния климата на общество в прошлом – исследование синхронности исторических и климатических периодов. Важным условием при этом является социально-экономическая однородность общества на протяжении длительного времени. Оно предполагает сходную реакцию общественных систем на одни те же факторы. В данной работе проанализировано значение климата в смене археологических культур Алтая в хронологических рамках приблизительно с начала последнего тысячелетия до нашей эры до середины второго тысячелетия нашей эры. Все выделенные культуры на исследуемой территории могут быть отнесены к одному хозяйственно-культурному типу – кочевникам сухих предгорий и гор аридной зоны умеренного пояса (Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н., 1972, с. 15). Таким образом, можно предполагать сходную реакцию кочевников разных времен на климатические изменения.

Конкретизация флуктуаций климата проводилась нами с использованием материалов, полученных предыдущими исследователями, а также по результатам собственного дендрохронологического анализа. В последнем случае использовалась древесина живых и погибших деревьев на верхней границе леса на Северо-Чуйском хребте (совместно с Д.В. Овчинниковым), а также археологическая древесина из могильников Уландрык-I (совместно с И.Ю. Слюсаренко) и Яломанского археологического комплекса. Исследования археологической древесины позволили установить резкие похолодания климата в VI и III вв. до н.э., а также его потепление во II в. до н.э. Древесно-кольцевые хронологии (их начало относится к середине VIII в.), полученные с верхней границы леса, указывают на теплый климат в IX–X вв. и с конца XIII по конец XV вв. Вместе с тем во время этих потеплений наблюдались кратковременные, но глубокие похолодания (в начале IX, середине X, кон-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №06-01-91809а/Г) и РФФИ (проект №07-06-00173).

це XIV вв.). Устойчивое долговременное снижение температур воздуха произошло в XI–XIII вв., а также с конца XV – начала XVI вв. («малый ледниковый период»).

По результатам палинологического анализа установлено, что началу скифской эпохи на Алтае предшествует конец поздне-суббореального времени, климат которого характеризуется как прохладный и переменнно-влажный (Ненасева Г.И., 2007, с. 18). Раннескифский период, вероятно, совпадает с потеплением начала раннесубатлантического времени (Геозкология..., 1992, с. 138). Важным климатическим рубежом является похолодание в V–VI вв.

Сравнение исторических (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 159–163) и климатических периодов на Алтае показало их высокую синхронность. Как правило, смены культур происходили после прохождения температурного минимума. Исключением из общего правила является время окончания культуры монгольского времени. Оно приходится на еще достаточно теплое время.

Механизм смены культур в зависимости от климата представляется следующим образом. Понижение температур сопровождалось ухудшением условий для пастбищного животноводства (сокращение площади зимних пастбищ, снижение продуктивности летних) и, следовательно, снижением демографической емкости Алтая. В то же время продуктивность пастбищ аридных ландшафтов на прилегающих к Алтаю равнинах увеличивалась, что вело к нарастанию демографических диспропорций между указанными территориями. Депопуляция Алтая в периоды похолодания создавала благоприятные условия для проникновения на него, с началом потепления климата, населения иной культуры.

Чуткую реакцию кочевников на климатические изменения отражает и система их расселения. Например, на плоскогорье Укок в узлах расселения с преимущественно зимними типами пазырыкских могильников изредка наблюдаются и летние и наоборот (Быков Н.И. и др., 2006, с. 289). Вместе с тем в самых высокогорных узлах расселения встречаются только летние могильники. Вероятно, они создавались в наиболее теплые годы. Тогда же сооружались наиболее высокогорные зимние могильники. Летние могильники в узлах преимущественно зимнего расселения, возможно, возникали в периоды похолоданий. В это время часть высокогорных территорий на какой-то период исключалась из хозяйственного использования. Массовое датирование археологических памятников может способствовать установлению хронологических рамок подобных флуктуаций климата. Для этого необязательно производить раскопки памятников. О возрасте объектов могут свидетельствовать физиономические индикаторы, например, растительность. Наиболее благоприятны для проведения подобных работ верхние «этажи» расселения древнего населения, например, на Укоке. В этом случае верхняя граница расселения населения по своей реакции на климатические изменения напоминает верхнюю границу леса, но характеризуется большей чувствительностью.

И. Кальная, О.Д. Аюнова

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов, Кызыл, Россия

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ ЧАА-ХОЛЬСКОЙ И ШАГОНАРСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Чаа-Хольская и Шагонарская котловины приурочены к широким аллювиальным равнинам одноименных рек и являются составными частями Центрально-Тувинской котловины. Их южная граница проходит по северным предгорьям Хребта Западный Танну-Ола, северная протягивается по южному склону Куртушибинского хребта, захватывая сухие дельты рек Демир-Суг, Эйлиг-Хем, Куйлуг-Хем, Орта-Хем. Котловины разделены между собой низкоргорным массивом Аргалыктыг.

В настоящее время приустьевые части рек Чаа-Холь и Шагонар затопливаются при наполнении Саяно-Шушенского водохранилища. Создание водоема (хотя и сезонного) привело к некоторому изменению хозяйственной деятельности населения данных районов. Кроме того, эксплуатация водоема приводит к разрушению древних археологических памятников культуры, расположенных в зоне затопления.

В настоящей статье авторы попытались кратко осветить историко-географические этапы освоения данной территории и наметить дальнейшие пути ее хозяйственно-экономического развития.

С древних времен люди осваивали долину реки Улуг-Хем и, в частности, описываемые районы.

Наиболее ранние памятники деятельности людей в Шагонарской и Чаа-Хольской котловинах относятся к палеолитическому времени (40–14 тыс. лет назад). Так, по левому борту Шагонарской долины встречены стоянки людей среднего палеолита, по правым притокам р. Улуг-Хем, в долинах рек Демир-Суг, Эйлиг-Хем, Куйлуг-Хем и Орта-Хем обнаружены стоянки позднепалеолитического времени. Основным источником существования являлась охота, которая велась в окрестностях поселений. На охоте и в домашнем производстве пользовались орудиями, изготовленными из камня, кости и дерева. Почти все орудия сделаны из очень твердой породы – кварцита. Орудия древнего каменного века, найденные в Туве, по форме и технике изготовления сходны с орудиями, распространенными в позднем палеолите не только у племен Сибири, но и в Монголии, что говорит о культурной общности этих обширных территорий.

Новокаменный век или неолит (IV–III тыс. до н.э.) отмечается изобретением производства глиняной посуды, что сыграло немаловажную роль в улучшении бытовых условий человека.

Неолитические стоянки встречены по левому и правому бортам Шагонарской котловины и по правому борту долины р. Чаа-Холь (всего 56) (Семенов В.А., 1992, с. 152). Наиболее изученным памятником эпохи неолита и бронзы на территории Тувы является стоянка Тоора-Даш, расположенная в Саянском каньоне, в непосредственной близости от Чаа-Хольской котловины. Население данных районов было занято, скорее всего, охотой и скотоводством (Килуновская М.Е., 2006).

Конец III – начало II тыс. до н.э. знаменуется переходом от неолита к эпохе бронзы. Исторические памятники бронзового века также встречены в описываемых

мых районах. В эпоху бронзы в Туве добывали медную руду. Добыча велась двумя способами – в открытых карьерах и штольнях. Металл плавил в примитивных печах-ямах.

Развитие металлургии требует оседлого образа жизни. Надо отметить, что в Саянском каньоне Верхнего Енисея, расположенном севернее Чаа-Хольской котловины описаны многочисленные наскальные рисунки, датируемые эпохой бронзы (Дэвлет М.А., 1982, с. 128).

В I тыс. до н.э. эпоха бронзы сменяется эпохой раннего железа (скифское время, на территории Тувы – уюкская культура). К этому времени относятся известные палеостоянки Шагонар-Торгалыг, Чааты (Шагонарская котловина). В это время господствовали оседлые пастушеско-земледельческие формы хозяйства. Основу хозяйственной деятельности составляло яйлажное скотоводство, которое сочеталось с примитивным мотыжным земледелием. В посевах преобладало просо. Обнаруженные древние оросительные системы в долинах рек Куйлуг-Хем и Демир-Суг предположительно датируются скифским временем (Прудникова Т.Н., 2005, с. 139).

Уюкскую культуру эпохи скифов сменила эпоха хунну, которая охватывает период с I в. до н.э. по V в. н.э. Культура, характерная для населения Тувы хуннского времени, получила название Сыын-Чурекской, или Шурмакской, по названию горы Сыын-Чурек (Шагонарская котловина) и реки Шурмак, где были обнаружены курганы этой культуры.

Основой хозяйственной деятельности племен степных районов Тувы по-прежнему оставалось скотоводство, в особенности разведение овец.

В этот период происходит переход от полукочевых форм хозяйства к кочевым, что в то время было прогрессивным явлением, так как способствовало быстрому развитию скотоводства.

В VII в. Центральная Азия попадает под господство племенного союза тюрков. К середине VIII в. тюрки ослабли, и с 745 г. возникло новое государство – Уйгурский каганат. В уйгурское время в Туве впервые появляются монументальные архитектурные сооружения: обнесенные стенами городища, крепости и замки. Уйгурские городища были обнаружены в долинах рек Чаа-Холь и Шагонар. Интересно, что в Шагонарской котловине находится группа из четырех городищ. Городища были центрами земледелия, ремесла и, вероятно, торговли. На случай военной опасности они служили убежищами для окрестного кочевого населения, жившего в юртах.

Важнейшими отраслями хозяйственной деятельности в уйгурский период были кочевое скотоводство и земледелие. В уйгурских городищах Шагонара и Чаа-Холя было найдено большое количество зернотопок, жерновов для мельниц. В долине р. Чаа-Холь вблизи уйгурского городища были сооружены оросительные системы веерного типа. Они были обширны, но достаточно примитивны.

После ликвидации власти уйгуров в IX–XII в. Тува входила в Кыргызское государство. Основной хозяйственной деятельностью населения в то время было земледелие и скотоводство. Земледелие было развито довольно высоко, было плужным с применением не только сох и деревянных плугов с железными сошниками, но и привозных китайских плугов с чугунными отвалами. Засушливые участки степей орошались путем создания сложных ирригационных систем. Территории

Чаа-Хольской и Шагонарской котловин в то время были феодальными владениями. В начале XIII в. в Туве устанавливается иго монгольских феодалов (XIII–XVII вв.). В течение последующих веков (вплоть до вхождения Тувы в состав Советского Союза) основной хозяйственной деятельностью тувинцев, в том числе населения Чаа-Хольской и Шагонарской котловин, являлось преимущественно отгонное животноводство, в сочетании с земледелием и охотой.

После вхождения Тувы в состав Советского Союза в 1950-е гг. началась интенсивная распашка целинных земель в котловинах и предгорных районах. В Чаа-Хольской и Шагонарской котловинах был сооружен ряд оросительных систем. Вместе с тем в республике поддерживалось развитие животноводства, создавались молочно-товарные, свино-товарные и овцеводческие фермы.

На территории котловин было развито богарное и поливное земледелие, часть земель была занята пастбищами и сенокосами.

В 1979–1980 гг. началось заполнение Саяно-Шушенского водохранилища. В результате под затопление попало 20 тыс. га сельхозугодий, в том числе 5 тыс. га пахотных земель, 3,5 тыс. га сенокосов, остальные – пастбищные угодья.

Создание водохранилища совпало с экономическим кризисом 1990-х гг., когда сельскохозяйственная деятельность пришла в упадок не только на территории Чаа-Хольского и Улуг-Хемского районов (Шагонарская котловина), но и на территории всей Тувы. Резко сократилось количество пахотных земель и поголовья скота.

В настоящее время в Чаа-Хольской котловине действует Дон-Терезинская оросительная система, в районах восстанавливается поголовье мелкого и крупного рогатого скота.

С созданием водохранилища были организованы и в настоящее время действуют рыболовецкие бригады.

Необходимо и дальнейшее развитие сельского хозяйства на описываемых территориях с применением новейших технологий для улучшения качества и количества сельхозпродукции.

Кроме этого, живописные берега водохранилища в летний период можно использовать для целей рекреации – создание летних лагерей и баз отдыха, туристических стоянок, для обслуживания которых можно было бы с успехом привлекать местное население.

М.Е. Килуновская, Л.Д. Чадамба

*Институт истории материальной культуры, Российская академия художеств,
Санкт-Петербург, Россия*

ПАМЯТНИКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ТУВЫ*

В настоящее время на территории Тувы зафиксировано около 50 местонахождений наскальных рисунков, возраст которых определяется в хронологических рамках от эпохи бронзы до позднего средневековья. Основные местонахождения сосредоточены по крупнейшим водным артериям – Енисею и Хемчику. Памятни-

---

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

ки различаются между собой как количеством изображений и композиций, так и временем возникновения. Здесь можно встретить изображения прошлифованные, выбитые, процарапанные и нарисованные красками.

Памятники наскального искусства в Туве распространены неравномерно. Это обусловлено географическими и историческими факторами, а также степенью изученности районов республики. Неравномерно происходило и заселение Тувы в разные исторические периоды, о чем свидетельствует концентрация археологических памятников в разных регионах. Наибольшее скопление наскальных изображений сосредоточено по берегам Улуг-Хема (Енисея). От нижнего течения Бий-Хема они протянулись до Саянского каньона. Это местонахождения Бий-Хем (напротив переправы пос. Кара-Хаак), Догээ-1 и Догээ-2 (7 км к северу от Кызыла), Малый Баян-Кол (район зверофермы г. Кызыла), Эрбек-1, Эрбек-2, Эрбек-3 (около пос. Эрбек), Хербис (в 60 км от Кызыла), Инитал и Кара-Булун (в 12 км от пос. Баян-Кол).

На местонахождении Бий-Хем рисунки расположены на отдельно лежащих валунах у берега реки. Фигуры оленей, лошадей и козлов одновременны: датируются позднескифским и гунно-сарматским временем. Среди них есть солярные знаки и древнетюркские тамги (Килуновская М.Е., 1995, с. 166–169). Рисунки известны на южных склонах горы Догээ (козлы, олени, уникальная фигура быка эпохи бронзы) и на отдельно лежащем у подножия горы валуне, на котором представлена многофигурная композиция эпохи поздней бронзы (колесницы, олени монголо-байкальского стиля, олени с ветвистыми рогами, чашевидные углубления).

Памятник Малый Баян-Кол знаменит изображениями крупных размеров, нехарактерных для наскального искусства Тувы. Рисунки в основном относятся к скифскому и гунно-сарматскому времени (Дэвлет М.А., 1976, с. 40). Основные персонажи данного местонахождения – это горные козлы, олени, лоси, медведь, верблюды. Памятник в основном одновременный. Большинство рисунков можно датировать позднескифским и гунно-сарматским временем. По стилистическим особенностям изображений (четкость контуров, линейность, глубокая линия, размеры) он более близок к минусинским памятникам, чем к монгольским, алтайским или тувинским.

Около Эрбека рисунки зафиксированы в трех местах. На скале в 2 км от пос. Эрбек выбито более 100 фигур. Наиболее интересными являются контурное изображение кабана в скифо-сибирском зверином стиле, вереницы всадников в островерхих головных уборах и верблюда (Килуновская М.Е., 1995, с. 166–169). У подножья горы Хербис находится могильник Суглуг-Хем, содержащий захоронения позднескифского времени, исследованный Вл.А. Семеновым. На южном склоне горы на нескольких скальных фризах зафиксированы рисунки от раннескифского до позднескифского времени (олени, козлы, лошади, одна личина и животное, напоминающее тушканчика) (Килуновская М.Е., 2003, с. 204–238).

Рисунки Инитала группируются в четыре скопления на отдельных выступах скал. Петроглифы разновременные: на первой скале нарисованы восемь существ в тувинских халатах, руки у них широко раскинуты в стороны, они образуют как бы хоровод вокруг фигуры, которую можно интерпретировать как изображение буддийского субургана. Ниже показана сцена охоты. На другой скале изображены

два бегущих друг к другу козла, выполненные в таштыкском стиле, слева от козлов нарисован портрет Сталина (Килуновская М.Е., 1999, с. 232–239).

Урочище Кара-Булун находится на правом берегу Улуг-Хема в 4,5 км от реки в узком ущелье, по которому проходит кочевая тропа в долину реки Иджим. На большой вертикальной плоскости нанесены фигуры быков (всего 16), которые отличаются по стилю и технике исполнения. Поверх животных выгравированы тюркские рунические знаки (три надписи – две вертикальные по три строки и одна горизонтальная в одну строку) и тамги в виде креста с «луницей». Писаница выполняла роль путевого ориентира от эпохи бронзы (к которой относится большинство быков) вплоть до нашего времени, о чем свидетельствуют подновленные рисунки и современные надписи (Килуновская М.Е., 1998, с. 159–163).

Самое большое скопление петроглифов находится при входе в Саянский каньон, в котором представлены уникальные памятники наскального искусства Тувы, некоторые из них, к сожалению, частично затоплены водами Саянского водохранилища: Орта-Саргол, Устю-Саргол, Алды-Мозага, Мугур-Саргол, Мозага-Комужап, г. Алага, Биделиг, Бижиктиг-Хая, «Дорога Чингисхана». В зоне затопления находятся также местонахождения Ийме и Шолде-Тей. Горный останец Ийме расположен в распадке на правом берегу Куйлуг-Хема, в 2,5 км от современного устья Куйлуг-Хема. Рисунки сгруппированы очень компактно на горизонтальных (в основном) и вертикальных плоскостях, спускающихся ступенями по склону. Среди изображений доминирует козерог, однако характерным образом является олень: олень с большим ветвистым рогом, олени с древовидными рогами геометрического стиля, олени в монголо-забайкальском стиле с клювовидными мордами, идущие на цыпочках олени и козлы. В необычной для петроглифов манере выполнена фигура хищника – тигра с когтистыми лапами и длинным закрученным кольцом. К скифскому времени можно отнести триквестры, представляющие собой три соединенные по часовой стрелке спирали (Дэвлет М.А., 2001, с. 370–438).

Шолде-Тей – одиноко стоящая на берегу Енисея гора. Здесь зафиксировано более 1000 рисунков, которые нанесены на разных сторонах горы, на вертикальных и горизонтальных плоскостях, обращенных в разные стороны, а также на небольших камнях, что несвойственно другим памятникам. Среди изображений доминируют козероги. Встречаются фигуры коней, иногда со всадником на спине, оленей, быков, в том числе навьюченных, собак/волков, людей («грибовидные» и фаллические фигуры), а также знаки. Петроглифы датируются от эпохи бронзы до тюркского времени (Килуновская М.Е., 2004, с. 255–261).

В самом узком месте Енисея при входе в Саянскую «трубу», удобном для переправы и имеющем обширные скальные выходы, покрытые темной блестящей коркой загара, начиная с эпохи бронзы располагался ритуальный центр. Петроглифы были сосредоточены на обоих берегах Улуг-Хема: слева в урочище Мугур-Саргол, справа – Алды-Мозага и Устю-Мозага в устье реки Чинге. Здесь выбиты уникальные рогатые личины, воспроизводящие духов-хозяев места. Они как бы смотрели друг на друга с двух сторон реки и на воду могучего Улуг-Хема. Эти памятники монографически опубликованы М.А. Дэвлет (1976, 1982, 1990). Сейчас Мугур-Саргол полностью затоплен водами Саяно-Шушенского водохранилища.

Памятник Алды-Мозага находится на грани полного уничтожения. Петроглифы, которые сохранились лишь на вершине горы, подвергаются разрушительному воздействию воды. Те плоскости, которые открываются при сбросе воды, рисунков уже не содержат, так как они были нанесены на поверхностном размываемом слое камня, образованном пустынным загаром и уже разрушенном. Только на верхних плоскостях Устю-Мозага, представляющих собой сейчас одиноко стоящую гору по середине Енисея, остались рисунки, многие из которых относятся к эпохе бронзы. У подножия горы раньше находилось чрезвычайно опасное место – Чингинская воронка – водоворот, который не так давно с трудом проходили опытные люди на моторной лодке. По нашим наблюдениям, на верхних выступах скал здесь сохранилось большое количество поверхностей с петроглифами. На одной из них показаны две антропоморфные фигуры с длинными хвостами в окружении четырех быков – все фигуры миниатюрные (5–6 см), сделаны очень тщательной и мелкой выбивкой. На другой выбиты более крупные фигуры быков, туловища которых гипертрофировано массивные, округлые. Кроме этих рисунков эпохи бронзы есть фигуры оленей с ветвистыми рогами в варчинском стиле, а также петроглифы скифского времени – триквестры, контурные фигуры оленей и козлов в аржанской манере. На одном из самых верхних камней выбиты и подновлены фигуры козлов и двугорбого верблюда в позе размашистой рыси.

Четвертый крупный памятник в Саянском каньоне – Бижиктиг-Хая – подвергается частичному затоплению. На его вершине лежат камни с чашечными углублениями, сделанными в определенной последовательности, которые М.А. Дэвлет (1993) связывает с изображением звездного неба. Памятник Мозола-Хомужап расположен выше по течению Улуг-Хема. Вода здесь находится у самого подножия скал с петроглифами. Наиболее впечатляющей является плоскость с многофигурной композицией, главными персонажами которой являются летящие олени, выполненные в монголо-забайкальском стиле. У кромки воды на нескольких камнях выбиты фигуры быков с серповидными рогами.

Между всеми этими памятниками вдоль троп по берегу реки практически непрерывно на отдельно стоящих больших камнях и выходах скал находятся выбитые рисунки, которые могут быть отнесены к различным историческим эпохам. В основном это схематичные фигуры козлов – главного персонажа наскального искусства центральноазиатских социумов. Так маркируется кочевая тропа, которая проходила вдоль берега Улуг-Хема с древнейших времен. Встречаются также и многофигурные композиции – преследования копытных (оленей, козлов) хищниками (волками, собаками), сцены охоты и др. Мы зафиксировали около сотни таких плоскостей с рисунками по правому берегу Улуг-Хема от Мозола-Хомужап до р. Чинге, по правому и левому берегу Чинге. Выборка была случайной, так как в этих местах проводились археологические разведки и спасательные раскопки. Наиболее интересны петроглифы над могильником Чинге (правый берег) – это многофигурная композиция с изображениями в стиле оленных камней, сцена охоты скифского времени, где лучник окружен фигурами козлов и оленя преследует собаку, сцена преследования оленя собаками эпохи раннего средневековья. На отдельно лежащем камне представлены две фигуры козлов и собака, идущие в сторону

прямоугольной фигуры с острыми выступами, интерпретация которой затруднена. Подобные отдельно лежащие камни с петроглифами зафиксированы нами и выше по течению Улуг-Хема в месте впадения р. Беделиг, где мы обнаружили фигуры оленей с большими ветвистыми рогами позднескифского облика. Задачей дальнейшего исследования этих памятников является их картографирование, описание и графическая фиксация, что позволит осуществлять их мониторинг, а также более четко проследить пути передвижения отдельных групп, населявших Верхний Енисей в разные исторические периоды.

Недалеко от Мугур-Саргола находится Ортаа-Саргол. Это межгорная долина, отделенная от Енисея скальной грядой. Петроглифы находятся на скалах, образующих амфитеатр и имеющих необычный ярко-малиновый цвет. Здесь сочетаются рисунки эпохи бронзы (колесницы, грибовидные человечки, сцены охоты с лучниками в грибовидных «шляпах» и круглоголовых, козлы, «чыркакские» олени и др.) и скифского времени (олени с клювовидными мордами, собаки, олени саяно-алтайского типа и др.). Причем случаев перекрывания очень мало. Некоторые изображения в Орта-Сарголе могут быть отнесены к гунно-сарматскому времени. Это прежде всего фигуры всадников на лошади, у которой одна передняя нога вынесена вперед, другая согнута в колене. Большое количество процарапанных рисунков этнографического облика.

По дороге на запад Тувы от Енисея известна писаница Сыын-Чурек (в 150 км от г. Кызыл), которая, как Шолде-Тей, является одиноко стоящей в степи горой, имеющей правильные треугольные очертания, что напоминает египетскую пирамиду. Рисунки нанесены на фризах, расположенных на разной высоте, обращенных на юго-запад. Нужно отметить композицию с колесницей, которая относится к эпохе поздней бронзы, а также плоскость с фигурой оленя и кулана, выполненных в раннескифском стиле. Большинство же рисунков относится к гунно-сарматскому времени и отличаются необычайным динамизмом. Это сцены охоты, знаки. Уникальна композиция, получившая название «умыкание невесты», датируемая древнетюркской эпохой (Вайнштейн С.И., 1974, с. 40–54).

Хемчикская котловина тоже богата скоплениями памятников наскального искусства. Наиболее известным и изученным является местонахождение Бижиктиг-Хая (около пос. Кызыл-Мажалык), где на темно-зеленых и черных сланцевых породах, расслаивающихся на большие блоки, нанесены многочисленные выбитые изображения, наиболее интересные из которых датируются эпохой бронзы и скифским временем. Особенно выделяется на скалах изображение большой птицы, с четкими выбитыми линиями, заполняющими силуэт, под которой нанесены личины окуневского типа, идентичные личинам Мугур-Саргола. Одной из наиболее интересных является группа, состоящая из трех яков, два из которых навьючены и которых ведут погонщики в расширяющихся книзу одеждах.

Самым многочисленным по количеству рисунков является памятник Шанчиг (в долине р. Чыргак) (Килуновская М.Е., 2004, с. 29–31). Обследована северо-западная оконечность хребта на площади приблизительно 2,5–3 км². На этом участке горного кряжа удалось выявить три скопления петроглифов. Рисунки наносились только на вертикальные поверхности на высоте от 1100 до 1276 м от уровня моря.

Есть композиции и фигуры эпохи бронзы, особенно характерны олени с ветвистыми рогами в «чыргакском» стиле. К скифскому времени относится уникальная композиция с оленями, козлами и кабанами в аржанском стиле. Зафиксированы рисунки гунно-сарматского времени – в основном шлифованные, а также датированные эпохой средневековья и современные.

На левом берегу Хемчика около пос. Ак-Довурак находится писаница Сарыг-Даш, в которой рисунки нанесены техникой протирания на необычную геологическую породу (черную яшму) (Килуновская М.Е., 1996, с. 29–31).

В 2005 г. нами был обследован памятник Саамчыр около пос. Кызыл-Даг, который славится своими мастерами по резьбе из агальматолита (мыльного камня). По нашим наблюдениям, здесь имеются необычные для Тувы изображения змеи, верблюдов. Многочисленны рисунки быков крупных размеров.

Южные и западные районы республики были исследованы и описаны А.Д. Грачом (1957, с. 385–428). На западе Тувы это местонахождения Чуруктуг-Кырлан, Кызыл-Тей, Биче-Хая, Чуруктуг-Малдыг-Хая, Теве-Хая. Основные персонажи на всех писаницах – горные козлы. Отроги Чуруктуг-Кырлан расположены примерно в 4–5 км к востоку от сумонного центра Бай-Тал. Обращают на себя внимание фигуры козлов в оригинальной стилизованной манере тюркского времени (VII–VIII вв. н.э.). Большая часть горных козлов показана в движении, чаще всего скачущими, часть же в статичном состоянии. Из других персонажей надо отметить маралов, антилопу оронго, лосей. Наибольший интерес представляет анализ стилизованных изображений горных козлов, которые по первой массовой их находке в Туве получили название «типа Чуруктуг-Кырлан» (Грач А.Д., 1958, с. 120). Скала Кызыл-Тей возвышается у начала долины Кургаг-Кадыр-Сайы, около местонахождения Чуруктуг-Кырлан. Кроме фигур козлов «типа Чуруктуг-Кырлан» здесь были найдены рисунки совершенно иного стилистического облика – изображения козлов, выполненные в так называемой «ажурной» или «скелетной» технике. Рисунки этого типа изображают животных в грациозных позах, с подогнутыми задними ногами. Поверхность тела животного перекрыта выбитыми полосами. Помимо изображений горных козлов, на скале Кызыл-Тей было открыто несколько изображений лисиц.

Скальный массив Теве-Хая расположен у границы Барыкской степи, примерно в 20 км от Кызыл-Мажалыка. Основной мотив – верблюды, которые тесно связаны с изображениями людей: они показаны едущими верхом на верблюдах и в роли погонщиков, некоторые ведут верблюдов на поводу. Часть верблюдов отмечена изображениями сложных паланкинов, имеющих нарядные верха, украшенные султанами. Все рисунки располагаются под небольшим скальным навесом и относятся к монгольскому времени. Урочище Чуруктуг-Малдыг-Хая находится в 15 км к северо-западу от пос. Арыг-Бажи, в основном здесь представлены олени, маралы, лоси, верблюды, кабаны, быки, яки, дзерены, горные козлы, также изображения людей. Скала Биче-Хая – к северо-востоку от п. Булун. Петроглифы располагаются невысоко от подножья скалы (примерно на высоте человеческого роста) в северо-восточной части скальных выходов. Изображения высечены неглубоко и прослеживаются с трудом. Количество их невелико. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди петроглифов имеются известные изображения «типа

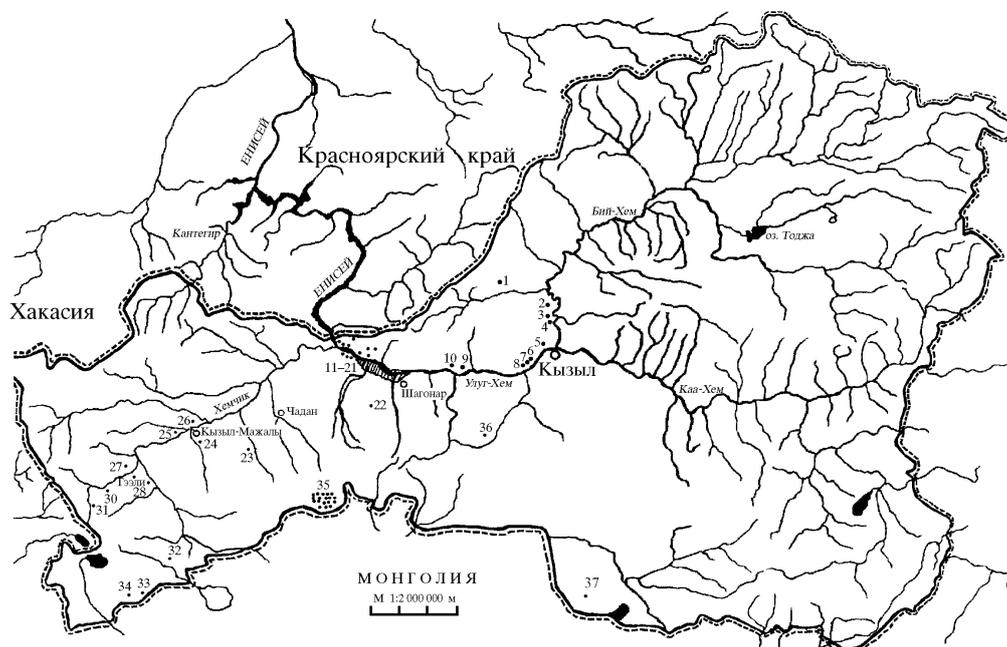

Рис. 1. Карта памятников наскального искусства Тувы: 1 – Бегреда; 2 – Бий-Хем; 3 – Догэ-1; 4 – Догэ-2; 5 – Малый Баян-Кол; 6 – Эрбек-1; 7 – Эрбек-2; 8 – Эрбек-3; 9 – Хербктиг-Хая; 10 – Инитал; 11 – Кара-Булун; 12 – Шолде-Тей; 13 – Ийме; 14 – г. Биделиг; 15 – Устю-Мозога; 16 – г. Алага; 17 – Алды-Мозога; 18 – Бижиктиг-Хая; 19 – Мугур-Саргол; 20 – Орта-Саргол; 21 – «Дорога Чингисхана»; 22 – Сьын-Чурек; 23 – Шанчиг; 24 – Бижиктиг-Хая; 25 – Каттын-Шат; 26 – Сарыг-Даш; 27 – Саамчыр-Ужу; 28 – Кызыл-Хая; 29 – Биче-Хая; 30 – Чуруктуг-Кырлан; 31 – Кызыл-Тей; 32–34 – Монгун-Тайга; 35 – Овюр; 36 – Чайлаг-Хем; 37 – Ямалык

Чуруктуг-Кырлан». Кроме того, есть изображения антилопы оронго, а также маралов и горных козлов. В основном рисунки относятся к древнетюркскому времени (Грач А.Д., 1958, с. 103).

На юге республики А.Д. Грачом обследованы и опубликованы 23 пункта Овюр и три пункта Монгун-Тайга. К сожалению, копий рисунков нет, и его описания являются единственным источником наших представлений об этих памятниках. 23 пункта сосредоточены в основном в 3 км от пос. Хантагайты. Петроглифы Овюра можно подразделить на три группы: изображения «скифо-сарматского» облика, изображения «типа Чуруктуг-Кырлан» (самые многочисленные) а также петроглифы переходного типа. Зафиксированы фигуры маралов, оленей с ветвистыми «древобразными» рогами, архары, лошади, сцены охоты (Грач А.Д., 1957, с. 343–381).

Петроглифы пункта Монгун-Тайга-I обнаружены в 2 км к западу от Мугур-Аксы. Рисунки немногочисленны, в основном это изображения горных козлов. Петроглифы пункта Монгун-Тайга-II находятся в местности Торгун-Хову перед перевалом в долину р. Мугур-Шегетей. Преобладают тамгообразные фигуры горных козлов «типа Чуруктуг-Кырлан». Композиционно фигуры в ряде случаев объедине-

ны, например, группа, изображающая горных козлов, преследуемых собакой. Пункт Монгун-Тайга-III расположен на скалах Кара-Мозога. Также здесь преобладают изображения горных козлов «типа Чуруктуг-Кырлан» и есть сцена преследования горных козлов собаками. Нельзя не упомянуть фигуру марала с непропорционально большими древообразными рогами (Грач А.Д., 1957, с. 340–343).

На границе с Монголией, в Эрзинском районе находится единственный памятник с крашеными рисунками эпохи ранней бронзы – Ямалык (Килуновская М.Е., 1990). Фигуры животных (быков, лошади, барана) нарисованы гематитом и охрой. Рисунки Ямалыка могут быть сопоставлены с рисунками с грота Саальтын в Гобийском Алтае, а также в пещерах в окрестностях города Алтая, Синцзян-Уйгурском автономном округе Монголии, которые также датируются энеолитом (Варенов А.В., 1998, с. 89–90).

С 2006 г. мы начали проводить исследования в урочище Чайлаг-Хем, в бассейне р. Элегест. Рисунки располагаются на южных склонах горного хребта, спускающихся к р. Хендерге. Нами был обследован хребет на площади приблизительно 2,5–3 кв. км. Петроглифы занимают только вертикальные поверхности и обнаружены на высоте от 1350 до 1400 м над уровнем моря. Зафиксированы рисунки на трех склонах, разделенных глубокими поросшими густым лесом ущельями. Они располагаются ярусами (3–4 яруса в каждом скоплении). Всего исследовано около 50 групп и более 100 плоскостей. Все рисунки нанесены на скалы техникой глубокой выбивки. Часто встречаются многофигурные панно (в скоплении протяженность одного панно 5 м), где изображается шествие зверей и сцены охоты. Они относятся к эпохе бронзы и скифскому времени. Здесь наибольший интерес представляют выючные быки и олени с большими древовидными рогами, выполненные в особой манере. Интересно изображение сцены с колесницей, лучниками и женщиной в центре. Уникально изображение лодки и фигуры животных, показанных сверху. Есть рисунки верблюда, запряженного в арбу, птиц, рыб, выдры. Богат пласт тюркских рисунков: воины с луками, с флагами и копьями, в рогатых и островерхих шлемах.

Интересно, что в Туранской котловине, где находятся многочисленные памятники скифского времени и знаменитая долина царей, петроглифы в настоящее время пока известны только на хребте Бегреда (Килуновская М.Е., 2002, с. 136–141). Здесь на одной плоскости представлена композиция, включающая атрибуты и образы, характерные для оленных камней: кинжал, нож-акинак, всадник, олени с клювовидными мордами, козлы, хищники и кабан. В конструкции кургана Аржан-2, который раскопан К.В. Чугуновым (2004, с. 33–35), были использованы плиты с рисунками, выбитыми в стиле петроглифов.

В таежных районах Тувы (Тоджинском и Каа-Хемском) местонахождений рисунков пока не известно. Здесь не проводились целенаправленные поиски. Планомерный поиск и изучение памятников наскального искусства в Туве продолжается, и главной задачей мы считаем паспортизацию и мониторинг, с целью сохранения и учета памятников культуры. Второй задачей является картографирование петроглифов с учетом их хронологии и этнокультурной принадлежности, что позволит изучить динамику формирования культурных ландшафтов Тувы.

Ю.И. Ожередов

Томский государственный университет, Томск, Россия

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ
СКУЛЬПТУРЫ В СОМОНЕ УМНЭ-ГОВЬ УБСУНУРСКОГО
АЙМАКА ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ**

Археологической экспедицией Томского государственного университета в 2006 г. в Убсунурском аймаке Западной Монголии, примерно в 13 км к юго-востоку от сомонного центра Намир, сомона Умнэ-Говь (другие его названия – Умнэ-Гобь, Умнэ-Гоби), расположенного на р. Намирын-Гол, был исследован комплекс археологических и этнографических памятников (координаты – 48°58'44,1''; 91°44'29,1'') (рис. 1).

Особо привлекает внимание хорошо продуманная ландшафтная привязка данного комплекса, располагающегося в округлой, закрытой низкими выровненными горами долине, близ горы Шара-Булгийн-Онц. К северу, западу и востоку имеются проходы в соседние долины и выход на широкую равнину, окружающую оз. Хара-Ус-Нур. По меридиану ее режет узкое, но местами глубокое, сухое в конце лета, русло малой речки с родниковым питанием под южным бортом долины. Возможно, сюда подходит пересыхающая нижняя часть р. Шара-Булак. В периоды полноводья речка, видимо, вливается в р. Намирын-Гол, расположенную в рельефе значительно ниже нее. На это же указывает азимут сухого русла, направленного вниз, в сторону р. Намирын-Гол.

Объекты историко-культурного наследия располагаются на правом берегу речки, вдоль которой проходил караванный путь с юга через Котловину Больших озер к хребтам Русского Алтая и в Южную Сибирь. В настоящее время это грунтовая автомобильная дорога к сомонному центру Намир и далее на северо-запад к оз. Ачит-Нур и границе с Россией. На указанной территории располагаются приблизительно 82 объекта разной типологической принадлежности.

По предварительной оценке, комплекс включает памятники четырех хронологических периодов – ранних кочевников, ранних тюрков, средневековых монголов и культовые сооружения (обо и туры) этнографического времени. Памятники двух первых периодов включают статуарные объекты двух типов: стелы-балбалы с рисунками на поверхности и антропоморфные изображения на вертикально установленных обработанных каменных блоках. Последние по своему характеру весьма близки к круглой тюркской скульптуре, но тем не менее по ряду формальных признаков не могут быть так названы. Первые установлены внутри каменных поминальных оградок, другие за их пределами у восточных стенок. Те и другие рисованными или лицевыми сторонами развернуты к востоку (в одном случае – к северо-востоку).

К сооружениям ранних кочевников предположительно относятся низкие каменные насыпи в круглых и квадратных оградах с размерами от 4x4 до 31x32 м и ориентированные по сторонам света. Некоторые из них оснащены угловыми камнями-балбалами. Отдельные ограды внутри сплошь замощены или забутованы мелким камнем.

Вероятно, именно с ними синхронны поминальники из необработанных вертикально стоящих камней (от 1 до 4) в каменных оградках. Камни, безусловно, не подвергались детальной обработке, однако были формализованы в вертикальные изваяния, что свидетельствует о намеренной выработке удлиненной формы. Едва ли древние устроители поминальников могли постоянно выбирать такие формы среди природных обломков, тем более в таком количестве как они представлены в данном месте, где встречено пять поминальных оградок с 11 крупными балбалами-стелами и более десятка менее крупных камней-балбалов в углах больших оград. Деление балбалов на два такого рода подразделения достаточно условно, так как до конца неясно, какие функции они выполняли в том и другом случае и допустимо ли такое их деление при условии функционального и идейного совпадения.

На двух стелах, расположенных в разных оградках, обнаружены контурные контррельефные изображения, нанесенные точечной выбивкой.

Оградка №1 (рис. 2.-1) ($48^{\circ}58'44,1''$; $91^{\circ}44'29,1''$). Прямоугольная ограда (5,5x1,2 м) из каменных блоков, уложенных на ребро, и разделенная перемычками на четыре почти правильно квадратных в плане отсека. В двух отсеках стелы повалены, последний пуст, но стела лежит снаружи за его пределами, а в третьем по счету с юга плита из серого гранита сильно наклонена к земле. Длина последней 185–190 см, ширина на разных участках 35–50 см, толщина 20–22 см. На широкую плоскость, обращенную на восток, выбивкой нанесены в ряд (сверху вниз) три рисунка. Два первых – знаки-тамги.

Первый выполнен в форме остроугольной цифры «8» с размерами 20x11 см. Из средней узкой части-перехвата в сторону отходит слегка изогнутый луч длиной 13 см с треугольником на конце. Ширина линий 0,5 см, глубина не более 2 мм. Похожая тамга имеется на плите раннетюркского памятника Шивет-Улан (Войтов В.Е., 1996, рис. 55).

Второй знак выбит довольно слабо, поэтому предварительно может быть интерпретирован в форме линии с крючками на окончаниях, разверну-

Рис. 1. Карта-схема расположения археологического комплекса р. Намирын-Гол (Убсунурский аймак, Монголия)

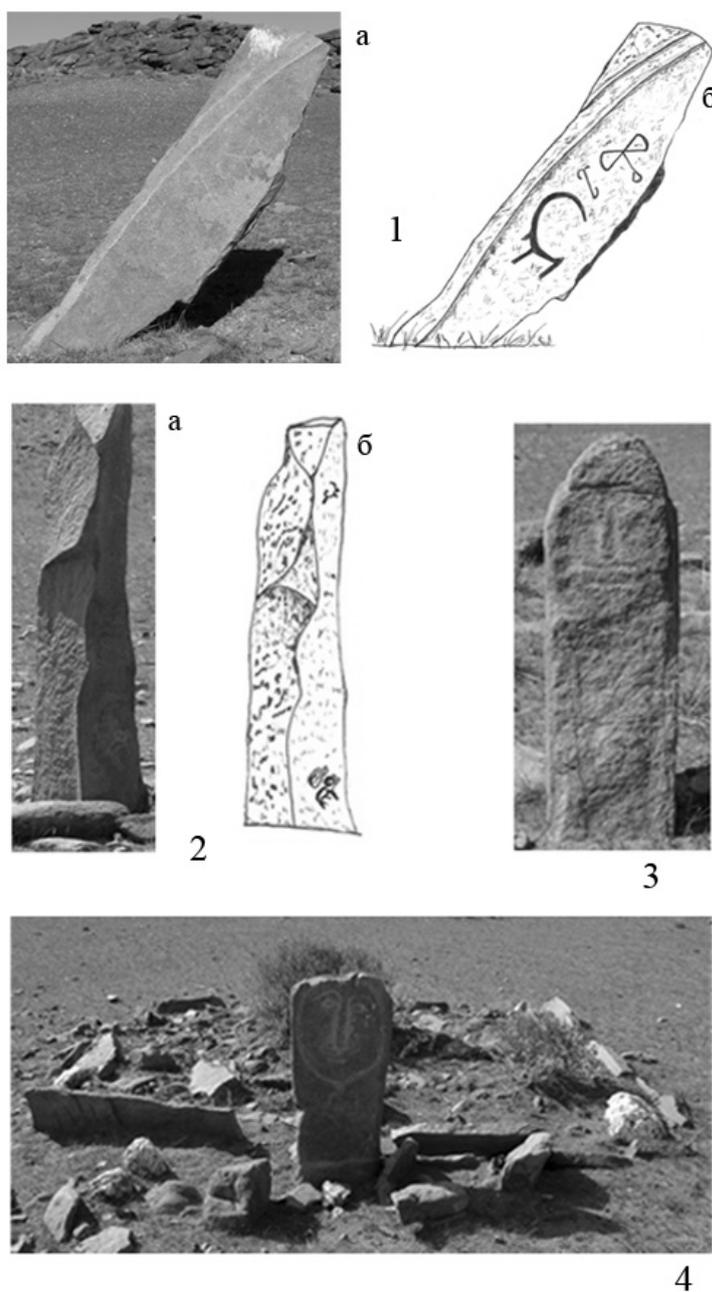

Рис. 2. Обнаруженные объекты: 1 – оградка №1, стела; 2 – оградка №2, стела;
3 – оградка №3, изваяние; 4 – оградка №4, изваяние

тыми в противоположные стороны. С одного конца короткой слабой линией, возможно, обозначен второй крючок, что придает знаку форму, подобную графеме якоря. Длина тамги 20 см, ширина 4 см. Глубина выбивки 1 мм.

Ниже знаков редкой и слабозаметной выбивкой изображена профильная фигура горного козла с высокими и круто загнутыми рогами. Высота животного 31 см, длина туловища 16 см, высота рогов 18 см.

Оградка №2 (рис. 2.-2) ($48^{\circ}58'42,3''$; $91^{\circ}44'28,9''$). Две квадратные ограды (2,5x2,5 м) из каменных блоков, уложенных на ребро, сооружены на расстоянии менее 1 м одна от другой по линии Ю–С. Между ними посередине длины установлен балбал высотой около 50 см. Стела в северной оградке повалена, а в южной установлен четырехгранный приостренный кверху камень высотой 130 см.

На узкой грани, обращенной к ССВ, сверху нанесено изображение серьги в форме несомкнутого овала с бусиной на короткой оттяжке и двумя «шипами» на дужке. Диаметр серьги 6 см, длина оттяжки 4,5 см, а длина «шипов» 2 см. Ширина линий 0,5–1 см, глубина выбивки не более 1 мм. Серьги такого типа известны в памятниках тюрков раннего средневековья. Вместе с тем данное изображение похоже на небрежно выбитую профильную фигурку горного козла. Вопрос интерпретации пока открыт.

В самом низу стелы выбивкой показана профильная фигура горного барана на четырех ногах и с круто изогнутыми массивными рогами, как бы поднимающегося вверх. Размеры фигуры 16x9 см, глубина выбивки не более 1 мм. Выше расположен неясный силуэт рогатого животного, тип которого определить не удалось. Возможно, олень. Размер изображения 9x5 см.

Оградка №3 (рис. 2.-3). Возле предыдущей оградки располагается другая с поваленной стелой. Но примерно в 1,5 м от восточной ее стороны снаружи установлена каменная «баба», обращенная лицом на восток. Скульптура выполнена на обработанном с лицевой и боковых сторон серо-гранитном блоке высотой в наземной части 90 см, максимальной шириной 28 см и толщиной 18–20 см. Верх изваяния приострен, лицо выделено выбивкой, что придает голове вид в головном уборе. Скульптура плохо сохранилась из-за выветривания камня, поэтому детально ее описать не удалось. Изображение изготовлено способом рельефной выбивки. На лице (размерами 27x27 см) отражены глаза, нос, усы (?), рот, клиновидная борода. Голова не выделена, но под бородой пробита линия, как бы дифференцирующая туловище. На корпусе слабо видна согнутая в локте правая рука держащая, видимо, сосуд. Глубина рельефа в пределах 0,5 см.

Привлекают внимание две косые полосы, просматривающиеся на головном уборе. Они сильно напоминают наклонные линии, обычные для лицевой части оленных камней. Если в дальнейшем такого рода догадка подтвердится, то можно говорить о переделке тюрками оленного камня в собственное изваяние.

Оградка №4 (рис. 2.-4) ($48^{\circ}58'44,2''$; $91^{\circ}44'31,6''$). Вторая каменная баба данного комплекса находится к СВ от вышеописанных изваяний и стоит снаружи у восточной стенки каменной оградки с размерами 3x2,5 м. Как и первая, она обращена лицом на восток. Изваяние представляет собой серо-гранитный блок, скругленный сверху и сужающийся книзу: высота 90 см, ширина вверху 43 см, внизу – 34 см, толщина в пределах 16–20 см.

На фронтальной плоскости, символизирующей фигуру человека, контррельефом глубиной до 2–3 мм показана несоразмерно крупная по сравнению с самим блоком-туловищем контурная личина (46x38 см), к которой перемычкой вниз присоединен прямоугольник, а еще ниже сплошной выбивкой показан пояс шириной

2 см. Личина стилизованного обобщенного типа достаточно хорошо прорисована, хотя и не отличается художественными достоинствами. Стилистически рисунок абсолютно примитивен. Показаны миндалевидные глаза, круто изогнутые брови, переходящие в контур длинного прямого полноватого носа. Ниже располагается маленький рот и, вероятно, усы над ним.

Несколько необычной выглядит фигура под личиной, которая соединена с последней перемычкой длиной 3 см. Это контурный подпрямоугольник высотой 9 см и шириной 13 см. Аналогов в литературе ему пока обнаружить не удалось. Единственным графическим знаком, расположенным под личиной, который найден, является двойной ромб на оленном камне из Чодмон сомона в Монголии (Волков В.В., 2002, табл. 67.-1). Сообразуясь с существующими в литературе объяснениями, даваемыми знакам подобного рода на культовом литье из Сибири, они могут символизировать душу или сердце человека.

К востоку от изваяния протянулась линия из 21 камня-балбала, которые первоначально были вкопаны в грунт. Некоторые по-прежнему занимают вертикальное положение, другие лежат на поверхности или углублены в нее.

Предварительный анализ изобразительных памятников, выявленных близ горы Шара-Булгийн-Онц, пока не достаточен для полного освещения вопросов культурной и хронологической принадлежности всех перечисленных объектов. Прежде всего такая неопределенность распространяется на изваяния-балбалы, несущие изображения. Подобные по форме стелы, но со специфическими знаками, характерными лишь для оленных камней, Ю.С. Худяков (1987, рис. 4.-1, 2; 7.-1) выделил в отдельную группу, причем характерную только для Монголии. На стелах описанных в работе таких знаков нет, поэтому по формальному признаку они не могут быть отнесены к «олненным» камням. Вместе с тем отмеченные на них знаки соответствуют тамгам, известным у тюрков и их последователей на данной территории. Поэтому на современном этапе исследования считаем возможным принять версию появления изображений на стелах-балбалах в более позднее время, нежели время собственно их установки, и связать ее со временем сооружения тюркских поминальников с «бабами». Косвенным аргументом для данной интерпретации могут служить наклонные линии на головном уборе одной из «каменных баб». Возможно, и установка каменных баб рядом с готовыми оградами прежнего времени не противоречила тюркским поминальным обрядам, в ходе которых могли перебиваться или даже в целом виде использоваться оленные камни предшествующих времен.

С.Г. Платонова, А.Н. Назаров

Институт водных и экологических проблем СО РАН, Барнаул, Россия

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭПИЦЕНТРАЛЬНОЙ ЗОНЫ ДОЛИНЫ р. СОГОЛ-ГОЛ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ*

Анализ сейсмического потенциала региона показал, что зоны Западной Монголии, генерирующие землетрясения-катастрофы с магнитудой $M = 8,0$, протягива-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Интеграция» (проект Э 0179) и НП «Университеты России» (проекты ур.09.01.001 и ур.09.01.006).

ются в районы Горного Алтая России, где способны продуцировать землетрясения с магнитудой $M = 7$ (Рогожин Е.А. и др., 1995). В результате комплекса сейсмогеологических работ в приграничных районах Монголии на северо-восточных склонах Монгольского Алтая в долине р. Согол была исследована одна из таких зон.

Структурная позиция эпицентральной зоны долины р. Согол-Гол определяется расположением в пределах участка контрастных сочленений новейших морфоструктур, в структурном узле сочленения активного субширотного разлома, контролирующего долину реки и вышедшего на поверхность в восточной части изучаемой территории древнего сейсморазрыва Сагсай север – северо-западного простирания. Последний проявлен в пределах полосы длиной до 35–37 км, шириной до 50 км и характеризуется предположительно правосдвиговым смещением вдоль главных сместителей (Землетрясения..., 1985).

Сейсмичность территории начала века определяет серия умеренных по силе толчков с $M = 3,1-4,9$ (2002–2004 гг.). Известным сильнейшим землетрясением в пределах эпицентральной зоны р. Согол-гол было сейсмическое событие 1938 г. с магнитудой $M = 6,6$ (интенсивностью 8 баллов) (Геншафт Ю.С., 1990). Видимо, это событие привело к формированию деформаций поверхности сейсмогравитационного ряда в пределах сужающегося коленообразного субширотного отрезка долины р. Согол-гол, расположенного в 6 км юго-восточнее п. Джалгаз-Толгой. Здесь, на правом борту реки на протяжении почти 5 км отмечена серия мелких оползней и относительно крупный фронтальный обвал-оползень сложного механизма формирования.

Полученные данные опытных лихенометрических исследований свидетельствуют об одноактности схода оползней и оползня-обвала. Лихенометрическое датирование проводилось по методике, представленной А.А. Галаниным и В.Н. Смирновым (1995), по лишайникам вида *Acavospora gabiensis* Н. Magn. (определение к.б.н. Е. Давыдова, Алтайский госуниверситет, Барнаул) на двух участках, удаленных друг от друга на расстоянии 3 км. На восточном участке (у выхода из узкой части долины) на одном из мелких оползневых тел на площади около 2000 м² было сделано 220 измерений; на западном участке (в центральной части оползня-обвала) на площади 5000 м² – 300 измерений. По результатам замеров выявлен максимальный диаметр талломов лишайников, который составляет 52,87 мм на восточном участке и около 60 мм – на западном. Разница в максимальных диаметрах незначительна и отчасти может быть объяснена недостаточностью выборки.

Морфологически обвал-оползень представлен стенкой отрыва, деформирующей крутой борт (20–50°) долины реки в приводораздельной части хребта с абсолютной высотой 2660 м и относительным превышением над руслом реки 640 м. Формирование обвала-оползня начиналось как отрыв верхней крутой части склона, сложенной девонскими хлоритовыми сланцами. При перемещении в движение по механизму скольжения были вовлечены рыхлые склоновые отложения четвертичного возраста средней и нижней частей склона. Таким образом, перемещение масс, начавшееся как обвал, завершилось как оползень. Сложный механизм образования нашел отражение в строении аккумулятивного тела: нижняя часть разреза (мощностью 8–12 м) сложена палевыми склоновыми суглинками

с мелким обломочным материалом, верхняя часть (мощностью 0,5–2,5 м) – крупноглыбовым коллювием.

Аккумулятивное тело обвала-оползня в плане представлено «языками» более мелких тел и достигает 2 км. Максимальный «язык» характеризуется шириной 700 м. Смещенный материал перекрыл 0,8–1-метровую и 5-метровую аллювиальные террасы. Характер взаиморасположения оползневых и аллювиальных отложений можно наблюдать в нижней части склона у вреза воды.

Рельеф поверхности деляпсия – ступенчатый, а пределах отдельных ступеней – бугристо-западинный. Тыловой шов обвала-оползня, как правило, перекрыт материалом более поздних, обычно не зафиксированных растительностью осыпей. Повсеместно развиты наложенные суффозионно-просадочные и эрозионные формы. При большой ширине обвал-оползень характеризуется небольшой длиной (50–150 м) и сравнительно небольшим объемом оползших масс – около 4–5 млн. м³.

В.С. Ревякин, А.В. Егорина, Ю.В. Козырева, Н.В. Ревякина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

АЛТАЕ-САЯНСКИЙ ИНТЕРРЕГИОН В СУДЬБАХ КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Огромная по площади область внутреннего стока Евразии в координатах 12–61° с.ш. и 31–122° в.д. в соответствии с ее макрорельефом разделена на несколько ороклиматических ареалов, расположенных в высотном диапазоне от –392 м (Мертвое море) до 4963 м (г. Аксайчинкель). Замкнутость и удаленность от океанов определили господство здесь преимущественно степных, пустынных, лесостепных ландшафтов, в разных вариациях формирующих кормовую базу кочевого животноводства.

Орографические барьеры многократно усложняют пространственно-временную структуру «кормящих» ландшафтов (по Л.Н. Гумилеву), их биоразнообразие и многоцветную палитру процессов взаимодействия природы и человека на разных этапах становления кочевой цивилизации.

Наше исследование посвящено анализу Алтае-Саянской горной страны как геосистеме, вместивший один из многих вариантов кочевого бытия в Центральной Азии, в ее северной половине.

Площадь горной страны в естественно-исторических границах (Ревякин В.С., 2001) равна 1,7 млн. км² и занята четырьмя государствами – Россией, Монголией, Китаем и Казахстаном. Будучи частью Урало-Монгольского тектонического пояса, Алтае-Саянская горная страна унаследовала черты прошлых тектонических событий на фоне затянувшегося орогенного этапа развития. В условиях постоянного давления платформенных областей с севера и юга это отразилось на интенсивности неоген-четвертичных подвижек, расколовших огромный свод на ряд разноподнятых блоков и межгорных понижений. Следствием этих процессов являются современные устройства территории, включающей остатки древних поверхностей выравнивания, высоко-, средне- и низкогогорья, а также днища межгорных котловин и участки проявления недавнего вулканизма.

Значительные широтно-долготные различия горной страны, находящиеся в полосе атлантического влияния на фоне орографического устройства, обеспечивают большое разнообразие ее климатических и биогеографических условий.

Главная черта климата горной страны – господство в течение круглого года антициклонического приземного поля, максимально выраженного в центре ядра Монгольского антициклона, расположенного к югу от географического центра материка в Убсунурской котловине. Антициклон, по сути, является дирижером погодных процессов (Егорина А.В., 2003), протекающих во взаимодействии с зональным переносом воздушных масс. Отсюда неравномерность увлажнения, отчетливо выраженные инверсионные эффекты, и, самое главное, высокая степень континентальности климата холодной половины года. Расчеты значения индекса зимней континентальности (АСо) показали его максимум для центра антициклона (8,89) и минимум для центра северо-западных окраин горной страны (Ревякин В.С., 1981).

В пределах горной страны проходят несколько значимых границ разного рода и ранга, по своему определяющих специфику «кормящих» ландшафтов: мировой водораздел, граница многолетних мерзлых пород, контактные полосы: лес – пустыня, границы речных бассейнов, ботанико-географические и др. Во флоре экорегиона насчитывается более 3700 видов высших растений из 138 семейств, большая часть которых составляет основу кормовой базы животноводства. Высокая доля эндемичных, редких и исчезающих растений определяет важность мероприятий по их охране и мониторинговым исследованиям. Растительный покров региона, представленный лесами, степями, лугами, высокогорными тундрами и болотами, в настоящее время значительно изменен деятельностью человека (Биологическое..., 2003). Исследование растительности в бассейне р. Песчаная (Козырева Ю.В., 2006) показало всю сложность и проявление этой деятельности и ее оценки.

В пределах интеррегиона развитие цивилизационных процессов проходило на фоне проявления естественных, социально-экономических и геополитических факторов: глобальное потепление, аридизация, урбанизация, глобализация и др. Процессы колониальной экспансии, смена (неоднократная) собственников земли, разрушение веками существовавших семейных и культурных традиций, смена стилей жизни привели к сокращению ареала кочевой цивилизации.

Объективными источниками сведений о динамике природных систем в горной стране за последние 12 тыс. лет (голоцен) являются ледники и озера, связанная динамика которых позволяет хотя бы приближено обрисовать ритмику и направленность биоклиматического процесса, определяющего, в конечном счете, характер и особенности кочеваний как в лесных, так и в степных, и полупустынных, и пустынных геосистемах (халхи, алтайцы, казахи).

Активизация, с одной стороны, усилий государств по развитию экономики – строительство гидроэлектростанций, дорог, трубопроводного транспорта, рекреационного природопользования и естественное неприятие варварства по отношению к природе малочисленными народами горной страны, с другой – становятся источниками всевозможных разномасштабных конфликтов. Их преодоление зависит от согласованных действий властей и населения в рамках бассейновых соглашений, межгосударственных договоров при решении вопросов природопользования на трансграничных территориях.

М.В. Танкова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧУЙСКОГО ТРАКТА В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

В мировой практике историко-культурное наследие используется чрезвычайно широко в различных сферах жизни общества. Многие объекты являются символом, своеобразной визитной карточкой ряда стран. Указывая на глубокие корни и богатую историю того или иного народа, они повышают престиж страны, региона, конкретного населенного пункта. Во многих странах туризм в значительной степени базируется на использовании культурного наследия и включает в себя посещение древних памятников, музеев, памятных мест и пр.

Алтай сегодня является перспективным туристским регионом, красочные пейзажи и культурно-историческое наследие которого ежегодно привлекают большое количество туристов. Одним из наиболее ярких и запоминающихся мест Алтая является Чуйский тракт, самая знаменитая дорога, дающая выход России в Монголию. Чуйский тракт считают воротами в туристский мир Горного Алтая, который позволяет без труда добраться за сотни километров к исходным пунктам многочисленных маршрутов.

Официально Чуйский тракт берет свое начало в старинном сибирском городе Бийске и на всем протяжении, более 600 км по горам и перевалам, долинам и полупустыням, сконцентрировал в себе не только красоту и мощь природы Алтая, но и большое количество уникальных археологических и исторических памятников. Наиболее ранние из археологических памятников относятся к древнекаменному веку, самые поздние – к эпохе средневековья, т.е. хронологический диапазон их широк настолько, что может позволить проследить всю историю Алтая на протяжении многих тысячелетий. Степень насыщенности древностей Горного Алтая позволяет считать именно Чуйский тракт главной магистралью, по которой осуществлялась миграция населения с эпохи палеолита. Среди археологических памятников известны различные типы: поселения и городища, курганы и могильники, наскальные изображения и каменные изваяния, остатки древних оросительных систем и дорог.

Складывающиеся тысячелетиями комплексы археологических памятников занимают иногда значительные площади. Для обозначения подобных территорий в археологической литературе используется ряд терминов: «историко-ландшафтная зона» (Мартынов А.И., 1992; Пряхин А.Д., 1993), «археологическая территория», «уникальная археологическая территория» (Пряхин А.Д., 1993). Наиболее семантически емким представляется термин «историко-ландшафтная зона», так как он содержит важнейшие для предмета обозначения признаки: гармоничность существования археологических (исторических) объектов в природной среде; определенная степень сохранности природного фона (ландшафта), в каком складывались и развивались древние этносы. По преимуществу приспособленный характер существования древних не нарушал природного равновесия. Именно поэтому археологические объекты искусственного происхождения (курганы, городища, изваяния

и др.) адекватно воспринимаются лишь на фоне сохранившихся ландшафтов. Но, к сожалению, в результате воздействия естественных и антропогенных факторов степень сохранности первозданного природного фона историко-ландшафтной зоны, безусловно, оставляет желать лучшего. В наше время ежегодно утрачиваются десятки памятников истории и культуры не только вдоль Чуйского тракта (у сел Туэкта, Каракол, Курата, и др.), но и на Алтае в целом.

Проблему сохранения историко-археологических ландшафтов на Алтае можно решить только путем создания музейно-заповедных зон, музеев археологии под открытым небом, которые давно стали основой в мировой практике развивающейся системы современного туризма. При таком подходе археологические ландшафты могут быть сохранены, а экономический эффект их использования с учетом специфики и исторической значимости будет значительно выше, чем при использовании археологических ландшафтов в хозяйственных целях с их неминуемым исчезновением (Мартынов А.И., 1995). Важно подчеркнуть, что туристская деятельность не вредит, а, наоборот, содействует созданию условий действенной охраны археологического наследия от разрушения человеком и силами природы.

В связи с наметившимся приоритетным развитием индустрии туризма на Алтае нужны безотлагательные меры по сохранению и частичному использованию в туристских целях заповедных зон, исторических ландшафтов и памятников. В качестве примера предполагается использовать шведский опыт многоуровневой музеефикации для целей экологического туризма, а также уже накопленный опыт использования культурного наследия в сфере туризма в России (Новгород, Псков, Челябинская, Кемеровская области и др.). Имеется и некоторый опыт использования археологических объектов в туристских целях и на Алтае (Денисова пещера, курганы в долине р. Сентелек, археологический парк «Перекресток миров», Чултоков лог и др.).

Представляется необходимым объявить вдоль Чуйского тракта заповедными историко-ландшафтными зонами:

1. Территорию археологических памятников, расположенных у с. Туэкта. Основу комплекса составляют большие «царские» курганы скифского времени. Всего памятник включает 197 курганов и большое количество балбалов и выкладок.

2. Комплексы уникальных археологических памятников в долине р. Каракол, с курганами энеолита, скифской эпохи, средневековья, с уникальными петроглифическими комплексами Бичикту-Бом и др., составляющими единый природно-исторический комплекс.

3. Приоритетными объектами для создания музеев под открытым небом является петроглифический комплекс «Калбак-Таш», насчитывающий более 5 тысяч рисунков разных эпох.

4. Район высокой левобережной террасы вблизи впадения р. Большой Яломан в Катунь. Там зафиксировано большое количество сооружений на восьми погребально-поминальных комплексах (Яломан-I–VIII). Поблизости обнаружены городище, курганы, петроглифы и другие объекты.

5. Комплекс археологических памятников, расположенных в долине р. Юстыд в Чуйской степи. Включает сотни разновременных памятников: палеолитические

местонахождения, курганы, оградки, изваяния, наскальные рисунки, гончарные и железоплавильные печи и т.д. Всего раскопано более 60 объектов, большинство которых принадлежит эпохе раннего железа.

6. Локальными объектами, но меньшими по площади, требующими также сохранения в виде простой музеефикации (щиты с пояснениями, указатели и др.), могут быть выделены: урочище Чултоков Лог, курганный могильник Балык-Соок, Ининские стелы, крепость Бичикту-Кая, наскальные рисунки Чуй-Оозы, Чуйский оленный камень (Адыр-Кан), Куэхтонарские печи и др.

Археологи неоднократно предлагали осуществить музеефикацию этих мест (А.И. Мартынов, П.И. Шульга, В.И. Молодин и др.). Немаловажным фактором здесь являются, кроме уникальности этих памятников, достаточная доступность для посещения благодаря близости Чуйского тракта. Из-за хорошей дорожной привязки этих ландшафтов их музеефикация будет недорогой. Так, А.И. Мартыновым в 1997 г. был предложен проект археологического музея-заповедника «Каракол», это должен быть музей открытого типа как природно-археологический, расположенный на территории с. Каракол – Бичикту-Бом – Боочи до каменных курганов пазырыкского типа. Разумеется, для создания подобных музеев потребуются немалые усилия, однако существует опыт, вполне применимый к нашим условиям и позволяющий с наименьшими затратами ощутить посетителю свою сопричастность древности.

На древнейшей коммуникации Алтая – Чуйском тракте – сохранились как элементы древней истории археологические памятники, так и объекты, свидетельствующие об истории строительства тракта в конце XIX – начале XX вв., которые в настоящее время еще не достаточно используются в целях познавательного туризма, но также нуждаются в сохранении. Наиболее интересные из них:

1. *Участок колесной дороги начала XX в. на перевале Чике-Таман*, представляющий собой конно-тележную тропу, угол и кривизна поворотов, градус подъема которой не оставляют сомнений, что это не автомобильная дорога. На Чике-Тамане сохранился и участок автодороги постройки 30-х гг. XX в. с щебеночным покрытием, по которой еще совсем недавно проходил транспорт. Все участки можно наблюдать с современной дороги перевала.

2. *Участок колесной дороги начала XX в.* с подпорной и оградительной стенкой, выполненной сухой кладкой из дикого камня между устьями рек *Большой и Малый Яломан*. К этому участку можно подняться пешком в районе Большого Яломана от автотрассы и пройти по склону горы. В районе Малого Яломана есть уникальный участок, который иллюстрирует историю дороги за последние 200 лет (участок современной автомобильной трассы, участок с каменной подпорной стенкой 1930-х гг., участок колесной дороги начала XIX в. и вьючная тропа).

3. *Участок старой дороги на Белом Боме*, где хорошо сохранились оградительные стенки из дикого камня длиной в несколько сот метров. С этого участка, расположенного на склоне горы над современной автодорогой, открывается прекрасный вид на долину р. Чуи.

4. *Подвесной мост через р. Катунь постройки 1936 г. инженера С.А Цаплина у с. Иня*. Этот мост имеет уникальную конструкцию двухцепной подвесной системы,

которая применена при строительстве данного моста впервые в мире. Мост вошел в советские учебники по мостостроению, монументальные труды по архитектуре мостов. Мост Цапина был закрыт для проезда в 1970 г. с введением в строй нового капитального моста через Катунь и сохранился как пешеходный. Ни охраной, ни консервацией, ни тем более реставрацией этого уникального архитектурного сооружения никто не занимался. Мост имеет несомненную историческую и архитектурную ценность (Матушина С.Ю., 2004).

5. *Усадьбы и торговые дома купцов-чуйцев конца XIX – начала XX вв.* Отдельного внимания заслуживает роль бийских купцов в развитии и строительстве Чуйского торгового пути. В г. Бийске и в отдельных селах на Чуйском тракте сохранились постройки того времени, например, дом-усадьба купца Попова в с. Шебалино, на месте которой можно воссоздать жилой и хозяйственный комплекс одного из первых предпринимателей на Чуйском тракте.

В концепциях музея нового типа историко-культурные памятники рассматриваются не как отдельные объекты. Новый музей – это историко-экологический музей-заповедник со всеми прилегающими к нему историко-культурными ценностями: ландшафтом, археологическими, историческими памятниками и памятными местами, действующими музеями, сохранившимися традиционными промыслами и предметами быта – всем тем, что составляет культурный потенциал данной местности и может быть организовано и использовано как историко-культурная среда.

Таким образом, для сохранения историко-культурного наследия Чуйского тракта и его прилегающей территории приоритетными являются следующие направления – создание историко-культурных и ландшафтных заповедных зон и организация на их основе музейных комплексов с целью развития историко-культурного туризма.

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

М.Т. Абдулганеев, Н.Ф. Степанова

*НПЦ «Наследие», Алтайский государственный университет, Барнаул;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ БИЙСКОГО ЭТАПА ПОСЕЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЕ-2*

Исследованию керамики посвящено огромное количество работ. Значение изучения керамики общеизвестно и не нуждается в дополнительных комментариях. Однако информацию от этой категории находок можно получить значительно в большем объеме. Для этого необходимо проводить не только традиционные исследования форм сосудов, орнаментов, но и технико-технологические, а также рассматривать полученные данные с целью решения таких вопросов: изготавливали посуду только для нужд собственной семьи или для поселка, когда стало развиваться ремесленное производство? Большинство исследователей по разным причинам подобных вопросов не ставят. Цель данной работы – привлечь внимание именно к этому аспекту изучения керамики. Полученные результаты носят предварительный характер и при дальнейшем изучении будут уточнены, дополнены, конкретизированы.

Для изучения выбран керамический комплекс с поселения Енисейское-2, полученный из одного жилища. Поселения не относятся к закрытым комплексам, но данный случай исключительный и одновременность сосудов не вызывает сомнений (Абдулганеев М.Т., 2007). Само поселение относится к заключительному, бийскому этапу большеберченской культуры переходного времени (Абдулганеев М.Т., 1991; 1993; Шамшин А.Б., 1989; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2005, с. 66–67). Керамика Енисейского-2 представлена двумя основными типами сосудов: плоскодонными баночными и круглодонными чашами (рис. 1). Развалы сосудов большей частью неполные, хотя встречаются и целые экземпляры.

Баночные сосуды закрытые, преимущественно вытянутых форм, достаточно больших размеров: диаметр венчика до 38 см, высота до 32 см (всего 14 экз.). Орнаментирована только верхняя часть изделия. Обычно это два ряда жемчужника, разделенного уголко лопаточки, почти всегда каждый ряд дополняется прочерченной линией сверху. Встречены и другие варианты орнаментации: жемчужник с разделителем в сочетании с рядом уголкового вдавления; два ряда жемчужника с разделителем и между ними ряд уголкового вдавления, жемчужник с разделителем и ниже – два ряда уголкового вдавления; жемчужник с разделителем и выше – косые резные линии. К этому типу близок приземистый баночный сосуд на небольшом поддоне, украшенный рядом жемчужника с разделителем, ниже которого располагается гребенчатая сеточка, ограниченная рядом уголкового вдавления (Абдулганеев М.Т., 2007, рис. 3–5).

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №06-01-00510а).

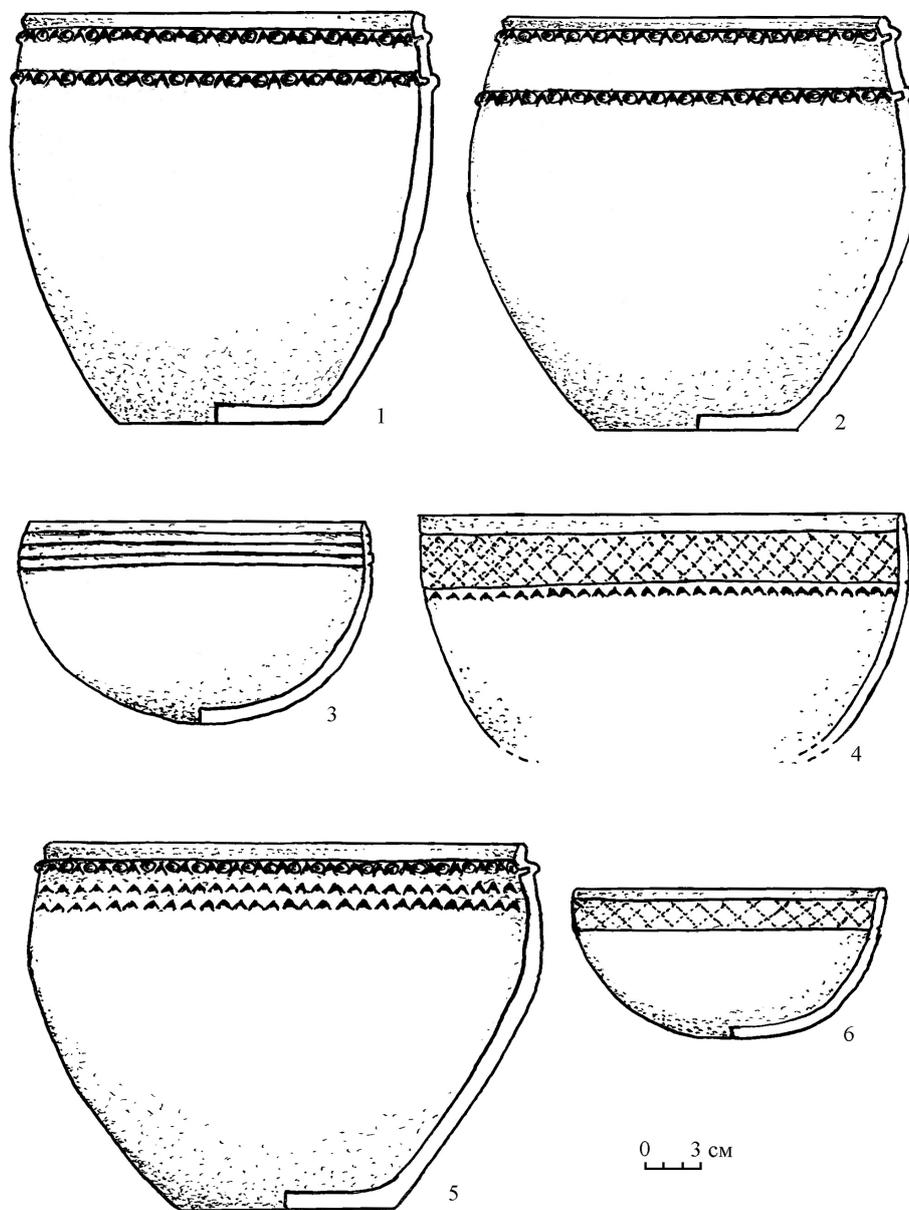

Рис. 1. Сосуды из жилища 1 поселения Енисейское-2: 1, 2, 5 – банки; 3, 4, 6 – чаши

Чаши открытые (13 экз.) большей частью небольших размеров (диаметром венчика не более 20 см и высотой до 14 см). Одна неорнаментированная чашка имеет небольшие размеры, другая, плоскодонная, диаметром 26 см, высотой 6,5 см. Прочерченными линиями украшены еще две чаши. Остальные имеют более богатую орнаментацию: сеточка или елочка, образованные оттисками гребенчатого инструмента. Отпечатки зубчатого штампа дополняются горизонтальными резными лини-

ями сверху и снизу. В пяти случаях еще ниже находится ряд уголкового отпечатков. Одна чаша украшена наклонными оттисками зубчатого штампа, поверх которых – три горизонтальные резные линии. Все исследованные образцы от чаш, на которых имеются отпечатки зубчатых инструментов, украшены разными орнаментами. В одном случае отпечатки штампа очень напоминают отпечатки веревочки. По сравнению с другими этот инструмент имел более широкий рабочий край. Необходимо отметить, что орнаментация двух типов сосудов частично совпадает. Это в первую очередь резные горизонтальные линии и ряды уголкового вдавления.

Как видно, сосуды различаются между собой по многим признакам, и возникает вопрос: с чем это связано. Ответы на него могут быть различными: 1) изделия предназначались для разных целей; 2) разные традиции в изготовлении связаны с гончарами, их изготовившими. Если верно последнее предположение, то возникает вопрос: почему в одном жилище оказались сосуды, изготовленные разными мастерами. Ответить на эти вопросы невозможно без технико-технологических исследований.

Проведены предварительные исследования фрагментов керамики от 20 сосудов из этого жилища. Изучены формовочные массы и исходное сырье, способы орнаментации, проведено предварительное исследование конструирования сосудов. Анализ исходного сырья и формовочных масс, проведенный по методике А.А. Бобринского (1978; 1999), показал, что для изготовления сосудов использовались ожелезненные пластичные глины, содержавшие в качестве естественной примеси бурый железняк (включения округлой формы). В одном случае сосуд изготовлен из сильноожелезненной глины. Сырье в основном различается по количеству и размерности бурого железняка. Оно было взято из нескольких источников, которые очень сходны между собой по всем признакам.

В глину добавляли дресву (ее получали в результате дробления гранитов, содержащих слюдистые породы) и в нескольких случаях жидкую органику. Органика зафиксирована во всех фрагментах, однако количество ее незначительно и характер определить затруднительно. Частицы дресвы различаются по размерности и количеству. В большинстве случаев они от мелких до крупных, значительно реже только мелкие и средние, и в одном случае зафиксированы лишь мелкие частицы. Концентрация дресвы колеблется от 1:2 до 1:4. Незначительные отличия, зафиксированные в формовочных массах и исходном сырье, могут свидетельствовать, что сосуды изготовлены из разных замесов и разными гончарами, но в рамках одной культурной традиции как в отборе исходного сырья, так и составления формовочных масс.

Чаши тонкостенны и более тщательно заглажены по сравнению с баночными сосудами. Стенки чаш отличаются большей плотностью. В целом более нарядными они выглядят не только из-за орнамента, но и обработки поверхности. Различия в обработке поверхностей наблюдаются как между горшками и чашами, так и между чашами. Некоторые чаши подверглись лощению. Многие из них дополнительно были обмазаны жидкой глиной.

Отмеченные различия свидетельствуют о разных навыках изготовления керамики и о том, что посуда изготавливалась разными мастерами. По-видимому, мате-

риалы поселения Енисейское-2 позволяют говорить о специализации в производстве посуды. Не исключено, что в одном доме (или семье) изготавливали кухонную посуду, в другом – столовую. Возможно, обмен производился в пределах поселка. Здесь нельзя не отметить многочисленные следы починки, особенно чаш. Известно, что сосуды в древности берегли и чинили, когда это было возможно. Однако на поселении Енисейском-2 это отмечено в первую очередь для чаш.

Наличие двух типов посуды в одном жилище имеет важное значение. На одних памятниках эти два типа керамики встречаются часто (Абдулганеев М.Т., 1993, рис. 2; и др.). Подобные типы посуды характерны и для хронологически более ранних памятников, которые оставлены населением генетически связанным с населением, оставившим памятники типа Енисейское-2 (Грязнов М.П., 1956, с. 75–76; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2005, рис. 5, 21, 23, 34; и др.).

Наличие двух типов посуды должно иметь объяснение. М.П. Грязнов (1956, с. 75–76), анализируя материалы большереченской культуры большереченского этапа, выделял две основные формы сосудов, которые различаются между собой и по ряду других признаков, в том числе и технологии изготовления. Он отмечал, что два разных способа изготовления керамики вызваны не наличием двух типов гончарного производства – на рынок и для домашнего потребления, а лишь тем, что маленькие чашки было удобнее формовать из небольшого кома глины (Грязнов М.П., 1956, с. 76). Т.Н. Троицкая (1990, с. 115), анализируя керамику переходного периода с поселения Ближние Елбаны-1, где имеется посуда, похожая по форме и размерам, отмечает, что по назначению посуда делится на столовую круглодонную диаметром 8–14 см и кухонную, круглодонную и плоскодонную диаметром 15–40 см.

В случае с посудой поселения Енисейское-2 объяснение разных способов изготовления сосудов тем, что чаши было удобнее изготавливать из одного комка глины, невозможно. Чаши с Енисейского-2 изготавливались не из одного комка глины, а из глиняных лоскутков, которые, по-видимому, накладывались на формы-основы. Керамика с поселения Енисейское-2 (жилище 1), по-видимому, также подразделяется на столовую и кухонную. Однако сделана она разными мастерами, что, скорее всего, связано с тем, что уже была специализация в изготовлении посуды. Происходил ли обмен изделиями в пределах только одного поселка или нескольких, пока говорить преждевременно. Для этого нужны дальнейшие исследования.

П.П. Азбелев

*НИИ комплексных социальных исследований
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия*

О ВЕРХНЕЙ ДАТЕ ТРАДИЦИИ СООРУЖЕНИЯ ТАШТЫКСКИХ СКЛЕПОВ

Споры о таштыкской хронологии идут давно. Начальная дата склепов – V в. н.э. – установлена благодаря исследованиям А.К. Амброза (Амброз А.К., 1971, с. 120–121; Вадецкая Э.Б., 1999, с. 119–129) и в целом подтверждена уточняющим эти выводы анализом типогенеза таштыкских пряжек (Азбелев П.П., 1992а). Это

согласуется с гипотезой Д.Г. Савинова (1984, с. 40–47) о соотносимости культурного комплекса большинства таштыкских склепов с раннекыргызским «владением Цигу», известным по древнетюркским генеалогическим преданиями, а также с выводами С.Г. Кляшторного (1965) о ранней истории племени ашина, переселившегося в Южную Сибирь после 460 г. Можно считать установленным, что таштыкские склепы строились со 2-й половины V в., и правомерно считать эти памятники раннекыргызскими. Однако исследованиями таштыкской культуры пока что не затронут вопрос о длительности бытования склепной традиции с учетом исправленной нижней даты.

«Чаатасовские» традиции, определяющие специфику кыргызской культуры, хотя и наследуют в отдельных элементах таштыкские, но в целом, как реализованный на местном материале комплекс идей, – привнесены, всего вероятнее, в пору существования сирского эльтеберства на Енисее (630–640-е гг.). Таштыкские склепы в течение некоего времени сосуществовали с кыргызскими оградами в рамках единой культуры, судя по всему, как памятники рядового населения (в отличие от аристократических погребений под оградами со стелами и воинских всаднических могил). Кыргызское общество этой поры выступает как сложная этносоциальная иерархическая структура, в политическом устройстве ориентированная на центральноазиатскую традицию «степных империй», но демографически и во многом культурно основанная на местном таштыкском субстрате.

Прямых археологических данных для решения вопроса о длительности существования этой структуры (и, значит, о том, как долго строились таштыкские склепы) очень мало. Внутренняя хронология оград на чаатасах, определяемая посредством корреляции эволюционных рядов, построенных независимо для конструкций оград и орнаментов ваз, показывает, что на III этапе развития этих элементов кыргызской культуры в устройстве могил происходят изменения: стандартом становятся деревянные внутримогильные конструкции, прежде свойственные только склепам, а теперь рудиментарно воспроизводящие подобие склепа в сооружениях иного рода (на чаатасах в Гришкином логу, Абаканском, Перевозинском, Сырском и др.; в могилах ранних чаатасов деревянные конструкции либо незначительны, либо отсутствуют). Эта интеграция разнородных традиций позволяет говорить о глубоких культурных, социальных и демографических трансформациях на Среднем Енисее. Археологически определяется лишь самая общая дата этих перемен: VIII – первая половина IX в.

К тому же периоду относятся и другие культурные изменения в минусинских котловинах: здесь появляются свидетельства как западных влияний, так и непосредственного присутствия мигрантов с Западного Алтая и Восточного Казахстана. На чаатасах и других среднеенисейских могильниках есть целая серия впускных инокультурных могил; яркий и опубликованный пример – впускные погребения на могильниках Сабинка-I и Кирбинский лог (Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д., 1988). Того же происхождения и редкие находки на Среднем Енисее изваяний, похожих на древнетюркские. Их считали таштыкскими, но С.В. Панкова (2000) убедительно обосновала некорректность такого определения и, опираясь на разбор системы образов и реалий, заключила, что эти изваяния «современны

ряду тюркских памятников», причем их следует считать «периферийными по отношению к большинству памятников» древнетюркской скульптуры, т.е., проще говоря, вторичными. Уточняя и конкретизируя этот вывод, следует подчеркнуть следующее: минусинские изваяния выполнены не скульпторами, а петроглифистами, стремившимися в привычной им технике воспроизвести виденные ими (или известные им по словесным описаниям) образцы древнетюркской круглой скульптуры, и являются дополнительными вещественными свидетельствами известных по различным источникам контактов кыргызов с карлуками, кимаками и, возможно, другими западными соседями.

Следует указать и курганные могильники со всадническими погребениями; традиция погребений с конем для Минусинской котловины – несомненно чужая, и появление таких могил на кыргызской территории с VIII в. (до того это единичные комплексы со спорными датами) указывает на приток нового населения. Сравнительно частые находки в этих могилах гончарных кыргызских ваз или их лепных имитаций, а также размещение части этих могил на чаатасах под сооружениями, выполненными в рамках чаатасовской традиции, говорят о том, что мигранты с запада не были завоевателями: они интегрировались в местную этнокультурную среду, становясь постепенно ее органической частью (Азбелев П.П., 1992) и вместе с тем понемногу обновляя, трансформируя кыргызскую культуру.

К общей (можно сказать, стадиальной) одновременности указанных процессов (появление таштыкских склепных элементов в устройстве ям под оградами чаатасов, следы западных влияний в культуре и приток нового населения опять же с запада) следует добавить и известное противостояние кыргызов с уйгурами. После уйгурских набегов конца VIII в., по признанию уйгурского же источника, в кыргызской земле «не стало живых людей»; даже если это, как считал Л.Н. Гумилев (1967, с. 415), хвастовство в назидание прочим строптивцам, оно указывает, в каком стиле действовали уйгуры: они расправлялись с мятежными соседями, не стесняясь массового истребления жителей. В конце VIII в. внутренние дела в Уйгурском каганате шли плохо, Кутлуг только что возглавил государство и стремился его укрепить, а потому мятежи на окраинах должен был подавлять со всей решительностью, что во все времена означало прежде всего кровавую бойню, так что источнику, скорее всего, следует верить: карательный поход Кутлуга в 795 г. был для кыргызов страшным.

Таким образом, склепы прекратили строить в целом примерно в то самое время, когда кыргызы безуспешно восставали против уйгуров, а те отвечали им расправами, от которых минусинское население несло огромный урон; вероятно, можно говорить о демографической катастрофе в кыргызском обществе, когда сложились объективные условия для того, чтобы развитие одной из погребальных традиций пресеклось из-за критического сокращения числа людей, способных адекватно воспроизвести все требуемые ритуалы. При всей условности таких соотнесений (по совокупности данных и за отсутствием других вариантов) причиной угасания традиции склепов таштыкского типа небезосновательно признать карательные набеги уйгуров в конце VIII в., и условной верхней датой периода существования традиции погребения в склепах можно считать рубеж VIII–IX вв.; после этого таштыкские типы появляются в составе инвентаря лишь эпизодически и уже не образуют комплексов.

В конце VIII и на рубеже IX в. складываются условия и для фиксируемого археологически притока нового населения: кыргызским владельцам требовались воины, способные противостоять уйгурам, а местное население, судя по всему, было в глубоком демографическом кризисе. Письменные и археологические данные указывают, откуда енисейские кыргызы черпали силы для продолжения борьбы: это были кочевые общества востока Средней Азии и Алтая. На Среднем Енисее складывается новая система ритуалов, новая иерархия типов памятников, анализировать которую нужно уже с иных позиций.

М.Х. Алсабеков

Духовное управление мусульман Казахстана, Алматы, Казахстан

СУФИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ В КАЗАХСКИХ ИЗДАНИЯХ XIX – НАЧАЛА XX вв.

Материальная и духовная культура кочевников средневековья неразрывно связана с распространением ислама в южных регионах Казахских степей и развитием г. Туркестана – одного из важнейших (как в древности, так и в современности) духовных центров мусульман Центральной Азии. Этот город приобрел статус святыни и стал местом паломничества мусульман после смерти и захоронения в его величественном мавзолее поэта-суфия Ходжа Ахмеда Яссави. Мавзолей, являющийся одновременно и выдающимся архитектурным памятником средневековья, был специально построен над гробницей Яссави по приказанию среднеазиатского властителя Тимура.

Тюркоязычная мусульманская литература XIX – начала XX вв., издававшаяся в пределах царской России, имеет широкий тематический диапазон, и ее важнейшую часть составляют сочинения духовного содержания, из которой выделяется тематическая группа изданий суфийской поэзии. Если в большинстве своем религиозная тюркоязычная литература, в том числе казахская, включает сюжеты и мотивы известных мусульманских легенд и сказаний, коранических текстов, посвященных жизнеописанию основателя ислама Магомета, его последователей и сподвижников, описанию различных событий из истории распространения ислама, в частности, религиозных войн и походов, прославляющих мусульманство и победы ислама, то в сочинениях суфийской поэзии преобладает одно из аскетических направлений ислама.

Мусульманская духовная литература на казахском языке стала издаваться с 1-й половины XIX в. В числе первых сочинений, изданных на языке средневекового «тюрки» или так называемом джагатайском (чагатайском) языке, были книги средневековых поэтов-суфиев Ходжа Ахмеда Яссави и его ученика и последователя Сулеймана Бакыргани. Как известно, в XI–XII вв. учение суфизма на территории Средней Азии и Южного Казахстана получило большое распространение. Это мистико-аскетическое течение в исламе, в основе которого лежали идеи духовного слияния с божеством, истинного богопознания, отказа от сложной внешней обрядности, было близко по своему духу казахским кочевникам. Особенностью распространения учения была иносказательность выражения суфийских понятий, облекавшихся в поэтическую форму.

Яссави, уроженец города Ясы, как тогда называли город Туркестан, автор сборника изречений «Диван и Хикмат», получившего в то время огромную популярность. Суфийские традиции поэзии Яссави были развиты Сулейманом Бакыргани в прозаической форме. Сулейман Бакыргани, или Хаким ата («Мудрый отец»), родился в г. Туркестане, жил и умер в Хорезме (1186 г.). С. Бакыргани принадлежит к числу знаменитых тюркских шейхов – он четвертый преемник из четырех преемников Ходжа Ахмеда Яссави (эти четыре преемника были Мансур-ата, Саид-ата, Сулейман-ата и Хаким-ата). Бакыргани много лет учительствовал и наставлял народ после первых трех преемников. Местом его последнего пребывания был Хорезм, где он и скончался в поселении, называемом Ак-Курган. О жизни Сулеймана Бакырганского среди мусульман сохранилось такое предание (حكایت): «Хаким Ата во время детства своего, когда ходил в школу, тогда все мальчики носили Коран, повесивши его на свою шею, но Хаким Ходжа носил Коран, поднявши его на свою голову. И еще... Когда они возвращались из училища, то лица свои обращали к учителю, а спины свои – к своим домам (и таким образом) возвращались. В то время имя его было «Сулейман».

Назидания Бакыргани «Акыр заман», «Хаким ата», «Бакырган», аналогично стихам Яссави, были написаны простонародным доступным языком. Первые издания его сочинений вышли в 1846 г. в типографии Казанского университета. Сначала была напечатана «Акыр заман китабы» (1856, 1885), («Книга о последнем времени» или «последних днях»), т.е. книга о конце света или апокалипсисе. В сочинении поэт пишет о кончине мира по мусульманским и апокрифическим христианским источникам. Сочинение на казахском языке вышло в 1897 и 1906 гг. В 1906 г. книга вышла в двух различных изданиях, вначале в типографии «Т.Д. Братья Каримовы» (2000 экз.), затем в типографии Казанского университета (3000 экз.). Первое казахское издание сочинения наиболее полно по объему (96 стр.), однако тираж его был совсем мизерным – 150 экземпляров. В 1906 г. издания печатаются для широкого круга читателей в сокращенном варианте – по 16 страниц каждая.

По некоторым сведениям, Бакыргани – автор еще одной книги, изданной под заглавием «Тагы гажап» в 1856 г. в типографии Казанского университета (Жиренчин А., 1971, с. 42). Но это не совсем точно. Дело в том, что книга «Ахыр заман китабы» среди народа получила употребительное название «Тагы гажап» от повторения слов «Тагы гажап» в конце каждой из 49 строф, составляющих книжку.

В конце XIX в. вышло исследование под названием «Ахыр заман китабы = Мухаммеданское учение о кончине мира» (Книга о последнем времени или о кончине мира. Казань, 1897). Ее автором был протоиерей Евфимий Малов, который дает перевод содержания сочинения на 25 страницах: тексты идут параллельно на тюркском языке с русским переводом и примечаниями переводчика. Исследуя сочинение, Е. Малов приводит вначале данные об изданиях книги: «Книжка «Ахыр заман» составлена, как говорят мухаммедане, очень давно. Первые издания ее в Казани были в 1847 г. О распространении ее среди мухаммедан может свидетельствовать то, что в продолжение 10 лет, с 1855 по 1864 г., напечатано было этой книжки 9.600 экз., из этого можно заключить, что она как по содержанию, так и по внешнему изложению заслуживает того, чтобы имела такое продолжительное употребление

и широкое распространение» (Малов Е., 1897, с. 38). Объясняя устойчивый читательский интерес к книге, Е. Малов пишет: «Содержание этой книжки эсхатологическое, т.е. она говорит о последних временах, или о кончине мира, о признаках этой кончины, о всеобщем воскресении, суде и наконец о воздаянии после суда, по преимуществу же говорит эта книжка о том, какая судьба ожидает мухаммедан в будущей уже жизни, как будут судить мухаммедан, какое заступничество встретят мухаммедане со стороны Мухаммеда» (Малов Е., 1897, с. 40). Что касается языка сочинения, то, по словам автора исследования, «он, по обыкновению мухаммедан, вообще смешан с арабскими и персидскими словами». В примечании редактора читаем: «Да и сам татарский язык книжки не чистый: тут есть и формы среднеазиатские, и формы турецкие и др., можно полагать, что книжка первоначально была писана на среднеазиатском наречии тюркского языка (т.е. по-джагатайски) и что язык ее искажен впоследствии переписчиками, или даже казанскими издателями» (Малов Е., 1897, с. 38–39).

На джагатайском языке вышло и первое издание книги, известное под именем самого автора: «Бакырган» (или книга Сулеймана, родом из Бакыргана) (Казань, 1846). В сборнике имеются сведения по истории племен района Сырдарьи и Каратау, где обитали предки многих казахских родов. В течение многих веков эта книга Бакыргани служила учебным пособием во всех духовных школах-медресе Средней Азии и южных регионов Казахстана. На казахском языке книга «Бакырган» была переиздана в типографиях Казани шесть раз. В течение более полувека с 1846 по 1901 г. издавалась книга Бакыргани «Хаким ата» («Мудрый отец», или иначе – рассказ о мудром отце Сулеймане Бакырганском.

Значительно позднее стали издаваться книги самого Яссави, хотя он и был одним из основателей суфийской поэзии и учителем Бакыргани. Сборник изречений «Диван и Хикмат» на казахском языке печатался три раза (1896, 1901, 1912). Издание 1896 г. составлено по разным неизданным рукописям казанским ориенталистом И.Ф. Готвальдом и было уже четвертым по счету изданием сочинений поэта в Казани, причем значительно дополненным в сравнении с другими. Так, например, в третьем издании на татарском языке было 262 страницы с 134 изречениями, а в 1896 г. книга вышла объемом в 277 страниц с 148 изречениями и тиражом в 10000 экз. Издание 1901 г. было сокращено до 135 страниц. На казахский язык изречения Яссави были переведены казахским поэтом М. Тыныштыкуглы. Последнее издание изречений Яссави вышло в университетской типографии объемом в 262 страницы и тиражом в 3600 экз. Н.Ф. Катанов приводит такие сведения о поэте: «Автор изречений этого сборника – среднеазиатский мусульманский святой, умерший в 1166 г. и похороненный в местечке Яси, близ Туркестана. Имя его ходжа Ахмед, сын Ибрагима, внук Махмуда и правнук Ифтихара, Ясави. Содержание сборника нравственно-поучительного характера. Изречения ходжи Ахмеда Ясави декларируются обычно на сеансах дервишского ордена «джагрие» (Илийский край). Одно из предыдущих изданий перепечатано в 1881 г. в Константинополе бухарцем ходжем Шейх – Сулейман – Эфенди» (Катанов Н.Ф., 1897, №5).

Общее число изданий сочинений Яссави и Бакыргани, выпущенных на казахском и джагатайском языке, достигает 20 наименований.

В.А. Борисов

НПО «Древности», Гурьевск, Кемеровская область, Россия

ЗАХОРОНЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВОИНА ПО ОБРЯДУ КРЕМАЦИИ НА СТОРОНЕ В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ

Летом 2006 г. силами Гурьевского отряда Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции был исследован курган №1, входящий в состав могильника Бирюля-1. Памятник находится на территории Гурьевского района Кемеровской области, на западной окраине Кузнецкой котловины, вблизи восточных склонов Салаирского кряжа, в 3 км к востоку от поселка Бирюля и в 0,8 км к северу от автомобильной трассы, связывающей Кемеровскую область с Алтайским краем. Данный участок местности представляет собой пологий склон возвышенности, ограничивающей долину реки Ур с юга.

Могильник был открыт и первоначально исследован А.М. Илюшиным в 1998 г. Курганное поле, на котором визуально воспринимаются около 20 небольших, низких, неупорядоченно расположенных земляных курганов, протянулось на 300 м по направлению З–В и на 60 м по направлению С–Ю. Курган №1 находился на восточной периферии могильника и выделялся несколько более крупными размерами.

До начала раскопок курган №1 представлял собой земляное, задернованное всхолмление в плане округлой формы диаметром 11,5 м и высотой 0,4 м от уровня современной дневной поверхности. Вершина насыпи слегка уплощена. В центре находилась небольшая западина, являющаяся, вероятно, следом старого грабительского раскопа. Стратиграфия насыпи: дерн – 0,05–0,08 м; гумусированный суглинок темно-серого цвета – 0,12–0,24 м; перемешанный грунт, состоящий из темно-серого и коричневого суглинка, – 0,20–0,54 м; материк, представленный темно-коричневым суглинком, начинался на глубине 0,87–0,9 м от нулевой отметки.

В центральной части кургана, на уровне материка, прослеживалось могильное пятно овально-удлиненной формы размерами 1х0,52 м, ориентированное длинной осью по направлению З–В. Глубина могилы от уровня материка – 0,41 м. Заполнением могилы являлся перемешанный суглинок, а также древесные угольки и мелкие кальцинированные кости. Никаких вещей в могиле не обнаружено.

Все предметы погребального инвентаря находились под курганной насыпью на глубине 0,30–0,45 м от нуля, что соответствует уровню древней погребенной почвы. Из этого можно сделать вывод, что захоронение было совершено на древней дневной поверхности. Мелкие кальцинированные кости и древесные угли встречались по всей площади кургана, но наибольшее их скопление отмечено в юго-западном секторе. Под юго-западной полой насыпи, в 1 м от края кургана, находилась сильно обожженная задняя часть туши лошади с позвонками и костями таза, сохранившими анатомический порядок.

Основная часть вещевого погребального комплекса, включающего оружие, детали конского снаряжения и украшения его, воинской портупей, хозяйственный инвентарь, обрывки бересты, располагалась в юго-западном секторе кургана между могилкой и тушей коня. Меч-палаш, нож, наконечник копья, панцирная пластина и несколько наконечников стрел лежали компактной группой у южного края могилы,

при этом меч и нож были ориентированы клинками в северо-западном направлении, как и туша коня. Остальные вещи в беспорядке залежали по всей площади юго-западного сектора. Под восточной полой курганной насыпи, в 1,8 м от края кургана, были обнаружены челюсти лошади, не подверженные воздействию огня. Следов прокала под курганной насыпью не выявлено.

Железные предметы, найденные в кургане №1, имеют плохую сохранность. Это вызвано неблагоприятными условиями, которые создают тяжелые лессовые суглинки, преобладающие в Восточном Присалаирье. Многие вещи из бронзы деформированы в результате воздействия высокой температуры или расплавлены, некоторые сохранились во фрагментах.

К предметам вооружения дистанционного боя можно отнести 10 железных наконечников стрел, которые по способу насада являются черешковыми. Девять наконечников по сечению пера относятся к группе трехлопастных, а по форме пера – к шестиугольным, пятиугольным, асимметрично-ромбическим (рис. 1.-6, 9, 10–12, 18–20, 22) типам. Один наконечник по сечению является линзовидным, по форме – боеголовковым (рис. 1.-21).

Оружием ближнего боя является меч-палаш с односторонним лезвием, ладьевидным перекрестием и черешковым насадом (рис. 1.-1), железный проушной, трехгранный, узколезвийный, низкообушной топор (рис. 1.-2), железный наконечник копья с черешковым насадом, ромбический в сечении, удлиненно-треугольный по форме (рис. 1.-5).

К числу вспомогательных средств вооружения, которые могли использоваться и в хозяйственных целях, можно отнести прямой, с узким лезвием, слабо выраженным перекрестием и черешковым насадом железный нож (рис. 1.-4), а также железное узколезвийное, с несомкнутой втулкой, тесло без плечиков (рис. 1.-3). Комплекс защитного вооружения в кургане №1 представлен плоской панцирной пластиной (рис. 1.-7). В одной группе с оружием ближнего боя находился каменный брусок для заточки лезвий со следами выработки на одной из плоскостей (рис. 1.-8).

К разряду конского снаряжения относятся двукольчатые удила с кольцами, расположенными в одной плоскости (рис. 1.-14). Обломки железных предметов (рис. 1.-13, 15–17), возможно, также относятся к указанной категории предметов, как и массивная железная пряжка рамчатой конструкции (рис. 1.-24).

К принадлежностям одежды, украшениям конской сбруи и экипировки всадника относятся овально-рамчатая, цельнолитая бронзовая пряжка (рис. 1.-48), железные и бронзовые подчетыреугольные и овальные обоймы (рис. 1.-23, 25–29), бронзовый наконечник ремня (рис. 1.-49), железные и бронзовые ременные бляхи различной формы с растительным орнаментом и гладкие (рис. 1.-34, 35, 40, 41, 45, 46, 50, 52–63), бронзовые подвески сферической формы с прорезью (рис. 1.-36–38). Все бляхи крепились с помощью шпеньков, к которым с внутренней стороны ремня приклепывались шайбы круглой, квадратной формы или пластины различной конфигурации (рис. 1.-42, 44). На пальце руки погребенный воин носил бронзовое проволочное кольцо с несомкнутыми концами (рис. 1.-59).

Особого внимания заслуживает бронзовый тройник, не имеющий аналогов в средневековых памятниках Кузнецкой котловины. По трем сторонам раздели-

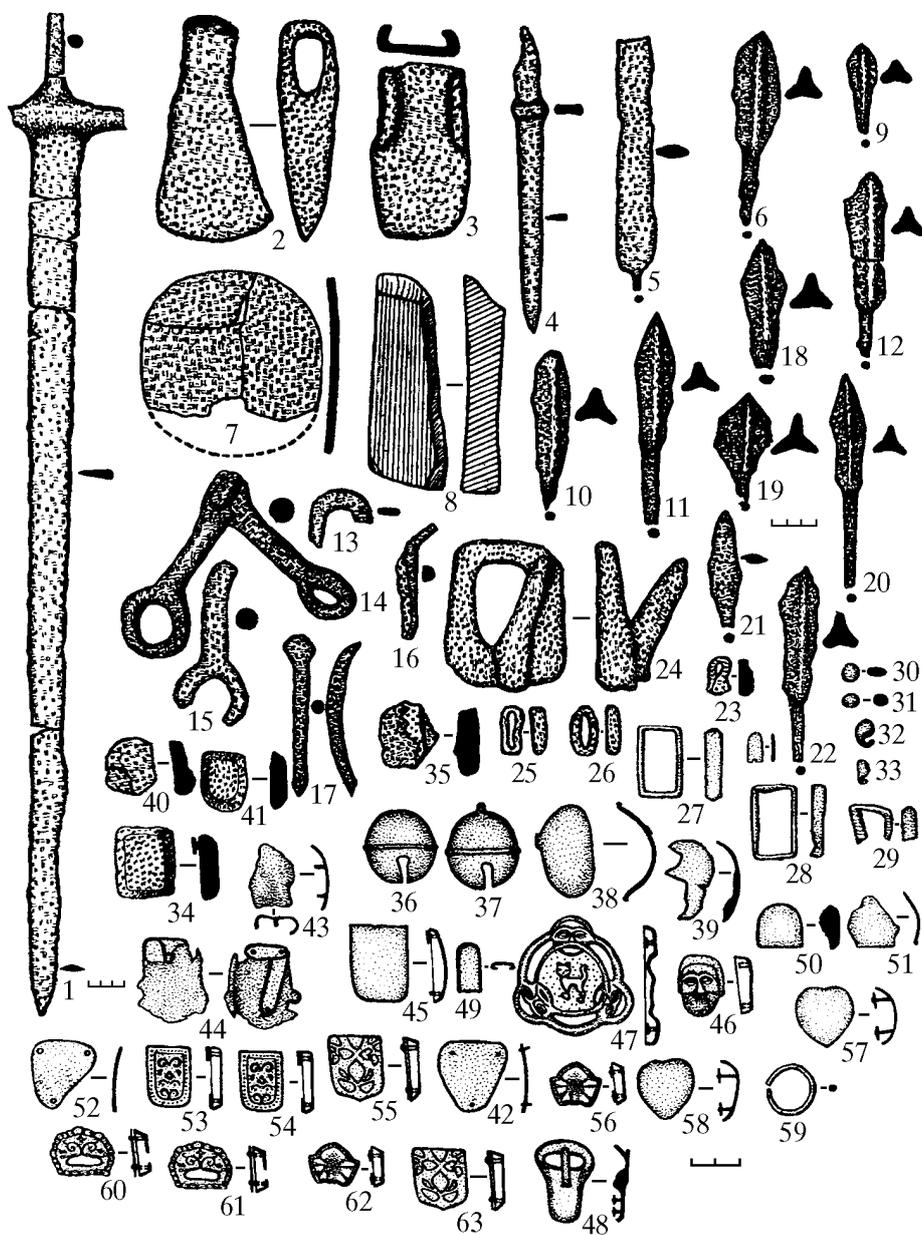

Рис. 1. Находки из кургана №1 могильника Бирюля-1:

1 – меч-палаш; 2 – топор; 3 – тесло; 4 – нож; 5 – наконечник копья; 7 – панцирная пластина; 8 – точильный брусок; 6, 9–12, 18–22 – наконечники стрел; 14 – двукольтчатые удила; 13, 15–17 – фрагменты железных изделий; 24 – пряжка; 23, 25–29 – обоймы; 30–33 – капли бронзы; 34, 35, 40, 41, 45, 46, 50, 52–63 – ременные бляхи; 36–38 – подвески сферической формы; 47 – тройник; 39, 43 – фрагменты бронзовых изделий; 49 – наконечник ремня; 48 – пряжка; 59 – кольцо. 1–7, 9–26, 34, 35, 40–42 – железо; 27–33, 36–39, 43–47, 48–51, 53–63 – бронза; 8 – камень

теля ремней расположены личины, изображающие мужчину с усами и бородой. В центре тройника находится рельефное изображение животного кошачьей породы (рис. 1.-47). Одна из бронзовых ременных блях также представляла собой личину, только несколько большего размера, копирующую изображение мужского лица на тройнике (рис. 1.-46).

Традиция погребения по обряду кремации на стороне на территории Кузнецкой котловины зафиксирована на 23 поминально-погребальных памятниках. Данные могильники, а также предметный комплекс 25 поселений стали основой для выделения А.М. Илюшиным саратовской археологической культуры, датируемой им первоначально концом V–XIII вв. (Илюшин А.М., 1999, с. 61–68; 2002а, с. 122–124). Культура получила свое название по могильнику Саратовка, открытому М.Г. Елькиным в 1952 г. в долине реки Ур на территории Гурьевского района (Елькин М.Г., 1953).

Впоследствии А.М. Илюшин расширил хронологические границы саратовской культуры, датировав ее концом V–XIV вв., и выделил четыре хронологических периода в ее функционировании (конец V – 1-я половина VIII вв., 2-я половина VIII–X вв., XI–XII вв., XIII–XIV вв.) (Илюшин А.М., 2005, с. 111).

Курган №1 могильника Бирюля-1 по способу погребения и характеру инвентаря аналогичен могильнику Саратовка и относится к саратовской археологической культуре (Илюшин А.М., 1999).

Отсутствие в захоронении костяных наконечников стрел, широко распространенных в первом периоде существования саратовской культуры и бытовавших во втором периоде, а также явно выраженный боеголовковый облик железных наконечников позволяют отнести этот вид оружия к третьему (XI–XII вв.) и четвертому (XIII–XIV вв.) периодам.

Палаша с ладьевидным перекрестием, железные проушные топоры и двукольчатые удила появляются во втором периоде существования саратовской культуры (2-я половина VIII–X вв.), хотя необходимо отметить, что топоры из кургана №1 являются низкообушными, что отличает их от высокообушных топоров, характерных для данной культуры. Единственный низкообушной топор, найденный в Кузнецкой котловине, происходит из захоронения по обряду ингумации с тушей коня, относящегося к XI–XII вв. Ко второму периоду относится также появление в могилах саратовской культуры панцирных пластин. Наконечники копий, ножи и тесла встречаются во всех периодах, но тесла без плечиков являются очень редкой находкой в захоронениях XIII–XIV вв.

Двукольчатые удила с прямым стержнем, обнаруженные в кургане №1, не характерны для саратовской культуры, в могилах которой господствуют витые двукольчатые удила. Бирюлинские удила имеют большее сходство с аналогичными удилами из захоронений по обряду ингумации с конем, относящиеся к XI–XIV вв. (Илюшин А.М., 2005, с. 82–83, 86–89, 91–94, 100–102, 104–105; табл. 3–5, 8, 9, 11, 13, 14).

Датировка кургана №1 могильника Бирюля-1 носит предварительный характер и требует дальнейшего изучения. На данном этапе исследования можно определить хронологические границы памятника как соответствующие третьему периоду существования саратовской культуры (XI–XII вв.).

А.В. Варенов

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

**КОНТАКТЫ АНЬЯНА С КОЧЕВНИКАМИ СЕВЕРА
(по инвентарю погребения Е9 большой могилы в Угуаньцунь)***

Раскопки в районе деревни Угуаньцунь проводились весной 1950 г. Руководил работой Го Баоцзюнь, из известных впоследствии специалистов участвовали Ань Чжиминь (будущий директор Института археологии АОН КНР) и Ма Дэчжи. Посещал эти раскопки и член-корреспондент АН СССР С.В. Киселев, находившийся в это время в Китае (Го Баоцзюнь, 1951, с. 3). В тот сезон было исследовано свыше 20 жертвенных захоронений и одна большая могила царского ранга, получившая индекс WKGM1. Расположена она ровно в 1 км к северу от деревни Угуаньцунь.

Большая могила WKGM1 делится на погребальную камеру, северный и южный дромосы. В центре прямоугольной в плане погребальной камеры располагался саркофаг, внутри которого находился гроб. Под гробом вырыт яо-кэн (поясничная яма) для закладной жертвы. При сооружении большой могилы WKGM1 сначала выкопали в материке дромосы и погребальную камеру, потом в ее центре венцы за венцом выкладывали стены саркофага, собранные из больших деревянных плах (Го Баоцзюнь, 1951, с. 10–12). По мере их сборки пространство между внешними стенами саркофага и стенами погребальной камеры заполнялось слоями трамбованной земли (хан-ту). Всего от дна погребальной камеры до высоты крышки саркофага и начала дромосов было уложено девять слоев трамбованной земли, образующих уступ (эр-цэн тай), в который и впускались сопроводительные захоронения, 24 – с западной и 17 – с восточной стороны погребальной камеры.

Поскольку гроб и саркофаг большой могилы были полностью разграблены еще в древности, а сопроводительных захоронений на уступе по бокам погребальной камеры в основном нет, они и представляют для нас наибольший интерес. Е9 – самое важное из сопроводительных захоронений, совершенных с восточной стороны погребальной камеры. Его длина 2 м, ширина 0,8 м; дно находится на глубине 4,5 м от современной поверхности земли. Костяк умершего, лежавшего головой на север, уже сгнил. Бронзовый инвентарь включал один клевец *гэ* в головах и два клевца *гэ* в ногах погребенного, там же, в ногах, располагались сосуд *гуй*, фляжка *ю*, кубок *гу*, бокал *цзюе*. Нож карасукского типа и «модель ярма» (ПНН) лежали справа от покойного, кости собаки – слева от него (рис. 1.-10). Погребение Е9 по богатству инвентаря превосходит все остальные впускные захоронения с восточной стороны могильной камеры. Опишем этот инвентарь, свидетельствующий о контактах с Севером (Го Баоцзюнь, 1951, с. 33–35).

Бронзовый «карасукский» нож найден в Е9 с правой стороны. У него выпуклая дугообразная спинка, вогнутое лезвие; конец рукояти увенчан большим кольцом правильной формы. По центру рукояти проходит выпуклое ребро, острие лезвия сильно сточено, похоже, что нож долго использовался. Общая длина ножа 23 см;

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Рособразования (проект РНП 2.2.1.1.2183).

Рис. 1. Инвентарь погребения Е9 большой могилы в Угуаньцунь:
 1 – нож; 2–4 – клевцы; 5 – «модель ярма» (ПНН); 6 – сосуд *гуй*; 7 – бокал *цзюе*;
 8 – фляжка *ю*; 9 – кубок *гу*; 10 – вид погребения Е9; 11 – надпись на сосуде *гуй*;
 12 – надпись на кубке *гу*; 13 – надпись на фляжке *ю*; 14 – надпись на бокале *цзюе*.
 Все – бронза. 1–10 – фотографии; 11–14 – протирки тушью. 1–9
 и 11–14 – один масштаб. Масштабирование выполнено автором

длина рукояти 8,9 см; ширина 2,2 см; диаметр кольца 3,5 см (рис. 1.-1). Бронзовая «модель ярма» (ПНН) найдена в Е9 тоже с правой стороны. Длинная центральная пластина сверху выпуклая, снизу вогнутая, в центре расширяется, к концам сужается, оба конца завершаются изогнутыми дугами, на конце каждой из дуг по прорезному круглому бубенчику, издающему при движении звон. Изделие украшено маской тао-те, размещенной прямо посередине центральной пластины с ориентацией верх-низ. Это означает, что «модель ярма» должны были использовать только в горизонтальном положении, т.е. так, как мы и предлагали в своей реконструкции (Варенов А.В., 1984, с. 46). Длина центральной пластины 22,4 см; общая длина ПНН с двумя дугами – 40 см; максимальная ширина пластины – 3,5 см; диаметр бубенчиков на дугах – 1,3 см (рис. 1.-5).

Один черешковый прямообушный клевец *гэ* найден в северном конце Е9. Он без бородки и прорезей, обух с круглым отверстием с обеих сторон украшен узором восьмилепесткового цветка, инкрустированным бирюзой. Тяжелое и толстое оружие практического применения. Прямой и ровный боек сохранил большую полосу отпечатка ткани, похоже, использовавшейся в повседневной жизни для обертывания конца лезвия. Полная длина 24,8 см; длина бойка 17,6 см; ширина бойка 5,8 см; длина обуха 7,2 см; ширина обуха 4,5 см; толщина 0,8 см (рис. 1.-4). Другой прямообушный клевец *гэ*, найденный в южном конце Е9, по форме полностью аналогичен вышеописанному, только обух у него без орнамента, да ширина бойка различается. Полная длина 24,6 см; длина бойка 17,6 см; ширина бойка 6,5 см; длина обуха 7 см; ширина обуха 4,7 см; толщина 0,9 см (рис. 1.-2). Проушной клевец *гэ* тоже найден в южном конце Е9. Обух у него украшен узором восьмилепесткового цветка, тыльная сторона бойка также сохранила большой отпечаток ткани. Толстое и тяжелое оружие практического применения. Общая длина 24,6 см; длина бойка 17,8 см; ширина бойка 6,4 см; длина обуха с проухом 6,8 см; ширина обуха 3,5–4,1 см; внутренний диаметр проуха 3,1 на 2,0 см; толщина 0,7 см (рис. 1.-3).

Бокал *цзюе* с длинным сливом, коротким «хвостом», короткими столбиками близ основания слива (рис. 1.-7). Район шейки украшен узором семи банановых листьев: одного спереди, одного сзади, двух слева (там, где крепится ручка) и трех справа. Кольцевой поясок орнамента на тулове с узором обращенных в разные стороны двух масок тао-те на фоне меандров, с выпуклыми глазами и носом-ребром, представляющим собой литейный шов, выступает над поверхностью сосуда. Шляпки столбиков украшены узорами спиралей. Надпись размещена внутри тулова (рис. 1.-14).

Кубок *гу* с широким огубленным устьем, узким горлышком, пузатым туловом и круглой кольцевой ножкой (рис. 1.-9). На шейке нанесен узор в виде четырех банановых листьев, узких, но длинных. Поверхность барабана тулова украшена двумя смотрящими в разные стороны масками тао-те, с четырьмя выступающими выпуклыми глазами и двумя литейными ребрами-носами. Ножка украшена узором четырех закрученных в кольцо драконов *куй*, а выше и ниже пузатого барабана тулова есть еще по пояску S-видных меандровых узоров из тонких линий. Надпись расположена внутри ножки (рис. 1.-12).

Фляжка ю с узким длинным горлышком, пузатым туловом, круглой кольцевой ножкой (рис. 1.-8). Максимальный диаметр тулова – близ дна. Устье закрыто крышкой, на плечиках расположены ушки, к которым крепится дугообразная ручка. Ручка и крышка соединены связкой-перемычкой, которая может свободно двигаться. На горлышке и ножке пояски сплошного меандрового узора, на горлышке, кроме того, есть две простых маски тао-ге, с четырьмя глазами и двумя ребрами-носиками (литейными швами), глядящие в разные стороны. По окружности крышки четыре группы взаимопроникающих треугольных S-видных узоров меандра. Шляпка столбика на крышке украшена узором водоворота. По ручке расположен узор ромбов, завершающийся на двух ее концах звериными головками, соединяющими ручку с двумя ушками на самом сосуде. Надпись расположена на донышке ножки (рис. 1.-13).

Сосуд для проса гуй с выпуклыми стенками и круглой кольцевой ножкой (рис. 1.-6). Устье его слегка отогнуто наружу, крышки и ушек нет, орнаментальный пояс на шейке делится на три сегмента. Прямо в центре каждого сегмента есть выпуклая зооморфная маска и четыре дракона куй, расположенные по два справа и слева от нее. Форма для отливки стенок сосуда состоит из трех частей, места их стыков находятся как раз там, где стыкуются сегменты орнамента на тулове сосуда. В районе стыка кольцевой ножки с туловом сосуда также есть маленькое отверстие, совпадающее с местом стыка литейных форм. Считается, что трехсегментный бронзовый сосуд гуй без ушек характерен для раннего периода существования Иньского городища в Аньяне. Поясок на ножке заполнен S-видными узорами. Надпись находится на донышке тулова сосуда (рис. 1.-11).

Четыре сосуда из Е9 с одинаковыми надписями найдены вместе. Го Баоцзюнь считал, что надпись на сосудах – это один иероглиф, означающий имя человека, погребенного в Е9, или имя мастера, отливавшего сосуда (Го Баоцзюнь, 1951, с. 15). По его мнению, надпись-эмблема представляет собой сочетание изображений щитка – мишени для стрельбы, или древка штандарта, клевца гэ и двух человек (Го Баоцзюнь, 1951, с. 35). Сейчас считается, что эти надписи состоят не из одного, а из двух–трех иероглифов и читаются, в зависимости от взаимного расположения их элементов, «Цзай Бэй Шань» или «Бэй Шань (Цзай)» (Шан-чжоуские бронзы, 1981, с. 45, 217–220). «Бэй» означает «север»; «Шань» используется в географических названиях, т.е. является топонимом; а «цзай» – глагол «ранить», причем древнекитайский, позднее III в. н.э. он не употреблялся. В целом надпись должна означать: «Ранен в Северном Шань (на севере, в Шань)» или «Ранил Северное Шань (Север в Шань)».

Что касается датировки Е9, то о ранней дате трехсегментных сосудов гуй без ушек мы уже писали. Бронзовый черешковый клевец гэ общей длиной 22 см, прямой обух которого украшен восьмилепестковым цветком, а общий контур тот же, что и у аналогичного оружия из Е9, был найден в марте 1953 г. при раскопках, проходивших в Народном парке г. Чжэнчжоу, в могиле С7М18, датированной ранним периодом эпохи Шан, т.е. до-аньянским временем (Шан-чжоуские бронзы, 1981, с. 15, 70). Десять дугообразнообушковых ножей с кольцевым навершием и ребром

по центру рукояти, очень похожих на нож, обнаруженный в Е9, встречены в могиле Фу-хао (М5) в Аньяне (Могилы Фу-хао, 1980, с. 102). Только уступ при переходе клинка в рукоять выражен у этих ножей не так сильно, и обушок клинка изогнут слабее. Возможно, тому причиной их меньшие абсолютные размеры – в среднем 13,5–14 см общей длины, а не 23 см, как у ножа из погребения Е9. Крупное круглое правильной формы кольцо навершия ножа, как в Е9, также считается относительно ранним признаком. Могила Фу-хао датируется рубежом XIII–XII вв. до н.э.

Н.А. Васильева

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

К ПРОБЛЕМЕ ВОТИВИЗАЦИИ ДЕРЕВЯННЫХ СОСУДОВ (по материалам могильника Кокэль)

Одной из традиционных категорий материальной культуры кочевых народов является деревянная посуда. Она известна не только по археологическим, но и этнографическим материалам.

При анализе захоронений скифского времени Саяно-Алтайского региона становится очевидным, что сосуды, изготовленные из дерева, были обязательным элементом сопроводительного инвентаря, независимо от социального уровня, пола и возраста погребенных, что, скорее всего, объясняется устойчивостью обычая класть еду покойному и популярностью этих предметов при кочевом образе жизни. Традиция помещать в погребения кочевников деревянную посуду продолжается и в последующую эпоху. Правда, в хуннуский период в качестве погребальной утвари часто выступает уже не настоящая (бытовая) посуда, а ее уменьшенные модели, имевшие, очевидно, ритуальное назначение.

Деревянная посуда в погребальном наборе хуннуского времени могильника Кокэль представлена шире, чем в предыдущий скифский период. По опубликованным материалам работ Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции (ТТКАЭЭ, 1960, 1966, 1970), насчитывается 260 деревянных сосудов или их фрагментов в 126 погребениях Кокэля хуннуского времени. Как правило, они находились в изголовье костяков, в специально отведенном отсеке. Среди них встречено 78 блюд (на четырех или двух ножках, на поддоне, без ножек); 19 круглодонных чаш, пять чашек с боковой кольцевой ручкой, одна чашка с боковой короткой четырехугольной в сечении ручкой; два ковша со вставной рукояткой; 9 ведерок (с «носиком» от стенки и от края); девять стаканов; один сосуд с расширенным кверху туловом с боковой ручкой; 37 бочонков; три «кувшинчика»; 51 ложка, лопатки, черпаки, мутовки; 12 берестяных цилиндрических сосудов (с круглым деревянным и берестяным дном); 2 цилиндрических деревянных сосуда. Также были найдены шкатулки (19) и пеналы (9), которые часто располагались рядом с деревянной посудой. Реальное количество предметов может быть иным, так как не каждый сосуд был проиллюстрирован или имел полное описание. Два экземпляра оригинальных бытовых сосудов – круглодонная чаша (КЭ-15) и берестяной цилиндрический сосуд (КЭ-26-XVI) – обнаружены в срубках скифского времени.

Двенадцать сосудов могильника Кокэль были изучены в хранении Отдела археологии МАЭ РАН*. При анализе публикаций и работе непосредственно с посудой можно говорить о том, что в погребениях находились как сосуды, которые могли быть использованы в быту, так и их уменьшенные копии, которые предназначались, очевидно, для ритуальных действий. Дальнейшая работа с материалами, возможно, позволит раскрыть с новой стороны рассматриваемые предметы.

Среди специально изготовленных для погребений моделей сосудов можно выделить предметы «личного» и «общего» пользования. По-видимому, многие из них могли служить емкостями для сакральных напитков. В предыдущую же эпоху такую роль играли обыкновенные бытовые предметы.

Деревянные сосуды, не встреченные в скифских могильниках Саяно-Алтая (бочонки, ведерки и др.), могли войти в обиход кочевников при переходе к более оседлому образу жизни или явились инокультурным заимствованием. Нельзя исключать и того, что в скифских погребениях представлены не все виды имевшейся в наличии деревянной посуды, а лишь необходимые для определенного ритуала**. Очевидно, мутовки, ложки и черпаки были знакомы скифам, так как единичные экземпляры найдены в пазырыкских захоронениях: Ак-Алаха-III (Полосьмак Н.В., 2001), Пазырык-5 (Руденко С.И., 1953). Впрочем, частота их встречаемости не идет в сравнение с погребениями хуннского времени. В этот период в погребения стали помещать не только предметы для потребления пищи, но и инструменты для приготовления ее. Женский погребальный набор увеличился за счет моделей шкатулок и пеналов, содержащих копии орудий для обработки кож и шкур (шило, скребок, щипчики и др.).

У многих народов мира принято класть те вещи, которые якобы будут необходимы покойному в другом мире, а также широко известен запрет на пользование имуществом погребенного. Обычно оставшиеся личные предметы умершего уничтожались (сжигались, ломались) (Литвинский Б.А., 1972, с. 108). Можно предположить, что нечто подобное происходило с личной посудой «кокэльца» после его смерти. Модели же сосудов «личного» и «общего» назначения, а также орудия производства, специально изготовленные и уложенные в могилу, вероятно, должны были создать знакомую обстановку, гарантировавшую умершим продолжение привычных занятий в ином мире.

Ближайшими аналогиями для посуды Кокэля остаются образцы утвари из погребений таштыкской культуры Хакасско-Минусинской котловины. Модели деревянной посуды найдены во вторичных грунтовых погребениях и склепах. При первичных грунтовых захоронениях клали бытовые деревянные сосуды (со следами починки), они помещались в момент погребения, в ногах покойного (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 41, 47). Вотивная деревянная посуда, обнаруженная в склепах и при перезахороненных останках, вместе с другими символическими принадлежностями,

---

* За возможность произвести осмотр деревянных сосудов из могильника Кокэль выражаю благодарность зав. ОА МАЭ РАН, к.и.н. Г.А. Хлопычеву и сотруднику ОА МАЭ РАН С. Бельскому. Предполагается дальнейшая работа.

** Деревянные чаны (бочки) описаны Геродотом (1972, с. 187): «После доения молоко выливают в полые *деревянные чаны*. Затем, расставив вокруг чанов слепых рабов, скифы велят им взбалтывать молоко».

по мнению Э.Б. Вадецкой (1999, с. 47), «...сопровождали покойного до захоронения в неких ритуалах, которые могли проходить в святилище или доме мертвого, после чего совершался акт погребения». К тому же деревянные и берестяные сосуды могли быть использованы как тара для мешочков с пеплом (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 91). Если в Кокэле комплект моделей деревянных сосудов сопровождал одного погребенного, то в Таштыкских захоронениях ритуальные принадлежности, в том числе и посуду, клали сразу всем покойникам (Вадецкая Э.Б., 1999, с. 103).

Однако среди сосудов Кокэля известны образцы, на поверхности которых красной краской нарисован геометрический орнамент, а в одном случае – черной краской фигурки птиц*, что подчеркивает, а возможно, и усиливает ритуальное назначение этих сосудов. Подобные абстрактные орнаменты как «символы смерти» известны из неолитических погребений Китая. Красные и черные цвета также имели ритуально-символическое значение (красный – цвет крови, жертвоприносящего элемента) (Васильев Л.С., 1970, с. 43). А в виде полета птицы в эпоху Инь и Чжоу представляли «отправление душ своих предков по их смерти на небо» (Васильев Л.С., 1970, с. 46). Кроме того, традиция моделировать сопроводительные вещи известна в Китае с V в до н.э., когда в погребения начали помещать минци** (Скарпаро М., 2003, с. 99). В эпоху династии Хань продолжалось использование предметов-символов, возможно, тогда в условиях китайского «протектората», «кокэльцы» восприняли подобную ритуальную практику, а вместе с ней и представления «о существовании души, отделенной от бренного тела» (Васильев Л.С., 1970, с. 45), и вытекающую из них обрядовую практику.

По материалам могильника Кокэль можно сделать вывод, что в хуннское время для ритуалов, в частности похоронных, использовали не только бытовую утварь, но и изготавливали специальную деревянную посуду, которая вошла в число votивных предметов погребального инвентаря, что, скорее всего, было обусловлено изменениями представлений древних кочевников о загробном мире. Продолжение работы с деревянными сосудами из погребений могильника Кокэль позволит более емко осветить культовые действия кочевников хуннского времени.

А.С. Васютин, Н.М. Зиняков, С.С. Онищенко

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

КРЕМИРОВАННОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НАЧАЛА II тыс. н.э. С КУЗНЕЧНЫМИ ИНСТРУМЕНТАМИ И СОПРОВОДИТЕЛЬНЫМ ЗАХОРОНЕНИЕМ ЛОШАДИ НА МОГИЛЬНИКЕ ПОРЫВАЙКА

Погребальный обряд и инвентарь курганного могильника Порывайка представляют значительный интерес в контексте проблем этнокультурной динамики

* Шкатулки: КЭ-32-В, КЭ-26-ХЛII. Бочонок – КЭ-11-ХЛVI.

** *Минци* – «духовные вещи»; созданные руками человека предметы материальной культуры большой символической значимости, изготовливавшиеся в основном из терракоты и глины, гораздо реже из металла и помещавшиеся в гробницы для воссоздания знакомой усопшему атмосферы и для удовлетворения его потребностей в загробной жизни (Скарпаро М., 2003, с. 286). Ремесленники центральных и южных регионов предпочитали дерево. Наибольший интерес представляют *минци* периода правления династий Хань и Тан (Скарпаро М., 2003, с. 99).

и культурной идентификации погребальных комплексов начала II тыс. н.э. на Верхней Оби и в бассейне Средней и Нижней Томи (Васютин А.С., Ширин Ю.В., 2002, рис. 12; Васютин А.С., Онищенко С.С., 2002, с. 32–34, рис. 1). Особенно информативными являются материалы из частично ограбленной могилы в кургане №8. Грунтовое кремнированное погребение в виде кучки кальцинированных костей располагалось у восточной стенки могилы (рис. 1.-А). Вдоль южной стенки могилы, отдельно от другого инвентаря (рис. 1.-1–4, 6–14), были специально уложены друг на друга железные кузнечные клещи и зубило (рис. 1.-6, 14).

Клещи из могильника Порывайка большие с вытянутыми губами и коленчатым уступом у шарнирного скрепления клещевин (рис. 1.-14). Для более прочного удерживания поковки концы губ расплющены. Общая длина клещей в *in situ* – 33 см, длина губ – 9 см, длина рукоятей до шарнира – 21 см, до колен – 18 см, рукояти выполнены из уплощенного прута шириной 1 см. Кузнечное зубило – это клинообразный режущий инструмент для рубки холодного и горячего металла, оно имеет форму уплощенного молотка с прямоугольным бойком и продольным, в отличие от топоров, клиновидным обухом. Это изделие отличает от топоров и молотков еще ряд признаков: небольшое овальное отверстие ближе к ударной части для деревянных рукоятей. У порываевского зубила оно металлическое, остатки железного прута зафиксированы в самом отверстии и в виде сильно коррозированной железной полосы длиной 5–7 см на месте рукояти. На бойке отчетливо видны закраины, образовавшиеся от ударов молота или кувалды. Общая длина зубила от края лезвия до бойка – 11 см, ширина лезвия – 2,7 см. Сам боек подпрямоугольной формы с заovalенными углами 2,5x1,9 см. В профиле это зубило имеет клинообразную форму с четырехгранным сечением, слабо изогнуто, в центре зубила, ближе к ударной части, имеется овальное отверстие не более 1 см в диаметре с остатками рукояти в виде железного двойного прута толщиной 0,5 см, выходящего за верхнюю границу втулки на 0,3 см. Площадка бойка, помимо указанных закраин и заусенец, имеет неровную поверхность, что указывает на длительность и интенсивность использования этого кузнечного инструмента (рис. 1–6).

В таком сочетании, чаще клещи–молоток, они известны в материалах Нарымского Приобья XIV–XVII вв. (Зиняков Н.М., 1997, с. 117). На Верхней Оби клещи и молоток известны в составе погребальных комплексов Новосибирского и Томского Приобья не ранее VIII в. (Беликова О.Б., Плетнева Л.М., 1983, рис. 75.-2; Плетнева Л.М., 1984, рис. 3.-8; 4.-1; 5.-8; Плетнева Л.М., 1997, рис. 38.-2, 3; 47.-4; Адамов А.А., 2000, с. 50, рис. 44.-11, 17).

Обнаруженные в могильнике кости лошади (рис. 1.-А) представляют собой фрагменты скелета свободных передних и задних конечностей, череп с первым шейным позвонком (атлантом). Захороненные конечности лошади содержат полный набор костей предплечья (локтевая и лучевая кости) и кисти (кости запястья, пясти и пальцев), голени (больше и малоберцовые кости) и стопы (кости заплюсны, плюсны и третьего пальца). Находятся относительно друг друга согласно их анатомическому положению в соответствующих конечностях, причем в расположении костей задних конечностей прослеживается характерный для лошадей изгиб этой части ног. Некоторые кости конечностей деформированы. Так, на поверхности ос-

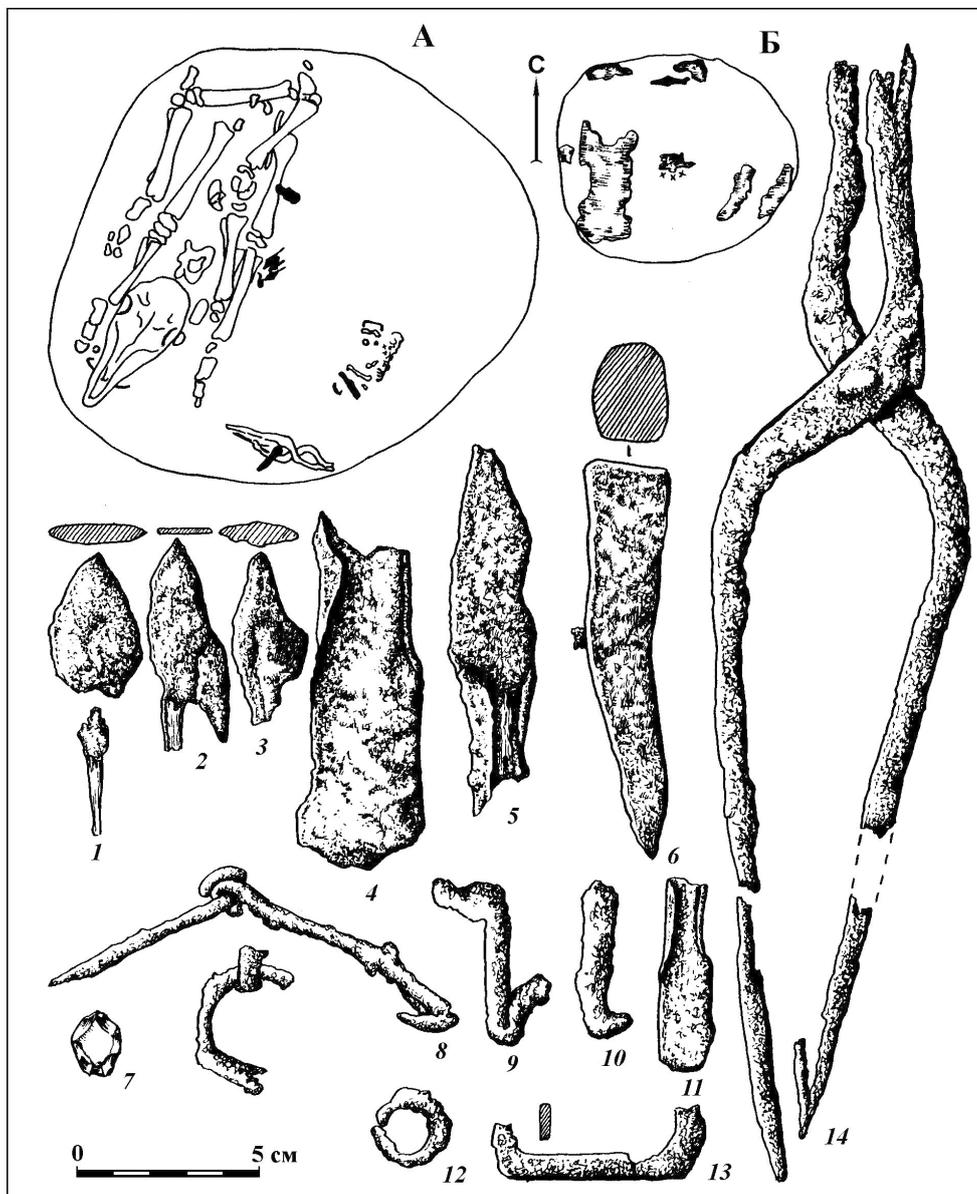

Рис. 1. Курганный могильник Порывайка на Средней Томи. Могилы с остатками трупосожжений и сопроводительным погребением «шкура коня».
А – курган №8, могила 1; Б – курган №16, могила 1. 3–5 – наконечники стрел; 4, 11 – тесла; 5 – наконечник дротика (кург. 16, мог. 1); 6 – зубило; 7 – обработанный камень из халцедона; 11, 8 – крюковые удила с остатками кольчатого псаля; 9, 10 – портупейные крюки; 12 – портупейное кольцо; 13 – скобовидное кресало; 14 – клещи. 3–9, 10–17 – железо; 10 – камень

новных костей пясти и плюсны в средней части (соответственно, третьих пястных и третьих плюсневых костях) имеются продольные трещины. Третья пястная кость правой передней конечности сломана в дистальной части в поперечном направлении. Края излома неровные, угловатые без признаков сращения (образование костной мозоли) поврежденного участка кости. У путовой кости той же конечности отсутствует часть суставного блока. У задних конечностей разрушены копытные кости. У гомодинамных элементов передних и задних конечностей – лучевой и большеберцовой костей – несросшиеся с диафизом эпифизы. Так, у лучевой кости остался несросшимся с ее телом дистальный эпифиз, а у большеберцовой кости – проксимальный и дистальный эпифизы. Такие особенности свидетельствуют о незавершенности процессов постнатального развития у животного.

Череп захороненной лошади полный, с нижней челюстью. Для него характерны следующие особенности. Наличие верхних и нижних резцов молочной группы. В ряде коренных зубов верхней и нижней челюсти по три премоляра и два моляра. При этом коронка второго моляра по высоте заметно уступает первому, а ее жевательная поверхность не на всех жевательных гребнях еще имеет следы стертости. В альвеолах резцов имеются сформированные постоянные резцы. На верхнечелюстной и нижнечелюстной костях в районе третьего моляра – небольшое овальное отверстие и виден его зачаток. Примыкающие друг к другу кости мозгового и/или лицевого отделов черепа несросшиеся, границы отдельных костей и швы между ними четкие. Сочетание этих признаков свидетельствует о довольно молодом возрасте лошади, не более 2 лет.

Немаловажное значение для выявления специфики обряда с сопогребением лошади имеет то, в какой позиции относительно друг друга находились описанные кости черепа и конечностей лошади, сохранивших анатомический порядок. Череп был уложен между вытянутых передних конечностей, а задние конечности, располагаясь параллельно передним, частично их перекрывали таким образом, что левая плюсневая кость находилась рядом с основанием черепа. Таким образом, естественная пропорция в размещении костных останков конечностей оказалась явно нарушенной, кости задних конечностей при укладке в могилу сдвинуты к черепу, располагаясь по уровню выше передних конечностей. С одной стороны, такое компактное расположение костей вполне соответствует реальным небольшим размерам могильной ямы, от южной до северной стенки всего 1,2 м, а общая длина костей лошади равна 1,1 м. В то же время такое расположение головы и конечностей лошади явно указывает на определенную манипуляцию с этими костями в соответствии с традицией захоронения «шкура коня» с головой и конечностью, известной для рассматриваемого времени. Возможно, более высокий уровень расположения нижних конечностей указывает на то, что в данном случае в могилу была уложена шкура коня, подвернутая вместе с задними конечностями так, чтобы вписаться в небольшие параметры могилы.

Проведенный остеологический анализ позволяет заключить, что захороненные фрагменты скелета принадлежали молодой лошади в возрасте не более 2-х лет. У нее была травмирована правая передняя конечность в области запястья, что произошло непосредственно перед смертью животного. Череп был уложен между вытянутых

передних конечностей, а задние конечности, располагаясь параллельно передним, частично их перекрывали таким образом, что левая плюсневая кость находилась рядом с основанием черепа. Таким образом, кости задних конечностей при укладке в могилу сдвинуты к черепу, располагаясь по уровню выше передних конечностей. Такое расположение головы и конечностей лошади явно указывает на определенную манипуляцию с этими костями в соответствии с традицией захоронения «шкуры коня» с головой и конечностью, известной для рассматриваемого времени. Лошадь из Порывайки интересна еще и тем, что она не только молода, но и взнуздана, а значит уже использовалась под верх. Если это так, то травма на ее правой передней ноге, которая сломана в области запястья, и на костях не обнаружено признаков регенерации, позволяет предположить, что при жизни этой лошади пришлось недолго хромать. Между моментом получения указанной травмы и временем захоронения лошади был совсем небольшой промежуток времени. Такая травма могла послужить причиной не только ее собственной смерти, но и гибели юного хозяина этой лошади. Возможно, такая версия объясняет, почему в сопроводительном инвентаре детского погребения находились кузнечные инструменты, которыми мог пользоваться взрослый мужчина с профессиональной подготовкой. В этом случае речь может идти о захоронении наследника кузнеца, к которому по наследству должны были перейти эти инструменты, использованные в данном случае как погребальный инвентарь.

Ассортимент и типовые особенности инвентаря порываевского погребения в кургане №8 в массовом употреблении появляются не ранее рубежа I–II тыс. н.э. (Кызласов И.Л., 1983, с. 55; Савинов Д.Г., 1994, с. 155).

С.А. Васютин

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

Перед современным специалистом по истории древних и средневековых обществ открыт широкий выбор исследовательских стратегий, методологических концептов, теоретических разработок и т.д. Все это дополняется синтезными методиками, аккумулирующими опыт разных гуманитарных и естественных наук. Возможность создать несколько «реальностей» прошлого на основе одного и того же фактического материала позволяет уйти от одностороннего взгляда на историю доиндустриальных социумов. Преодолению позитивистских традиций во многом способствовала содержательная критика формационных, структуралистских, неозволюционистских и других моделей в постмодернистской историографии. В результате многие генеральные теории XX в. за последние десятилетия были подвергнуты существенной переработке. В научном сообществе к концу XX в. утвердились представления о множественности (многолинейности) направлений эволюции исторических общностей, об обратимости процессов роста и интеграции социумов, нелинейных путях исторического развития и пр. (см., например:

---

* Исследование проводилось при финансовой поддержке Кемеровского государственного университета (грант «Комплексный анализ кочевых обществ раннего средневековья»).

Классен Х. Дж. М., 2000, с. 7, 11–20; 2005, с. 53–57; Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А., 2000, с. 49–75; Крадин Н.Н., 2001, с. 385–386; 2003, с. 72–78; 2004, с. 518–526; Макнил В., 2000, с. 23, 25–34; Чейз-Данн К., Холл Т., 2001, с. 424–433; Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В., 2006, с. 15–29; и др.).

Инновационные тенденции в рассмотрении общественных систем и принципов их эволюции по-новому раскрывают потенциал уже апробированных комплексных методик изучения прошлого, дают возможность уточнить и верифицировать полученные ранее результаты. В рамках данной статьи речь будет идти о новых возможностях применения системного анализа к истории номадов раннего Средневековья. Необходимо подчеркнуть, что системный подход в отечественной номадистике не всегда четко заявлялся в качестве базового, но, несомненно, присутствовал в наиболее значимых работах о кочевниках (Гумилев Л.Н., 1967; Толыбеков С.Е., 1971; Хазанов А.М., 1975, 2000; Марков Г.Е., 1976; Скрынникова Т.Д., 1997; Крадин Н.Н., 1996, 2001, 2002; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д., 2006; и др.). Системные принципы прослеживаются в целой серии археологических и археолого-исторических работ (см., например: Руденко С.И., 1953, 1960, 1962; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, 1973; Кубарев В.Д., 1987, 1991, 1992; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000; Кляшторный С.Г., 2003; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005; Кубарев Г.В., 2005; и др.). Несмотря на значительные достижения в изучении кочевых социумов на основе системного анализа, возможности системного подхода в кочевниковедении далеко не исчерпаны. Более того, в процедурной и содержательной части программа системного исследования номадов древности и Средневековья может быть пополнена адаптированными элементами теоретико-методологических разработок, получивших распространение в историографии последних десятилетий. Среди них мир-системный, и кросс-культурный подходы, концепции многолинейной и нелинейной социально-политической эволюции, микроисторический анализ и изучение повседневной истории, различные методики исследования ментальности и коллективной психологии традиционных обществ.

Естественно, что в столь ограниченной по объемам статье мы можем только наметить в общих чертах некоторые контуры и принципы системного анализа кочевых сообществ раннего Средневековья. Несомненно, мы не должны оставить без внимания и постмодернистский взгляд, особенно критически оценивающий нарративную традицию и расчленяющий историческую реальность на локальные и сугубо уникальные, как нередко представляется учеными этого направления, явления. Многообразие исторического развития создает определенные сложности в выстраивании исследовательской стратегии. В первую очередь велик соблазн произвольного комбинирования объектов и методов исследования. Субъективное «конструирование» программы исследований ведет к получению соответствующих весьма относительных результатов в значительной степени деформирующих историческую действительность. Поэтому в рамках системного подхода мы предлагаем оперировать более или менее признанным кругом подсистем, которые охватывают наиболее важные стороны общественной жизни – «экономику», «социум», «власть», «культуру и менталитет». Это деление условно, так как в рамках любого общества функционирует система многогранных, взаимодополняющих и переплетающихся

(проникающих друг в друга) связей между различными подсистемами. В итоге в системной проекции общество предстает как целый комплекс элементов (подсистем), которые нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. Подсистемы по существу представляют собой макромоделли, каждая из которых включает десятки равнопорядковых и/или иерархические соподчиненных и семиотически взаимосвязанных компонентов (моделей).

Наряду с указанной линией увеличения сложности компонентов системы (модели – подсистемы – система) для более детального изучения экономических, социальных, потестарно-политических и ментальных структур на разных уровнях социально-политической интеграции кочевников также достаточно условно и пока без аргументации выделяются следующие социальные и политические образования: кочевое «домохозяйство» – клан – племенной союз и/или вождество (в зависимости от организации власти – акефальной или с доминирующим управленческим центром) – традиционна («типичная») кочевая империя – государство (возникающее в результате завоевания номадами земледельческих цивилизаций и объединения кочевников и земледельцев в рамках единой политической системы; «завоевательная империя» в классификации Н.Н. Крадина). Такой подход позволит увидеть как общую картину, так и более детально исследовать состояние и роль отдельных элементов системы, а также интегрировать в структуру системного подхода и апробировать различные методики вплоть до микроисторического анализа, сопоставить формы социальных организаций на разных уровнях и выявить изменения по мере увеличения и усложнения социально-политических организмов номадов, типологизировать властные режимы, выявить варианты их развития и т.д.

Применительно к истории номадов V–XI вв. важной составляющей системного анализа является изучение данных археологии, которые имеют особое значение для реконструкции материальной культуры, системы жизнеобеспечения, половозрастной структуры и социальной дифференциации, межплеменных отношений, властной иерархии, ритуально-религиозных практик, торговых связей с земледельческими центрами и северными соседями и многих других аспектов. Остановимся подробнее лишь на одном из обозначенных направлений – изучении социальной структуры номадов. В отечественной науке в рамках такого направления, как «социальная археология», разработан широкий ассортимент палеосоциологических методик, потенциал которых наглядно демонстрируют и работы, посвященные изучению археологических памятников кочевого населения Центральной Азии в раннесредневековый период (см., например: Длужневская Г.В., 1976; Кляшторный С.Г., 1986, 1986а, 1986б; Худяков Ю.С., 1989, 1994, 2003; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 1997; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2002, с. 44–55; Горбунова Т.Г., 2003; Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003; Савинов Д.Г., 2005; Тишкин А.А., 2005; и др.). Особый вопрос – создание синтезных методик изучения общественных систем кочевников по археологическим данным (Васютин С.А., 2006). На сегодняшний день наиболее оптимальная процедура палеосоциологического анализа предложена Н.Н. Крадиным, С.В. Даниловым и П.Б. Коноваловым (2004).

Исходным пунктом предлагаемой программы изучения кочевых обществ на основе системного анализа являются определенные концептуальные установки,

которые в свою очередь опираются на отечественный и зарубежный опыт изучения ранних и поздних кочевников и должны будут проверены в ходе реализации программы. По нашему мнению, кочевые социумы раннесредневекового периода представляли собой один из типов дословных традиционных обществ. Политические институты в степи не достигали государственного уровня, так как кочевые лидеры использовали иные негосударственные инструменты управления, контроля и поддержания политического престижа. Государственный аппарат в условиях ограниченных материальных ресурсов и экономической автономии в обществах степняков, нерегулярности доходов от даней и грабежей не смог бы существовать. Для крупных политических образований номадов даже содержание незначительной по своему количеству аристократии создавало напряжение, которое в случае численного роста аристократии и их окружения приводило к кризисам. В итоге и самые крупные кочевые империи (за исключением «завоевательных») следует рассматривать как аналоги суперсложных вождеств. В рамках «кочевых империй» мы имеем дело с разными социально-политическими организмами и разновекторными тенденциями их развития (Васютин С.А., 2004, 2005а–в).

Следует указать, что предлагаемая нами программа системного анализа истории номадов раннего Средневековья, во-первых, не исключает существование и апробацию других форм и алгоритмов системного подхода, во-вторых, оставляет возможность за каждым исследователем выбирать свои пути ее реализации. Данная вариативность программы позволяет избежать жестких рамок исследования и дает возможность сопоставить и верифицировать полученные результаты с выводами других ученых.

Г.Н. Вольная

Северо-Осетинский государственный университет, Владикавказ, Россия

ВЛИЯНИЕ КОЧЕВНИКОВ САЯНО-АЛТАЯ НА ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО КАВКАЗА В СЕРЕДИНЕ I тыс. до н.э.*

В середине I тыс. до н.э. на Северном Кавказе появилась новая волна кочевников, которая привнесла новые черты в прикладное искусство этого региона. Н.Л. Членова (1999, с. 315) полагала, что существуют связи между Монголией, Забайкальем и Северным Кавказом. Она выявила элементы, присутствующие в культуре этих территорий, которые могут свидетельствовать о культурном взаимодействии: изображение оленя; свастика из четырех конских головок; изображения отдельной ветви рогов оленя; животные с вывернутым телом.

С.И. Руденко (1949), Е.В. Переводчикова (1987) отмечали сходство ряда горноалтайских и прикубанских изображений. Изображения животных с вывернутым телом V–IV вв. до н.э., по мнению Е.В. Переводчиковой, отличаются от изображений в зверином стиле Северного Причерноморья и объясняет это ахеменидским влиянием. Поскольку на искусство Горного Алтая пазырыкской эпохи также оказало влияние искусство ахеменидского Ирана, можно предположить, что оно достигало и Монголии (Переводчикова Е.В., 1987, с. 46). Итак, как в VII–VI вв. до н.э., так и в VI–IV вв.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №06-01-37103 а/ю).

до н.э. существовал путь (или несколько путей), связывающих Кавказ, Иран, восточные районы Средней Азии, Казахстана и Монголию (с ответвлением в Горный Алтай) (Членова Н.Л., 1999, с. 315).

Исследуя пути распространения скифских миграций, в том числе и на Северный Кавказ, Н.А. Боковенко отмечает пути, проходящие из Южной Сибири через Алтай, Среднюю Азию, огибая с юга Каспийской море, проникающие на Кавказ с юга (Воконенко Н.А., 1996, fig. 20). Во многом эти миграции подтверждаются и находками скифо-сибирского звериного стиля. Однако существовал и другой путь проникновения предметов скифо-сибирского звериного стиля на Северный Кавказ из саяно-минусинского региона через Поволжье. Об этом свидетельствуют художественно-стилистические особенности резных клыков и их имитаций (Чежина (Королькова) Е.Ф., 1991, с. 37; Королькова Е.Ф., 2006, с. 123–124).

Выделяется несколько групп предметов, которые могут свидетельствовать о художественном влиянии искусства территории Саяно-Алтая на прикладное искусство скифо-сибирского звериного стиля Кавказа.

1. Двухдырчатые псалии с изображением головы хищника и птицы с длинным клювом. В восточных регионах скифского мира такой тип псалиев появляется еще в VI в. до н.э. Начиная с V в. до н.э. на смену роговым псалиям С-образной формы приходят S-образные, украшенные в основном протомами хищных зверей и птиц, расположенными в профиль. В комплексах горного и предгорного Алтая конца VI – 1-й половины V вв. до н.э. были найдены такие псалии с широким концом, оформленном в виде головки хищника, и узкий – в виде головы хищной птицы с длинным клювом (Полидович Ю.Б., 2004) (рис. 6–8) (Ташанта-I, Шибе, Пазырык, Барбургазы-I, Юстыд-XII) (Кубарев В.Д., 1987; Полидович Ю.Б., 2004, с. 152–156, рис. 6–8). На Северном Кавказе такие псалии также появляются в конце VI – середине V вв. до н.э. (Северная Осетия) (рис. 1.-26). В этот период появляются также зооморфно оформленные стержневидные псалии, повторяющие раннескифские традиции. Псалии из алтайских памятников изготовлены преимущественно из дерева, оканчиваются головками грифона (Пазырыкские курганы, курганы на Юстыда, могильник Ак-Алаха, Кутургунтас), ушастых птиц (Пазырык, Барбургазы-1), хищника (Пазырык, Ташанта, Шибе), головы разных животных (Пазырык). Известны они и на Северном Кавказе мог. Фаскау у с. Галиат, с. Шалушка (рис. 1.-27), г. Майкоп, 2-й Ульский курган.

2. Уздечные подвески из кабаньих клыков и их костяных и бронзовых имитаций. Самые ранние на территории Центральной Азии из настоящих кабаньих клыков найдены в конских захоронениях кургана Аржан и датированы VIII (IX) до н.э. Позднее подобный тип украшений был достаточно распространен на территории Саяно-Алтая (рис. 1.-1, 2). И лишь с VI в. до н.э. в памятниках многих кочевых культур степного пояса Евразии появляются украшения узды с зооморфными окончаниями в виде имитаций кабаньих клыков (Богданов Е.С., 2006, с. 46).

Учитывая ареал находок резных клыков и их имитаций и стилистическую близость большинства зооморфных мотивов, представленных на клыках с предметами искусства Южной Сибири, восточное происхождение самой ранней из клыкообразной подвесок (Аржан), а также несомненное количественное пре-

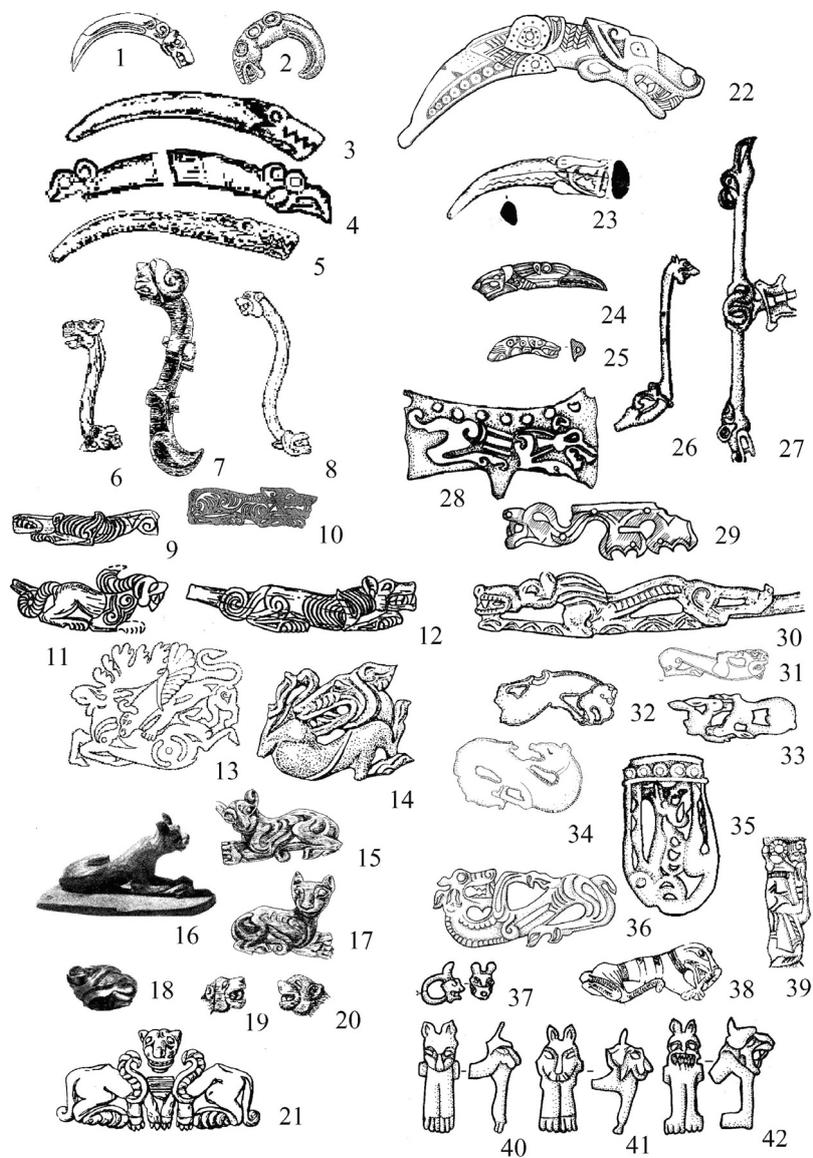

Рис. 1. 1 – Туэкта, кург. №6; 2 – Аймырлыг; 3 – Барбургазы-I, кург. №26; 4 – Кок-су-I, кург. №26; 5 – с. Большая Речка; 6 – Пазырык, кург. №5; 7 – Шибе; 8 – Ташанта-Ш, кург. №1; 9 – Уландрык-II, кург. №7; 10 – Ак-Алаха I, кург. №1; 11 – Уландрык-IV; 12 – Уландрык-II, кург. №12; 13, 16 – Пазырык, кург. №2; 14, 15, 17 – Пазырык, кург. №4; 18 – Сибирская коллекция; 19–20 – Ташанта-I, пог. 1; 21 – Туэкта, кург. №1; 22, 36 – Ялхой-Мохский мог.; 23 – пог. у с. Барсуки; 24–25 – Новогрозненский могильник; 26 – Северная Осетия; 27 – с. Шалушка; 28 – Гастон Уота; 29, 40–42 – Ассиновский мог.; 30 – Ставропольский (Казинский) клад; 31 – Ритуальный комплекс кург. №2 у аула Уляп; 32 – Могильник Гюэнос-1; 33 – Новосельский могильник, кург. №2; 34 – Семь Братьев, кург. №3; 35 – Ани-Ирзо; 37 – Ачхой-Мартановский мог., кург. №11, пог. 1; 38 – мог. у с. Куланурхва; 39 – Урус-Мартановский могильник

обладание неорнаментированных клыков, относящихся к конскому уздечному набору или служивших подвесками к оружию, и их имитаций из разных материалов в восточных регионах, можно предположить их распространение с востока на запад (Чежина Е.Ф., 1991, с. 37) и связать с каким-то восточным импульсом в Поволжье, на Северный Кавказ (рис. 1.-22–25) и Северное Причерноморье в конце VI – начале V в. до н.э. (Королькова Е.Ф., 2006, с. 124). Довольно часто встречается сочетание головки птицы и хищника на псалях и привесках в виде клыка в Горном Алтае, Туве и Минусинской котловине (рис. 1.-1–8), Казахстана, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа (рис. 1.-22–27) (Богданов Е.С., 2006, с. 46).

3. Изображения фигурок хищника, «припавшего к земле», на предметах различного функционального назначения на Северном Кавказе (Казинский клад, Ассиновский мог., мог. Гастон Уота, поясных пряжках «типа Исти-Су» из Притеречья и др.) (рис. 1.-28–30) достаточно многочисленны в памятниках с середины VI по середину V в. до н.э. По стилистическим особенностям они достаточно близки алтайским предметам (рис. 1.-9–12) (Уландрык-I, II, IV, Ак-Алаха-I, пос. Ачинский, Пазырык, Сибирская коллекция). Для этих изображений характерна поза животного с лапами, согнутыми под острым углом, декоративное оформление продольными и поперечными полосами туловища животных, изображение лотосовидной оскаленной пасти, длинного загнутого на конце хвоста, торчащих ушей, длинные предплечья и голени и короткое бедро и плечо; выделяется бедро и/или лопатка.

4. Скульптурные головы кошачьих хищников в оформлении псаляев, уздечных блях и подвесок, а также в виде пронизей и ворворок (Пазырык, мог. Бос-Тек, Кетмень-Тюбе, Ташанта-I, Минусинская котловина, Туэкта, «Берельский курган», Ак-Алаха, Сибирская коллекция) (рис. 1.-18–21). Хищник на них изображен оскалившимся; морда – короткая; уши – торчащие, заостренные или круглые, иногда с завитками внутри; нос – сердцевидный или каплевидный; дуговидная пасть. Все они вырезаны из дерева.

Бронзовые изображения головок хищников встречаются в виде импорта на Кавказе (привески к конской сбруе из Ачхой-Мартановского, Ассиновского мог.) (рис. 1.-37, 40–42). Три почти аналогичные бронзовые привески в виде из Ассиновского могильника (рис. 1.-40–42), в виде протомы кошачьего хищника, имеют сходство с деревянным украшением упряжи из Туэкты, курган №1 (рис. 1.-21) в виде крылатого хищника. Центральная часть туэктинского изображения также представляет собой протому хищника. Аналогично изображены лапы в виде цилиндров с продольными бороздками внизу (пальцы).

5. Изображения животных с вывернутым крупом в скифо-сибирском зверином стиле саяно-алтайского региона появляются в VI–IV вв. до н.э. (рис. 1.-13, 14), используются для изображения животных в сценах терзания и одиночных фигурках животных (Пазырык, Ак-Алаха, Ордос, 11-й Берельский курган, Сибирская коллекция и др.) (Баркова Л.Л., 1995, с. 76). В середине VI–V вв. до н.э. аналогичная схема изображения животных встречается на Северном Кавказе (Урус-Мартановский, Ялхой-Мохкский могильник, 2-й Новосельские сады, мог. Ани-Ирзо, аул Уляп, Малый Семибратний курган, Семь Братьев, курганы №2, 3, 4) в Закавказье (Гюэнос-1) (рис. 1.-31–39) (Вольная Г.Н., 1999, с. 60–64).

Для мотива животного с вывернутым туловищем характерна следующая закономерность – если изображен хищник, то лапы направлены в сторону морды и касаются ее, если это изображение терзаемого (копытного) животного, то ноги либо направлены вперед и проходят под мордой животного, либо согнуты и касаются бедра или живота. Схема изображения сохраняется и в кавказских памятниках, вне зависимости от того, в каком материале (войлок, бронза, золотая фольга) она воплощена или в какой технике.

Находки скифо-сибирского звериного стиля Северного Кавказа, имеющие сходство с предметами памятников Саяно-Алтая, можно разделить на две группы: 1) импорт; 2) предметы, выполненные кавказскими мастерами по восточным образцам. В основе импортных находок лежит мастерство резьбы по дереву и кости (острые грани), моделировка поверхности плоскостями, часто они изготовлены из кости. Некоторые саяно-алтайские сюжеты получили развитие в зооморфном искусстве Кавказа, появившись на предметах, типичных для кобанской культуры – на трапециевидных поясных пряжках (Гастон-Уота, Кобанский мог. др.) (рис. 1.-28) и пряжках «типа Исти-Су». Ряд кавказских предметов выполнен по образцам искусства саяно-алтайской котловины, но их отличает мягкая моделировка поверхности (рис. 1.-26, 27, 38) (литье по утрачиваемой модели) (рис. 1.-26, 27, 38), использование в оформлении полосок с различными видами геометрического орнамента (рис. 1.-22, 24–25, 38–39), что характерно для кобанских и колхидских традиций. Это свидетельствует о восприятии и творческой переработке кавказскими мастерами отдельных элементов скифо-сибирского звериного стиля, которые были принесены кочевниками с востока, о прямом или опосредованном влиянии кочевников Саяно-Алтая на прикладное искусство Кавказа в середине I тыс. до н.э.

В.В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО НАСЕЛЕНИЯ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Изучение вооружения населения Лесостепного Алтая 2-й половины VIII–XII вв. н.э., оставившего памятники сrostкинской археологической культуры, создает основу для реконструкции различных структурных единиц военного искусства: организации, тактики, стратегии, данного объединения (Горбунов В.В., 2003а; 2006а).

Военная организация населения сrostкинской культуры воссоздается на основе археологических материалов, включающих 181 захоронение (Горбунов В.В., 2003а, табл. II; 2006а, табл. II). Боевое деление сrostкинского войска согласно анализу комплекса вооружения, демонстрирует наличие двух основных родов войск: легкой и средней конницы (Горбунов В.В., 2006а, с. 96–97). Среди сrostкинских памятников по количеству и взаимовстречаемости видов вооружения в могилах, а также по соотношению их с общим набором сопроводительного инвентаря,

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №06–01–60105а/Т) и РФФИ (проект №07–06–00341).

можно выделить несколько групп воинских погребений, соответствующих различным военно-иерархическим уровням.

В первую группу включено 82 могилы, содержащих один, два вида стрелкового (луки и стрелы) и коротко-клинкового (кинжалы и боевые ножи) оружия. Данная группа по наличию бедного или среднего общего состава инвентаря может быть соотнесена с рядовыми воинами и младшим командным составом, на уровне десятников, которые комплектовали отряды легкой конницы.

Вторая группа состоит из 20 могил, содержащих от одного до трех видов стрелкового и коротко-клинкового оружия. Эту группу отличает богатый общий состав инвентаря и ее можно сопоставить со средним командным составом, на уровне сотников, руководивших отрядами легкой конницы.

К третьей группе относятся 40 могил, содержащих один–два вида вооружения. В его составе, помимо стрелкового и коротко-клинкового оружия, есть панцири, копыя и длинно-клинковое (мечи и сабли) оружие. Эта группа имеет средний общий состав инвентаря и соотносится с рядовыми воинами и младшим командным составом, в ранге десятников, которые комплектовали отряды средней конницы.

В четвертую группу входит 29 могил, содержащих два–три вида вооружения, среди которого стрелковое оружие, панцири, копыя и оружие ближнего боя. Данная группа имеет богатый общий состав инвентаря и соотносится со средним командным составом, на уровне сотников, руководивших отрядами средней конницы.

Пятая группа состоит из девяти могил, содержащих три–четыре вида вооружения, включающего сочетание из панцирей, луков, стрел, копий и мечей. Для этой группы характерен очень богатый общий состав инвентаря, и она может быть сопоставлена с высшим командным составом – тысячниками, руководившими подразделениями средней и легкой конницы.

В особую *шестую группу* выделяется очень богатая могила (Гилево-VII, курган №4, могила 2), в которой найдено пять видов вооружения: лук, стрелы, копые, меч, кистень. Ее логично отнести к рангу главнокомандующего.

Военно-иерархическая структура сrostкинского общества наиболее близка тюркской организации (Горбунов В.В., 2006б, с. 39). В ее составе выделяются следующие основные уровни: дружина из рядовых воинов и младших командиров, командный состав среднего и высшего звена, а также институт главнокомандующего. Учитывая, что в создании сrostкинского объединения ведущую роль играли тюркские племена, логично предположить, что они принесли свою военную систему и организовали в соответствии с ней покоренное самодийское население. Судя по обряду воинских погребений, семь тысячников и главнокомандующий являлись тюрками (захоронения человека в сопровождении верхового коня или нескольких коней), а два тысячника – самодийцами (одиночное трупоположение). Среди воинских погребений сотников, десятников и рядовых дружинников встречается различный обряд: ингумация с конем, кремация с конем, ингумация со шкурой коня, одиночная ингумация и кремация, которые соответствуют захоронениям тюрков, кыпчаков и самодийцев (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177–178). Видимо, у «сrostкинцев» существовало и ополчение, к которому можно отнести наиболее бедных воинов первой группы. Все они по обряду самодийцы. Сrostкинское войско должно было

комплектоваться в соответствии с принципами азиатской десятичной системы, а его территориально-административное и боевое деление, очевидно, состояло из центра и двух крыльев.

Военные ресурсы населения сrostкинской культуры могут быть рассчитаны исходя из косвенных данных. В Алтайской лесостепи основой хозяйства являлось полукочевое скотоводство, способное прокормить значительное количество жителей. Согласно сведениям письменных источников середины XIX в., коренное население только северных предгорий Алтая составляло 20000 человек (Радлов В.В., 1989, с. 95), а в середине XVII в. число телеутов, кочевавших в степных районах Алтая, насчитывало 4 тыс. кибиток, т.е. около 20000 человек (Уманский А.П., 1995а, с. 90; 1995б, с. 123–124). Достаточно густое расположение сrostкинских могильников и их состав позволяют предполагать, что в последней четверти I тыс. н.э. – первых веках II тыс. н.э. общая численность населения Лесостепного Алтая могла достигать 40–50 тыс. человек. Таким образом, войско сrostкинского объединения включало до одного тумена, а в период его наивысшего территориального роста (2-я половина X – 1-я половина XI вв. н.э.) эта цифра могла быть больше.

Тактика сrostкинского войска также аналогична тюркской, но строилась на взаимодействии средней и легкой конницы. Легкая конница образовывала авангард и фланги, применяя обстрел противника с дальней дистанции в рассыпном строю. Средняя конница формировала центр боевых порядков, нанося противнику таранный удар с последующим переходом к ближнему бою в сомкнутом строю. Их численное соотношение, судя по археологическим данным, представляется следующим: на 79 объектов, соотносимых со средней конницей (44%), приходится 102 объекта, соответствующих легкой коннице (56%). Это говорит о небольшом преобладании легковооруженных бойцов. Очевидно, в тысячу сrostкинских воинов входило четыре сотни средних конников и шесть сотен легких кавалеристов.

Несмотря на то, что сложение сrostкинского боевого комплекса связано с тюрками, наиболее последовательными носителями центральноазиатской традиции применения тяжелой конницы, которые заняли доминирующее положение в новом объединении, материалы свидетельствуют о сохранении в Лесостепном Алтае ведущей роли средней конницы. Она обладала по сравнению с тяжелой большей маневренностью, что позволяло ей применять не только сомкнутый (для копейного удара), но и рассыпной строй (для обстрела из луков). Поэтому средняя конница могла в определенных ситуациях обходиться и без поддержки легких подразделений.

Данные о применении сrostкинскими воинами пеших боевых порядков единичны. Видимо, пеший строй применялся здесь так же, как у тюрков и монголов (Горбунов В.В., 2003а, с. 98).

Стратегия военных действий у населения сrostкинской культуры во многом зависела от расстановки сил в Центрально- и Среднеазиатском регионах. В процессе создания объединения (2-я половина VIII – 1-я половина IX вв. н.э.) она носила наступательный характер, направленный на завоевание всей территории Лесостепного Алтая. Не исключено, что сrostкинские племена поддерживали в это время горно-алтайских тюрков и кыргызов в борьбе с уйгурами. Достаточно сложная военно-политическая ситуация для них сложилась во время «великодержавия» Кыргызского

и Кимакского каганатов (2-я половина IX – 1-я половина X вв. н.э.). Вероятно, чтобы сохранить фактическую независимость своих владений между двумя более сильными державами, «сросткинцы» могли признать сюзеренитет одной из них, скорее всего, Кыргызского каганата. В этот период военные силы сросткинского объединения были направлены на оборону своих юго-западных рубежей. Здесь в районе Алейской степи оставлено много курганов, в которых погребены сросткинские, кыргызские и кимакские воины. После образования империи киданей Ляо (916–1125 гг.) начинается движение ряда центральноазиатских племен в западном направлении, что приводит к ослаблению Кыргызского и Кимакского каганатов. Ареал сросткинской культуры, наоборот, расширяется. Ее памятники появляются в Новосибирском Приобье и Кузнецкой котловине. Этот период (2-я половина X – 1-я половина XI вв. н.э.) можно считать наибольшим расцветом сросткинского объединения, когда оно проводило активную наступательную стратегию в северном и восточном направлениях. Распад Кимакского каганата и усиление кыпчакских племен, входивших ранее в эту державу, ухудшили военно-политическую ситуацию для сросткинского населения. Широкая миграция кыпчаков на соседние земли не только в западном, но и в восточном направлении привела к вытеснению «сросткинцев» обратно в Лесостепной Алтай. Число памятников сросткинской культуры сокращается, и они локализуются преимущественно в предгорьях и вдоль поймы Оби. В данное время (2-я половина XI–XII вв. н.э.) «сросткинцы» вынуждены были придерживаться оборонительной стратегии. В 1207 г. на территорию алтайской лесостепи проникли монгольские завоеватели, которым и подчинились остатки сросткинского населения (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 176–178; Горбунов В.В., 2003б, с. 41–42).

Э.Б. Дашибалов, Б.Б. Дашибалов

*Бурятский государственный университет; Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия*

ГОРНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ САЯНО-АЛТАЯ И ИХ АНАЛОГИИ С КОРЕЙСКИМИ КРЕПОСТЯМИ*

Для обширного региона Саяно-Алтая характерны во многом типологически близкие фортификационные сооружения, размещенные на вершинах гор. Они известны на Алтае, в Туве, Хакасии, на обоих берегах Байкала. В данной статье имеет смысл рассмотреть байкальские крепости как часть саяно-алтайских укреплений, так как орография Байкала является продолжением гор Восточного Саяна. В целом Прибайкалье и Забайкалье относятся к физико-географическому району пояса гор Южной Сибири.

В Прибайкалье и Забайкалье городища, укрепленные каменными стенами, сооружены на возвышенностях, среди них нет укреплений, возведенных на равнинной местности. Городища подразделяются на два основных типа.

Тип первый. Городища соответствуют в плане форме мыса на котором они расположены, и отделяются от плато каменной стеной. Данные городища исследованы в

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты №05-06-80183; 06-06-88011) и в рамках Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект 21.1).

основном на побережье Байкала. Почти все городища имеют одну площадку, лишь на городище Шибэтэ (залив Куркут) две площадки, и вторая образована дополнительной стеной, возведенной на некотором удалении от первой линии укрепления. Длина стен бывает различной и зависит от размеров мыса, она колеблется от 120 до 200 м. Высота стены достигает 3 м. Кладка производилась без раствора, плиты клались плашмя. Стена на мысу бухты Семисосенной сооружена несколько иначе. Здесь большие плиты гнейса поставлены вертикально одна возле другой и притом в два ряда на расстоянии около 1,5 м один ряд от другого. Это городище, кроме того, укреплено рвом шириной 2 м и глубиной около 1 м; ров шириной 3,5 м и глубиной 1,5 м отмечен на городище Хоргой. Проходы имеются не на всех городищах, на городище Шибэтэ (залив Куркут) их два, на городище Хоргой зафиксирован один проход шириной 2 м. К стенам городищ Шибэтэ и Хоргой (на Ольхоне) с обеих сторон пристроены добавочные сооружения в виде четырехугольных или полукруглых площадок размерами от 12 до 18 м. Внутри этих же городищ имеются каменные кладки круглой и квадратной формы. На городище Шибэтэ (р. Анга) выкопана круглая яма, обложенная камнями; такие же ямы имеются на городище Шибэтэ (Ольхон), там их две; одна яма, также выложенная камнем, отмечена на городище Хоргой.

В центральной части городища Хоргой на трех больших гранитных плитах, лежащих горизонтально, хорошо заметны небольшие углубления. В конце мыса Хоргой находится прямо стоящая гранитная плита высотой 1,8 м и шириной 1 м. На плите прочерчен знак в виде круга с точкой посередине и с ножкой. П.П. Хороших (1956) отмечает, что этот знак по форме имеет большое сходство со знаком, вырезанным на плитке, найденной на одном из Капсальских городищ.

Ко *второму типу* следует отнести крепости, расположенные на вершинах гор, где каменная стена воздвигается вокруг возвышенности или на самой горе. Стена не имеет определенной формы и зависит от рельефа местности. По описанию П.П. Хороших (1924, с. 31), каменная стена городища Хоргой (в заливе Мухор) опоясывает самую высокую вершину горы. В 2006 г. Байкальской археологической экспедицией было произведено предварительное исследование горной крепости Шара-Тэбсэг и снят инструментальный план. Данная крепость находится примерно в 100 км на юго-запад от Улан-Удэ, в обширной Тугнуйской долине, на правом берегу Хилока, недалеко от впадения в нее Тугнуя.

Первое описание памятника Шара-Тэбсэг дано в трудах Бурят-Монгольского научного общества за 1928 г. И.В. Ченкировым и В.В. Поповым. Они, узнав от местных жителей об этой крепости, осмотрели ее (Ченкиров И.В., Попов В.В., 1928). А.В. Тиваненко в научно-популярной книге привел описание крепости и в историческом плане связал ее возникновение с эпохой становления государства Чингисхана. По его мнению, в этой крепости могли скрываться от гнева Чингисхана ненавистные им меркиты (Тиваненко А.В., 1992).

Крепость Шара-Тэбсэг построена на крутой горной скале на высоте около 100 м. Особенно грозно она смотрится со стороны р. Хилка. Отсюда она возвышается неприступной отвесной каменной стеной с ровной площадкой наверху и ограниченной с востока скальной грядой. Собственно внутренняя площадь крепости вытянута по линии север-юг, общей протяженностью более 400 м, ширина площадки от 20 до 80 м. Здесь располагаются несколько площадок, выровненных со специаль-

ной целью; искусственно вырытая пещера; следы древних и недавних подкопов; два так называемых колодца; несколько крупных камней с искусственно просверленными довольно глубокими ямками. Площадка с севера и юга укреплена целым рядом каменных стен. Вход в крепость находится с южной стороны. Здесь в каменной стене имеются ворота и выложена из камней дорога, по которой могла проехать повозка. С крепости открывается живописный вид на долины Тугнуя и Хилка. Внизу часть горного массива обрамлена рядом камней длиной около 300 м.

На этимологию мысов, на которых находятся байкальские укрепления, обратил внимание Э.Р. Рыгдылон. Название городищ Шибэтэ образовано от бурятского слова «шибэ» – заслон, прикрытие, а укреплений Хоргой от слова «хоргодохо» – прятаться, скрываться (Рыгдылон Э.Р., 1955, с. 180). Надо заметить, что в Хакасии крепости, сооруженные на вершинах гор, называются «сiвэ», что однозначно бурятскому или в широком понимании языка монгольскому значению слова «шибэ». Исследователи, занимавшиеся изучением енисейских «сiвэ» и байкальских городищ, считают их укреплениями, которые служили в качестве оборонительных крепостей, временных убежищ. Также высказываются мысли, что это культовые места – святилища (Хороших П.П., 1924, с. 28; Рыгдылон Э.Р., 1955, с. 189; Мороз М.В., Худяков Ю.С., 1988; Готлиб А.И., 1991; Харинский А.В., 1994, с. 17).

Крепость Шара-Тэбсэг по своим планиграфическим и конструктивным особенностям схожа с горными городищами средневековой курумчинской культуры. Исследования Б.Б. Дашибалова выявили восточноазиатский субстрат в древних и средневековых культурах юга Восточной Сибири (хунну, курумчинская и бурхотуйская культуры). В этой же работе показаны связи древних монголов и корейцев (Дашибалов Б.Б., 2005, с. 74–75, 94).

Осенью 2006 г. авторам удалось осмотреть корейские горные крепости. Благодаря приглашению Академии корееведения Республики Корея мы участвовали в работе 3-го Конгресса корееведов на острове Чечжудо. Там удалось познакомиться с горной крепостью, выдержавшей осаду монголов. Ситуационное расположение этой крепости, архитектурные особенности и, в частности, камни с отверстиями напоминают горные крепости, известные вокруг Байкала и на Енисее. Предварительное изучение горных крепостей Кореи позволяет говорить о большой типологической близости фортификационных сооружений Кореи и Саяно-Алтая (Dashibalov E.B., Dashibalov B.B., 2006, p. 483–487).

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ СИСТЕМЫ КЫРГЫЗОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Изучение кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии на современном этапе направлено не только на анализ материальной культуры, этнополитических процессов, социально-экономических отношений, но и на реконструкцию системы мировоззрений. Важнейшей составляющей мировоззрения nomadov в древности и

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №06-01-91809a/G).

средневековье являлся комплекс религиозных верований и обрядов. Уже со скифской эпохи у кочевников стали формироваться синкретичные религиозные системы, включавшие как традиционный шаманский комплекс, так и другие мировоззренческие традиции (Боковенко Н.А., 1996; Дашковский П.К., 2003; Стеблева И.В., 1989; и др.). В последующий период эта тенденция продолжала сохраняться, а синкретизм во многом усиливался за счет все большего распространения в указанных регионах развитых (мировых) религий. Формирование поликомпонентной мировоззренческой системы прослеживается и у енисейских кыргызов в эпоху раннего средневековья.

Еще в XIX в. Н.Я. Бичурин (1998, с. 360, прим. 8), основываясь на китайских источниках, описал шаманские традиции у кыргызов, а также отметил существование в ставке кагана так называемой Мидичны, интерпретированной им как мусульманская мечеть. Однако последнее предположение не нашло реальных подтверждений и было справедливо отвергнуто исследователями, за исключением В.И. Огородникова (Худяков Ю.С., 1987, с. 65). В последующий период, по мере накопления источниковой базы, ученые указывали как на различные особенности шаманизма у кыргызов, так и на проникновение в мировоззрение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья религиозных традиций буддизма, несторианства, бон, манихейства (Длужневская Г.В., 1990; 1995; Бартольд В.В., 2002, с. 51–55; Киселев С.В., 1951, с. 615; Нечаева Л.Г., 1966, с. 108–142; Зуев Ю.А., 1970; Абрамзон С.М., 1971; Кычанов Е.И., 1978; Воробьева-Десятовская М.И., 1980; Бернштам А.Н., 1946; Митько О.А., 1994; и др.). Наиболее дискуссионным в настоящее время является вопрос о знакомстве тюркских племен с манихейством. Ученые практически единогласны в том, что манихейство имело прочное положение в Уйгурском каганате, где оно носило статус государственной религии (Камалов А.К., 2001; Бартольд В.В., 2002, с. 52; Ермоленко Л.Н., 1990, с. 122–123; Виденгрэн Г., 2001, с. 197; и др.), хотя имеющиеся данные свидетельствуют и о сохранении многих традиционных верований. В отношении степени распространения манихейства в Кыргызском каганате у исследователей сложились разные мнения. Практически никто из них не отрицает того, что кыргызы, как и другие кочевые народы, были знакомы с учением пророка Мани (Худяков Ю.С., 1987; 1999; Matnchn-Htlfen O., 1951; Караев О., 1968, с. 97; и др.). В то же время отдельные востоковеды, в частности Л.Р. и И.Л. Кызласовы (Кызласов Л.Р., 1969, с. 127; 1999; Кызласов И.Л., 2004; и др.), настаивают на государственном статусе этой религии и в Кыргызском каганате. К аналогичному выводу независимо пришел и Ю.А. Зуев (2002, с. 255). О значительной степени распространения манихейства у тюркоязычных номадов, по их мнению, свидетельствуют многочисленные письменные (в том числе рунические) источники, храмы и монастыри, обнаруженные в Минусинской котловине и на Алтае (Кызласов Л.Р., 2003; Кызласов И.Л., 2004). При этом традиционные шаманские верования и обряды сохранили свое значение в мировоззрении. Именно религиозный синкретизм манихейства и шаманизма дал основание Л.Р. Кызласову высказать мысль об особом «сибирском манихействе», получившем распространение у кыргызов.

Более осторожную и аргументированную позицию изложил Ю.С. Худяков (1987; 1999). Ученый указывает на то, что к периоду IX–X вв. относится большая

часть сведений о знакомстве кыргызов с разными религиозными традициями. Это обусловлено полиэтничным характером государственного образования номадов. Имеющиеся данные, хотя и свидетельствуют о попытках каганов выработать общую государственную идеологию, тем не менее позволяют говорить о том, что только часть кыргызов восприняла основы вероучения Мани (Худяков Ю.С., 1987, с. 72; и др.).

Для разрешения вопроса о сущности и особенностях религии енисейских кыргызов, как и других кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии, необходимы дополнительные теоретические разработки и расширение источниковой базы. Однако уже сейчас можно отметить, что, во-первых, религиозные системы номадов данного региона начиная со скифской эпохи и вплоть до периода этнографической современности носили синкретичный характер. Мироззрение кочевников, наряду с традиционным шаманским комплексом верований, испытывало в разные периоды истории влияние иранской религиозной традиции (маздаизм, митраизм, зороастризм), буддизма (направление Махаяна), несторианства, ислама. Знакомы были номады и с отдельными элементами религии и идеологии Китая, например с концепцией «Небесного мандата на правление», обстоятельно разработанной в конфуцианстве и даосизме (Думан П.И., 1976; Зубов А.П., Павлова О.И., 1995, с. 72–73; Васильев Л.С., 2001, с. 111–114; Крадин Н.Н., 2001). В результате первостепенной задачей является определение характера и степени религиозного синкретизма, поскольку в большинстве случаев «новые» религиозные традиции не поглощали, а дополняли (иногда и подстраивались) под традиционное мироззрение и образ жизни кочевников. Во-вторых, нужно учитывать государственную и религиозную политику, которую проводил правитель и элита кочевого общества. В данном случае речь идет о том, что даже формальное наделение религии статусом государственной еще не означает быстрое принятие ее обществом. В этой связи одним из важных индикаторов укрепления религии является погребально-поминальная обрядность, которая, несмотря на распространение манихейства в Кыргызском каганате, не претерпела существенных изменений. Более того, в рамках манихейства предпочтение отдавалось, вероятно, ингумации умершего (Виденгрэн Г., 2001, с. 70), а не кремации.

Необходимо также отметить, что в эпоху средневековья на территории Евразии было распространенным явлением формирование полиэтничных государственных образований (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2004; Савинов Д.Г., 2005; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005; и др.). В таких государствах, как правило, выделялась доминирующая этническая группа из числа завоевателей, которая представляла собой высшую элиту. С другой стороны, внутри кочевого политического объединения формируется или поддерживается местная элита, представители которой могли занимать прочные позиции в социальной иерархии (Тишкин А.А., 2005, с. 53). Взаимоотношения между этносом-элитой и другими племенами, входящими в Кыргызский каганат, были различны: подарки, «подати», военная поддержка и др. (Савинов Д.Г., 2005, с. 36–37). Это обстоятельство позволяет говорить об определенной межэтнической иерархии в государстве кыргызов и учете религиозных традиций разных племенных групп.

В кыргызское время в горных районах Алтая проживали тюркские племена, утратившие свое военно-политическое могущество в Центральной Азии. На территории предгорий же обитали носители сроткинской культурной традиции, сформировавшейся в результате подчинения местных самодийских племен тюрками II Восточно-Тюркского каганата (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001). Имеющиеся материалы демонстрируют различный характер отношений между отмеченными этническими группами в разные периоды. Поскольку тюрки в IX–X вв. выступали союзниками кыргызов в войне против уйгуров, то на этом этапе наблюдалось их мирное сосуществование. Об этом, в частности, свидетельствуют погребальные памятники, сооруженные в пределах одного социального и сакрального пространства как в горных, так и в предгорных районах Алтая (Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А., 2005; Могильников В.А., 1989, с. 139; 1990; 2002, рис. 1). Дополнительные сведения о взаимоотношениях кыргызского и тюркского населения в IX–X вв. можно обнаружить в тексте рунических надписей из Мендур-Соккона. В одной из них от имени местного тюркского населения приводятся такие слова: «Мой старший брат герой и знаменитый киргиз» (Баскаков Н.А., 1966, с. 80–81). Приведенные данные подтверждают достаточно стабильные в первый период отношения с местным населением и отсутствие государственной религиозной политики, направленной на закрепление манихейского мировоззрения среди подчиненных этнических групп. В противном случае по религиозным и идеологическим причинам кыргызы вряд ли стали бы хоронить своих умерших людей на общих могильниках и позволили сохранять традиционные формы погребально-поминальной обрядности.

Лояльное отношение каганов к различным религиозным традициям зависимых племен обусловлено характером самой власти правителей полиэтничных государств (Савинов Д.Г., 2005; Крадин Н.Н., 1993; и др.). В таких политических образованиях правители должны были учитывать не только интересы доминирующего этноса, но и остальных этнических групп. Правители номадов, несмотря на сакрализацию (Скрынникова Т.Д., 1997; Дашковский П.К., 2005а–б; и др.), не обладали абсолютной властью и постоянным стабильным положением даже в рамках своего этноса. Это обстоятельство останавливало каганов от резкого навязывания единообразного мировоззрения, хотя его важность, безусловно, признавалась. В степном мире более важным было выражением политической лояльности и военной поддержке правителю. Для постепенного же сложения единой религиозной системы в рамках полиэтничного государства требовался более длительный период, который в эпоху средневековья прерывался военно-политическими событиями и сменой расстановки сил в Южной Сибири и Центральной Азии.

Исходя из вышеизложенных данных можно предварительно заключить, что религиозная система кыргызов испытывала определенное влияние манихейства, благодаря деятельности пророков этой религии и политики каганов, стремящихся удержать полиэтничное государство не только военными методами, но и общим официальным мировоззрением. Существенными преимуществами манихейства по сравнению с другими религиями того периода было, во-первых, отсутствие ортодоксального неприятия и противостояния с традиционными верованиями.

Во-вторых, как учил Мани, «молитва обращенная к богу, не нуждается в храме», поэтому молельня могла размещаться в кочевой юрте (Зуев Ю.А., 2002, с. 260). Это обстоятельство весьма существенно при мобильном образе жизни, хотя это не исключало и стационарных «храмов» или молелен в городах. В то же время сложность учения манихейства (космология, эсхатология, этика), консервативность традиционных верований номадов, относительно короткий период существования Кыргызского каганата и ряд других факторов, вероятно, не позволяют говорить о данной религии как о доминирующей мировоззренческой системе в обществе.

А.М. Досымбаева

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

О СИМВОЛИКЕ СОСУДА В ТЮРКСКОМ ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ И ЕГО СВЯЗИ С ИДЕЕЙ САКРАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

Географическое местоположение тюркского святилища Мерке, расположенного на территории высокогорных альпийских лугов с тысячами источников, бьющих из-под земли на высоте около и более 3000 м над уровнем моря, по своим природным характеристикам соответствует представлениям об идеальной модели родной земли, обозначенной в мифах в качестве мировой горы/пещеры, служившей лоном/материнским чревом и расположенной высоко в недоступных горах. Особое отношение к пространству нашло отражение в форме сакрализации пространства. По сведениям Геродота, скифы проводили культовые служения богине земли Апи, в священных рощах и пещерах, в низовьях Дона. В процессе весеннего праздника скифов, в связи с которым производился ежегодный передел земли... совершался символический акт бракосочетания с землей (Артамонов М.И., 1961, с. 83). Традиционный ежегодный ритуал объезда леса (родовой территории) совершали правители сюнну. В легендарных преданиях о происхождении тюркского племен усуней/ашина (а-сана/а-сман) пещеры, локализованные в труднодоступных, окруженных горами благодатных местах, осознавались как священные родовые территории. Отложившиеся в топонимике земель, понятия о «святых горах», «святой реке», «святом лесе» на правом берегу Донца относятся к той же категории представлений об идеальном пространстве. Описываемые категории понятий о родовой территории тюркские племена совместно с именами богов и их символами уносили на новые места обитания (Ахинжанов С.М., 1989, с. 96; Зуев Ю.А., 2002, с. 32; Golden P.B., 1998, p. 214–215). Употребление понятия *священный/аулие* по отношению к определенным территориям (*аулие жер*), водным источникам (*аулие көль, су*), различным объектам природы (*аулие тал*) или даже камням (*кіндік тас/камень пуповина*) в топонимической номенклатуре казахов распространено повсеместно.

Освоенное пространство, мыслимое как центральная часть родовой земли, непременно маркировалось понятными символами, воплощением которых являлись антропоморфные образы предков, жизнь которым была дарована союзом неба и земли. Анализ мифологического содержания памятников монументального искусства скифов, позволил В.С. Ольховскому (2005, с. 117) трактовать антропо-

морфные изваяния «как воплощения центрального элемента освоенного мира (оси мира, мировой горы или древа)... что обеспечивало... возможность и необходимость «участия» изваяний в совершении обрядов, призванных поддерживать мировое равновесие (социальную стабильность) и ликвидировать деструктивные последствия смерти». Пространство, маркируемое горами, деревом, каменным изваянием, в процессе проведения цикла обрядов и ритуалов жертвоприношений «освящается клятвой» и благодаря парадоксу ритуала «совпадает с Центром Мира», и этот «центр становится в высшей степени священным» (Елеукунова Г.Ш., 1999, с. 29–30).

В источниках есть сведения о ритуальных жертвоприношениях у Золотой горы Цзиньшань перед изображением богини, вырезанной на черном камне практиковавшихся у юэчжи (Зуев Ю.А., 2002, с. 38). Священные символы – золотые идолы усуней и юечжи, перед которыми совершались жертвоприношения Небу, порой становились объектами захвата, затем их возвращали (Зуев Ю.А., 2002, с. 28–29). Территория, на которую проецируются данные письменных источников, содержащие информацию о традиционных верованиях юечжи-сарматов, «была не маргинальной захолустной областью, а большим и полнокровным объединением государственного типа на территории современного Казахстана» (Зуев Ю.А., 1995, с. 38–49).

Верность мировоззренческим приоритетам, выраженная в форме поклонения образам божественных предков, олицетворявших Союз Неба и Земли со Священным Сосудом в руках, символом Жер-Су/Земли-Воды, в трудные периоды жизни, во время вынужденных миграций, заставляла тюрков уносить свою веру с собой. Борьба за свою веру вынудила куманов и кангитов (язычников/идолопоклонников) предъявить претензии «дому Хорезмшаха, имевшего тесные брачные связи с канглы-кыпчаками, что он действительно нарушил свое обещание помочь им против их вида веры (ислама)» (Golden P.B., 1998, p. 215–216).

Традиция увековечивания образов прародителей тюрков, в местах локализации родовых территорий, в самой пещере, в которой «...по желанию отца Ай-Атам, Кичик ери установил золотую скульптуру», сохранилась в этногонических мифах IX в. и популярных в кыпчакской среде в начале XIV в., накануне их массовой конверсии в ислам... По одной из легенд, рядом с первочеловеком Ай-Атам, упоминается и женщина Ай-Ва (лунное лицо). Пещера, похожая на храм со статуей/статуями предков, ставшая впоследствии религиозной часовней, служила местом проведения ритуала поклонения и жертвоприношения. Родовая святыня была расположена в местности Каратаг (Golden P.B., 1998, p. 198, 200).

В ареале распространения каменных изваяний меркенского типа основным символом, который показан в руках скульптуры, вне зависимости от других, изображенных аксессуаров, является сосуд, который расположен на уровне живота (рис. 1.-4–6). Следовательно, в мировоззренческих представлениях кочевников, высекавших своих божественных предков в камне с сосудом в обеих руках, этот атрибут служит в качестве исходного предмета, наделенного особым смыслом. Сосуды одинаковой формы показаны в руках как женских, так и мужских изваяний святилища Мерке.

Опыт созидания способствовал формированию и развитию особого ритуала, в содержание которого входила практика клятвенной присяги верности Небу, Земле,

Воде, Народу. Одним из атрибутов, символизовавших священный ритуал клятвенной верности основным ценностям, служил сосуд, форма которого могла быть антропоморфной (рис. 1.-1). Отдельные типы сосудов с признаками антропоморфности из средневековых городов Казахстана «использовались в шаманском обряде призыва дождя и плодородия» и в ритуале моления Йер-су у хакасов и кыргызов (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 102, 136–137).

Появление этого символа в прикладном искусстве кочевого населения в искусстве скифских и сакских племен является одним из наиболее ранних в хронологическом отношении. Специалисты полагают, что и 2,5 тыс. лет назад в прикладном искусстве сако-скифских племен сосуд являлся «жреческим символом... принадлежащим ритуалу жертвоприношения» (Раевский Д.С., 1977, с. 71).

Великолепной иллюстрацией мифа о происхождении тюрков, непременно сопровождаемой *клятвенной присягой верности договору* (сосуд в обеих руках центрального персонажа), датируемой периодом первых веков нашей эры, сарматской эпохой, является сюжет картины мира, представленный на гривне царицы-шаманки из кургана №10 Кобяковского могильника (рис. 1.-3) (Прохорова Т.Н., 2001, с. 59–71).

В ранних арабских источниках ритуал принесения клятвы в форме *выпивания воды* являлся неотъемлемой частью договора и присяги (Асадов Ф.М., 1993, с. 46). Бытование описываемого ритуала в тюрко-согдийской среде подтверждается сценой, изображенной на одной из стенок саркофага из захоронения 557–581 гг., в северной части города Си-ань в 2000 г. На сцене зафиксирована церемония заключения договора между согдийцем и тюрком (Сунгатай С., 2006, с. 38, 41, рис.). Процедура заключения договора усилена клятвой, которую стороны должны выпить. Фигура человека с сосудом, присутствующая в центре картины, между главными персонажами, подтверждает достоверность и действенность клятвенного договора (рис. 1.-7).

Закрепление ритуала клятвенного обещания традицией «пить клятву» в древнерусских источниках обозначалось термином “*роту пити*”, бывшей в употреблении только у тюркских народов (*а Татарове роту пили по своей вере*) (Golden P.B., 1984, p. 108). Происхождение термина *роту пити* сходно с конструкцией тюркского *анд/ ант ур*, в значении *выпить клятву, присягнуть клятве*. Употребление термина *пить клятву* у кочевников носит традиционный характер. Впервые описанное Геродотом касательно скифов, оно практиковалось в последующем у сянну, средневековых тюрков и тюркских народов на протяжении длительного периода (Golden P.B., 1984, p. 108). В таком же контексте термин *антыңды иш/выпей свою клятву* присутствует в традиционном словаре коренных казахов и туркмен. Созначимо содержанию акта принесения клятвы содержание термина «аяк» в тюркском языке как сосуда, используемого в процедуре церемонии освящения клятвой (Радлов В.В., 1969, с. 27). Вероятно, что и содержание слова *ритуал*, переданное в китайских источниках иероглифом в форме сосуда, по смыслу соответствует значению и знанию традиционной церемониальной практики в процессе ритуала (Кобзев А.И., 1988, с. 25–26).

Широкое распространение идеологических представлений, связанных со священным сосудом, в тюркской среде нашло отражение и в символе-тамге в фор-

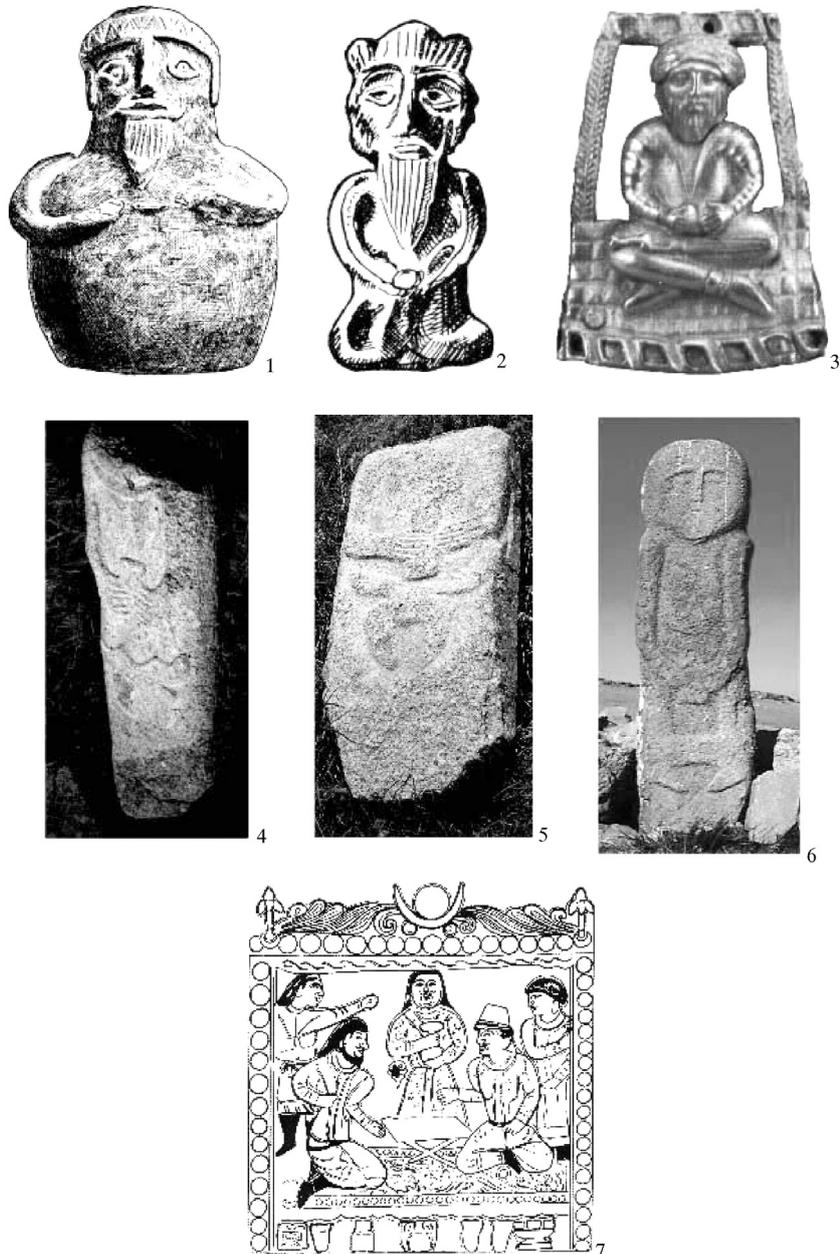

Рис. 1. 1, 2 – антропоморфный сосуд и статуэтка. Долина р. Чу (Бернштам А.Н., 1950, LI, 1, 2); 3 – изображение жреца с сосудом на кобяковской гривне (Прохорова Т.Н., 2001, рис. 2. Фрагмент с открытки выставки, посвященной сарматскому искусству. Музей этнографии, г. Ростов); 4, 5 – святилище Жайсан. Каменные изваяния; 6 – святилище Мерке. Сулусай-3, мужское изваяние; 7 – фрагмент картины на стенке саркофага. Сев. окраина г. Сиань, Восточный Туркестан (Сунгатай С., 2006, рис.)

ме сосуда на тюркешских монетах семиреченской халач-орды (Зуев Ю.А., 2002, с. 119). Изображение сосуда на денежных номиналах государства тюркешей однозначно не могло служить в качестве символа как емкости для напитков иного рода. Изображение Священного Сосуда на монетах могло означать, что в нем содержится *священная вода (живая вода/вода жизни)* и он является символом одного из главных персонажей тюркского пантеона божеств – Жер-Су (священная Земля-Вода). В контексте содержания сакрального символа звучит и фраза, написанная арабской вязью на стенке котла, установленного в центральном зале святыни тюркских народов, в мавзолее г. Туркестан. Надпись на стенке *тайказана* гласит – *сосуд для воды*. Снаружи по периметру стенки котла украшены налестками в форме сосков (*емчек*), к которым прикладывались до современности прихожане, посещающие мавзолей Ходжа Ахмета Яссауи (Мустапаева Д., 2006, с. 65). Контекст такого священнодействия с сосудом, предназначенным для воды, символизировал акт кормления. Тайказан (котел), установленный в центре мавзолея Ходжа Ахмета Яссауи в г. Туркестан, являлся символом священной Земли, матери-кормилицы и в миропонимании тюрков олицетворял божество Жер-Су, воплощая идею единения тюркских народов. В традиционном прикладном искусстве образ женского персонажа связан с изображением сосуда, присутствие этого символа в ритуале могло означать, что он синонимичен по содержанию с «мифологическим сосудом», который «тождественен телу женщины – подательницы жизни, плодородия и многочадия» (Зуев Ю.А., 2002, с. 140).

Вероятно, термин Мын булак – Тысяча источников (Мерке), сакрального, культового центра кочевников Западного тюркского каганата являлся ключевым идеологическим понятием и адекватно соответствовал системе мировоззренческих приоритетов кочевников и содержал информацию об основных символах тюркского пантеона божеств, главными среди которых было высокое небо Тенгри, подательница жизни Жер-Су, она же Умай Ана.

Известно, что «богиня земли у скифов носит имя, отражающее ее связь с водой, так как имя скифской богини «Апи возводится к иранскому вода» и «брачный союз неба именно с водой, как воплощением нижнего мира был устойчивой традицией, позволяющей предположить, что земное и водное начала олицетворялись в скифской религии в одном персонаже» (Раевский Д.С., 1977, с. 46). Мысли о том, что сосуды на изваяниях «...предназначались для воды» и «корни этого верования... относятся к местной внутреннеазиатской системе, где “герои и шаманы” употребляют воду жизни, которая была выявлена в “основе мирового дерева и мировой горы”, соединившей три сферы – небо, землю и подземный мир», наиболее адекватно подходят для объяснения семантики этих атрибутов, изображенных на статуях тюрков (Golden P.V., 1998, p. 204). Описываемый круг представлений, в котором сакральные символы, обозначающие женское начало, занимает одно из ведущих мест, по материалам святилища Мерке необходимо дополнить и другими данными. Неотъемлемой частью культовых памятников святилища Мерке являются каменные столы-алтари, валуны с многочисленными лунками, сопровождаемые тамгами, руническим письмом.

Камни с лунками, или «чашечные» камни, на Алтае сопровождают разные типы культовых комплексов, стелы, изваяния, наскальные рисунки и находятся

на территории родовых святилищ, «где совершались ежегодные праздники с таинственными обрядами, посвященными культу плодородия» (Кубарев В.Д., 1987, с. 69, 73). Топографические наблюдения в местах локализации описываемого типа памятников позволили В.Д. Кубареву отметить, что «сосредоточение их в одном месте святилища свидетельствует о неоднократном проведении каких-то обрядов или ритуалов, проводимых большим количеством людей» (Кубарев В.Д., 2000, с. 104–108). На несомненную связь камней с лунками с обрядовой практикой, в которой непосредственное участие принимали женщины, наделенные жреческими функциями, указывает серия аналогичных памятников – камней с лунками, расположенных в ущелье Каргалы, неподалеку от места, где была выявлено богатое женское захоронение. Головной убор женщины венчала уже упомянутая выше «*каргалинская диадема*», символизирующая ее статус служительницы культа (Бернштам А.Н., 1940, с. 23–31; Сараев П., Первых Н.М., 2001).

Скопления различной формы сооружений – алтарей, в том числе чашевидных жертвенников вокруг культового центра святилища Байте III, свидетельствуют, что такие участки «являлись сакральным центром, где совершались жертвоприношения, ... ритуальные действия, связанные с возжиганием огня и, возможно, *водные возлияния*» (Ольховский В.С., 2005, с. 147).

Реконструкции ритуала жертвоприношения небу, по материалам святилища Мерке, способствуют и скопления алтарей, жертвенников с лунками, сосредоточенные на террасе правого берега речки Тогансай. Здесь же находится удлиненной формы валун с рунической надписью в одну строку. Гигантский размер букв, манера расположения строки на камне с лунками, по мнению А.С. Аманжолова, показывают, что надпись обращена к небу и прочесть ее можно, взирая на нее сверху. Вариант чтения, предложенный профессором А.С. Аманжоловым (2006, с. 84), близок контексту ритуала жертвоприношения, так как надпись гласит «*уан*», что означает «*утешься/успокойся*» (в контексте ритуала).

Географическое и топографическое расположение святилища Мерке, содержание большого количества мемориалов со статуями, петроглифов, алтарей, письменности и тамг, компактно расположенных на одном пространстве, характеризует район локализации памятников в качестве сакральной территории. Святилище Мерке являлось культовым центром, местом средоточия и актуализации мифа, реализуемого в процессе проведения ритуала поклонения высокому небу, космосу, окружающей природе, и олицетворявших их на земле предков. Локализация святилища Мерке на территории долины р. Чу, в центре пространства народа *он ок будун/десяти стрел* (конфедерации племен дулу и нушеби), их преемников тюргешей, свидетельствует о его центральном положении, по сравнению с другими небольшими святильями, которые функционировали на других родовых землях тюркских кочевников, населявших степи в пределах Западного Тюркского каганата. Вероятно, в содержании топонима *Мерке/Мирки*, означающего с иранского *центр*, нашли отражение комплексы представлений, связанные с историей культуры населения, тысячелетиями обитавших и творивших на этой земле, центре владений западных тюрков.

А.М. Илюшин

Кузбасский государственный технический университет, Кемерово, Россия

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ КЫПЧАКОВ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

Этноним *кыпчак* в письменных исторических источниках появился во 2-й половине VIII в. после исчезновения государства и «племенного союза тюрок и сиров». Этот факт объясняют тем, что последние могли еще в VII в. принять новое имя-оберег «Кыпчак», которое сто лет сосуществовало с основным этнонимом, а затем окончательно закрепилось за тюркоязычным этносом, тем самым положив конец истории сиров и дав начало истории кыпчаков (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 1992, с. 125–127).

Племя кыпчак известно как одно из семи крупных тюркских племен, которые под предводительством племени кимаков в конце VIII в. на берегах Верхнего Иртыша и северных отрогах Алтая образовали крупное государственное объединение – Кимакский каганат, просуществовавший с конца VIII по X в. включительно (Кумеров Б.Е., 1972, с. 35–36). Территория этого государства увеличивалась за счет захватов новых земель, и в период своего расцвета в X в. она раскинулась от Алтая до Каспия, от кромки западносибирской тайги до казахских полупустынь (Ахинжанов С.М., 1999, с. 170). В этом союзе племен выделялись кыпчаки, которые, несмотря на изменение политической обстановки, продолжали вести традиционную форму хозяйствования – кочевое скотоводство. Считается, что еще накануне развала Кимакского каганата кыпчаки начали постепенное продвижение на запад. В XI в. они уже были на границе Хорезма, на Южном Урале и в Аральских степях, а в XII в. известны под этнонимом *половцы* в южнорусских степях (Ахинжанов С.М., 1999, с. 181–184; Плетнева С.А., 1990, с. 34–35; 2003, с. 149–151; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988; Федоров-Давыдов Г.А., 1966; и др.). В это же время другая часть кыпчаков продолжала проживать на прежних территориях, где она усилилась в предмонгольский период истории и начала свое движение на восток, достигнув пределов Верхнего Приобья, Среднего Енисея и Прибайкалья (Илюшин, 2006, с. 33–35; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 65–66; Дашибалов Б.Б., 2001, с. 167–174; 2004, с. 185–186; и др.). В составе кыпчакской конфедерации были отдельные тюркские, телеские, огузские, уйгурские, печенежские, монголоязычные племена и родоплеменные группы, которые находились в постоянном движении (образовывали племенные коалиции и сталкивались между собой, дробились на более мелкие этнические группы и смешивались). Такой ход истории предопределил появление такого феномена в XII в., как «Великая кыпчакская степь», когда по степным и лесостепным просторам от Байкала до Дуная кочевали многочисленные кыпчакские орды, образуя различные по своей форме (политические, военные и экономические) и этническому составу временные союзы, которые породили близкую по своему содержанию материальную и духовную культуру на всем этом пространстве. В связи с созданием и усилением империи монголов в XIII в. кыпчаки присоединились к ней и приняли активное участие в ее агрессивной политике. Это позволило им сохранить в XIII–XIV вв. свою материальную и духовную культуру.

туру, а свое имя распространить на огромные просторы Евразийского континента и Северной Африки, где оно известно как родовой этноним у многих современных тюркоязычных народов.

На территории Кузнецкой котловины этноним *кыпчак* зафиксирован в XIX в. В.В. Радловым как один из сеоков малочисленного тюркоязычного этноса – бачатские телеуты (Функ Д.А., 1993, табл. 7). Тот факт, что сеок кыпчак входил в этническую общность телеутов, свидетельствует, что носители данного этнонима изначально на этой территории были в меньшинстве по сравнению с другими близкородственными тюркскими племенами, образовавшими на территории Кузнецкой котловины в предмонгольский период теленгутскую этническую общность (Илюшин А.М., 2005, с. 124–125). В результате 20-летнего изучения вопросов этнокультурной истории средневекового населения Кузнецкой котловины, нами был сделан вывод о наличии четырех археолого-этнографических комплексов (АЭК), которые представляют собой различной величины социокультурные комплексы (Илюшин А.М., 2005, с. 75–108). С позиции исторического знания за каждым из этих явлений скрывается этнографическая общность или группа, которая доминировала на конкретной территории в определенный хронологический период. Классификация и картографирование археологических артефактов и их сравнительный анализ позволили выйти на новый рубеж познания, когда археологические источники можно интерпретировать как свидетельства жизнедеятельности конкретного средневекового этноса, чью материальную и духовную культуру можно описывать и исследовать. Одним из таких этносов являются кыпчаки, которые были включены в качестве одного из компонентов в тюркский АЭК погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня, датированный XI–XIV вв. (Илюшин, 2006 с. 33–35).

Кыпчакский компонент представлен на погребальных памятниках Торопово-1, Ур-Бедари, Шабаново-9 и Конево, которые датируются в пределах XI–XIV вв. Он характеризуется следующими особенностями:

1. Это состоящие из нескольких этнических компонентов небольшие курганные могильники, группы или одиночные курганы.

2. Округлые и овальные земляные насыпи диаметром, как правило, значительно более 10 м. Земляные насыпи находятся в западной части сакрального пространства, которое образуют рвы подчетыреугольной формы с заovalенными углами, длинной осью вытянутые по линии ЗЮЗ–ВСВ и ЮЗ–СВ и имеющие в северо-восточных частях площадки, не занятые насыпями, и разрывы.

3. Под насыпями неглубокие (глубина не превышает длину могил) и сравнительно небольшие (по параметрам) грунтовые могильные ямы, как правило, овальной формы, ориентированные длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Таких могил под насыпями бывает до пяти, но чаще всего от одной до трех. Они располагаются в центральной части, а когда их несколько, то под южной, западной и северной полами курганных насыпей. Под восточными полами насыпей таких могил нет. Над могилами нет каких-либо конструкций.

4. На дне грунтовых могильных ям погребены взрослые люди (мужчины или женщины) и чучела коней (шкура с головой и отчлененными по третий сустав

ногами). Погребения людей совершены в подбоях на дне могил, в положении на спине с вытянутыми вдоль тела руками, ориентация – головой на северо-восток. Конские останки погребены рядом на ступеньке и лишь в единичных случаях на одном уровне с человеком. Головы коней ориентированы на юго-запад. Предварительно фиксируется традиция погребения шкуры коня справа от мужчины и слева от женщины (т.е. к северу от мужчин и к югу от женщин, соответственно и расположение приступков. – *А.И.*). Внутри отдельных могил встречаются погребальные конструкции из дерева и бересты.

5. Из категорий погребального инвентаря в этих могилах преобладают предметы вооружения, украшения и конского снаряжения.

Аналогии этому погребальному обряду имеются в древностях конца I и начала II тыс. на степных просторах от Иртыша до Дуная, где кочевников, оставивших эти памятники, отождествляют с печенегами, огузами или кыпчаками.

В.А. Могильников, систематизируя материал культуры кочевников северо-западного предгорья Алтая, входивших в государство кимаков, по особенностям погребального обряда выделял три группы памятников конца VIII–IX – XI вв. Наиболее ранней он называл группу земляных и каменно-земляных курганов, под насыпями которых в грунтовых ямах зафиксированы погребения по обряду ингумации в сопровождении чучела коня (голова, конечности и шкура, набитая соломой), и связывал ее с этническим массивом огузов (Могильников В.А., 2002, с. 3). В южноуральских степях эти древности отождествляют с кыпчаками (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 55–68). В южнорусских степях погребения по обряду ингумации в сопровождении чучела коня связывают с традициями погребального обряда печенегов, гузов (огузов) и кыпчаков (половцев) и при этом различают их этнокультурную принадлежность по отдельным деталям. Печенеги хоронили под небольшими земляными насыпями или сооружали «впускные» грунтовые могилы, в которых погребали по обряду ингумации в вытянутом положении на спине головой на запад, а слева от покойника укладывали чучело коня с отчлененными по первый или второй сустав ногами. Гузы устраивали перекрытие над могилой для помещения на него чучела коня с отчлененными, как правило, по второй сустав ногами или же укладывали чучело на приступке слева от покойника. Первоначально кыпчаки делали каменные курганы или обкладывали их камнем, умерших клали головой на восток, рядом с ними (чаще слева), также головами на восток, помещали чучела коней, но с ногами, отчлененными по колена (по третий сустав). Затем кыпчаки стали сооружать земляные насыпи, чучела коней погребать на приступках, поменяли ориентировку: сначала коней – головами на запад, затем и самих покойников (Атавин А.Г., 1984; Плетнева С.А., 1990, с. 38–39).

Приведенные аналогии, а также свидетельства письменной истории, указывающие на то, что огузы и печенеги на территории Кузнецкой котловины никогда не были, позволяют однозначно трактовать описанный выше компонент тюркского АЭК погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня как комплекс материальной и духовной культуры кыпчаков XI–XIV вв.

В.А. Кисель

*Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

ДЕРЕВЯННЫЕ ГРОБНИЦЫ ТУВЫ В СВЕТЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ

Тува издревле отличалась разнообразием погребальных обрядов. Еще столетие назад здесь встречались различные варианты подземных, наземных и надземных погребений. И хотя после образования государства Танну-Тува Улус (1921 г.) (позднее – Тувинская Народная Республика) под давлением правительственных органов возобладала ингумация, в отдаленных районах вплоть до 1950-х гг. продолжали проводиться похороны, при которых трупы оставлялись на поверхности земли, укладывались на помосты или подвешивались на деревья. Одним из сохранившихся до середины XX в. способов погребения были захоронения в деревянных гробницах. Эти сооружения представляли собой бревенчатые или дощатые четырехстенные срубы, имевшие двускатную крышу, пол, а иногда и потолок. Часто гробницы устанавливались на четыре столба. Возводились они в южных и западных районах исключительно для погребения лам и шаманов, причем для лам чаще (Потапов Л.П., 1960, с. 224–226, 230; Дьяконова В.П., 1975, с. 75–76, 80; Вайнштейн С.И., 1991, с. 263).

В.П. Дьяконова, наиболее компетентный исследователь похоронной обрядности тувинцев, отметила внешнее сходство гробниц лам и шаманов, но усомнилась в их родстве по причине разных названий – «сувурган» и «сери». Исследовательница предположила, что погребальные сооружения лам могут быть связаны с манихейством, принесенным в Туву уйгурскими завоевателями в 750–840 гг. (Дьяконова В.П., 1975, с. 117–118). Безусловно, манихейство, принятое в качестве государственной религии в Уйгурском каганате в 763 г., запрещавшее осквернять землю захоронением трупов, могло повлиять на создание деревянных гробниц. Однако прямые доказательства этому отсутствуют. Более того, постройки на столбах относятся к надземному («воздушному») типу погребений, известному большинству народов лесных и лесостепных районов не только Евразии, но и Америки (Ситнянский Г.Ю., 2001, с. 180; Иохельсон В.И., 2005, с. 305–306), а гробницы на поверхности земли характеризуются как наземный тип, охватывающий дополнительно территории степи и тундры (Семейная обрядность..., 1980, с. 102–103, 105, 119, 130, 144–146, 149, 152, 159–160, 175, 179, 183, 188, 190, 193, 195, 199, 204, 209, 221). Обнаруженные же уйгурские погребения Тувы VIII–IX вв. являются исключительно подкурганскими захоронениями, совершенными в катакомбах и ямах. Что же касается наименований сооружений, то ни одно из них не обозначает собственно гробницы. «Сери» – это помосты, использовавшиеся для погребений шаманов, а «сувурган»–«субурган», иначе ступа, – один из главных символов буддизма. Видимо, названия зафиксировали не разный генезис гробниц, а отразили процесс включения одного и того же атрибута в разные культы.

Следует подчеркнуть, что деревянные «домики мертвых» с двускатной крышей были широко распространены в Сибири. Еще Л.П. Потапов (1960, с. 230, 232) указывал на сходство тувинских гробниц с одним из типов якутских арангасов. Добавим, что близкие по внешнему виду постройки использовались в качестве погребальных и надгробных памятников также алтайцами, хакасами, сибирскими татарами, хантами, манси, ненцами, селькупам, нанайцами, ульчами (Соколова З.П., 1971, с. 230, рис. 13, 16; Дьяконова В.П., 1975, с. 81, 83; Семейная обрядность..., 1980, с. 111, 136, 155, 179, 183; Зенько А.П., 2001, с. 203–204; Карапетова И.А., 2003, с. 191; Селезнев А.Г., Селезнева И.А., 2004, с. 45; Федорова Е.Г., 2005, с. 173; Сынские ханты, 2005, с. 93–94; Николаев В.В., 2005, с. 132). Местом проживания многих из перечисленных народов служили преимущественно леса и горная тайга, поэтому обычай возведения погребальных срубов с двускатной крышей, вероятнее всего, следует возводить к традициям таежного населения. В Туву он мог попасть в позднем средневековье вместе с пришлыми самодийскими племенами.

Область распространения тувинских гробниц, включающая западные и южные территории, позволяет реконструировать путь продвижения мигрантов. Переселенцы, проникнув из Минусинской котловины, сначала продвигались вдоль водных артерий: вверх по Енисею и по р. Хемчик. Впоследствии ими были освоены предгорья Западного и Восточного Танну-Ола. Должно быть, миграция не носила крупномасштабный характер. Переселялись сравнительно малочисленные племенные коллективы, которые через непродолжительное время растворились среди местного тюркоязычного населения.

Среди родоплеменных групп тувинцев можно выделить рода, впитавшие в себя пришельцев. Наиболее вероятными претендентами выступают маады, иргит и чооду, а также иргит-маады и чооду-иргит, имеющие выраженные самодийские корни (Вайнштейн С.И., 1980, с. 80–82). Их бытовая жизнь существенно отличалась на общем фоне. Например, южные чооду, разводя верблюдов, не потребляли в пищу верблюжьего молока и мяса (Потапов Л.П., 1969, с. 63). Еще контрастней выделялись северные маады. В отличие от других тувинцев они отдавали предпочтение не скотоводству, а пешей охоте и собирательству, не юрте, а чуму, при погребении же сородичей ориентировали трупы не на горную вершину, а по течению реки (Дьяконова В.П., 2000, с. 104–105). Очевидно, эти родоплеменные группы оказались той средой, в которой закрепился привнесенный погребальный обряд. Новация не приобрела широкой популярности и осталась локальным вариантом, к тому же ограниченным только одной категорией населения – шаманами. В дальнейшем в процессе распространения буддизма этот ритуал перешел к другим представителям сакральной сферы – ламам, которые унаследовали и во многом адаптировали шаманские установки, представления и атрибутику.

Таким образом, традицию сооружения гробниц в Туве можно связать с притоком самодийского населения и охарактеризовать ее как наследие таежной погребальной обрядности.

А.А. Ковалев, Д. Эрдэнэбаатар
*НИИ комплексных социальных исследований
Санкт-Петербургского государственного
университета, Санкт-Петербург, Россия;
Улан-Баторский государственный университет,
Институт истории АН Монголии, Улан-Батор, Монголия*

МОНГОЛЬСКИЙ АЛТАЙ В БРОНЗОВОМ И РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКАХ

**(по результатам работ Международной Центральноазиатской
археологической экспедиции Санкт-Петербургского
государственного университета, Института истории АН Монголии
и Улан-Баторского государственного университета)**

В 2001–2005 гг. Международной Центральноазиатской археологической экспедицией Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета проводились планомерные исследования погребальных памятников эпохи бронзы–раннего железа на территории Ховдского и Баян-Ульгийского аймаков Монголии. Целью этих разведок и раскопок было создание культурно-исторической схемы Монгольского Алтая в III–I тыс. до н.э.

В результате проведенных полевых работ впервые на территории Монголии были открыты памятники чемурчекской культурной общности, а на Монгольском Алтае обнаружены курганы афанасьевской культуры, определена южная граница распространения пазырыкских комплексов, выделены мунх-хайрханская культура эпохи средней бронзы и байтагская культура эпохи поздней бронзы, определена относительная хронология и атрибуция известных типов погребальных сооружений и стел Монгольского Алтая эпохи поздней бронзы и раннего железного века, выявлены курганы раннескифского времени с деревянными сооружениями на горизонте, возможно, являвшиеся предшественниками курганов «аржанского типа».

Наиболее ранним из исследованных памятников следует считать раскопанный в 2004 г. курган №1 афанасьевской культуры на комплексе Кургак-гови (Хуурай говь), расположенном на первой террасе левого берега р. Кара-Джамат-гол (Уланхус сомон Баян-Ульгийского аймака). Объект представлял собой плоскую круглую каменную платформу диаметром 16 м, высотой около 1 м с крепидой из вертикальных каменных плит. С восточной стороны кургана, на расстоянии около 2 м от него, была вертикально вкопана еще одна такая плита. В центральной части была устроена подпрямоугольная могильная яма глубиной более 2 м, в которой головой на восток, на спине были погребены мужчина и ребенок. Перекрытием погребения служило днище кузова деревянной повозки, на которое и был уложен инвентарь: бронзовые нож и шило, костяной наконечник стрелы, глиняный сосуд вытянутых пропорций, типичный для алтайского варианта афанасьевской культуры, альчики мелкого рогатого скота. Датировка, проведенная в лаборатории радиоуглеродных исследований ИИМК РАН (здесь и далее ссылки на даты лаборатории ИИМК РАН с учетом калибровки), по углю, дереву и костям погребенных (всего семь дат)

показала наиболее вероятное время сооружения кургана – конец 2-й половины III тыс. до н.э.

Два афанасьевских кургана меньших размеров с крепидой из вертикальных плит были обнаружены в том же сомоне на первой террасе левого берега р. Согог-гол, близ раскопанного нами чемурчекского кургана Кумди-гови (Хундий говь).

Как установлено работами экспедиции, с середины III тыс. до н.э. на территории монгольской части Монгольского Алтая начинают проникать чемурчекские племена. Ранее памятники этой культуры исследовались только лишь с китайской стороны границы (Kovalev A., 2000; Ковалев А.А., 2005). Нами раскопаны шесть чемурчекских курганов близ центра Булган сомона Ховдского аймака (могильники Ягшийн ходоо, Хэвийн ам, Буурал Харын ар), а также четыре прямоугольные погребальные ограды в Уланхус сомоне Баян-Ульгийского аймака (Кулала-ула (Хул уул), курган №1, Кургак-гови (Хуурай говь), курган №2, Кумди-гови (Хундий говь), Кара-тумсик (Хар хошуу) (еще один чемурчекский курган такого типа был обнаружен на левом берегу р. Цаган-гол). Исследованные курганы в Баян-Ульгийском аймаке представляли собой прямоугольные ограды с земляными ямами, вытянутые по оси запад-восток. Три из четырех оград сопровождалась каменными стелами, установленными с восточной стороны (стела у кургана Кулала-Ула была подработана для придания антропоморфности). В кургане Кара-Тумсик одна из таких стел стояла в пределах ограды с восточной стороны могилы и была выкрашена красной охрой. Курган №2 памятника Кургак-гови вместе с афанасьевским курганом образовывали обособленную группу памятников; две радиоуглеродные даты, полученные в лаборатории ИИМК по углю из первоначальной культовой (?) ямы чемурчекского кургана №2, приходятся на тот же период, что и четыре даты по углю из афанасьевского кургана №1. Это может указывать на то, что на раннем этапе своего пребывания на Алтае чемурчекское население могло сосуществовать с афанасьевским. В пользу этого свидетельствуют установленная с восточной стороны афанасьевского кургана стела и находка в этом афанасьевском кургане костяного наконечника стрелы, аналогичного обнаруженному в кургане №1 памятника Кулала-ула и Кара-тумсик. Булганские памятники представляют собой ориентированные длинной осью по линии запад–восток огромные ящики из массивных плит для коллективных захоронений (до 10 человек), в большей или меньшей степени утопленные ниже уровня древнего горизонта. Снаружи ящик укреплен прямоугольной в плане каменной наброской, в свою очередь окруженной земляной насыпью, прямоугольный периметр которой выложен рядами светлых валунов. С восточной стороны кургана №3 могильника Ягшийн ходоо была установлена лицом на юг типичная чемурчекская статуя, изображающая мужчину с обнаженной грудью в шлеме (?), держащего в руках «посох» и лук, а с востока от кургана №1 памятника Хэвийн ам был прослежен ритуальный «вход», образованный тонкими вертикальными плитками и вымостками из валунов. Стенки булганских склепов были в древности расписаны красной краской. Наши наблюдения говорят о том, что ареал распространения подобных погребальных сооружений охватывал бассейны нижнего течения р. Ховд и р. Буянт (подробнее о чемурчекском культурном феномене см.: Ковалев А.А., 2005; о новых находках

чемурчекских памятников, как и предполагалось, на реке Буянт см.: Тишкин А.А. и др., 2006, с. 111).

Результаты радиоуглеродного анализа по костям, углю и дереву из чемурчекских курганов Монголии (всего 27 определений) указывают, что эти памятники сооружались в период как минимум с середины третьего по первые века II тыс. до н.э. К чемурчекской культуре необходимо отнести также и три округлые ритуальные выкладки, исследованные нами в 2001 г. в высокогорном урочище Хар говь (Мунх-Хайрхан сомон Ховдского аймака), близ более позднего херексура. Здесь были обнаружены шлифованные каменные орудия, аналогичные найденному в 1999 г. в казахстанском чемурчекском кургане №2 могильника Айна-Булак-I. Кроме того, при строительстве ограды херексура была переиспользована каменная стела с выделенной миниатюрной «головой», наподобие стелам из чемурчекских курганов могильника Копя-2 (Казахстан) и Кулала-ула.

Эпоха средней бронзы представлена на Монгольском Алтае мунх-хайрханской культурой, памятники которой были открыты впервые нашей экспедицией в 2003 г. на территории Мунх-Хайрхан сомона Ховдского аймака. Курганы этой культуры представляют собой плоские каменные насыпи в один слой. В центре кургана находится могильная яма овальной формы, размерами в плане не более 1,3x1 м, широтной ориентации. Погребенный уложен в сильно скорченном положении, на левом боку, головой в восточный сектор. Могильная яма над погребенным забита необработанными уплощенными глыбами и плитками камня, образовавшими в древности некое подобие свода в один или два слоя. Рядовые курганы в рассматриваемом регионе – круглые, около 3 м в диаметре. Нашей экспедицией по берегам р. Дунд-Цэнхэр-гол были раскопаны четыре кургана, определенно относящиеся к мунх-хайрханской культуре, с сохранившимися костями взрослых погребенных *in situ*: курган №1 памятника Хотуу даваа, Артуа, курганы №1 и 2 комплекса Улаан говийн удзуур. В единый комплекс с курганом №2 памятника Улаан говийн удзуур входили детские (?) курганы №3 и 4, погребения в которых не сохранились. От каждого костяка взрослого человека были отобраны образцы для радиоуглеродного анализа. Полученные четыре даты с наибольшей вероятностью укладываются в период 1800–1600 гг. до н.э. В кургане №1 памятника Хотуу даваа был обнаружен обломок серги с раструбом андроновского типа, а в неграбленном кургане №1 комплекса Улаан говийн удзуур – бронзовые четырехгранное шило и однолезвийный нож (треугольного сечения по всей длине), с невыделенным черешком, а также костяной черпак. Три кургана того же типа обнаружены в ходе разведки к северу от центра Мунх-Хайрхан сомона. В 2006 г. наша экспедиция открыла памятники мунх-хайрханской культуры на территории Хубсугульского аймака, где рядовые курганы имели, в отличие от Западной Монголии, подквадратную форму. Там же был исследован «элитный» мунх-хайрханский курган диаметром 30 м. Таким образом, стало возможным связать с мунх-хайрханской культурой плоскую каменную насыпь в один слой диаметром также около 30 м, обнаруженную нами с А.В. Вареновым в ходе разведки 2003 г. в верхнем течении р. Ховд (Кобдо), на территории Цэнгэл сомона Баян-Ульгийского аймака.

Погребальные памятники эпохи поздней бронзы Монгольского Алтая, в отличие от более ранних объектов, раскапывались и до начала работ нашей экспедиции

(Батмунх Б., 2000, с. 87–90; Елин В.Н., Эрдэнэцогт Р., Батмунх Б., Баяраа Д., 1994), однако исследователями не был обеспечен должный уровень фиксации, не были отобраны образцы хотя бы для радиоуглеродного анализа, не проведена работа по определению планиграфических связей и относительной хронологии различных типов этих курганов – в подавляющем большинстве безынвентарных. Нашей экспедицией с помощью GPS-навигатора было проведено картографирование погребальных сооружений эпохи поздней бронзы на территории одного из наиболее насыщенных археологическими памятниками микрорегионов – долине р. Дунд-Цэнхэр-гол с ее истоками, которое привело нас к следующим выводам.

Курганы с насыпями, представляющими собой плоскую округлую каменную платформу с выраженной крепидой из более крупных камней, составляют могильники, занимающие центральную часть речной долины, зачастую – на останцах посреди речного русла. В эти могильники входят как плоские курганы с погребением в грунтовой яме, так и курганы, имеющие в центре плоской платформы куполообразное возвышение – наброску над невысокой цистой, включая курганы с подчетыреугольной оградой, углы которой оформлены каменными курганчиками (см. аналогию Коновалов П.Б., Наваан Д., Волков В.В., Санджмятав Г., 1995, с. 47–53). В комплекс такого могильника, как правило, входит прямоугольная каменная выкладка, зачастую окруженная с трех сторон оградкой из вертикальных камней и сопровождающаяся с узкой (как правило – восточной) стороны несколькими стелами. Нами были исследованы курганы из таких могильников, содержащие погребения взрослых мужчин на боку, вытянуто, головой на запад, в узких неглубоких ямах, перекрытых поперечными плитами: курганы №3 и 9 памятника Хух толгой, курган №3 памятника Тэлэнгэдийн ам (Мунх-Хайрхан сомон, Ховдского аймака), курган №2 памятника Кулала-ула (Уланхус сомон, Баян-Ульгийского аймака), курган №1 комплекса Худжиртын гол-2 (Булган сомон, Ховдского аймака). Радиоуглеродные даты по костям погребенных из первых четырех комплексов указывают с большой долей вероятности на 2-ю половину II тыс. до н.э. Нетрудно определить, что эти памятники относятся к классическим курганам монгун-тайгинского типа. Однако корреляция этих курганов с аналогичными плоскими насыпями, но с цистой на горизонте указывает не только на однокультурность, но и на одновременность этих традиций погребального обряда, что противоречит выводам К.В. Чугунова, В.А. Семенова и Д.Г. Савинова об эволюции монгун-тайгинских курганов от погребений в ямах к захоронениям в цистах на древней дневной поверхности (Чугунов К.В., 1994; Семенов В.А., Чугунов К.В., 1987; Савинов Д.Г., 1994, с. 58–59).

Зафиксированы еще два типа погребальных сооружений: курганы с цистой из одного–двух слоев камня и четырехугольной насыпью, ограниченной по периметру крепидой с вертикальными камнями по углам, и куполообразные, округлые в плане курганы, содержащие высокую (до 2 м), выведенную заподлицо вершине насыпи цисту из нескольких слоев каменных плит и глыб, уложенных длинной осью по радиусу насыпи. Они располагаются на конусах выноса и террасах выше монгун-тайгинских могильников, что может означать их относительно более позднее сооружение. Нами были исследованы в Мунх-Хайрхан сомоне

«четырёхугольный» курган №3 на памятнике Хотуу даваа и курган №1 «с высокой цистой» на комплексе Адууг-2, аналогичные раскопанным В.В. Волковым и Ц. Доржсурэном в 1960 г. в Манхан сомоне Ховдского аймака (Батмунх Б., 2000, с. 87–89). Первый курган содержал погребение ребенка, уложенного головой на восток, в невысокой цисте из одного слоя каменных глыб. Радиоуглеродная дата по костям ребенка относит его ко 2-й половине II тыс. до н.э. Во втором кургане на горизонте было зачищено погребение мужчины на правом боку, скорченно, головой на запад. Радиоуглеродная дата по костям погребенного (с вероятностью 95,4%) – 800–360 лут до н.э. (Le-6940).

Как выяснилось в ходе раскопок сопровождавшегося оленными камнями кургана-херексура с 13 «лучами» Хар говь в Мунх-Хайрхан сомоне, этот херексур содержал точно такую же по конструкции цисту, как и курган № 1 на памятнике Адууг-2, только большего размера. Такие же цисты, выведенные практически заподлицо верху насыпи, как нами было установлено в ходе разведок, находятся во всех осмотренных нами на Монгольском Алтае «херексурах с лучами». Радиоуглеродная дата кургана Хар говь по костям погребенного с вероятностью 95,4% – 1200–750 гг. до н.э., с вероятностью 68,2% – 980–800 гг. до н.э. (Le-6931). Таким образом, можно выдвинуть предположение об однокультурности херексуров «с лучами» и таких же погребальных сооружений без лучей и кольцевых оград. Видимо, население, оставившее эти погребальные памятники, занимало центральную часть Монгольского Алтая в скифское время. При этом подавляющее большинство оленных камней всех типов в Западной Монголии, зафиксированных *in situ*, связаны именно с херексурами с «лучами»: они устанавливались на насыпи этих курганов, у края насыпи, группами около херексура.

Культурная ситуация на южных склонах Монгольского Алтая в эпоху поздней бронзы – раннего железа была несколько иной. В ходе наших исследований на р. Улястайн-гол в горах Байтаг-Богдо в 2005 г. был обнаружен могильник (Улястайн дунд дэнж-I), состоящий из семи кольцевых оградок диаметром около 1,7–2,2 м, сложенных из лежащих плашмя камешков в один слой. В центре такой оградки размещалась овальная в плане могильная яма, ориентированная строго по линии запад-восток, длиной не более 1,2 м. Несмотря на ограбление, по сохранившимся свое первоначальное положение костям погребенных удалось установить, что они были уложены головой на восток, на спине, с коленями, поднятыми вверх. Обнаруженные в могилах артефакты: свернутые из листовой бронзы конические пронизки, аргиллитовый бисер, две литые выпуклые бляхи, височное кольцо в 1,5 оборота – свидетельствуют в пользу отнесения этих памятников к эпохе поздней бронзы, начиная с XIV в. до н.э. Кроме того, такое же по обряду захоронение женщины, сопровождавшееся отломанным кончиком бронзового однолезвийного ножа, было совершено в заполнении каменного ящика чемурчекского кургана №1 памятника Хэвийн ам в 200 км к северу от Байтага. По костям погребенной из этого захоронения была получена радиоуглеродная дата (с вероятностью 95,4%) – 1400–850 гг. до н.э. (Le-7223). Эти памятники можно отнести к особой культуре, обозначенной нами как «байтагская».

В раннескифское время здесь (между Алтаем и Байтагом) зафиксирован обряд захоронения в плоских курганах с деревянной конструкцией на горизонте, возмож-

но, свидетельствующий о южных корнях раннескифского погребального обряда. Нами были исследованы два безынвентарных кургана, имевшие предположительно деревянные камеры (наличие их восстанавливается путем фиксации западов камней насыпи): курган №1 на памятнике Хух удзуур (близ Булгана) и курган №1 на комплексе Улястайн дээд дэнж-1 (на Байтаге). Дата по костям погребенного из кургана Хух удзуур – 800–200 гг. до н.э. (68,2%) и 1000–100 гг. до н.э. (95,4%) (Le-7216), учитывая заведомую насыщенность костей этого скелета, лежавшего на глубине 40–50 см от поверхности насыпи, органическими остатками более позднего времени, не может считаться опорной для определения абсолютной хронологии памятников этого вида.

Разведка, проведенная в 2004 г., выявила то, что комплексы пазырыкской культуры распространились в Баян-Ульгийском аймаке, в 200 км южнее российско-монгольской границы (Варенов А.В., Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2004).

Данные по иным исследованным нами памятникам эпохи раннего железа на юге Монгольского Алтая еще обрабатываются и будут введены в научный оборот с публикацией трудов экспедиции.

С.А. Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет, Кемерово, Россия

КОНСКИЕ ЧЕРЕПА И КАМНИ-ОБЕЛИСКИ В СИСТЕМЕ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Эпоху поздней бронзы можно рассматривать как время начала перехода к подвижному кочевому скотоводству, окончательно утвердившемуся в раннем железном веке. Этот процесс шел во всей зоне степей и постепенно захватывал лесостепные, предгорные и горные районы Центральной и Северной Азии. На основе позднебронзовых культур формировались культуры раннескифского и скифского времени. В скотоводческой среде оформилась устойчивая традиция конских захоронений, сохранявшаяся вплоть до этнографической современности. Истоки этой традиции археологически фиксируются в памятниках эпохи бронзы и находят истолкование в индоевропейских обрядах. Индоевропейские параллели, на наш взгляд, вполне оправданы для памятников андроновского круга и культур, сформировавшихся на андроновской основе, в том числе и ирменской.

У индоевропейцев среди четвероногих домашних животных, «не умеющих говорить», была установлена четкая иерархия по степени их близости к человеку, что фиксируется в ритуалах (особенно в строительных и погребальных) и в праве. Ближе всего к человеку была лошадь, далее крупный рогатый скот (быки и коровы), затем мелкий рогатый скот (бараны и овцы). Потом могли идти выделяемые отдельно свиньи и собаки (Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984, с. 471–599). Привилегированное положение коня нашло археологически фиксируемое отражение и в ирменских домостроительных, и погребально-поминальных обрядах. Так при раскопках ирменского поселения Быстровка-4 возле входа в жилище №4, на уровне

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №07-01-00527а).

первой ступеньки лежали три конских черепа. Конский череп был зафиксирован и в жилище №5 внутри каменной кладки близ очага (Матвеев А.В., 1993, с. 32–63). Эти данные интересно сопоставить с материалами карасукской культуры Минусинской котловины. На позднекарасукском поселении Каменный Лог, «шкуры» лошадей были помещены в специальную яму у входа в одну из землянок. Э.Б. Вадецкая (1986, с. 53–61) считает, что данная традиция восходит к андроновской культуре. Данные «жертвы закладки», маркирующие наиболее важные и ритуально уязвимые места жилища (вход и очаг), находят аналогии в традициях индоевропейских народов. Так, в балтийской, германской и славянской традициях отмечается роль индоевропейской конской строительной жертвы, отраженной, вероятно, в символике голов лошади (позднее замененных «коньками» на крыше дома) (Иванов Вяч. Вс., 1989, с. 84).

Анализ расположения костных останков животных в сакральном пространстве курганов ирменской культуры, сделанный нами в специальной статье (Ковалевский С.А., 2004), показал, что конские головы (черепа) и «шкуры» использовались «ирменцами» наиболее часто при совершении захоронений и последующих действий поминального цикла. Ритуально-жертвенные комплексы (РЖК) с черепами и «шкурами» коней фиксируются в ирменских курганах, как правило, на периферии сакрального пространства курганов (главным образом в южной и юго-западной частях) и связаны преимущественно с такими способами разметки, как грунтовые ямы, рвы и каменные ограды. Захоронения конских черепов и «шкур» в ирменских курганах, видимо, играли особую роль. Подтверждением этого наблюдения является тот факт, что исследователями была установлена ориентация отдельных лошадиных черепов в могильниках Журавлево-4 (курган №10, яма 1) и Заречное-1 (курган №5, мог. 12) на юго-запад, реже по антитезе – на северо-восток (Бобров В.В. и др., 1993, с. 37; Зах В.А., 1997, с. 80). В могильнике Камень-1 (курган №1, п. 2) над погребением находилось скопление черепов и конечностей от восьми лошадей. Черепа были выложены в ряд, плотно друг к другу и чередовались по расположению: одни из них были положены на теменную кость, а другие – на верхнюю челюсть (Новиков А.В., 2001, с. 62–64). Об особом отношении к лошади у «ирменцев» говорит и тот факт, что отдельные конские захоронения (как и человеческие) сопровождалось установкой керамического сосуда (мог. Абрамово-4, курган №3; Заречное-1, курган №5).

При раскопках могильника Журавлево-4 (курган №10) в яме, расположенной в южной части насыпи, были найдены черепа девяти лошадей, что связывается авторами исследования с погребением в этом же кургане девятерых мужчин (Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с. 37, 77, 85). Похожее наблюдение было сделано при раскопках другого ирменского могильника Танай-7 (Бобров В.В., Мыльников Л.Н., Горяев В.С., 1997, с. 144–149). Корреляция РЖК, содержащих черепа коней с половозрастными данными погребенных, позволяет распространить эти наблюдения и на отдельные ирменские погребения юга Западной Сибири. В семи определенных случаях черепа животных находились только в погребениях мужчин, возраст которых составлял от 25 до 50 лет. Причем, как правило, все подобные погребения планиграфически выделялись, занимая центральное место среди

других погребений под курганными насыпями, что свидетельствует о социальной значимости погребенных в этих могилах мужчин. Кости лошади, зафиксированные в погребениях мужчин-лидеров из могильников Журавлево-4 и Танай-7, по мнению В.В. Боброва и В.С. Горяева (1998, с. 182–187), могут свидетельствовать о появлении у «ирменцев» традиции погребений человека с конем.

Об особой ритуальной роли черепов животных (лошадь, медведь) в ирменской погребально-поминальной традиции, пишет Ю.И. Михайлов, который замечает, что эти черепа находились в курганах, открывавших цепочки могильников Журавлево-4 и Танай-7. Исследователь предполагает, что в этих курганах были захоронены лидеры отдельных ирменских объединений, апеллировавшие к зооморфной символике для придания легитимности своему статусу. Черепа животных в таких курганах социальных лидеров символизировали общее генеалогическое родство умерших (Михайлов Ю.И., 2001, с. 194–195, 200–201). Таким образом, погребения конских черепов и «шкур» в ирменских погребально-поминальных комплексах явно занимают престижную позицию по отношению к захоронениям других животных (за исключением медвежьих черепов) и четко связываются с погребениями мужчин, занимавших престижное место в ирменском обществе.

Эти факты находят явные соответствия в индоевропейском погребальном ритуале, где кони занимали довольно высокое положение и выступали символом престижа, признаком принадлежности к господствующему слою общества (Беленицкий А.М., 1978, с. 31, 37). Так, общеиндоевропейский обычай предполагал жертвоприношение коня при царском погребении (Иванов Вяч. Вс., 1989, с. 84). Среди перечисления обязательных атрибутов «предметного» мира похоронного ритуала индоевропейских народов фигурирует как сам конь, так и его голова (череп). Часто наряду с черепом коня фигурирует и череп быка (коровы) (Топоров В.Н., 1987, с. 15). Обрядовое отделение головы коня известно в хеттской, древнеиндийской, древнеиранской, архаической римской, древнегреческой и других индоевропейских традициях. Так, в древнеиндийской ведической традиции конь предстает как «мировое» животное, воплощающее в себе космос и его части. Во время ритуала принесения в жертву коня – ашвамедхи – передняя часть расчленяемого коня – его голова – посвящается богу огня Агни, отождествляется с утренней зарей, соотносится с одним из трех видов благополучия, одной из частей трехчастного космоса. В ведической архаической знаковой системе конский глаз соотносится с Сурьей (солнцем), обладает особым медовым (солнечным. – С.К.) знанием и наделен способностью исцелять от болезней (Иванов Вяч. Вс., 1989, с. 79–84).

Кроме конских черепов и «шкур» символами особого социального престижа в ирменских курганах выступают камни-obelisks (стелы), также находящие соответствия в индоевропейской традиции, предусматривающей оказание погребальных почестей умершим героям и царям, посредством гробницы и стелы (Иванов Вяч.Вс., 1990, с. 6). Происхождению и роли камней-obelisks посвящен целый ряд работ (Бобров В.В., 1992, с. 54–57; Савинов Д.Г., 1994; Членова Н.Л., 1999, с. 36–42; Михайлов Ю.И., 2000, с. 334–341). Обращают на себя внимание частые случаи нахождения камней-obelisks и костных останков животных (черепа, «шкуры» или кости коней, череп медведя) в одних и тех же курганах. Подобная

ситуация зафиксирована в престижных ирменских могильниках Журавлево-4 (курганы №10, 12 и 17), Танай-7, Камень-1 (курган №1, п. 1) (Бобров В.В. и др., 1993, с. 37–42, 44–50, 54–59; Бобров В.В., Горяев В.С., 1998, с. 67–70; Новиков А.В., 2001, с. 62, рис. 1.-9). Это объясняется, с одной стороны, тем, что камни-obelisks, как и черепа коней и медведей, маркировали погребения мужчин – социальных лидеров. С другой стороны, прослеживается прямая семантическая связь между черепами и камнями-obelisks. Так, Ю.И. Михайловым выдвинуто предположение, что согласно существовавшим у ирменцев нормам погребальной практики obelisks устанавливались только в трех центральных мужских захоронениях кургана. Однако сам исследователь отмечает интересную деталь. В кургане №12 могильника Журавлево-4 по обрядовым соображениям камни были установлены только в двух центральных захоронениях (мог. 8 и 9), в то время как в третьем (мог. 11) поместили кости (конечности) лошади. Ю.И. Михайлов предполагает, что камень-obelisk и конечность лошади на символическом уровне составляют обрядовую параллель (Михайлов Ю.И., 2000, с. 335; 2001, с. 193).

Косвенно на взаимосвязь конских погребений и ирменских камней-obelisks указывает наличие такой связи в синхронных культурных образованиях. Допуская предположение В.В. Боброва о единстве происхождения «оленных» камней, бегазы-дандыбаевских стел и ирменских камней-obelisks от андроновских каменных и деревянных столбов (Бобров В.В., 1992, с. 54–57), вполне вероятным представляется семантическое единство этих разнокультурных знаковых объектов, что позволяет сопоставлять их между собой. Так, Э.А. Новгородова, давая характеристику херексурам Западной Монголии, указывает, что почти все из них сопровождаются жертвенниками, представляющими из себя каменные выкладки прямоугольной и округлой формы, при раскопках которых обнаруживаются олениные камни, черепа и копыта лошадей. Исследовательница связывает формирование культа коня с «олениными» камнями. По ее мнению, изображения оленя на олениных камнях постепенно вытесняются изображениями коня. О культе коня свидетельствует высеченный свастикообразный символ на стеле из Завханского аймака. Все четыре конца символа представляют собой головы коней на длинных шеях. Изображения коней на «олениных» камнях находились в верхней части камня, рядом с серьгой-солнцем (Новгородова Э.А., 1989, с. 201–203). Интересно сопоставить изображения серег с нанесенными внутри свастиками (знак солнца) с изображением свастикообразного символа из Завханского аймака с головками коней.

Конь, несомненно, воспринимался населением эпохи поздней бронзы Западной Монголии как солярное животное и был семантически связан с «олениными» камнями. Истоки этой черты древнего мировосприятия фиксируются уже в андроновскую эпоху. П.И. Шульгой исследовано андроновское погребение на р. Чарыш (Степной Алтай), совершенное в каменном ящике. С погребенным были обнаружены сосуд и золотая серьга с фигурками двух лошадей. В изголовье, выше ящика, был установлен гранитный каменный столб. Исследователь проводит параллель с очень похожим погребением из могильника Мын-Шункур в предгорьях Джунгарского Алатау, где также была обнаружена похожая серьга, выполненная в сейминско-турбинской манере (Шульга П.И., 1998, с. 124).

Таким образом, вырисовывается устойчивое сочетание погребения или изображения коня и каменных стел, указывающее на существование у древнего населения солнечно-космического культа, засвидетельствованного письменными источниками, – от Ригvedы и Авесты до Геродота. Отправление этого культа, видимо, было привилегией героев и вождей, что может свидетельствовать о теократическом характере власти в древних сообществах.

Л.В. Конькова, Г.Г. Король

*Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН,
Владивосток; Институт археологии РАН, Москва, Россия*

**НАБОР СРЕДНЕВЕКОВЫХ РЕМЕННЫХ
УКРАШЕНИЙ С МИФИЧЕСКИМ ПЕРСОНАЖЕМ
ИЗ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ САЯНО-АЛТАЯ
(комплексное исследование)**

Набор ременных украшений из 18 предметов с декоративной композицией «личины» входит в состав Тюхтятского клада, найденного в 1902 г. у д. Тюхтыты на северо-восточной гористой окраине Минусинской котловины (Курагинский район Красноярского края) (подробнее о декоре ременных украшений из цветного металла и его составе см.: Конькова Л.В., Король Г.Г., 2005; Король Г.Г., 2005). В клад входят преимущественно средневековые ременные украшения разного времени, но основная их часть по аналогии с материалами из раскопок датируется X в. Декоративный мотив изучаемого набора – изображение мифического существа – один и тот же, но с различиями в иконографических деталях, а также композиционными – в соответствии с формой предметов. Как удалось выявить ранее, детали этого изображения по основным характеристикам напоминают широко известное в Индии и используемое в буддийской культуре изображение мифического существа индуистской мифологии Киртимукхи. Из Индии изображение подобной личины как персонажа-оберега распространилось в раннем средневековье в Средней Азии. Чуть позже – в Центральной Азии и на Дальнем Востоке в качестве украшения черепичных дисков на кровле буддийских храмов и монастырских комплексов. Все подобные изображения личин интерпретируются прежде всего как охранительные, защитные.

В состав рассматриваемого комплекта входят девять длинных концевых накладок и девять маленьких подпрямоугольных. Очевидно, что комплект не полный. Все предметы были подвергнуты комплексному исследованию, включавшему морфологическое, макротехнологическое и детальное рассмотрение художественных особенностей, а также химическое исследование состава металла. Аналитические данные показали, что состав металла всех накладок по микропримесям (геохимические характеристики) однороден. По сплаву он тоже однороден – они изготовлены из сложной латуни, но с некоторыми различиями в количестве легирующих компонентов. Макротехнологическое исследование (увеличение трехкратное) позволило выявить причину этих различий и распределить предметы на первичные и вторичные изделия и группы.

Девять концевых накладок по итогам исследования распределились следующим образом: две качественно отлитые (№5839, 5840 – по описи Минусинского музея) и семь вторичных (№5841–5846, 5849). Оригинальные первичные накладки (рис. 1.-1) имеют максимальную длину 5,7 см, особенностью их формы является фигурная выемка в верхней части. Орнаментальная композиция и ее детали на них совпадают. Наблюдается небольшая разница (около 1 мм) в размерах предметов по ширине (№5840 шире). Очевидно, что они изготовлены на основе одной матрицы с использованием восковой модели. Разница в размерах по ширине может объясняться особенностями процесса отливки.

Один предмет из вторичных, №5841 (рис. 1.-2), идентичен первым двум по композиции орнамента, близок им по качеству отливки, но отличается по форме (верхняя часть прямая, имеет изображение выемки, образовавшееся в результате оттиска оригинала), а также качеству исполнения и деталям орнамента. Он представляет собой отливку по второму варианту матрицы, выполненной не очень уверенной рукой, возможно, по оригиналу типа №5839 (они совпадают по ширине). Но рисунок был сделан заново, так как имеет многочисленные дефекты.

Остальные шесть вторичных накладок (№5842–5846, 5849) представляют собой результат тиражирования №5841. Сами копии выполнены на очень низком техническом уровне, изображения декоративных личин плохо различимы (лучший образец – рис. 1.-3). На оборотной стороне выявлены многочисленные следы литейного брака (капли металла, остатки литейных швов); на трех предметах (возможно, были на всех шести) сохранились остатки железных пластин, что было нехарактерно для ремесленных украшений IX–X вв. и, возможно, является хронологически более поздним признаком.

Единый тип сплава всех предметов позволяет говорить о том, что для изготовления вторичных изделий были использованы сломанные предметы из первичного набора. Выявленные различия в количестве олова, свинца и особенно цинка свидетельствуют об использовании металла в качестве вторичного для изготовления новых предметов по образцу старых. Важным показателем является количество цинка, который при переплавке может улетучиваться. В составе металла оригинальных предметов содержится 16 и 15% цинка. Во вторичных разброс этого показателя – от 7 до 16%. Небольшие колебания в микропримесях могут быть связаны с выгоранием металла. Все предметы были позолочены. Во вторичных содержится большее количество золота, что может быть связано с желанием скрыть дефекты изображения плотной позолотой. Повышенное содержание железа в составе их сплава, по-видимому, связано с наличием железных пластин на обороте.

Маленькие подпрямоугольные накладки с отдельными изображениями личин по особенностям формы и декора также делятся на первичные и вторичные изделия. Макротехнологические исследования показали, что в основе их изготовления лежат два основных и один дополнительный типы технологии. На наш взгляд, группу первичных накладок составляют две (№5774, 5792) внешне представляющие фигурные накладки-личины, т.е. сама форма накладки более или менее соответствует абрису личины (рис. 1.-4, 5). Личина имеет графические элементы тонкого исполнения, рельеф неглубокий. Это свидетельствует об использовании восковой поверхности (модели) для нанесения рисунка. Качественные изображения личин различаются

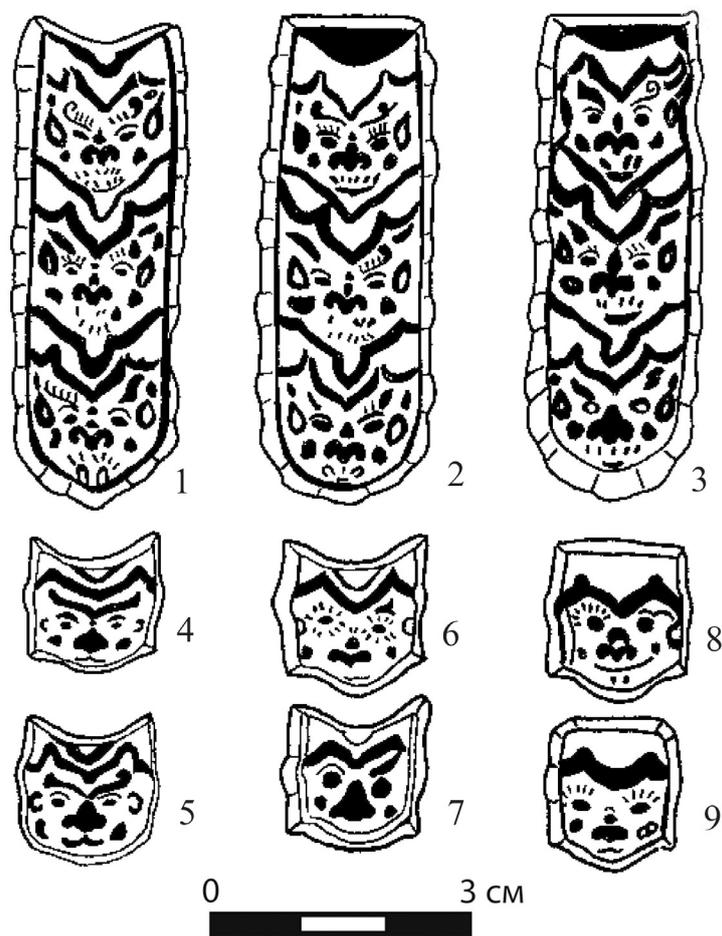

Рис. 1. Набор бронзовых ременных украшений с мифическим персонажем из Тюхтятского клада (Минусинский музей): 1 – №5840; 2 – №5841; 3 – №5843; 4 – №5774; 5 – №5792; 6 – №5756; 7 – №5783; 8 – №5775; 9 – №5791

по деталям изображения, в основе каждой лежит свой рисунок, хотя в целом они однотипны. Отливки сделаны на высоком уровне.

По составу металла все маленькие накладки, как уже сказано выше о наборе в целом, изготовлены из сходного по геохимическим характеристикам металла. Сплав сложной латуни двух предметов первой группы отличается друг от друга некоторыми количественными показателями. Все накладки были позолочены. Один предмет (№5792) имеет близкий состав с двумя первичными концевыми накладками (№5839, 5840). Вероятно, они происходят из одного комплекта и изготовлены одновременно. Другая накладка (№5774) имеет несколько иной по количественным показателям состав.

Вторая группа накладок (рис. 1.-6, 7), вторичных (5 шт., №5756, 5765, 5801, 5810 и несколько отличающаяся от них №5783), изготовлена на другой технологической

основе. Использовалась грубая модель (возможно, глиняная), создающая глубокий рельеф, на которую наносилось изображение личины с прорисовкой мелких деталей. Не очень прочный материал для исходной модели приводил к повторному ее изготовлению с отличиями в мелких деталях, поэтому все накладки немного отличаются по элементам рисунка изображения. По форме предметы близки оригинальным (группа первичных накладок) с фигурным краем. Возможно, отпечатывался сам предмет, а личины дорисовывались заново, и их абрис (более подпрямоугольный) чаще всего не совпадает с формой предмета. Сплав из сложной латуни этих накладок близок одной из первичных маленьких накладок (№5774).

Третья группа накладок (рис. 1.-8, 9), также вторичных (№5755, 5791), отличается формой: в верхней части отсутствует фигурная выемка, ее следы почти не прослеживаются. По рисунку накладки сближаются с группой 2. Возможно, это следующий – третий этап тиражирования – по образцу изображений второй группы. Между собой эти два предмета также отличаются в деталях как по форме, так и по рисунку личины. По технологии изготовления они близки второй группе, поэтому изменение формы имеет какое-то специальное объяснение (назначение предмета или утрата первоначальной формы). По составу сплава они также близки второй группе.

Таким образом, проведенное комплексное исследование набора ременных украшений из 18 накладок, входивших в Тюхтятский клад, позволило выявить оригинальные (первичные) и вторичные предметы в комплекте, внешне воспринимаемом как однородный за счет единства основного декоративного мотива – личина мифического персонажа.

Возможно, за этим стоит попытка реставрировать полный комплект путем изготовления новых предметов взамен сломанных и совершенно стертых накладок спустя значительное время после его первоначального «появления». Изготовление новых предметов осуществлялось путем переплавки старых в условиях других технологических традиций и возможностей: другая технология в изготовлении матриц, наличие железных пластин на обороте, неумелый рисунок декора. Подобная реконструкция делается нами впервые.

Подчеркнем, что уникальная возможность проанализировать комплексно все предметы одного набора (особенно состав металла, что удается нечасто) показала, что при исследовании средневековой тюркетики малых форм именно такой подход наиболее информативен и позволяет получить абсолютно новые данные, позволяющие расширить наши представления о мире средневековых кочевников.

Г.Г. Король

Институт археологии РАН, Москва, Россия

ПОРТРЕТ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЖИТЕЛЯ САЯНО-АЛТАЯ

На территории Саяно-Алтая во 2-й половине I – начале II тыс. н.э. проживали многочисленные племенные группы тюркской этнической общности, соседствовавшие с потомками более древнего аборигенного населения (угро-самодийские и тунгусо-маньчжурские племена). Это был огромный этнически разнородный

массив. По палеоантропологическим данным, население отличалось необычайным разнообразием, что свидетельствовало о большой его смешанности. Выделяются группы людей монголоидного облика, ареал которых распространяется до бассейна Селенги в Забайкалье. Но если у кочевников Забайкалья не выявлено европеоидной примеси, то на всей остальной территории она фиксируется отчетливо, но в разной степени. Всех этих людей можно считать предками современных носителей южно-сибирского антропологического комплекса (Алексеев В.П., Мамонова Н.Н., 1988). Выявлена особая близость средневековых носителей этого комплекса. Компактную группу составили восемь древнетюркских популяций: население Горного Алтая, тюрки Тувы, «енисейские кыргызы» Минусинской котловины (МК), кочевники Кузнецкой котловины и Северо-Западного Алтая, кимаки Кустанайской области и Восточного Казахстана и кочевники Прибайкалья (Бараба..., 1988, с. 154–162).

Портрет жителя Саяно-Алтая того времени можно воспроизвести, опираясь не только на палеоантропологические данные, но и на особенности антропоморфных изображений, так называемых личин, представленных на ременных украшениях из цветного металла коня и всадника. Большое число находок личин случайны, но ряд аналогий из раскопок позволяет относить их к концу I – началу II тыс. н.э. Типологически личины (около 90 экз.) можно разделить на восемь групп, три из них (группы 2–4 см.: Король Г.Г., 2005; 2006) составляют личины (около 40%) с портретными изображениями мужских лиц. По ним с большой осторожностью, но все же можно судить об антропологических типах. Индивидуальных (портретных) различий много. Наибольший интерес представляет то общее, что их объединяет.

1. Круглоголовость (брахикефалия).

2. Преимущественно широкое лицо (две основные комбинации: широкое скуластое лицо и широкое лицо с меньшим выступанием скул). Лицо среднеширокое, но тем не менее с выделенными выступающими скулами, представлено в меньшинстве (рис. 1.-1–3).

3. Монголоидность глазной области практически не выражена, за исключением раскосого положения глаз.

4. Нос длинный с большой высотой и достаточно большой шириной в ноздрях (иногда ноздри изображены чрезвычайно подробно и тщательно). Основные типы, представленные личинами, характерны для населения Саяно-Алтайского нагорья как современного, так и, вероятно, средневекового. В конкретных лицах отражены реальные черты, которые видели вокруг себя мастера, изготавливавшие эти предметы.

Необходимо отметить, что почти на 2000 исследованных автором экземпляров ременных украшений рубежа тысячелетий известны только три специально изготовленные матрицы, служившие для отливки и тиражирования бронзовых изделий (матрицами могли служить и сами изделия). И это матрицы-личины. Одна из них (рис. 1.-1), по-видимому, свинцовая, судя по цвету и весу (наибольшая толщина 0,8 см), с Алтая. Изображенному на ней лицу по типу (европеоидное с выделенными скулами) и ряду иконографических деталей (вплоть до чуть неровной линии спинки носа) очень близки две подвески: из Сросткинского могильника (рис. 1.-2) на Алтае и д. Колмакова МК (рис. 1.-3).

Рис. 1. Личины Саяно-Алтая (1–5, 7, 8) и Восточной Европы (9–12), матрица из Средней Азии (6): 1 – ГИМ, №54322, оп. 1039, №69; 2 – БКМ, №А 8/849; 3 – МРКМ, №8504; 4 – ХРКМ, №290/33; 5 – ГЭ, №5531/1927; 6 – по: Чуйская долина, 1950, табл. L.-1, h – 7,4 см; 7 – Б. Салба, МРКМ, №7100, h – 8,8 см; 8 – МК, ХРКМ, №290/49, h – 8,5 см; 9 – Херсонес (Севастополь, Украина), h – 5,4 см (прорисовка автора по: Агне Т.Ж., 1914, fig. 257); 10 – В. Балыклей II, 5/1, Нижнее Поволжье, h – 6,5 см (по: Гаврилина Л., 1993, рис. 1.-1); 11 – Гнездово, h – 4,8 см (по: Спицын А.А., 1906, рис. 19); 12 – Новгород, h – 4,7 см (прорисовка автора по: Древний Новгород..., 1985, ил. 64)

Другая – с уса­тым широ­ким ли­цом с вы­де­лен­ны­ми ску­ла­ми и пу­хлы­ми губа­ми с чет­ко про­ри­со­ван­ной вы­ем­кой верх­ней губы – про­ис­хо­дит из МК (рис. 1.-4). Это сплошная (наибольшая толщина в средней части – 1 см) тяжелая (свинцовая?) подвеска. Третья найдена также в МК (гора Изых на р. Абакан), но кардинально отличается от первых двух (рис. 1.-5). На ней изображено безусое безбородое лицо с маленьким ртом с пухлыми губами, под ушами 8-образные выступы (серьги?). Это не массивный, а, наоборот, тонкостенный предмет (по данным Л.В. Коньковой, изготовлен из свинцово-сурьмянистого сплава, свинец – 37%, сурьма – 3%, слишком мягкого для практического использования в качестве ременного украшения), имеющий отпечаток изображения на внутренней стороне, которая, возможно, для использования в качестве матрицы заливалась воском. Предмет могли также изготовить специально для ритуальных целей. Кроме того, возможно вторичное его использование в качестве подвески людьми, не осведомленными о практическом назначении предмета. Замечу, что бритые лица были характерны для гуламов – профессиональных воинов тюркского происхождения в армиях мусульманского Востока. Изображения воинов с такими лицами с серьгами в ушах известны на керамике IX–X вв. из Азербайджана (Ахмедов С.А., Джафарова Э.Б., 2005).

Матрицы и упомянутые подвески входят в третью группу нашей типологии, представленную небольшими подвесками с рельефными портретными изображениями мужских лиц преимущественно со смешанными европеоидно-монголоидными чертами. Большинство имеют детально разработанные усы, бороду (иногда что-то одно); прическу или головной убор. В целом облик личин этой группы, внимание к деталям наиболее близко личинам на крупных сердцевидных бляхах второй группы, на которых они занимают место бубенчика (рис. 1.-7, 8). Эти личины рассматриваются как портретные, хотя широко открытый рот придает лицу зловещий вид, что, возможно, и требовалось, если им отводилась роль охранителя жизненной силы и самой живительной природы (растительный декор вокруг них).

Портретность (не столько индивидуальная, сколько типологическая) рассмотренных личин, проработка реалистических деталей, слитная форма бровей и носа сближают их с лицами западнотюркских каменных изваяний (Ермоленко Л.Н., 2004, с. 40–43, 47) и некоторыми восточнотюркскими (Евтюхова Л.А., 1952, рис. 18, 19). По мнению Л.Н. Ермоленко, образ таких изваяний совмещает в себе черты, присущие как монументальной живописи, так и пластике малых форм (включая торевтику) среднеазиатского (прежде всего согдийского) искусства. Особенности иконографии рассматриваемых личин из Саяно-Алтая, представленных торевтикой малых форм, помимо восточнотуркестанских истоков (см., к примеру, прически на рисунке 1.-7, 8: пряди волос заложены за уши и закручены локоном внутрь) (Восточный Туркестан..., 2000, табл. 43; 56.-8; 58.-10; 60.-5; 75.-2, 4), также ведут и в Среднюю Азию.

В этой связи интересна «форма для оттиска изображения человеческого лица тюрко-согдийского времени», VI–VIII вв., из Чуйской долины Семиречья (рис. 1.-6). Характерна тщательная проработка всех деталей, в том числе ушей с серьгами, а также налобного украшения (подвеска?). Хорошо известны знаки-символы (круг-

лые, ромбические, овальные) над переносицей в иконографии разных персонажей в буддийском искусстве; все варианты представлены в раннесредневековой живописи и скульптуре Восточного Туркестана (Central Asian Art..., 1991; Восточный Туркестан..., 2000, табл. 76, 80, 86, 87). Они отмечают место «третьего глаза» (урна), символа духовной сущности и духовного видения. Возможно, из этой традиции возникло и налобное украшение среднеазиатской матрицы. На саяно-алтайских личинах намек на подобную отметину на лбу можно видеть на крупных сердцевидных бляхах и некоторых личинах-подвесках (рис. 1.-1–3, 7, 8).

Говоря о крупных сердцевидных бляхах с личинами, упомяну о восточноевропейских аналогах – крупных бляхах-решмах (рис. 1.-9–12). Формой и декором с личинами они лишь на первый взгляд похожи на саяно-алтайские, но все же значительно отличаются от них. Бляхи с юга Восточной Европы (рис. 1.-9, 10) при этом имеют иконографические детали (личина: изображение ушей, в том числе с серьгами, небольшая миндалевидность глаз, ромбовидная отметина; декор вокруг личины: «перлы», обращенные друг к другу полупальметты), сближающие их с искусством Ирана, Средней Азии и Восточного Туркестана и в некоторой степени (опосредованно – через общие истоки), в том числе некоторой портретностью, с искусством Саяно-Алтая.

Две другие бляхи (древнерусские – рис. 1.-11, 12) отличаются как от блях с юга Восточной Европы, так и от саяно-алтайских. Лица на них представляют обобщенный образ, лицо-символ скандинавского типа. Орнаментальная композиция также отлична от саяно-алтайских образцов и близка венгерским X в. Мнение исследователей об их южносибирских истоках и даже прямой связи «с культурой енисейских кыргызов» можно считать слишком прямолинейным и по сути неверным (подробно см.: Король Г.Г., 2006). Учитывая моду на тюркские ременные украшения и их широкое распространение, общность рассматриваемых предметов с сибирскими может быть лишь на уровне идеи и моды на ее воплощение в рамках «дружинной культуры», т.е. это своего рода «стадиальная» общность.

Таким образом, саяно-алтайские средневековые декоративные личины с портретными изображениями, представленные на ременных украшениях из цветного металла, отражают художественные традиции времени и региона, указывают на их истоки. Самое главное – подтверждая сложность состава населения, известную по палеоантропологическим данным, они позволяют увидеть очень реальные лица, портреты средневековых жителей, по антропологическим характеристикам похожих прежде всего на основные типы современного населения Саяно-Алтая. По ним можно также судить о разнообразии индивидуальных вариаций. Лица конкретные, иногда эмоционально насыщенные. Эта черта кардинальным образом отличает их от древнерусских личин X в., передающих обобщенные образы и нередко похожих на маски.

В.Д. Кубарев Х. Едилхан

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
Институт социально-экономических исследований
при АН Монголии, Баян-Ульгий, Монголия*

**О ЗНАКАХ-СИМВОЛАХ В НОВЫХ
ПЕТРОГЛИФАХ БИЛУУТ-ТОЛГОЯ
(Монгольский Алтай)**

На территории Монголии, в настоящее время известно более 70 крупных местонахождений наскальных изображений. Многие из них уникальны и содержат разнообразную информацию о кочевом быте, мифологии, культе священных животных и обрядах древних племен Монголии. К числу таких неординарных памятников, недавно открытых в акватории оз. Хотон-Нуур, относится и комплекс петроглифов в местности Билуут-Толгой. Он находится в 34 км от Арал-Толгоя (Кубарев В.Д., 2006а) и почти в устье р. Хайтун-Гол. Координаты памятника: 48° 39' 10,2" с.ш. – 88° 19' 50,5" в.д., высота над уровнем моря 2161 м. Скопления древних изображений (по предварительным подсчетам около одной тысячи рисунков) отмечены на трех скалистых возвышениях, которые были условно обозначены как самостоятельные пункты: Билуут-Толгой-1, 2, 3. Памятник открыт монгольским археологом Х. Едилханом, а первые сведения о нем были опубликованы в единственном и лаконичном сообщении об исследованиях монголо-американско-казахской экспедиции, в 2004 г. (Kortum et al., 2005).

Значительная часть рисунков комплекса датируется эпохой бронзы. К этому периоду относятся довольно многочисленные изображения быков. Например, очень характерна для данного местонахождения ярусная композиция из семи фигур быков, ориентированных вправо. Изображения выполнены в одном стиле, но каждое животное отличается от другого оригинальным оформлением туловища (округлые пятна, квадраты или линии из чередующихся точек и т.п.). Индивидуальность каждого из быков также подчеркнута и различной формой рогов (лировидная, серповидная, кольцевидная и т.д.). Рога отдельных животных гипертрофированы, и надо полагать, что таким утрированным приемом выражена их семантическая связь с небом и всем космосом. На других рисунках быков внимание художника было акцентировано на окончании хвостов. Оно представляет собой диск с короткими черточками-лучами (рис. 1.-2), также явно символизирующий о принадлежности животного к небесной сфере. Такой лунарно-солярный знак на хвостах быков найден в Монголии впервые, хотя иногда он присутствует на хвостах других животных, например, на фигурках «солнечных» коней из Калбак-Таша в Российском Алтае (Кубарев В.Д., 2006б, рис. 8.-1). Ту же идею избранности, сакральной сущности священного животного, очевидно, передает и рисунок «клетчатого» быка. На его прямоугольном туловище можно насчитать 12 квадратов, – священное «небесное» число у многих азиатских народов.

На скалах Билуут-Толгоя нанесено несколько знаков-тамг в виде схематичной фигурки козла. Одна из них, предельно стилизованная, сведенная к символу

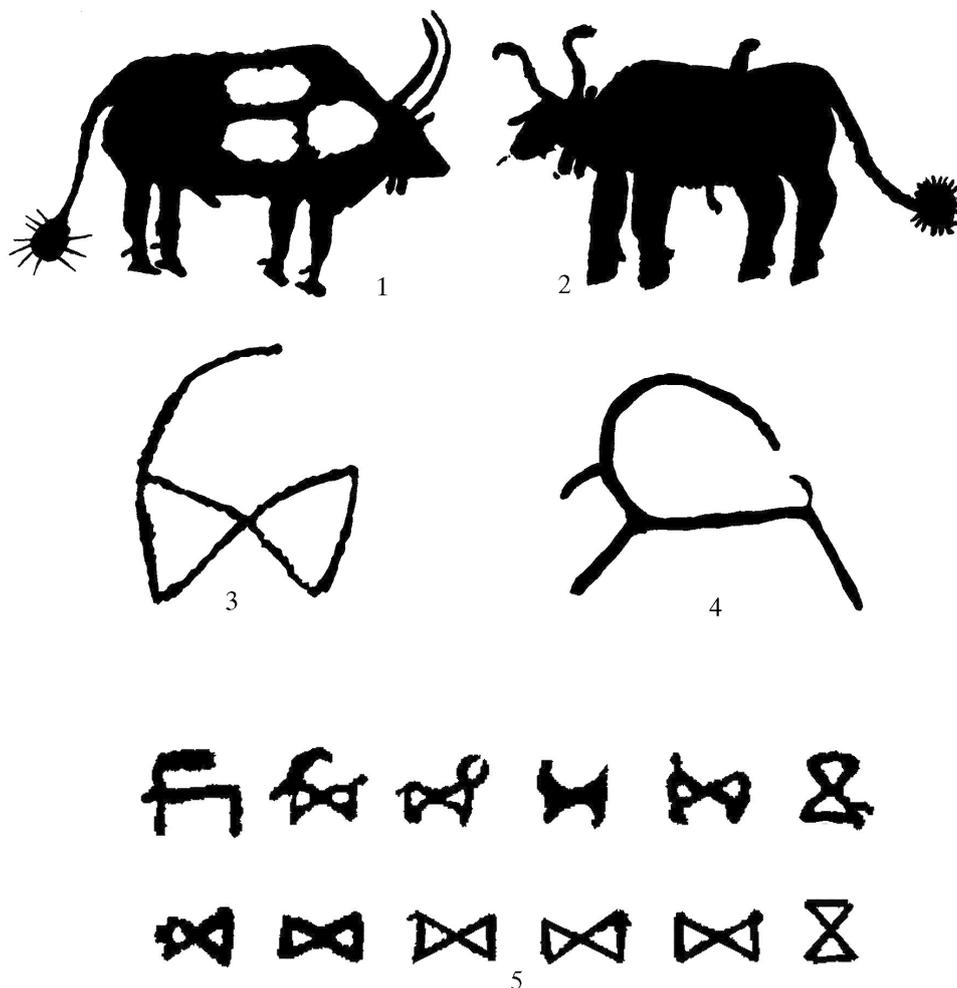

Рис. 1. Петроглифы Билуут-Толгоя (1–4); монограммы козел–Бог–громовик (5)

(рис. 1.-3), находит прямые аналогии в петроглифах Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 2005, прил. 2, рис. 116.-15–16). Подобный знак также многократно дублируется на стелах в долинах рек Барбургазы и Кобдо (Кубарев В.Д., 1979, табл. XIII.-1, 3; XV.-2; Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвээндорж Д., 2000, с. 68, рис. 3.-а).

Несколько раз на барбургазинских стелах повторяется один и тот же знак, в основе которого лежит крест, – наиболее распространенный в Центральной Азии солярный символ. На стелах он, возможно, играет такую же роль, что и символы и эмблемы, нанесенные в верхней части многих «оленных» камней или «сторожевых» камней на плиточных могилах Монголии и Забайкалья. В свое время автор датировал этот знак скифским временем, опираясь на сходство его с резаными метами, обнаруженными В.Н. Полторацкой (1962, с. 77, рис. 2.-2) на деревянных

предметах из больших курганов пазырыкской культуры Алтая. Подобные знаки на предметах, стелах и в петроглифах могли быть родоплеменными тамгами или даже магическими символами, знаками сакрального значения. Но совсем недавно подобный знак (только в зеркальном отражении) был найден в петроглифах долины р. Чаганка. Он изображен на крупе лошади древнетюркского всадника (Черемисин Д.В., 2000, рис. 7.-а). Сомневаться в том, что на рисунке воспроизведена личная тамга или клеймо, не приходится, так как традиция нанесения родовых, личных, а также других архаичных символов на бытовых предметах, скальных выходах и древних стелах до сих пор сохранилась у алтайцев, тувинцев и монголов. Следует предположить, что художник древнетюркской эпохи также позаимствовал для изображения личной тамги, более древний символ, который, он, может быть, наблюдал на стелах из долины р. Барбургазы. Тем более, что расстояние между рекой Чаганкой, где найдены древнетюркские гравюры, и упомянутыми стелами составляет по прямой не более 50–60 км.

Мы не случайно сравниваем знаки, нанесенные на барбургазинских стелах и в петроглифах Монголии, с фигурой козла. По мнению Вл.А. Семенова (1999, с. 185): «Схематизация образа козла и превращение его в битреугольный знак-символ, попавший в урартскую и армянскую иероглифику как знак громовика, создает надежную основу для интерпретации этого образа на Кавказе». Монограмма козел – Бог Громовик по начертанию (рис. 1.-5) (Семенов Вл.А., рис. 1.-3) совершенно идентична знаку с алтайских стел. И задаешься вопросом: «Не оставили ли эти памятные стелы на восточном пути расселения индоевропейских народов, мигранты эпохи бронзы – прототохары и индоарии?»

Другие знаки из Билуут-Толгой, в виде фигурки козла (рис. 1.-4), по форме близки символу, вырезанному на мемориальных стелах, установленных в поминальных храмах в честь кагана орхонских тюрков Бильге и его брата полководца Кюль-Тегина. На серебряных сосудах, принадлежавших, несомненно, представителям родовой знати, довольно обычны надписи. На юстыдском сосуде, найденном у древнетюркского поминального сооружения, имеются только две тамги (Кубарев В.Д., 1984, рис. 12.-2). Первая нанесена на поддоне в виде буквы W орхон-енисейского алфавита, вторая представляет собой традиционную фигурку козла, выполненную в технике граффити на дне сосуда. Замечено, что такие же тамгообразные фигурки козлов встречаются не только на памятниках орхонского типа, но и на каменных изваяниях, стелах и в петроглифах Монголии, Тувы, Алтая, Казахстана и Восточного Туркестана. Рассматривая семантику тамгообразных фигур козлов, А.Д. Грач (1957, с. 408) считал их своеобразными символами принадлежности человека, наносившего его (на скалах, предметах и т.п.), к данному политическому объединению, т.е. к тюркскому каганату. Такое распространение «каганских тамг» на обширной территории, где они были найдены, вызвало обоснованную критику А.П. Окладникова (1980, с. 79–80). Правда, он уточняет: «Если же речь идет о тамгах Бильге-кагана и Кюль-тегина, то они являлись не политическими атрибутами ранга кагана, символами его власти и только его как такового, а знаками родовой принадлежности, может быть, знаками каганского правящего рода» (Окладников А.П., 1980, с. 80).

В заключение можно согласиться с мнением Вл.А. Семенова (1999, с. 185), что «...работа по интерпретации знаков-индексов в наскальном искусстве только начинается». Следует лишь добавить, что знаки-символы в петроглифах Центральной Азии составляют значительную часть наскальных изображений, и их дешифровка представляется актуальной проблемой наскального искусства Монголии.

Н.А. Кузнецов

Историко-Архитектурный музей «Кузнецкая крепость», Новокузнецк, Россия

ТОРГОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЕМИРЕЧЬЯ И СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В I тыс. н.э.

Анализ погребального инвентаря памятников эпохи раннего средневековья на Северном Алтае, в Новосибирском Приобье и Кузнецкой котловине показывает, что в предметном комплексе значительную часть составляют вещи, явно привезенные из весьма отдаленных торгово-ремесленных центров.

К привозным предметам относятся китайские лаковые чашки, монеты, зеркала, шелковые ткани, предметы с арабскими надписями, стеклянные бусы, большинство украшений и даже многие предметы вооружения.

При этом уровень общественно-экономического развития местных племен трудно представить высоким. Его достаточно слабое развитие обусловлено в первую очередь низкой плотностью населения и зависит от весьма тяжелых условий жизни для кочевников в Западной Сибири. Здесь слишком мало пригодных для зимников мест, ограничены пастбища. Добыча полезных ископаемых, слабо развитая местная обработка металлов не компенсировали неблагоприятный природно-климатический фон. Очевидно, что местные кочевники не были теми торговцами, которые снаряжали караваны за товарами в Китай или на Северный Кавказ. Тем не менее торговля велась здесь достаточно активно. Без сомнения, регулярно приезжали торговцы, привозившие бусы, бисер, бубенчики, пуговицы, поясную и сбруйную фурнитуру, ткани, готовую одежду, китайскую и среднеазиатскую лаковую и металлическую посуду, так называемые коленчатые кинжалы, монеты и другие вещи. Наличие тамгообразных знаков на некоторых костяных накладках от луков тоже заставляет считать, что луки эти были привезены издалека, так как тамги находят полные аналоги в Восточном Туркестане.

Традиционный торговый путь на Северный Алтай хорошо фиксируется в XVII–VIII вв. «Бухарские» купцы регулярно приезжали с торгами под сибирские города: Томск, Кузнецк, Красноярск. Торговый караванный путь шел из Семиречья, через Семипалатинскую крепость. Все категории импорта, и китайские товары, и грубые подражания китайским изделиям, и товары среднеазиатские, причерноморские и ближневосточные просто аккумулировались в Семиречье, откуда часть товаров и отправлялась предприимчивыми купцами на север.

То, что хотели получить торговцы за свои товары, легко вычислить. Безусловно, это соболиные шкурки. Возможно, на обмен предлагались и такие вещи, как береста, деготь, лекарственные растения, шерсть, шкуры скота. Но эти категории

товара не стоят того, чтобы снаряжать за ними далекие экспедиции. Те же шкуры скота можно было найти ближе и дешевле.

Торговля велась на данном направлении многие сотни лет, и все это время наиболее сильные группы стремились занять господствующее положение в степи, чтобы собирать алман с промысловиков-соболевщиков, «кыштымов» (название соболя на тюркских языках «кiш»). Кыштымы также получали некоторую часть импорта за свои труды, но большая часть богатства оставалась в руках проживавших в бассейне р. Иня тюркоязычных кочевников, которые известны нам как «носители Верхнеобской археологической культуры», и родственников им кочевников, проживавших в бассейне Чумыша. Очевидно, с этой элитой каким-то образом были связаны представители семиреченских торговцев.

В свете этого большой интерес вызывает погребальный обряд «верхнеобцев». Он находит если и не прямые аналогии в Средней Азии, то значительное сходство в самой идее ритуала. Это сходство заключается в том, что в наших памятниках – явно вторичные захоронения. Хотя интерпретацию захоронения просто как «погребения по обряду кремации на стороне» следует считать неправильной. В могилах находятся не просто кальцинированные кости сожженных людей. Иногда в погребениях встречаются отдельные несожженные кости. Так, в разных погребениях среди пережженного пепла нами были зафиксированы не побывавшие в огне такие кости, как ключица, позвонок, кости стопы в сочленении. Очевидно, мы имеем дело с сожжением не трупа человека, а останков, достаточно разложившихся для того, чтобы при собирании костей были случайно упущены отдельные кости, которые, впоследствии положены в могилу не сгоревшими. Эта традиция, вероятно, связана с распространенным в Восточном Туркестане ритуалом помещения останков людей на специальных площадках до полного разложения, перед захоронением костей в оссуариях.

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ИННОВАЦИИ В КАМНЕОБРАБОТКЕ СКОТОВОДЧЕСКИХ КУЛЬТУР АЛТАЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА И ИХ ОСОБЕННОСТИ*

Исследования последних лет, связанные как с раскопками поселенческих и погребальных комплексов бронзового века Горного Алтая, так и с анализом накопленных материалов, позволяют достаточно убедительно выделить и охарактеризовать каменную индустрию как составляющий элемент производительных сил раннего скотоводческого общества. При этом обращает на себя внимание то, что данный сегмент хозяйства не имеет местных корней и может рассматриваться в рамках эволюции камнеобработки региона как инновационный.

Завершение эпохи камня в Горном Алтае исследователи связывают с большемысской культурой, ранний этап развития которой протекал на территории среднего течения Катуня (памятники в устьевой зоне р. Тыткескень, культурные слои на поселении Усть-Куюм) (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995;

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №06–01–60105а/Т).

Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф., 1998). Большемысский индустриальный комплекс характеризуется следующими параметрами:

1. Выразительный отщеповый характер первичного расщепления с сохранением незначительной доли призматической утилизации камня. Это основное отличие большемысской орудийной традиции от неолитической, имеющей выраженный призматический микролитический облик.

2. Присутствие технологии изготовления листовидных и обушковых бифасов, сложившейся в поздненеолитическую эпоху.

3. Наличие в индустриальном комплексе выразительных макролитических инструментов, которые изготавливались из галечно-валунного субстрата, но не имели признаков традиционной галечной стратегии утилизации, взаимосвязанной с исходной формой заготовки.

4. Широкое использование изделий, оформленных пикетажем и «граненым» шлифованием, в том числе разнообразных деревообрабатывающих инструментов и составных рыболовных крючков.

5. Сохранение неолитического по основным параметрам комплекса скорняжных инструментов, включая дисковидные скребки.

Все основные приемы призматического расщепления, техники вторичной обработки пластин и отщеповых заготовок, оформления орудий на пластинах (несмотря на то, что их типонабор уменьшился на 20 наименований) в большемысской индустрии сохранились, демонстрируя явную преемственность с неолитическим комплексом среднекатунской культуры.

Камнеобработка и орудийный набор афанасьевской культуры отличаются от большемысских традиций весьма существенно. Наиболее представительный комплекс этого сегмента производительных сил представлен на поселениях Узнезя-1 и Малый Дуган (Кунгурова Н. Ю., Степанова Н.Ф., 1998; Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 2004; Кунгуров А.Л., 2006). Индустриальный комплекс этих памятников состоит из трех блоков: «отщепово-сколовый», галечный и «пикетажно-шлифованный».

Первый блок индустриального комплекса афанасьевской культуры представлен преимущественно скорняжными изделиями (скребки различных типов), скобелями по кости и дереву, остриями, резцами и резчиками, долотовидными инструментами. Первичное расщепление сырья для получения отщеповой и пластинчатой заготовки базируется на площадочном и бессистемном расщеплении отдельностей кремня, кремнистого сланца, микрокварцитов и других пород, представленных прежде всего в аллювии Катуня. Грубопризматическая технология раскалывания представлена только атипичными пластинчатыми снятиями, соответствующих им ядрищ не обнаружено. Сколы обработаны ретушью и мелкой оббивкой без модификации исходного контура заготовки. «Непластинчатые» сколы мастера камнеобработки получали с аморфных (многофронтальных разноориентированных) и одноплощадочных однофронтальных нуклеусов, встреченных единично. На поселении Узнезя-1 нуклеусы и нуклевидные изделия составляют 13,66% общего количества артефактов и отличаются гораздо большим типологическим разнообразием, чем на Малом

Дугане (2,32%). В то же время орудийный набор, оформленный на «сколовых» и «отщеповых» заготовках, на Малом Дугане составляет 27,3% (14 типов изделий), против 19,4% на Узнезе (23 типа изделий). Такая разница в технике первичного расщепления и сопряженном с ней орудийном наборе может свидетельствовать о разнофациальности памятников. С определенной долей уверенности можно предположить базовый характер поселения Узнезя-1 и временный Малого Дугана. Несмотря на представительность данного сегмента каменной индустрии, устойчивых типологических групп и рядов, позволяющих выявить традиции камнеобработки, не фиксируется. Практически каждое орудие единично по своим морфологическим особенностям и по используемой заготовке и вторичной обработке. Отмечается также разнообразие размещения рабочих кромок на краях и плоскостях исходных сколов и частое их совмещение. Подобные характеристики свидетельствуют прежде всего о подсобном значении описанного блока индустрии в производительных силах афанасьевского общества и «разовом» предназначении отдельных изделий, которые после использования либо выбрасывались, либо переоформлялись для других насущных потребностей. Подобной «специфики» использования каменных изделий в предшествующие эпохи не отмечается.

Второй блок рассматриваемого индустриального комплекса характеризует появившуюся в энеолитическое время традицию «подсобного» использования каменных отдельных форм для хозяйственных нужд, сохранившуюся в условиях скотоводческого производящего хозяйства горных и лесостепных культур Алтая вплоть до эпохи средневековья (Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., 1993; Кунгуров А.Л., 1994). В данную индустриальную группу прежде всего входят окатанные плоские и вытянуто-округлые гальки, использованные в качестве лошил, абразивов, металлообрабатывающих инструментов и пестов. Некоторые галечные заготовки перед употреблением или в процессе использования подвергались определенной модификации, не затрагивающей общие параметры (приостраивающая оббивка на торцах, выкрошенность, затертость плоскостей и кромок и т.п.). Судя по морфологии «цельнокаменных» орудий труда, они применялись в качестве долот, тесел, клиньев для расщепления и раскалывания дерева, мотыг-рыхлителей. Потребность в подобных изделиях в присваивающем хозяйстве предшествующего периода была существенно ниже.

Третий блок индустриального комплекса афанасьевской культуры документирует появление на Алтае совершенно новой технологической культуры изготовления полностью модифицированных пикетажем, шлифовкой и сверлением крупных предметов. Среди них прежде всего выделяется зернотерка, состоящая из нижнего камня и куранта, плоские диски-утяжелители с просверленным центральным отверстием, возможно, сверленные топоры. В «доафанасьевское» время подобных изделий в регионе неизвестно, каких-либо форм, которые могли бы стать их прототипами, также не зафиксировано. Имеющиеся в неолитических и энеолитических культурах разнообразные абразивные инструменты имели принципиально иное назначение и технологию применения (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995).

Второй и третий индустриальный блоки афанасьевских поселений Малый Дуган и Узнезя также отличаются друг от друга определенным своеобразием. На Малом Дугане обращает на себя внимание очень высокая доля орудий, оформленных в этой стратегии утилизации камня – 58 типов, составляющих 72,7% общего количества (на Узнезе соответственно эти цифры составляют 36 и 15,1%). Сам характер этих изделий на обоих памятниках соответствует почти полностью. Создается впечатление о том, что на Малом Дугане осуществлялась массовая переработка продуктов охоты и собирательства готовым инструментарием. Большая часть сланцевых, песчаных и галечных орудий Малого Дугана обработана очень тщательно, с применением пикетажной модификации поверхности исходной заготовки с дальнейшей грубой и тонкой шлифовкой поверхности. Подобным образом (оббивка–пикетаж–шлифовка) обработано большинство выразительных пестов и пестов-абразивов различных форм и пропорций. Кроме этого, документируется крайняя изношенность инструментов и по следам работы на поверхности, и по фрагментированности большей части орудий (особенно ударных), и по заполированности рабочих участков. Аналогичные изделия Узнези сработаны меньше, а доля полных инструментов существенно больше (Кунгуров А.Л., 2006). С учетом относительного неудобства для проживания места расположения поселения (склон, южная экспозиция, открытость ветрам) Малый Дуган достаточно уверенно можно отнести к сезонным летне-осенним временным стоянкам, ориентированным на переработку продуктов охоты и собирательства. Узнезя-1 занимает гораздо более удобное для проживания место (выположенная и достаточно высокая левобережная терраса р. Узнези, северная закрытая от ветров экспозиция, скрытность расположения) и могла быть базовым долговременным поселением.

Материалы культурных комплексов Узнези-1 и Малого Дугана подтверждают сделанные ранее выводы о характере большемысской и афанасьевской культур. Хотя призматическая индустрия в большемысской культуре начинает деградировать, уступая место отщеповому расщеплению, пикетажу, шлифованию камня и, видимо, медным орудиям, основные навыки мастеров камнеобработки сохраняются, что подтверждается сходством некоторых категорий инвентаря поздне-неолитического и энеолитического культурных слоев изученных многослойных памятников Средней Катуни, а также преемственностью в первичном расщеплении камня. Отщеповые скорняжные орудия и в неолитическое время, и в энеолите практически идентичны и по технологии изготовления, и по морфологическим признакам. Совершенно иная картина наблюдается при сравнении большемысской индустрии с камнеобработкой афанасьевской культуры. Отсутствие в последней выразительного комплекса первичного расщепления, примитивность и грубость вторичной обработки, появление новых инновационных технологий модификации сырья и орудийного набора, не имеющих местных истоков, еще раз подчеркивают инородность афанасьевской индустрии (Кунгуров А.Л., 2006, с. 118–119; Бороодовский А.П., 2006; Ларин О.В., 2005; Погожева А.Н., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С., 2006).

В.Е. Ларичев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

**НЕБОЖИТЕЛИ: КОСМИЧЕСКАЯ ОХОТА СО СВОРАМИ СОБАК
(опыт интерпретации канонических сюжетов
наскального искусства эпохи бронзы)**

Вводные замечания. Сцены преследования копытных животных человеком и хищниками относятся к разряду самых популярных мотивов художественного творчества кочевых обитателей горно-степных и пустынных пространств Центральной Азии и Южной Сибири. Полные захватывающей динамики композиции, скромные, с двумя персонажами, и монументальные, многофигурные, воспринимаются зачастую иллюстрациями к эпизодам обыденной хозяйственной деятельности бродячих охотников. Эта идея весьма популярна и находит отражение на страницах «производственно-экономических» разделов публикаций по искусству, переполненных аналоговыми сопоставлениями, классификационными и хронологическими разборками, статистическими выкладками и размышлениями о промысловой магии.

Постановка проблемы и программная цель поиска. Усомнимся в правильности восприятия сцен преследования копытных животных простыми иллюстрациями «охотничьих рассказов» предков. Право на то предоставляют характерные, строго канонизированного стиля сюжеты из репертуара художников эпохи бронзы горных областей Монгольского Алтая. Предъявим доказательства отражения в них событий *вовсе не земных, как обычно думают, а небесных, и повествований не обыденно-рутинных, хозяйственных, а сакральных – мифологических и календарно-астрономических, временных.*

Источники. Методические установки исследования. Рассмотрим в деталях три классического совершенства композиции, обнаруженные при обследовании грандиозного святилища Западной Монголии Цагаан-Салаа и мастерски зафиксированных (Кубарев В.Д. и др., 2005). Они поразительно сходны по тематике, мастерству исполнения, стилистике, а также особенностям компоновки сцен и потому трудно отделаться от впечатления, что их запечатлел в трех разных местах скального массива один и тот же художник, следуя заранее разработанному замыслу (см. рис. 1 и 2).

Композиции отличаются одна от другой примечательными особенностями. Из них сразу же бросаются в глаза две: 1 – *разные виды животных, блокированных стаями собак*; 2 – *неодинаковое количество персонажей в каждой из сцен.* Примем числовую компоненту за главный инструмент раскрытия глубинного смысла художественных текстов. Это потребует тестирования (выявления некоей значимости) каждого из чисел, определяющих количество участников «загонной охоты».

Охота на лося: образно-числовая запись синодического (относительно Солнца) оборота Луны. Реконструкция систем счисления лунного и солнечного годов (Цагаан-Салаа II; рис. 1). Композицию составляют две записи: 1 – из 30 эле-

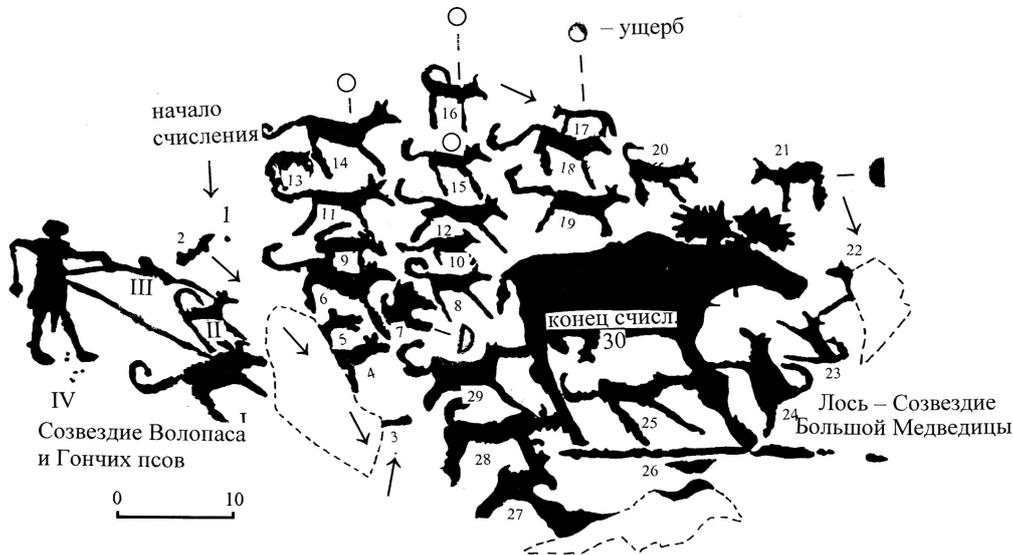

Рис. 1. Небесная охота своры собак на лося – знаково-образная запись синодического оборота Луны и лунно-солнечного трехлетия (здесь и далее по В.Д. Кубареву)

ментов (каверна №1; 28 собак, змеевидная линия №26 и лось); 2 – из 4-х элементов (две собаки (I и II), некое малое животное (III) и антропоморф).

Количество элементов в первой группе близко длительности синодического оборота Луны – $30 \approx 29,5306$ сут. Возможный порядок считывания фигур определяют номера и примечательные позиции главных фаз ночного светила – четвертей его, 3-х дней полнолуния и суток ушерба (собака эта движется в обратную сторону; то же примечательно и для символа последней четверти). Финальные сутки «умирания Луны» определяют собаки, *вцепившиеся в ноги обреченного на смерть лося*.

Для ликвидации дробной части суток календарист бронзового века использовал, надо полагать, обычный для первобытных эпох прием – в первом месяце он считывал все элементы знаковой записи – 30, а в следующем – 29 (вне учета оставался, к примеру, знак №1 – каверна). Такая последовательность и приводила к автоматическому выравниванию ($30 + 29$ сут. = 59 сут.; 59 сут. : $29,5306$ сут. = $1,9979 \approx 2$ син. мес.). Ясно, что шестикратный учет подобных двухмесячных циклов позволял выйти на рубеж окончания лунного года – $(30 + 29$ сут.) $\times 6 = 354 \approx 354,367$ сут.

Количество элементов второй группы – 4 – намекает на использование известного в древней календаристике способа выравнивания лунного счета времени с временем солнечным: после счисления 3-х лунных лет в установленном порядке в счетную систему вводился интеркалярный, дополнительный цикл – все 30 элементов первой группы и 4 элемента второй. Эти 34 дня и «подтягивали» лунное трехлетие к трехлетию солнечному – $(354$ сут. $\times 3) = 1096$ сут.; 1096 сут. : $365,242$ сут. = $3,0007 \approx 3$ солн. года.

В заключение уточним семантику «космической жертвы» – лося и установим символику антропоморфа. Число отростков на лопастях рогов животного (по 12

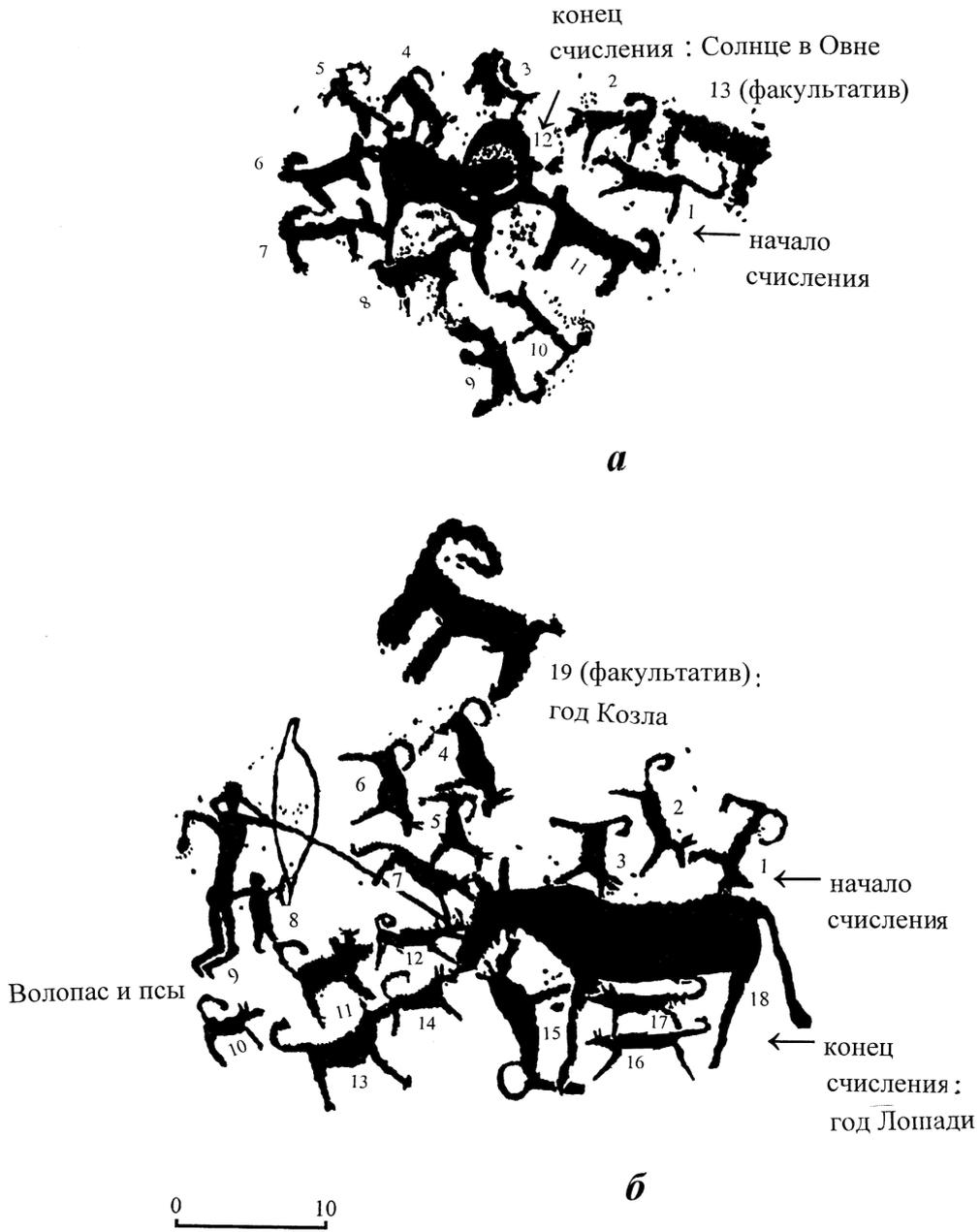

Рис. 2. *a* – небесная охота своры собак на горного барана – знаково-образная запись 12 + 1 месяцев лунного года; *б* – небесная охота своры собак на лошадь – знаково-образная запись 19-летнего лунно-солнечного цикла и саросных периодов

на каждом) и ухо отражают количество месяцев в году солнечном (12) и лунном (13) (в третий лунный год включался дополнительный, 13-й месяц; *его-то и символизовало ухо*). Отсюда следует, что лось воплощал собою не только Луну в ее месячных циклах, но и трехлетние периоды как ночного, так и дневного светил. Что касается антропоморфа, видимо, организатора и руководителя «небесной охоты», то он, судя по содержательной стороне сюжета, олицетворял собою великое божество Времени, близкого по значимости Зурвану индоариев конца II – начала I тыс. до н.э.

Вся же композиция есть изображение созвездий Волопаса (*Bootes*) с Гончими псами (*Canes Venatici*) и Большой Медведицы (*Ursa Major*; ее символизирует лось).

Охота на горного барана: образно-числовая запись месяцев лунного года (Цагаан-Салаа III; рис. 2а). Композицию составляют горный баран с круто загнутым, *месяцевидным* рогом, охватывающим *округлую сплошь выбитую* фигуру, 11 собак, блокирующих животное, и еще одно животное (самка аргали?), которая *находится вне кольца своры собак* (см. на рис. 2а, изображение №13). Всего фигур 12 + 1, что, с наибольшей вероятностью, есть числовая парадигма лунного года в месячном его эквиваленте (12 месяцев в обычном году и 13 – в третьем, когда в счетную систему вводится интеркаляционный месяц). Серповидный рог (символ Луны) и связанная с ним округлая фигура (символ Солнца) определяют космическую природу обреченного на смерть барана (компаративный образ главных светил Неба, творцов Времени). «Факультативная» (13-я) фигура композиции, самка аргали, олицетворяет, видимо, неуничтожимость бытия (символ месяца выравнивания лунного и солнечного трехлетий).

Вся же композиция есть изображение равноденственного созвездия Овна (*Aries*), в которое Солнце входит в начале последней декады марта.

Охота на лошадь: запись многолетий – 19-летнего цикла и саросных (затменных) периодов (Цагаан-Салаа IV; рис. 2б). Композицию составляют лошадь, блокированная 15-ю собаками, два антропоморфа с серповидными луками и горный баран-самец с круто загнутым серповидным рогом, *размещенный вне сцены терзания* (факультативный элемент счетной системы). Всего знаков $18 + 1 = 19$, что, с наибольшей вероятностью, есть образно-знаковая запись знаменитого 19-летнего лунно-солнечного периода (так называемый цикл Метона, весьма популярный у календаристов древних культур Евразии) и записей больших саросных периодов длительностью 54 года и 56 лет, которые позволяли предвычислять время наступления затмений, соответственно, солнечных – $18 \text{ лет} \times 3 = 54 \text{ года}$ и лунных $(18 + 1) + 18 + (18 + 1) = 56 \text{ лет}$ (подробности см.: Идельсон Н.И., 1975; Ларичев В.Е., 1993). Лошадь символизирует в композиции финальный год 18-летия, горный баран – окончание 19-летия, а антропоморфы представляют собой божества, которые, видимо, регулируют течение Времени.

Лошадь есть символ года Лошади в системе многолетнего счисления времени, а баран – год Козла.

Краткие итоги поиска. Сцены охоты со сворами собак святилища Цагаан-Салаа представляют собой художественные записи систем счисления времени

в течение месяца, года и многолетий. Элементы их – верный ключ к раскрытию семантики жертв терзаний – лося, аргали и лошади, а также псов и управителей их – антропоморфов. Изложенное следует взять на вооружение при семантических оценках зооморфных и антропоморфных образов искусства Срединной Азии эпох **неолита**, бронзы и раннего железного века. Высокий уровень астрономических знаний обитателей Монгольского Алтая впечатляет, и обстоятельство это следует учитывать при изучении их погребальных памятников, святилищ, разного вида культово-обрядовых объектов, а также при реконструкциях, ориентированных на установление характера религии бродячих охотников и ранних кочевников региона. Она была, судя по всему, астральной и базу ее составляли сплавленные воедино высокого уровня естественно-научные знания и порожденная ими мифология.

В.Е. Ларичев, Е.Г. Гиенко, С.А. Прокопьева

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Новосибирская Государственная геодезическая академия, Новосибирск, Россия*

ПЕРВЫЙ СУНДУК: ПРОТОХРАМ НАБЛЮДЕНИЯ И ПОЧИТАНИЯ ЛЕТНЕГО СОЛНЦА

**(к проблеме календарно-астрономических знаний
и мировоззренческих установок жречества
эпохи палеометалла юга Западной Сибири)**

Вводные замечания. Астральные мифология и религия, а также *всецело пронизывающие их положительными знаниями о Мире первые из протонаук – палеоастрономия и палеокалендаристика*, составляют базовую часть интеллектуальной, духовной и нравственной сфер жизни древних сообществ Саяно-Алтайской горной страны. Самые грандиозные из культово-обрядовых действий, организуемых священнослужителями, свершались, надо полагать, в ключевые моменты каждого очередного года – в равноденствия, солнцестояния, а также, возможно, и в дни межсезоний, примечательных равным отстоянием от соответствующих пар равноденствий и солнцестояний. Посредством этих празднеств знания закономерностей (ритмики) климатических перемен в Природе в течение года становились достоянием всех соплеменников, от мала до велика. Они, празднества те, выводили людей из бесконечных рутинно-однообразных хозяйственно-бытовых забот и погружали их на короткий срок в сакрально-божественный мир, полный трепетного приобщения к таинствам бытия и «инобытия», ухода в «иной мир».

Постановка проблемы и программная цель поиска. Закономерны, однако, вопросы: а какой из моментов солнечного года почитался обитателями горно-степного пояса юга Западной Сибири особо истово в исключительно важный период их истории – медленного вхождения в эру использования металла, сначала меди и бронзы, а затем и железа; что более всего привлекало внимание наблюдателей дневного светила, мерила точного времени, определителя рубежей сезонов – восход ли его из-за горизонта (с наибольшей вероятностью – первый луч) или, напротив,

закат (последний луч?), или мера высоты над югом в полдень, что могло отмечаться древними при переходе от одного сезона к другому?

Правильные ответы невозможны, если пытаться получить их, используя лишь какой-нибудь один, случайно обнаруженный археологом астропункт. Первый Сундук, чрезвычайно эффектная по живописности пирамидальных очертаний скальная гора долины Белого Ююса (Северная Хакасия), была превращена предками в уникальный природный объект *со множеством мест наблюдения за Солнцем в разные сезоны года* (Ларичев В.Е., 2004). Они стали обустроиваться, по меньшей мере, около начала II тыс. до н.э., и процесс этот продолжался до конца раннего железного века (III–II вв. до н.э.), пока его не прервало катастрофическое нашествие гуннов. Подтверждают сказанное три обсерватории, обнаруженные в пределах первого и второго каньонов горы (подробности см.: Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., 2005; Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н., 2004а–б; 2006). Они засвидетельствовали, что с одинаковой тщательностью отслеживались и равноденствия, и солнцестояния (в одном случае – первые лучи восходящего Солнца, во втором – первый луч восходящего и последний луч (?) заходящего Солнца).

Значительные разрушения структур обсерватории наблюдения восхода Солнца в дни летнего солнцестояния, которые изучались во втором каньоне, не позволили восстановить с желанной точностью приемы фиксации точки восхода дневного светила в начале последней декады июня (Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г. и др., 2004б). К счастью, это досадное обстоятельство в полной мере устранил еще один памятник отслеживания того же великого календарно-астрономического события – начала летнего астрономического сезона, когда Солнце достигало наибольшего могущества, поднимаясь над югом почти к точке зенита и выкатываясь из-за горизонта ближе всего к северу. Введение в научный оборот фактов, разъясняющих функционирование упомянутого астросвятылища в июне, – главная цель публикации.

Объект исследования: протохрам наблюдения восхода Солнца в дни летнего солнцестояния и солнцеворота. Структурные отделы обсерватории и святилища. Астропункт находится в глубоком проеме второго скального гребня – пограничья первого и второго (среднего) каньонов западного склона горы (рис. 1). С востока и запада проем ограничивают высокие вертикальные обрывы с обширными скальными плоскостями. По сторонам площадки центральной зоны протохрама размещаются крупные песчаниковые плиты, по-видимому, смещенные на прилегающие слева и справа склоны при выравнивании ее. К средней части западной стены примыкает узкий, высотой около 0,5 м песчаниковый блок с ровной столообразной поверхностью. Этот уступ отделяет южный (левый) отдел стенки с наскальными изображениями и грудой плит у ее подножия от северного (правого) отдела, лишенного рисунков. К правому краю стены примыкают две совмещенные под прямым углом скальные плоскости, одна из которых ориентирована по касательной в сторону правого края северо-восточного обрыва с отверстиями. Это направление фиксируют два размещенных на расстоянии 1,15 м друг над другом желоба (на рисунке 2 – «борозды»).

К астрономически значимым относятся три структурные части астропункта:

Рис. 1. Проем во втором скальном гребне, разделяющем первый (южный) и второй (средний) каньоны западного склона Первого Сундука. Новые технологии астрономо-геодезических съемок. *Фото А. Замахина*

1 – два подпрямоугольных, разделенных каменными клиньями отверстия. Они располагаются высоко над ровной площадкой святилища, вблизи средней части правого края северо-восточной стены;

2 – северный (правый) отдел западной плоскости. На нее падает луч Солнца, когда оно появляется в отверстии при восходе. В последующем, по мере смещения диска светила в отверстии в сторону юга, к полудню, «зайчик», пятно солнечного света, начинало смещаться, напротив, в сторону севера, наглядно демонстрируя перемещение Солнца в Небе (что избавляло от неприятной необходимости смотреть прямо на светило, подвергая опасности глаза наблюдателя – полного ослепления их);

3 – скальная плоскость с желобами («бороздами»), ориентированными по касательной в сторону отверстий.

Эти структурные части астрокомплекса и стали объектом детального изучения.

План изысканий и методические установки проведения их. Специальные исследования, со сложными процедурами геодезических измерений и вычислений, сопровождаемых натурными наблюдениями, позволили предположить, что в направлении, зафиксированном желобами скальной плоскости и отверстиями в скале, наблюдалось некое особое важное астрономическое событие, *возможно, восход Солнца в дни летнего солнцестояния и солнцеворота*. Поскольку решение столь

трудной задачи осложнилось невозможностью установить теодолит так, чтобы визирная ось зрительной трубы его совместилась с осью желоба, то пришлось для проверки гипотезы прибегнуть к использованию новых средств измерений (см. рис. 1) и программного обеспечения, а именно: *посредством создания цифровой модели местности по данным наземного лазерного сканирования.*

Ход исследования и результаты его, подтверждающие оправданность гипотезы. Для решения задачи сначала было выполнено наземное лазерное сканирование элементов астрокомплекса – левого и правого краев проема. Затем по данным сканирования в программном продукте *Cyclone* была построена цифровая векторная модель элементов астроплощадки. На рисунке 2 представлены фрагменты цифровой модели объекта, в которой увязаны воедино фундаментально важные его элементы – желоба («борозды») и отверстия. По воссозданной векторной модели удалось определить и смоделировать направление луча зрения от нижнего желоба к нижнему отверстию. Вычисленное астрономами значение склонения *суточной*

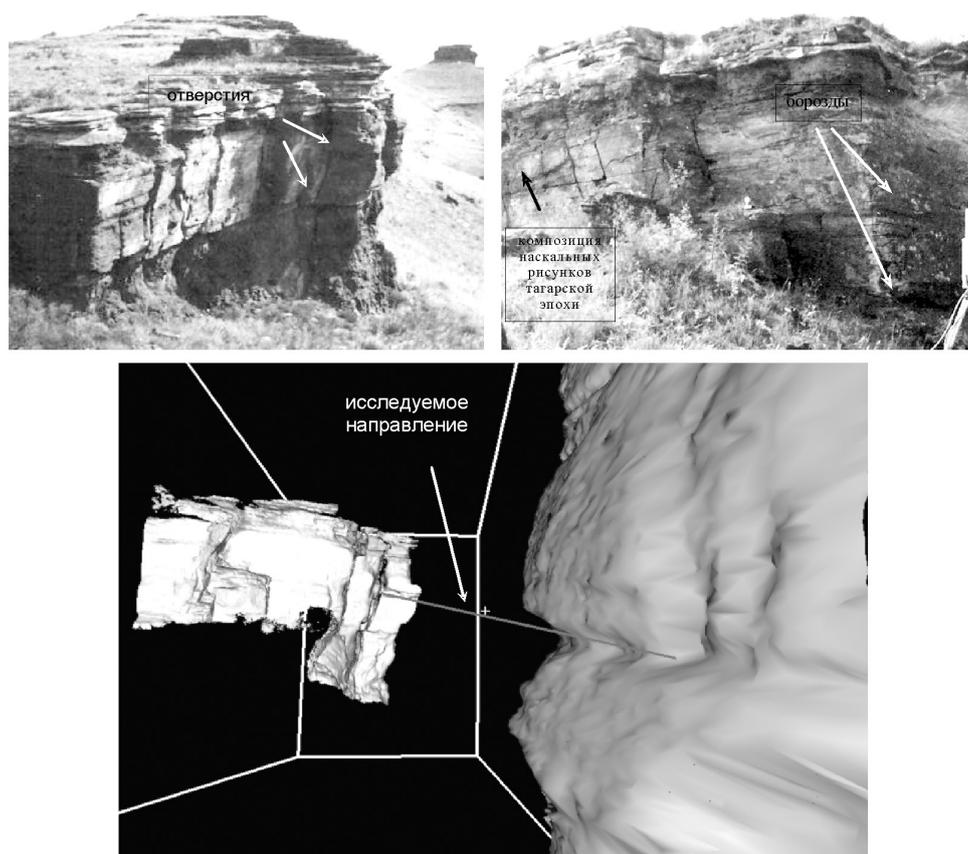

Рис. 2. Структуры астрокомплекса. Астрономически значимые направления, закрепленные желобами («бороздами») и отверстиями. Детали проема во втором гребне. *Фото С.А. Прокопьевой*

параллели, соответствующей закреплению желобами и отверстиями направлением, оказалось равным $24^{\circ} 00,5' \pm 5'$, что близко склонению Солнца в дни летнего солнцестояния.

Краткие итоги поиска: функционирование астропункта и астрального протохрама. Эффективность использования новых геодезических технологий. Изыскания, проведенные при тесном сотрудничестве астроархеолога, астрономов и геодезистов, четко подтвердили идею наблюдения Солнца в эпоху палеометалла и тщательность фиксации жрецами II–I тыс. до н.э. дней летнего солнцестояния и солнцеворота. В пределах седловины второго гребня проводились практические процедуры отслеживания дневного светила при восходе его и, думаем, осуществлялись кульново-ритуальные церемонии в присутствии огромных толп простого люда, который свободно располагался в обширных пределах первого и второго каньонов Сундука. Эти каньоны, огражденные валами из плит, видимо, отделяли сакральное пространство горы с многочисленными святилищами от «профанной» округи, прилегающей к заболоченным подножиям Сундука. Возможно, на песчаниковом блоке со столообразной поверхностью свершались жертвоприношения.

Современные астрономо-геодезические технологии, взятые на вооружение астроархеологами, ставят в двусмысленное положение тех, кто продолжает упорно отрицать значимость палеоастрономии и палеокалендаристики как новой, специфической (междисциплинарной) направленности науки о первобытности (отражения в культурах ее протонаучных знаний). Столь упорный (вековой давности!) консерватизм археологов-традиционалистов отнюдь не безобиден. Он создает преграды изучению интеллекта предка, способствуя компрометации достижений его в естественно-научных познаниях Природы.

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

К ВОПРОСУ О ПРОТОТИПАХ ДЛЯ «ОЛЕННЫХ» КАМНЕЙ

Вопросы генезиса образов на «оленных» камнях с территории Евразии неоднократно рассматривались в археологической литературе. Наиболее полная сводка различных научных мнений приведена в монографии Д.Г. Савинова (1994). Вероятно, следует обратить внимание не только на художественные образы, нанесенные на «оленные» камни, но и на форму каменного блока в целом. Выявить некоторые недостающие «звенья» в этой проблеме может помочь каменная стела из Тархаты на Алтае.

Тархатинский мегалитический комплекс был обнаружен в 1994 г. экспедицией Горно-Алтайского государственного университета под руководством В.И. Соенова. В 1996–1997 гг. была выполнена съемка памятника, произведено измерение магнитного поля, определены горные породы, скопированы рисунки на камнях (Соенов В.И., Шитов А.В., Черемисин Д.В., Эбель А.В., 2000).

Памятник находится в Юго-Восточном Алтае, на южной оконечности Чуйской степи, в 20 км к югу от пос. Кош-Агач, в 2 км к северо-западу от р. Тархаты, недалеко от автомобильной дороги Кош-Агач–Джазатор.

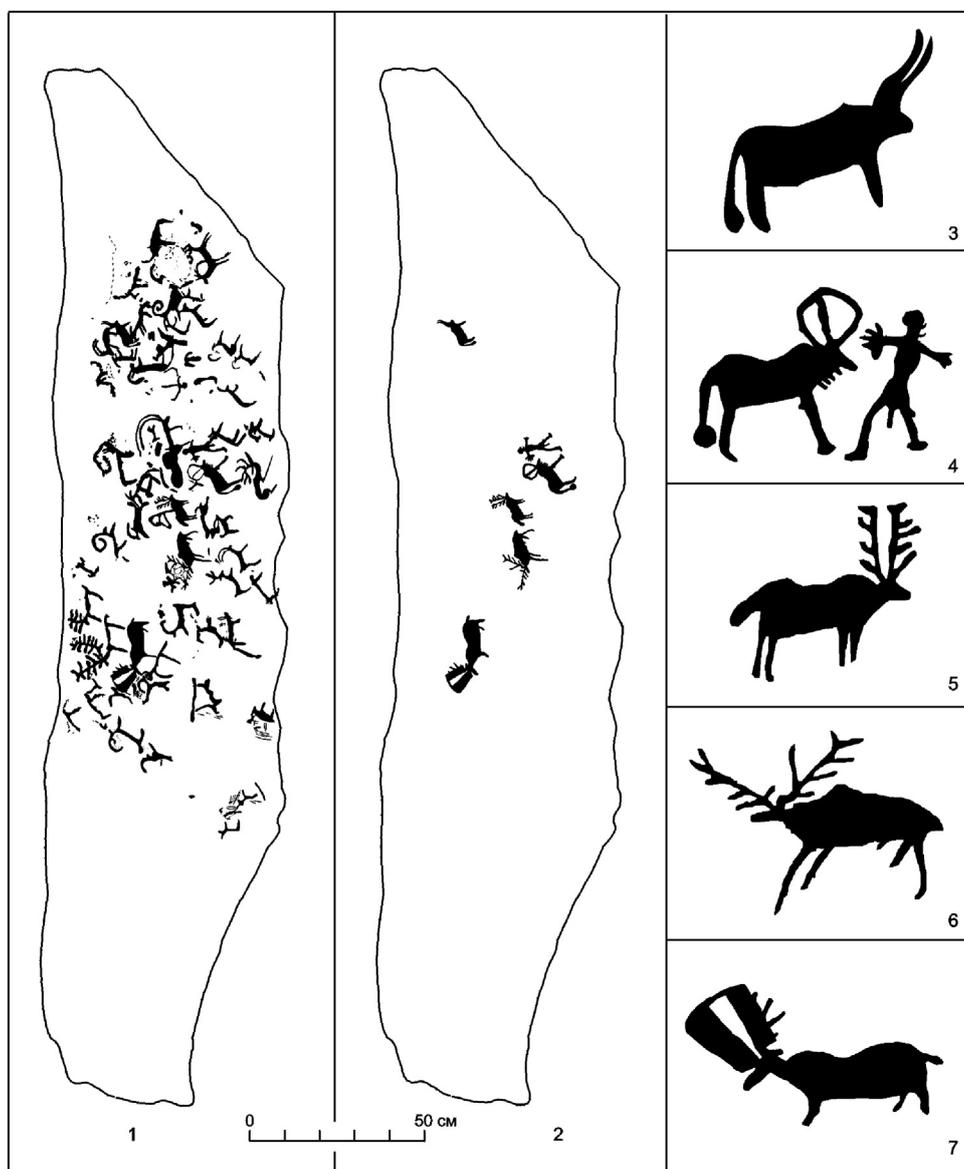

Рис. 1. Тархата: 1 – прорисовка каменной стелы; 2 – то же с изображениями только эпохи бронзы; 3–7 – увеличенные рисунки бронзового века (по материалам Л.С. Марсадолова, а также В.И. Соенова, А.В. Шитова, Д.В. Черемисина, А.В. Эбель (2000))

В 2003 г. Саяно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа (СЭАЭ ГЭ) произвела на комплексе объектов в Тархате первые палеоастрономические исследования, частично уточнила планы объектов и скопировала новые наскальные рисунки (Марсаолов Л.С., 2004; 2005).

В Тархате на поверхности земли в виде сложной фигуры, близкой по форме к «кругу», диаметром около 60 м, в разное время были установлены как небольшие, так и гигантские камни, высотой более 4 м. В южной части тархатинского комплекса нет крупных камней-плит. Возможно, для того чтобы «замкнуть кольцо» в этой части комплекса, здесь были сооружены округлые и подпрямоугольные каменные выкладки.

На ряде крупных и мелких камней в Тархате были зафиксированы изображения различных животных и всадников, относящиеся к разным хронологическим периодам. В 2003 г. СЭАЭ ГЭ на одном из камней в Тархате был обнаружен выбитый рисунок в виде квадрата с линиями в центре. Такие же изображения, но выполненные красной краской, ранее были найдены и в других пунктах Алтая – в Семисарте и в гроте Ак-Баур, в тех местах, где производились астрономические наблюдения (Марсаолов Л.С., Самашев З.С., 2000; Марсаолов Л.С., 2001). Тархату и Ак-Баур также сближают близкие по стилю изображения мужских антропоморфных фигур и козлов с четырьмя прямыми ногами, хотя в Ак-Бауре они нанесены красной краской на стене грота, а в Тархате выбиты на камнях. В Тархате присутствуют и более поздние выбитые рисунки животных «раннескифского» времени, стилистически близкие к изображениям из многих святилищ Алтая (рис. 2).

Если смотреть из центра объекта, то выкладка №10 в Тархате находится точно на юге, а еще южнее ее была расположена когда-то вертикальная, а ныне упавшая стела с петроглифами (Соенов В.И., Шитов А.В., Черемисин Д.В., Эбель А.В., 2000, рис. 3). Эта стела лежит в 130 м к югу от центра большого «кольца» мегалитического комплекса, на расстоянии примерно, в два раза большем основного диаметра объекта. Длина камня – 3 м, ширина – до 0,6 м (рис. 1). Очевидно, петроглифы на эту плиту наносились в разное время, начиная с эпохи бронзы. Наиболее ранние рисунки расположены на центральной оси камня – изображения быков, оленей и лосей (?) с массивным туловом (рис. 1.-3–7). Вероятно, ранние образы этих копытных животных выбиты с двумя, а более поздние с четырьмя ногами. На хвосте одного из быков изображен «шарик» – стилистический признак, позволяющий отнести такие рисунки ко II тыс. до н.э. (рис. 1.-3, 4). Хотя у всех этих животных и выделена холка, но передана она по-разному – в виде округлого «горбика» на спине (рис. 1.-5, 7), слегка заостренная (рис. 1.-3, 4) или гипертрофированно большая и острая (рис. 1.-6). Четко выделенная небольшая подтреугольная холка становится одним из хронологически определяющих признаков при датировании рисунков «раннескифского» времени (Шер Я.А., 1980; Марсаолов Л.С., 1984, Соенов В.И., Шитов А.В., Черемисин Д.В., Эбель А.В., 2000, с. 8). «Древовидные» рога, появившиеся на петроглифах Алтая во 2-й половине II тыс. до н.э., также переданы по-разному – направлены вертикально вверх (рис. 1.-5) или под углом в разные стороны (рис. 1.-6).

Хотя часть петроглифов на той стеле относится к бронзовому веку, но ряд наскальных изображений датируется «раннескифским» временем – VIII–VII вв. до

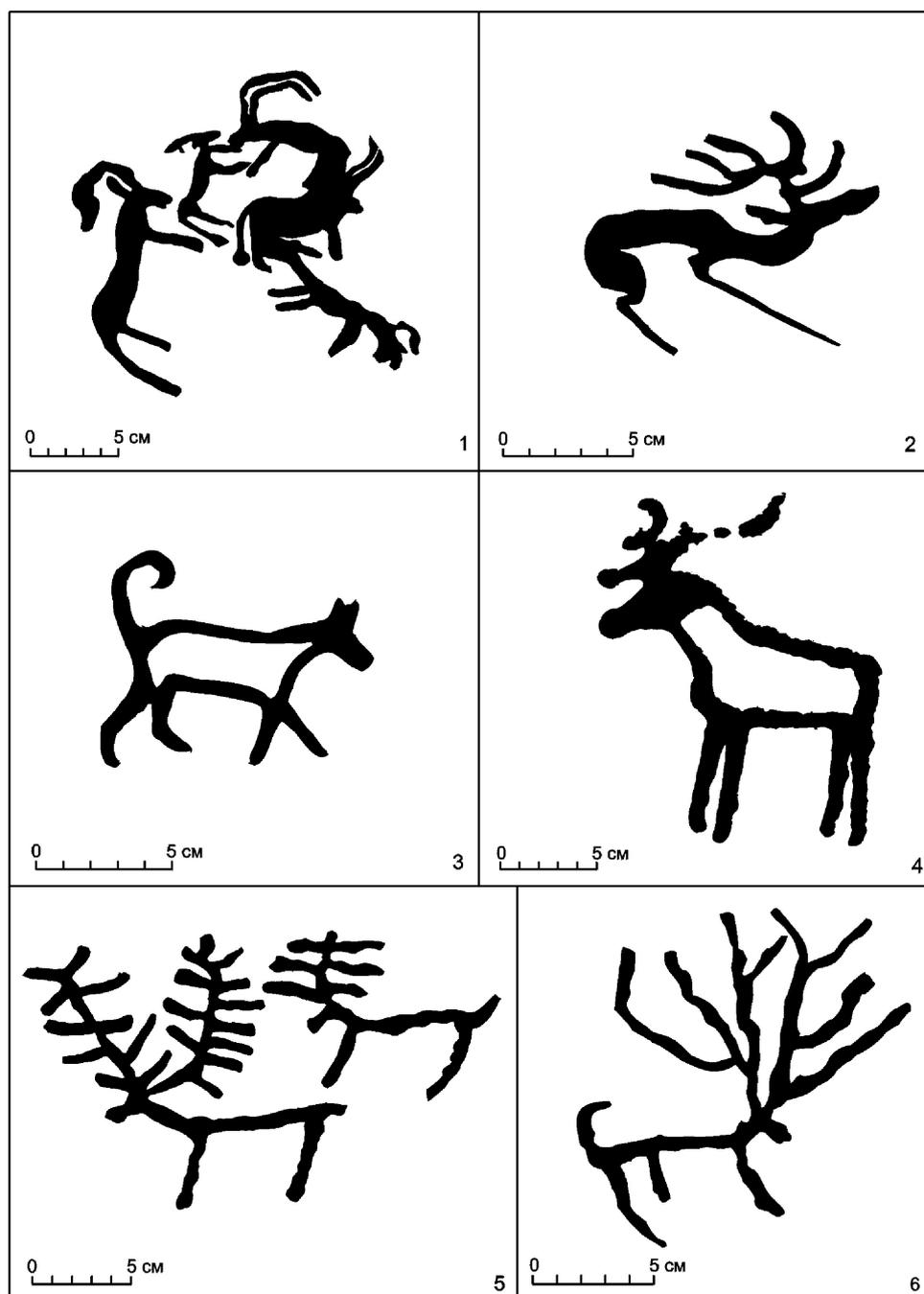

Рис. 2. Тархата. Прорисовка композиций и рисунков: 1–2, 5 – изображения на каменной стеле; 3–4, 6 – рисунки на отдельных камнях (по материалам Л.С. Марсадолова)

н.э. (рис. 2.-2). Активно использовался этот объект и в другие столетия – в тюркское время и позднее. Более поздние изображения находятся вокруг ранних рисунков или около краев камня.

Верхняя часть стелы из Тархаты имеет скошенный край, как и у большинства более поздних по времени «оленных» камней, которые имеют высокую восточную и низкую западную грани. Вероятно, это связано с тем, что солнце, поднимаясь вверх, восходит на востоке и опускается вниз на западе. Наиболее ярко такая закономерность прослеживается на «оленных» камнях в культовых центрах на реках Чуя, Юстыд, Саглы и др. Там «каменный воин» смотрит на восток, по линии восхода солнца в дни весеннего и осеннего равноденствия. В какой-то степени воин-предок является гарантом, что солнце взойдет в той точке горизонта, на которую направлено его «лицо и взгляд» (Марсадолов Л.С., 2000).

Не исключено, что первоначально каменный блок из Тархаты был установлен в виде вертикальной стелы и, вероятно, в какой-то мере послужил прототипом для «оленных» камней Центральной Азии. Такие формы камней и стилистические признаки, как подтреугольная холка, «древовидные» рога, четыре вертикальные ноги, становятся господствующими на «оленных» камнях и наскальных рисунках в VIII–VII вв. до н.э.

Ч. Мунхбаяр

Ховдский государственный университет, Ховд, Монголия

ОБ ОДНОМ ИЗОБРАЖЕНИИ НА «ОЛЕННЫХ» КАМНЯХ

Монголо-Алтайский регион богат памятниками историко-культурного наследия. В этом регионе хорошо известны «оленные» камни, ареал распространения которых не ограничивается Центральной Азией, а намного шире и на западе включает Восточную Европу. Из выявленных более 750 «оленных» камней около 550 находится на территории Монголии (Савинов Д.Г., 1994, с. 8–58; Цэвээндорж Д., 1999, с. 85). В данном сообщении будет рассмотрена семантика изображений на некоторых изваяниях.

«Оленные» камни, расположенные на территории Ховдского аймака, привлекли внимание зарубежных путешественников в XIX в. (Потанин Г.Н., 1881, с. 64–76). Значительно позже В.В. Волков и Ц. Доржсурэн (1961, с. 67–68) в ходе экспедиции обнаружили два таких изваяния в 3 км к востоку от г. Ховда и сделали их краткое описание. Осуществлялись и другие исследования. В результате до 2001 г. в научный оборот были введены сведения лишь о 53 «оленных» камнях. После количество их увеличилось на 19 памятников. Процесс обнаружения «оленных» камней в Западной Монголии продолжается, но в данном случае нас интересуют изображения на них.

Создатели и носители культуры «оленных» камней, жившие на территории от Монголии до р. Эльбы в Германии (Членова Н.Л., 1984, с. 17; Савинов Д.Г., 1994, с. 8–58; Цэвээндорж Д., 1999, с. 84–85) на некоторых своих изваяниях оставили своеобразный рисунок: круг с точкой в середине. Исследователи видели в этом изображении солнце, луну, зеркало, серьги и т.д. Такое объяснение имеет научную

основу и подтверждается археологическими находками и другими источниками (Новгородова Э.А., 1989, с. 199; Бат-Эрдэнэ С., 1997, с. 87; и др.). Однако есть и новые трактовки.

Летом 2006 г. в 20 км к западу от центра сомона Ховд Ховдского аймака в местности «Давдаг шил», через которую переезжают скотоводы-кочевники на летние стойбища, нами были обнаружены шесть «оленных» камней и один погребальный памятник. Начиная с южной стороны, изваяния были пронумерованы (первый, второй и т.д.) и описаны. Они сделаны из гранита светло-желтого цвета.

На северной стороне, в 14 м от первого «оленного» камня, находится интересный нас объект (географические координаты его – 46° 03, 666′ северной широты; 091° 10, 990′ восточной долготы). Высота изваяния 107 см, ширина нижней части 30 см, верхней – 16 см, толщина – 20 см. Изображение на данном памятнике отличается особенностью от других «оленных» камней. На лицевой стороне имеется 18 кругов с точкой в середине. Самый маленький из них диаметром 7,5 см, а самый большой – 10 см. На правой стороне нет никаких изображений. На обратной (задней) стороне зафиксировано 12 аналогичных кругов (диаметром от 8 до 12 см). Эти круги и на лицевой стороне, и на обратной вырезаны очень густо (Мунхбаяр Ч., 2006, с. 5).

Вблизи стоят еще пять «оленных» камней, которые можно отнести к I и III типу данной категории памятников. На них изображены пояски, серьговидные круги, неопределенные образы, подобные луку, который размещен в горите, три не прямые черты, солнце, луна (изображена тонкой и обращена на северо-западную сторону), олени. Морда у оленей – в виде клюва у птицы, шея вытянута на восток, ноги свернуты, как будто прыгает по небу. Рога изображены как узоры. Олени изображены очень красиво и грациозно.

Обнаружен и второй памятник, который был описан нами. Он использовался в качестве аналогии для объяснения образа круга с точкой в центре.

Если считать круги с точкой в центре серьгами, то, естественно, возникает ряд вопросов о том, почему на одной стороне вырезаны 18, а на другой – 12, действительно ли это 30 сережек на одном памятнике и что они обозначают? Пока у нас нет каких-то подтверждений этого. Множество изображений свидетельствуют о том, что это не серьги. Серьга обычно выбита одна. Серьгообразные изображения имеются и на памятнике Дурулжийн ам наряду с верхними и нижними поясами, кабаном, коровой, кинжалом и боевым топором (чеканом) (Савинов Д.Г., 1994, с. 185, табл. V).

Можно высказать две гипотезы объяснения изображения круга с точкой в центре. Во-первых, это демонстрирует уровень интеллектуальности создателей «оленных» камней и отражает их мировоззрение и верования. Исследователи видят в «оленных» камнях шаманистские верования (Эрдэнэцогт Р., 1997, с. 137), а интересное нас изображение рассматривается знаком, как будто представляющим высшее небо (мир) или дух неба. Согласно мнениям большинства ученых, данные памятники воздвигали мужчинам-героям, жившим в эпоху бронзы. При этом отражено их мироощущение (Цэвээндорж Д., 2003, с. 110, 229). Тогда, возможно, что круг с точкой в центре на «оленных» камнях показывает высший мир или дух неба из трех миров шаманской религии.

Во вторых, круг с точкой в центре может быть и изображением тамги онги (нудтэй онгин) – ongi (nudtei ongin). Между прочим, финский ученый Гранэ классифицировал каменные памятники опираясь не на формы, а на виды изображений. Его классификация выглядит так: I. Памятники с тамгой; II. Памятники без изображения животных, с тремя наклонными чертами, с пятисторонним образом и квадратным орнаментом (цит. – Ч. М.), с поясообразной чертой вокруг; III. Памятники с образами животных, с квадратным орнаментом, с различными изделиями (Grano J.G., 1912, с. 35–46; Эрдэнэбаатар Д., 1997, с. 10). Данная классификация поддерживается автором данного сообщения. Памятники, обнаруженные нами, можно отнести именно к I типу. При этом надо учитывать общую закономерность развития и времени.

Наконец, хочется отметить, что, с одной стороны, круг с точкой в центре на «оленных» камнях, возможно, отражает мировоззрение создателей памятников. С другой стороны, данное изображение могло быть и родовым знаком племени (Пэрлээ Х., 1976, с. 33, 88–189, табл. IX–XIII). Данное изображение является одним из букв рунического алфавита и выражает «нт» или «Анд» (друг, товарищ). Тюрколог Шинэхуу считает, что данное изображение связано с тем, что друзьями становятся после того, как люди обменяются кровью больших пальцев. Отсюда вытекает необходимость проникновения в тайну и сущность данного изображения, подтверждения в дальнейшем фактами о круге с точкой в центре – одном из средств оформления оленних камней, в основном принадлежащих к концу эпохи бронзы–раннему периоду эпохи железа. Такая работа имеет большое научное значение при изучении одного этапов истории человечества, в познании мировоззрения кочевников Центральной Азии.

Б. Нямдорж

Ховдский государственный университет, Ховд, Монголия

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ КОБДОСКОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ XX В.

В этой статье речь пойдет об основных переменах в экономической и культурной жизни Кобдоского округа в начале XX в.

В начале XX в. по мере вовлечения Монголии в орбиту мирового рынка наблюдалось разложение натурального хозяйства и во глубине монгольского общества складывались товаро-денежные отношения.

Свержение Цинского господства и образование независимого Монгольского государства дали толчок дальнейшему развитию рыночных отношений. Начавшиеся реформы Монгольского правительства, направленные на восстановление экономики страны, осуществлялись и в Кобдоском округе, составной части Внешней Монголии.

Правительство страны приняло ряд мер по освобождению трудящихся масс от повинностей, отложению срока выплаты старых долгов китайским ростовщикам. Для восстановления казенного земледелия в Кобдоском округе Центральное правительство организовало аратов округа, предоставив им зерно и тягловый скот, арендовало землю. Должное внимание обращалось также на развитие уртонных

дорог и почтовых связей, установление таможенных пошлин для иностранной торговли. Были произведены конфискация имущества и скота у маньчжурских амбанов и китайских торговцев и передача их в государственную казну. Одновременно поддерживались торговые сношения с русскими и китайцами. Следовательно, все эти меры имели важное значение в экономическом развитии округа (Нямдорж Б., 2006, с. 201).

Одним из важных изменений, происшедших в экономической жизни Кобдоского округа в тот период, стало создание торгового Товарищества «Бурдуков и К⁰» совместными силами русских купцов и монголов, которые развернули весьма взаимовыгодную торговлю. Товарищество по праву считается первым опытом создания акционерных организаций русских и монгольских торговцев в Западной Монголии и носило, несомненно, прогрессивный характер (Даревская.Е.М., 1994, с. 76).

С 1912 г., когда были свергнуты цинские власти и выгнаны торговцы крупных китайских фирм, их места заняли русские купцы, которые путем значительного расширения своей деятельности превратились в единственных хозяев по доставке промышленных товаров для нужд округа и покупки сырья, благодаря чему русская торговля взяла вверх над китайской в Западной Монголии в определенный отрезок времени. Тем не менее в условиях отсутствия китайских товаров и значительной ограниченности размаха русской торговли возник дефицит товаров, чем охотно воспользовались русские торговцы, повысив цены на товары в несколько раз (Бурдуков А.В., 1987, с. 104). По эксплуатации местного монгольского населения они мало чем отличались от китайских торговцев и ростовщиков. С прибытием зимой 1915 г. в Кобдо китайского комиссара, возвращением китайских торговцев и постепенным увеличением их численности резко снизилась доля русской торговли. Все это вместе взятое создавало условия для складывания рыночных отношений.

Также в начале XX в. в области культуры Монгольским правительством были начаты некоторые меры по созданию светской начальной школы и улучшению общественного порядка в Западном крае, благодаря чему в некоторых хошунах, например, при дюрбетском сейме правого крыла и мингатском хошуне открылись первые начальные школы (Майский И.М., 2002, с. 318). Но по сравнению с халхаскими аймаками работа по организации школьного дела шла очень медленно, что было обусловлено финансовыми трудностями, нехваткой учительских кадров и нежеланием местной аристократии отдать своих детей в школу.

Другим важнейшим обстоятельством, имевшим свое влияние на культурную жизнь Кобдоского края, было проникновение прогрессивного влияния через русских переселенцев. По мере увеличения численности русских подданных, Консульством были созданы начальные школы, медпункты и аптеки в Кобдо и Улангоме, которыми пользовались не только русские, но местные жители. Благодаря русским были внедрены некоторые виды медицинской и ветеринарной службы, примером которых стали прививки по профилактике от инфекционных заболеваний.

Переселенцы выписывали газеты и журналы из России и попытались создать также собственные периодические издания (Даревская Е.М., 1994, с. 159, 162). Все это давало пользу в получении монголами нужных сообщений о событиях в стране и за рубежом.

Новые веяния наблюдались в произведениях устного народного творчества. В монгольском фольклоре, в частности, в героических эпосах ойратов-монголов нашли свое отражение чаяния и думы народа, идеи национальной революции. Прекрасным примером тому служат творчество известного баитского былинщика Парчина и песни, широко распространенные среди воинов-участников освобождения Кобдо (Владимирцов Б.Я., 2002, с. 177). Таким образом, под влиянием проведенной Монгольским правительством реформы и воздействием русских переселенцев произошли значительные сдвиги в культурной жизни народов Западной Монголии.

Осуществление Монгольским правительством некоторых прогрессивных мер по развитию экономики и культуры Кобдоского округа открыло новую страницу в истории края. Правительственные реформы и влияние русских переселенцев принесли новые веяния в жизнь народов Западной Монголии.

С.В. Панкова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

КИТАЙСКИЕ ПРОТОТИПЫ СИБИРСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ РАННЕТАШТЫКСКОГО ВРЕМЕНИ

Известно, что в первые века нашей эры в Минусинскую котловину проникают элементы культуры, происходящие из районов Центральной и Восточной Азии. В последние годы были открыты или по-новому атрибутированы памятники художественного творчества, отражающие это проникновение.

В 2004 г. в Государственном Эрмитаже были обнаружены татуировки на мумии из могильника Оглахты-VI (мог. 4). Автор раскопок Л.Р. Кызласов датирует это погребение рубежом эр (Кызласов Л.Р., Панкова С.В., 2004), хотя сопоставление найденных там шелковых тканей с лоуланьскими аналогиями позволяет омолодить памятник до 2-й половины III – начала IV вв. н.э. (Лубо-Лесниченко Е.И., 1994, с. 71). Последняя дата подтверждается и радиоуглеродным исследованием бревен погребальной камеры методом «wiggle-matching» (Зайцева Г.И. и др., 2007, с. 306).

Изображения татуировки – фигуры на лопатках мумии – находят аналогии в орнаментации ткани из могильника Сампула (район Хотана) с элементами в виде стилизованных личин кошачьих хищников (рис. 1.-1–2) (Панкова С.В., 2005, с. 184). Личины кошачьих, которые дополнены рядом фантастических деталей, являются вариантом маскоидов тао-те, помещавшихся в Китае на различные предметы, двери домов и гробниц. Кроме того, существуют тао-те, непосредственно сопоставимые с изображениями из Сампулы и Оглахтов. Это фигуры из погребальных рельефов Восточной Хань в провинции Сычуань (рис. 1.-3–4). Верхние части фигур представляют по две пары изогнутых отростков с выступом посередине, как на татуировке и ткани. Личина и лапы ханьских маскоидов соответствуют средней, а кольцо – нижней части татуировки и тканого изображения (Finsterbusch K., 1971, abb. 107–108, 138–139).

На татуировках можно говорить лишь об отголосках тао-те, узнаваемых благодаря конкретным деталям, но никак не общему впечатлению. История этого преоб-

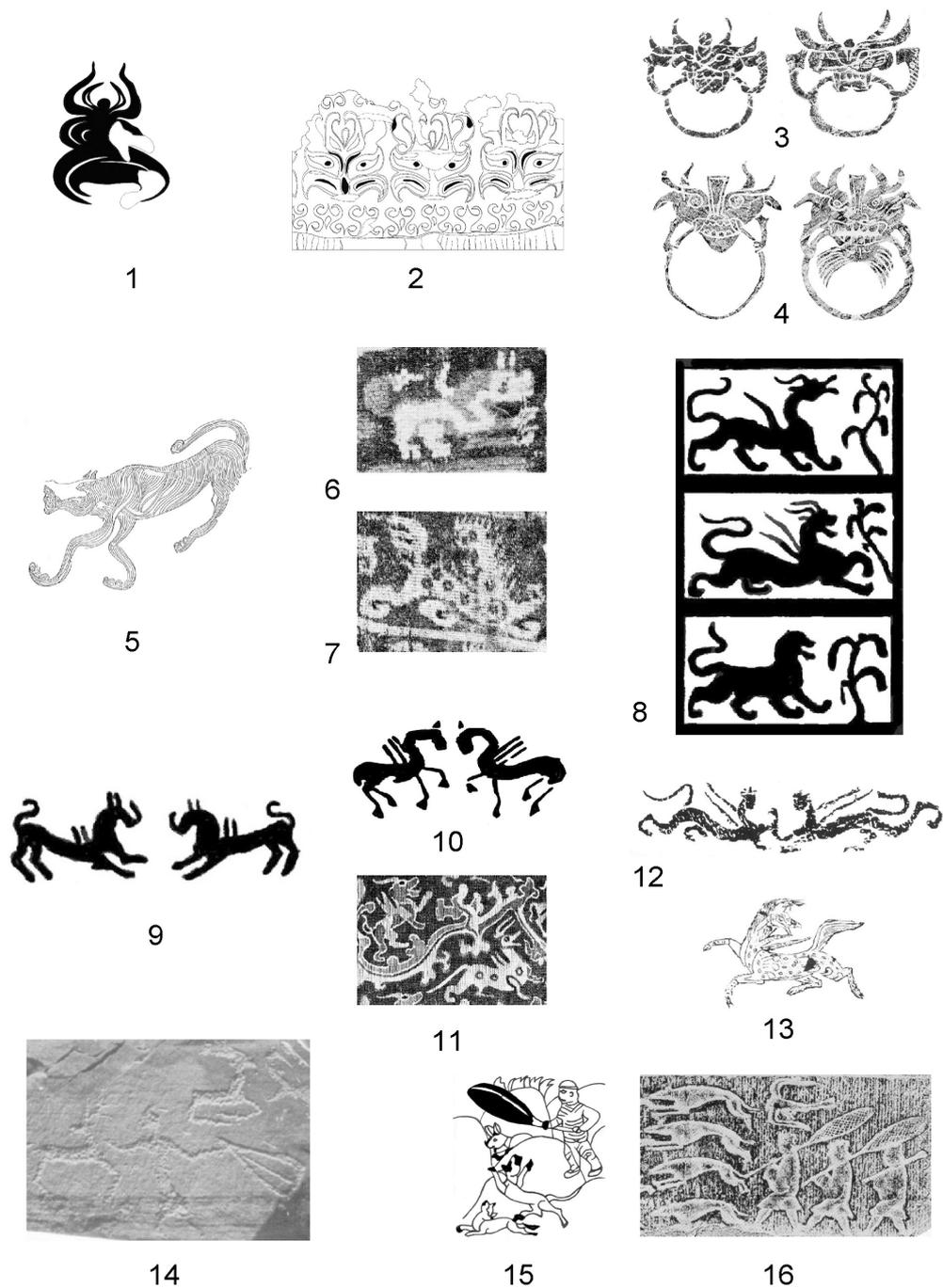

Рис. 1. 1 – Оглахты VI, м. 4; 2 – Сампула; 3, 4 – Сычуань; 5 – Черноозерное II, мог. 9; 6, 10 – Астана; 9, 14 – Куня; 7, 11 – Лоулань, ЛС; 8, 12, 13 – Шэньси, Хунань, Шаньдун; 15 – Цзянсу; 16 – место находки неизвестно. Без масштаба

разования тао-те в оглахтинские изображения нам не известна, и присутствие тао-те как исходного образа татуировки не означает знакомства с ним самих «таштыкцев». Между сибирскими татуировками и ханьскими образами, очевидно, существовали промежуточные звенья, одним из которых могла быть и ткань Сампулы. Исходя из данных этнографии, факт помещения фигур на татуировку не позволяет видеть в них лишь проявление внешнего заимствования эффектного рисунка. Возможно, тао-те или производный от него образ был воспринят предками таштыкцев вдали от енисейских степей. Со временем, переименованный в духе собственных представлений, он стал элементом татуировки. Впрочем, пока об этом приходится лишь гадать.

Осмелюсь предположить, что еще одно таштыкское изображение, уже периода склепов, могло стать результатом подобного превращения. Загадочная «усатая» фигура на щите с тепсейской плакетки может восходить к маскаронам-горгонейонам эпохи Шести династий, иконографически и семантически перекликающимся с тао-те (рис. 2.-1–2). Тогда исходные и конечные звенья обеих цепочек аналогичны – личины охранительного характера в начале и некие «членистоногие» существа в конце.

Парное расположение татуировок на плечах и лопатках мумии заставляет вспомнить и доспехи китайского происхождения с оплечьями в виде голов чудовищ, однако они известны только с танского времени. Другое дело, что на плечах «таштыкца» татуировки могли играть ту же демонстративно-охранительную роль, что и оплечья-монстры на доспехах воинов, и личины тао-те при входе в дома и гробницы.

Татуировка из Оглахтов – не единственный пример художественного образа из таштыкских грунтовых могил, восходящих к памятникам Восточного Туркестана и Китая. В могильнике Черноозерное-II А.И. Готлибом найден берестяной кошель с резным изображением неопределенного животного (рис. 1.-5). В качестве аналогии автор находки приводит узор ткани из Лоулани, где изображен зверь с таким же закинутым за спину хвостом и характерно выгнутыми лапами (Готлиб А.И., 2006, с. 78–80). Подобные ткани известны и в материалах могильника Астана (Турфан) и относятся ко 2-й половине III – началу IV вв. (Лубо-Лесниченко Е.И., 1994, с. 71, 79–81) (рис. 1.-6–7).

Помимо тканей, многочисленные изображения животных, обладающие названными чертами, вырезаны на восточноханьских погребальных рельефах (рис. 1.-8, 12). Они известны в провинциях Сычуань, Шаньси, Шэньси, Хунань и относятся в основном ко II в. н.э. (Finsterbusch К., 1971, abb. 99–100, 392–398). На рельефах представлены различные животные фантастического облика, но всех их объединяют такие детали, как закинутый за спину хвост и выгнутые окончания лап, отмеченные на таштыкском изображении, а также поза, при которой одна или обе передние ноги выброшены вперед.

Многие из этих персонажей имеют крылья, оформленные как два острых шипа. Эта особенность позволяет вспомнить характерные фигуры единорогов Куниинский писаницы Минусинской котловины и подобные им фигуры из других памятников (Миклашевич Е.А., 2004, рис.-1) (рис. 1.-9). Крылья в виде шипов у коней и фантастических персонажей имеются и на тканях из могильника Астана и кладбища

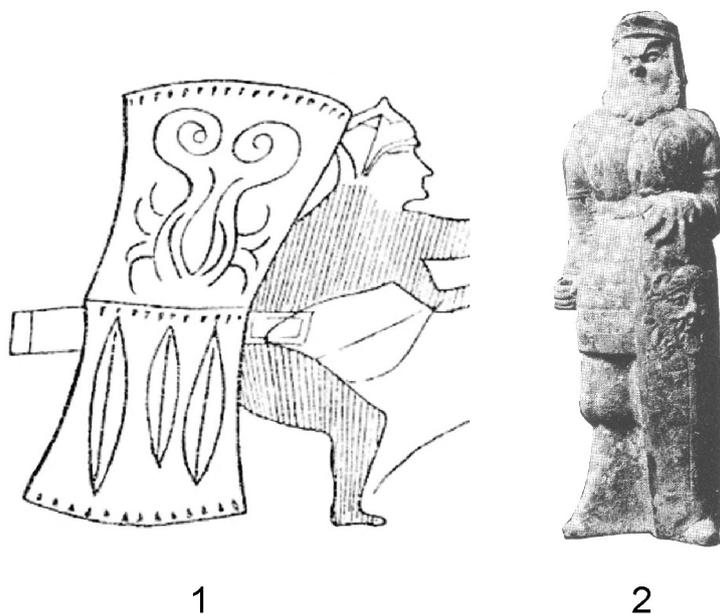

Рис. 2. 1 – Тепсей-III, склеп 1; 2 – Цзянси. Без масштаба

ЛС Лоулани (рис. 1.-10–11). Возможными прототипами кунинских единорогов являются фигуры крылатых коней на поясных пряжках из могильника Лаохэшень (Миклашевич Е.А., 2004, с. 323). У этих коней показаны хвосты с несколькими развеваемыми прядями, и та же особенность встречается на тканых изображениях Лоулани и в ханьских рельефах (рис. 1.-7, 13).

Таким образом, фигура из Черноозерного и отдельные наскальные выбивки Хакасии находят параллели в тех же памятниках, что и татуировка – позднеханьских рельефах Китая и тканях Восточного Туркестана. Фантастические животные из Черноозерного и Куни, на первый взгляд имеющие мало сходства, оказываются связанными общими аналогиями из числа возможных прототипов. Если кунинские выбивки отражают присутствие сяньбийской культуры в Минусинской котловине и датируются II–III вв. н.э. (Миклашевич Е.А., 2004, с. 324), то и хронологически они оказываются близки таштыкским погребениям Оглахтов и Черноозерного.

В кунинской композиции с единорогами есть и другие образы, находящие аналогии в памятниках Китая. Во-первых, это изображение предмета, напоминающего лопасть весла, в руках одного из кунинских человечков (рис. 1.-14). Подобные предметы встречаются в сценах охоты на рельефах и росписях ханьских гробниц (пров. Шаньдун, Цзянсу и неизвестного происхождения), где они интерпретируются как сети загонщиков (James J.M. 1987, p. 267, fig. 6; Finsterbusch K., abb. 267, 795, 796) (рис. 1.-15–16). Там они, видимо, отражали существующую практику охоты, а в Южной Сибири – реалии чужой культуры. Во-вторых, на Куне изображена собака с длинной мордой, подчеркнута широкой грудью и узким тазом (Советова О.С., Миклашевич Е.А., 1998, рис. 3; над масштабом). Собаки близкого облика

присутствуют в упомянутых ханьских композициях с сетями, где они более всего похожи на современных борзых (рис. 1.-16). Наконец, в ханьских сценах охоты, с сетями или без них, в большом числе изображены птицы с распростертыми крыльями, какие появляются на скалах и могильных камнях Минусинской котловины именно в постскифское время и составляют значительную часть образов на Куне. Трудно поверить, что эти универсальные изображения имеют восточноазиатское происхождение, однако они занимают равное положение в числе других китайских аналогий кунинским выбивкам.

Приведенные примеры показывают, что для изобразительных памятников Минусинской котловины раннеташтыкского времени существует значительное число аналогий, происходящих с территории Китая и Восточного Туркестана. Появление этих изображений в Минусинской котловине могло быть связано с проникновением сюда населения, культура которого включала образы китайского происхождения. Ткани из Восточного Туркестана могли быть как непосредственными «участниками событий», так и их боковой ветвью. Показательно, что и позднее, в некоторых памятниках уже «типично» таштыкского стиля будет ощущаться влияние тех же источников – китайских изображений эпохи Хань и Шести династий.

Д.В. Папин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РУБЕЖА БРОНЗОВОГО И ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО ПРИОБЬЯ*

В настоящее время в Алтайском Приобье (административно это территория Алтайского края и Сузунского района Новосибирской области) известно 28 поселений и 12 грунтовых могильников, материалы которых содержат находки, относящиеся к переходному времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Памятники приурочены к Обской речной системе и Приобскому лесному массиву. Они распространяются полосой вдоль Оби и ее притоков, по кромке борových террас, коренному берегу и останцам в пойме. Обращает внимание, что основная масса поселений и могильников расположена на правом берегу Оби, а из семи левобережных поселенческих памятников три (Елбанка, Елунинское культовое место (далее – ЕКМ) и Староалейка-IV) имеют ярко выраженные фортификационные сооружения, но и для правобережных объектов зачастую выбирались *естественно укрепленные* места. На мысах обского берега при впадении притоков расположены Аллак-III, Бобровка, на останцах в пойме – Мереть-II, Усть-Чумышская пристань-I, Малый гоньбинский кордон-I/3, Ближние Елбаны-I. М.П. Грязнов (1956, с. 83) следующим образом реконструировал облик древнего поселка в пункте БЕ-I: «Поселок со всех сторон был ограничен крутыми склонами дюн, на небольшом участке с юго-западной стороны – искусственно вырытым рвом. Возможно, его окружала и прочная ограда, сооруженная по краю склонов и рва». По всей видимости, дополняла эту картину

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты №06–01–00510а, №06–01–60105а/Т).

и сама обская пойма с ее многочисленными старичными озерами, сограми и болотами. Можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что ведущим принципом в выборе мест обитания для древнего населения в исследуемый период являлся фактор обороноспособности. Но сразу надо оговориться, что, по всей видимости, наиболее ярко он проявился на заключительном этапе, а на начальном этапе эта проблема не стояла так остро.

Площадь городищ была невелика, два из них (ЕКМ и Староалейка-IV) располагаются на высоком коренном левом обском берегу, являющемся фасом Приобского плато, на мысовидных выступах, образованных оврагами. С напольной стороны в основании мыса пространство поселений ограничено системой ров–вал, кроме того, объект Староалейка-IV, со стороны северного оврага усилен эскарпом. Аналогичная конструкция присутствует на городище Елбанка, расположенном на вершине крупного останца левого берега Чарыша, в 15 км от впадения в Обь. Хотя на данном объекте кроме находок VIII–VI вв. до н.э. получены материалы раннего железного века и монгольского времени, с большой долей уверенности можно отнести первый этап строительства оборонительных сооружений к изучаемому периоду. Автором данной статьи в процессе проведения аварийных работ на Елунинском культовом месте был зачищен участок рва, в результате этого были зафиксированы следующие показатели: максимальная глубина от современной дневной поверхности 105–110 см, ширина на уровне дна 250 см. Грунт при сооружении рва высыпался на внутреннюю часть городища, за счет чего образовалась ступенька. Незначительные размеры внутреннего пространства рассмотренных памятников позволяют предположить, что это не места постоянного обитания, а городища-убежища (относятся к числу простейших городищ I, II, III типа по В.А. Борзунову (1994а, с. 206). Это подтверждается и характером их расположения, высоко над водой, что затрудняло ведение нормальной хозяйственной деятельности.

В ряду памятников переходного времени от эпохи бронзы к железу материалы междуречья Бии и Катуня занимают особое место. Археологические памятники данного региона составляют особую историко-культурную область, развитие которой обуславливалось во многом процессами культурогенеза на сопредельных территориях, так как этот регион в древности являлся контактной зоной для населения лесостепного, лесного и горных районов Алтая (Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., 1999, с. 5–7, рис. 1).

В настоящее время здесь известны пять поселений, имеющих ярко выраженные фортификационные сооружения: четыре (Пикет, Королев Лог, Усть-Иша-3а, Усть-Иша-2) расположены на относительно небольшом участке катунского берега между населенными пунктами Мост-Иша и Сростки и одно (Солонцы-III) – в среднем течении Бии. В отличие от верхнеобских городищ, памятники междуречья Бии и Катуня имеют организованную внутреннюю застройку и более сложную систему ров–вал (Абдулганеев М.Т., 1997). М.Т. Абдулганеевым (1997, с. 57, рис. II) была выявлена взаимосвязь между появлением на Алтае городищ и раннесакской «экспансией», по его мнению, система фортификации построена от нападения с запада и юго-запада. Наиболее показательны в этом плане объекты Усть-Иша-2 и Усть-Иша-3а, их расположение на левом (южном) берегу р. Иши таково, что с запада протекает

Катунь, а впереди (с севера) пространство ограничивается довольно широкой в этом месте р. Ишой, впадающей в Катунь. Следовательно, особенности местности таковы, что природные преграды были ориентированы на северное и западное направления, при определенной открытости на юг, что позволяет предположить более чем толерантный характер взаимоотношений с раннескифским населением Горного Алтая. Это подтверждается находками керамики с традиционной орнаментальной схемой большереченской керамики переходного времени от бронзы к железу на целом ряде памятников на Средней Катуни (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф., Кунгурова Н.Ю., 1995, рис. 3; Степанова Н.Ф., 1998).

Существование укрепленных поселений для этого периода стало неотъемлемым признаком многих лесостепных культур. Имеющийся материал по сопредельным территориям, прежде всего по Барабинской лесостепи и Омскому Прииртышью, свидетельствует, что в этот период формируются крупные центры с архитектурно-организованной застройкой на значительных площадях. Прежде всего это комплекс красноозерской культуры Инберень-V–VIII на Иртыше и городище Чича-I в Барабе (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985, с. 105; Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2001). Исследованный комплекс в Барабинской лесостепи показал, что существовали поселения, имевшие плановую застройку городского типа, где выделяются жилые зоны, производственные участки и сложная система фортификационных сооружений (Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др., 2001, с. 160; Molodin V.I., Parzinger G., Schneeweiß J. und a., 2002, p. 236). Обратим внимание на то, что памятникам Обь-Иртышского междуречья свойственны довольно значительные размеры, в отличие от Верхней Оби. Кроме того, в эпоху поздней бронзы в Кулундинской степи появляются памятники с ярко выраженной организованной внутренней структурой, а синхронные памятники лесостепи не отразили таких данных (Папин Д.В., 2003; 2005; 2006). Отчасти это обусловлено характером расположения памятников в пойме Оби или на коренном берегу на кромке лесного массива, в силу этих причин здесь не могли одновременно разместиться значительные группы населения.

Как было отмечено выше, поселения переходного периода от бронзы к железу расположены на высоких речных террасах, останцах, что объясняется повышенной военной активностью в регионе в это время. Картографирование городищ юга Западной Сибири (Елбанка, Староалейка-IV, Елунинское культовое место, Чича-I) показывает, что расположены они по краю лесостепной зоны и обращены против раннескифского населения степной части Обь-Иртышского междуречья, что в свою очередь связано с движением населения в степных районах Северной Азии. Наибольшее скопление укрепленных поселений в междуречье рек Бии и Катуни, возможно, связано с вытеснением приобского населения переходного времени (Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1996, с. 155; Абдулганеев М.Т., 1997).

Важным вопросом является время строительства рассмотренных выше городищ. В материалах Бобровского грунтового могильника особое место занимает группа мужских погребений с северо-западной ориентацией и краниологическими параметрами, характерными для «ранних скифов» степной зоны Алтая (Тур С.С., 2001). Отметим сам факт появления новой традиции, до этого на территории юга

Верхней Оби в эпоху поздней бронзы были характерны захоронения человека с ориентацией головой преимущественно на юго-запад и юг (Шамшин А.Б., 1992). В исследуемый период северо-западная ориентация (с отклонениями к северу или западу) получила широкое распространение среди раннескифского населения Горного Алтая и северо-западных предгорий Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 51; Шульга П.И., 1999, с. 246). К сожалению, в этих могилах Бобровского грунтового могильника отсутствует столь важный для этого периода диагностирующий элемент, как керамика. Но в керамическом комплексе поселения Ближние Елбаны-I фиксируется появление новой инокультурной орнаментации – валика (13%). До этого данный элемент декора был распространен на изучаемой территории только в период елунинской культуры, но западные территории от Верхней Оби являются очагом распространения этой традиции в эпоху поздней бронзы. С влиянием населения этого региона (степного Алтая) логичнее всего связать появление новых принципов орнаментации и элементов в погребальном обряде. В эпоху поздней бронзы проникновение традиций степных культур в Приобье надежно фиксируются по материалам ирменской культуры, но этот процесс был взаимным, отдельные находки ирменского облика встречаются вплоть до Иртыша. Наиболее ярким примером является поселение позднеирменского типа Крестьянка-IX, расположенное в восточной Кулунде. Но, скорее всего, в переходный период конфронтация была не с наследниками традиций саргаринско-алексеевской культуры поздней бронзы (которые, возможно, вошли в состав большереченской культуры), а с более западными группами, пришедшими с территории Западного и Центрального Казахстана. Такое проникновение фиксируется по материалам могильника МГК-1/1 (датируемого исследователями в рамках конца VII – начала VI вв. до н.э.) (Кунгуров А.Л., 1999). И возможно, что эта группа причастна к завершению существования поселения Мыльниково (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2005).

По всей видимости, временем появления раннескифских элементов на Верхней Оби и следует датировать строительство первых городищ. На это же указывают особенности декора посуды (найденной на Елунинском культовом месте, Староалейке-IV и Елбанке), в котором ярко проявляются традиции второго этапа большереченской культуры переходного времени от бронзы к железу (Шамшин А.Б., 1989; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2005).

Таким образом, рассмотрев характер распространения памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку, можно сделать следующие выводы: прежде всего выбор места для проживания определялся с точки зрения обороноспособности, это был один из ведущих факторов; количество памятников, приуроченных к обской пойме свидетельствует об относительной концентрации населения в данном регионе по сравнению с соседними территориями Приобского плато и Бийско-Чумышской возвышенности, но по сравнению с регионом Обь-Иртышского междуречья площадь поселений меньше. Видимо, наличие леса, обширной поймы и большой реки с развитой речной системой определило особые условия ведения хозяйства населением данного региона, наиболее адекватные в изучаемый период.

С.А. Пилипенко

Сибирская государственная геодезическая академия, Новосибирск, Россия

**К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ МОНГОЛО-ТЯНЬ-ШАНЬСКОЙ
РАЗНОВИДНОСТИ ЖЕНСКОГО ГОЛОВНОГО УБОРА
СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОНГОЛОВ «БОККА»**

При археологическом исследовании памятника Телеутский Взвоз-I в Лесостепном Алтае были раскопаны курганы монгольского времени, в которых найдены остатки берестяных изделий, атрибутированные как части женских головных уборов (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 95). Анализ археологических материалов Алтая и сопредельных территорий позволил нам выделить томско-алтайский вариант бокки с воронкообразным навершием (Пилипенко С.А., 2003, с. 156–162).

Автором на основе выделенных материалов была выполнена реконструкция бокки в натуральную величину с целью проверки смонтированной конструкции. В ходе эксперимента были выяснены некоторые нюансы, позволяющие уточнить систему устойчивости головного убора (Тишкин А.А., Пилипенко С.А., 2003, с. 233).

А.А. Тишкиным (2003, с. 75–78) были обобщены основные археологические, письменные и изобразительные свидетельства о женских головных уборах монгольского времени: «Что позволит приступить к развернутому исследованию проблемы в различных направлениях от фиксации данных до детальной реконструкции конкретных женских головных уборов...»

Изучение конструктивных составляющих берестяных наверший, найденных на Алтае и Томской области, позволило выделить основные детали: берестяные конус, воронкообразное навершие и овальную крышку.

Накопившиеся за последние годы археологические материалы с территории Монголии и Киргизии позволяют нам рассмотреть вопрос о выделении еще одного региона бытования одной из разновидностей бокк.

С территории Монголии происходит замечательное изображение женщины-монголки в бокке, сделанный тушью на скале у подножья гор Богдо-Уул (Окладников А.П., 1962, с. 70–72) (рис. 1.-1). На рисунке женщина в бокке с высоким навершием и прутиком на крышке.

При исследовании Кара-Корума экспедицией В.Е. Киселева в нижних слоях была найдена шелковая шапочка – основа бокки. На шапочке были выявлены две группы завязок. По мнению В.Е. Киселева (1965, с. 289–290), первая пара завязок завязывалась на затылке бантом, а вторая под подбородком. К сожалению, никто из исследователей бокк не обратил на эту находку внимания.

Из кратких описаний В.Е. Ларичева об экспедиции в Монголию сообщается, что во время экспедиции В.В. Волковым в женском погребении были найдены остатки трубки основы от бокки (Ларичев В.Е., 1968, с. 262–263).

В 1986 г. монгольский археолог Лхагвасурэн Хоголбоон нашел детали бокк в Алтан Сандал. Несколько деталей бокк были найдены в 1988 г. археологом Г. Мэнэсом в Восточной Монголии. Авторы раскопок насчитывают до десяти отдельных

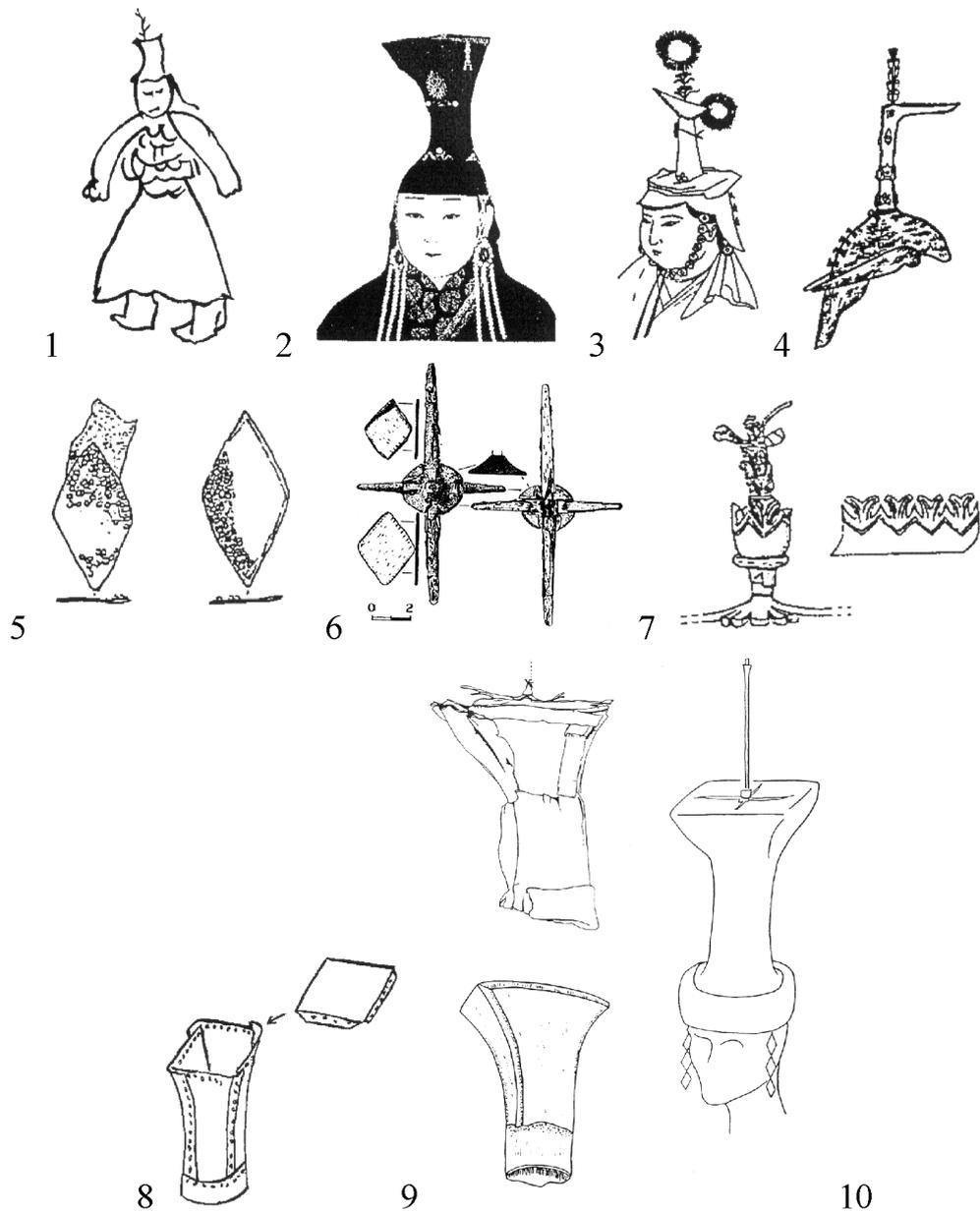

Рис. 1. 1 – рисунок тушью из Богдо-Уул; 2 – портрет юаньской императрицы; 3 – бокка с табризской миниатюры; 4 – бокка из Увека; 5 – берестяные ромбики; 6 – крестовина-основание; 7 – розетка под прутик; 8 – покроя берестяной части бокки из Тянь-Шаня; 9 – берестяная часть бокки из Тянь-Шаня; 10 – реконструкция бокки из района Тянь-Шаня (по К.Ш. Табалдиеву)

частей бокк, выделяя из них только берестяной конус. Длина конусов достигает 70 см (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 133). Д. Баяр при исследовании монгольских каменных в Восточной Монголии изваяний выделил две разновидности головных уборов монгольских женщин. Первая: «...упомянутый головной убор состоял из двух основных деталей – вертикально стоящей верхушки, которая имеет форму расширяющейся к верху трубы, и основной части, или собственно шапки, плотно облегающей голову, с широким назатыльником, спускающимся на плечи. Непременная часть этих головных уборов – подвески в виде соединенных ромбов, прикрепленных к височной части шапочек. Д. Баяр выделил еще одну разновидность бокк с ромбовидными подвесками, но без берестяного навершия, с плоской верхушкой (Баяр Д., 1991, с. 12). К сожалению, с территории Китая археологических находок бокк пока нам не известно. Но в «запретном городе» в бывшем императорском дворце в Пекине хранятся изображения 26 портретов императриц Юаньской династии с изображениями головных уборов (рис. 1.-2), покрытых шелком, бисером с обильными височными подвесками (Вяткина К.В., 1960, с. 199).

Также надо отметить изображения монгольских бокк из сочинений Рашид ад Дина, выполненных в столице Ильханов в городе Табриз и датированных XIII–XIV вв. (рис. 1.-3) (Филипп Э.Д., 2003, рис. 4.-31–32). Бокки на табризских миниатюрах – с различными навершиями. Имеются и аналогичные описанным выше бокки с расширенным сверху конусом. При исследовании на Тянь-Шане погребений монгольского времени К.Ш. Табалдиевым (1996, с. 132–134) были обнаружены берестяные остатки бокк в пяти женских погребениях трех разных могильников. Некоторые из них позволили реконструировать внешний вид боки, бытовавшей в этом районе (Anke В., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.S., 1997).

В связи с рассматриваемым вопросом материалы из района Тянь-Шаня для нас являются базовыми. Приведем их краткое описание. Бокки из Притянь-Шанья состоят из нескольких деталей: берестяного конуса-основы (более низкого и широкого в отличие от подобных деталей бокк Поволжья (Мыськов Е.П., 1995, с. 36–43) и томско-алтайской разновидности бокк (Пилипенко С.А., 2003, с. 156–162)); к нему крепится высокое берестяное навершие, состоящее из двух или четырех крупных деталей (рис. 1.-8–9), боковые края которых загибались с продольной стороны и накладывались на незагнутый край аналогичной детали. Каждая из деталей расширялась кверху. После сшивания деталей получалось капителиобразное навершие. Сверху оно закрывалось квадратной берестяной пластиной с отогнутыми вниз краями, за которые пластина крепилась к берестяному навершию. Крышка сама по себе несла самостоятельную функцию – основания для крепления крестовины под плюмаж. Крестовина состояла из двух частей: деревянной и металлической. Деревянная часть состояла из крест-накрест соединенных плашек с отверстием для штифта (рис. 1.-6). Размер плашек крестовины зависел от формы и размера берестяной двухслойной крышки. Крестовина помещалась под берестяную пластину, через центр крестовины проходил короткий штифт, на который сверху накладывалась круглая деревянная контрпластина. После чего к штифту крепилась металлическая декоративная розетка с втулкой для небольшого прутика (рис. 1.-7). Прутик или

палочка, судя по письменным источникам, был длиной в локоть, т.е. примерно 25–35 см, к которому крепился плюмаж (рис. 1.-10). Аналогичные прутики были зафиксированы в Поволжье в 1913 г. А. Кротковым в Увек (рис. 1.-4) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 36–37) и в 1935 г. П.С. Рыковым в урочище Три брата (Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Ялинов А.Ф., 1998, с. 165).

Гильом де Рубрук так описал бокку (1997, с. 98–99): «...это украшение круглое и большое, длиной оно в локоть и более, а *вверху четырехугольное*, как капитель колонны. ...В середине над полями капители они ставят *прутик из стебельков*...» Все детали покрывались шелком и расшивались бисером. Сам прутик покрывался шелком и перьями.

Берестяная часть, судя по графической реконструкции К.Ш. Табалдиева (рис. 1.-10), крепилась к тканой основе неопределенной формы, к височным частям которой крепились берестяные ромбические подвески. Совершенно оправданно они интерпретированы как часть украшения головного убора с опорой на материалы Д. Баяра, китайские портреты из «Запретного города» и письменные источники средневековых путешественников.

Однако проведенные нами эксперименты по моделированию бокк в натуральную величину на основе материалов Алтая и Поволжья (Тишкин А.А., Пилипенко С.А., 2003, с. 233) не позволяют согласиться с некоторыми деталями этой реконструкции. Имевшихся в распоряжении К.Ш. Табалдиева материалов вполне было достаточно, чтобы реконструировать форму тканой шапочки-основы, к которой крепились берестяные детали навершия и берестяные ромбики. Без учета этого и нижеописанных факторов рассматриваемая реконструкция получилась нефункциональной. Нельзя согласиться с мнением К.Ш. Табалдиева о декоративной функции берестяных ромбиков. Так, на тех же портретах юаньских императриц прекрасно видно (рис. 1.-2, 5), что ромбовидные пластинки пришиты к лентам, идущим от висков под подбородок. Являясь таким образом не подвесками, а украшением вполне функциональных завязок, которые фиксируют бокку на голове по вертикали, что также хорошо видно на табризских миниатюрах (рис. 1.-3). В то время как боковые клапаны завязывались на затылке, как это отмечал В.Е. Киселёв (1965, с. 289–290). По тем же табризским миниатюрам видно, что берестяные пластинки могут иметь и форму цветка. Интересно сообщение даосского монаха Чан Чуня (начало XIII в.): «Замужние женщины надевают на голову бересту, фута в два вышины и весьма часто накрывают сверху черной шерстяной фатой, а богатые женщины – красной сырцовой тафтой... Они весьма боятся, чтобы кто-нибудь неосторожно не натолкнулся на эти шапки, и входят в юрты или выходят из них, нагнувшись вниз и задом» (Си Ю Ци, 1995, с. 300).

Подводя итоги, на основе совокупности археологических, изобразительных и письменных источников мы можем констатировать факт бытования бокки с капителиобразным навершием на территории Монголии, Тянь-Шаня, севера Китая и в районе южного Кавказа (государство ильханов) на рубеже XIII–XIV вв. Предлагаем назвать эту разновидность по частоте пересечения различных видов источников монголо-тянь-шаньской.

Дальнейшее изучение этого вопроса поможет разделить собственно монгольские и не монгольские шапки из общего массива головных уборов, автоматически отнесенных рядом археологов к «боккам», а также о роли бокк в монгольском обществе периода монгольского домината.

С.А. Пилипенко

Сибирская государственная геодезическая академия, Новосибирск, Россия

ПРИМЕНЕНИЕ БЕРЕСТЫ НОСИТЕЛЯМИ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Цель данной работы – обобщение и систематизация всех случаев применения бересты в пазырыкской культуре, с целью выявления сфер использования берестяных изделий в жизни кочевников Алтая скифского времени.

Береста – это кора березы, обладающая эластичностью и хорошими водонепроницаемыми свойствами. Береста плохо сохраняется в археологических памятниках, что не позволяет нам судить о степени ее применения в быту и погребальной практике древними жителями Сибири в скифское время. Благодаря мерзлоте в пазырыкских курганах, береста в них сохраняется лучше, чем в подобных памятниках сопредельных территорий. Изучив имеющиеся образцы, мы сможем расширить наши представления о роли берестяных изделий в скифское время на Алтае и сопредельных территориях.

Проведенный нами анализ опубликованных материалов (Кубарев В.Д., 1987, с. 194) позволяет выделить шесть сфер применения бересты: оформление погребальных конструкций, конского снаряжения, средств передвижения, одежды, вооружения, посуды.

Погребальные конструкции. При сооружении погребальных конструкций пазырыкских курганов зафиксировано использование бересты в двух случаях. При оформлении перекрытий срубов и конских отсеков могильных ям, а также при украшении лиственничных колод-гробов.

Берестяные перекрытия деревянных срубов. Впервые берестяные перекрытия в пазырыкских курганах были встречены В.В. Радловым в 1865 г. при исследовании Большого Берельского кургана. Это было многослойное берестяное перекрытие деревянного сруба и конского отсека, что подтверждено повторными исследованиями С.С. Сорокина (1969, с. 219) в 1959 г. и З.С. Самашевым (2004, с. 5) в 1998–2004 гг. при раскопках кургана №11 того же могильника (рис. 1.-1), а также Большого Катандинского кургана, где было встречено многослойное перекрытие внутреннего сруба и конского отсека. Ниже было 18–20 слоев бересты (Руденко С.И., 1959, с. 8).

В 1920–1950 гг. М.П. Грязновым и С.И. Руденко были исследованы большие Пазырыкские, Туэктинские и Башадарские курганы. В них также были встречены берестяные перекрытия деревянных срубов. В Пазырыкских курганах потолок всех без исключения срубов сверху был покрыт берестой. Так, в курганах №3 и 5 было установлено, что потолок сруба покрыт не листьями бересты, а берестяными полотнищами, сшитыми из отдельных листов бересты скрученным лыковым шну-

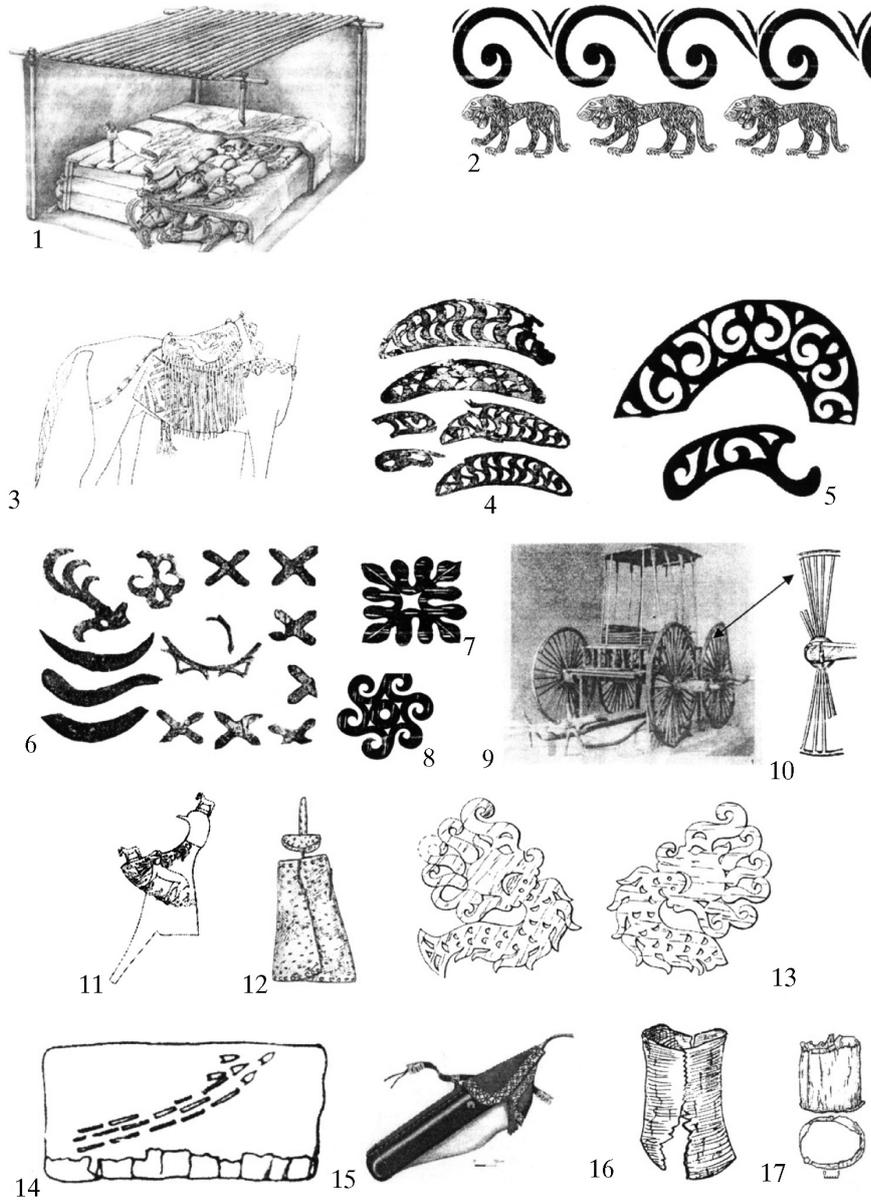

Рис. 1. Берестяные изделия пазырыкской культуры: 1 – берестяное перекрытие сруба и коней кург. №11 Берельского мог.; 2 – примерное оформление берестяными аппликациями колоды из Второго Туэктинского кургана; 3 – размещение украшений на конской упряжи из Первого Пазырыкского кургана; 4–8 – берестяные украшения конской упряжи; 9 – повозка из Пятого Пазырыкского кургана; 10 – крепление ступиц повозки из Пятого Пазырыкского кургана; 11 – войлочная шапка «пазырыкцев»; 12 – берестяная основа шапки из Тувы; 13 – аппликации на одежду из Юстыда; 14 – берестяной горит из Первого Башадарского кургана; 15 – пазырыкский колчан; 16 – берестяной сосуд из Юстыда; 17 – берестяной сосуд из Тувы

ром. Полотнища представляли собой длинные полосы от 2,23 до 2,72 м, сшитые из листов бересты шириной от 0,42 до 0,70 м. (Руденко С.И., 1959, с. 35–37). На потолок сруба они были положены следующим образом. Первый слой полотнищ лежал книзу наружным слоем бересты, второй – внутренним, третий наружным, и четвертый – внутренним слоем. В местах, где край одного полотнища прикрывал край другого, была проложена прокладка мха (Руденко С.И., 1959, с. 35–37). В камере пятого кургана края берестяных полотнищ были зажаты между наружным стенами внешней камеры и приставленными к ним столбами – опорами деревянного перекрытия, установленного после покрытия сруба берестой (Руденко С.И., 1953, с. 36–37). Во Втором Башадарском кургане берестой были обернуты выступающие балки потолка сруба и 3–4 слоя бересты в конском отсеке подстилавшая и перекрывавшая последних (Руденко С.И., 1959, с. 36–37). Берестяные перекрытия известны и в курганах Укока (Полосьмак Н.В., 1994, с. 24).

Анализ применения берестяных полотнищ в погребальной практике в сравнении с рядовыми погребениями показал, что береста использовалась только в больших царских или княжеских курганах. В рядовых погребениях срубы перекрывали листовенничной корой и придавливали камнями, имитируя изоляцию крыши от осадков, подробно описанную В.Д. Кубаревым.

Украшения колод-гробов. В Большом Берельском кургане колода была покрыта берестяными полотнищами. Края некоторых из них вырезали зубцами (Сорокин С.С., 1969, с. 219). Так что перекрытие выполняло и декоративную функцию. В Первом Туэктинском кургане колода была декорирована берестяными аппликациями из хорошо проваренной бересты (рис. 1.-2). Был наклеен вырезанный орнамент в виде ряда узорных запятых (Руденко С.И., 1959, с. 114). Ниже шел ряд идущих тигров. Эти изображения напоминают изображения тигров, вырезанных на саркофаге-колоде из Второго Башадарского кургана. Носители пазырыкской культуры применяли также и кожаные аппликации для украшения колод и глиняных сосудов.

Конское снаряжение. «Пазырыкцы» уделяли большое внимание украшению конской сбруи (рис. 1.-3). Были и берестяные элементы декора. Несколько экземпляров таких аппликаций было найдено в Большом Берельском и Втором Башадарском курганах (рис. 1.-4–8). Это однослойные прорезные аппликации, украшавшие луки седел и войлочные попоны. Насколько удалось зафиксировать, золотой фольгой они не покрывались (Руденко С.И., 1953, с. 114). Выявлены аппликации нескольких видов: крестообразные, квадратные с лепестками, округлые с завивающимися концами. Все они не имеют отверстий от иглы и крепились к основе через декоративные прорезы.

Средства передвижения. При сборке колес парадной колесницы из Пятого Пазырыкского кургана концы спиц при вставлении в ободы колес оборачивали берестяными лентами, для предохранения спиц от деформации (рис. 1.-9–10) (Руденко С.И., 1959, с. 112). Прямых аналогий этому явлению пока нет.

Одежда. При исследовании могильника Юстыд-ХII в кургане №7 В.Д. Кубаревым у погребенного в районе головы среди деталей несохранившегося войлочного колпака были найдены две берестяные ленты размером 16 x 3,5 см. Ленты, по мне-

нию В.Д. Кубарева (1987, с. 106), это часть войлочной основы скифского колпака (рис. 1.-11). Использование бересты в конструкции головных уборов этого периода зафиксировано в Туве (рис. 1.-12) (Семенов В.С., 2003, с. 20).

На могильнике Юстыд-IV были найдены две берестяные аппликации, по мнению автора раскопок, использовавшиеся как нашивки-эмблемы на одежду. Аппликации изображали голову льва, держащего в пасти рыбу (рис. 1.-13) (Кубарев В.Д., 1987, с. 88–89). Прямых аналогий по функции применения аппликации пока не имеют.

Вооружение. К предметам вооружения относится берестяной колчан-горит из Первого Башадарского кургана (рис. 1.-14) размером 80 x 50 см, но он почти полностью истлел. Имел несколько слоев и был окрашен киноварью (рис. 1.-14). Помимо горитов у «пазырыкцев» были и менее вместительные колчаны, элементы которых также могли быть изготовлены из бересты (рис. 1.-15) (Руденко С.И., 1959, с. 37). Берестяные колчаны-гориты бытовали в Туве, Монголии (Семенов В.С., 2003, с. 47) и Северном Причерноморье (Черненко Е.В., 1981, с. 46–47).

Берестяная посуда. Что касается берестяной посуды, то надо отметить общую тенденцию игнорирования этого типа посуды у большинства археологов Сибири. Даже если этот сосуд единственный в материалах могильника, то его в большинстве случаев даже не упоминают в аналитической части, занося туда посуду из других материалов. В пазырыкских памятниках известно два берестяных сосуда. Первый из кургана №2 могильника Уландрык-I (Кубарев В.Д., 1991). Это профилированный сосуд высотой 12 см, диаметром 6–7 см (рис. 1.-16). Аналогичный сосуд, но худшей сохранности происходит из кургана №1 могильника Ташанта-II (Кубарев В.Д., 1991, с. 197). Берестяные сосуды редко встречаются в погребениях скифского времени. Например, в синхронных памятниках Тувы имеется берестяной сосуд (рис. 1.-17) (Семенов В.С., 2003, с. 44), но другого типа.

Проведенный обзор показал широкое использование бересты в быту и погребальной практике «пазырыкцев». Присутствие бересты в погребальном пространстве, возможно, следует отнести к сакральному представлению о березе как о священном дереве.

Основным орудием обработки бересты был нож, которым выполнялись операции по резке, подрезке, прорезке и пробивке берестяных листов. Зафиксировано использование игл и шильев различного диаметра для закрепления берестяных аппликаций на различной основе, войлоке и коже. Для крепления аппликаций к оплечьям одежды, конским попонам и головным уборам использовались тонкие иглы и нити. Для сшивания берестяных листов в полотнища использовали толстые лыковые нити, для крепления бересты к дереву – клей.

Встречено окрашивание бересты в красный цвет и ее проваривание. Выявлены способы сочетания бересты с деревянными конструкциями, относящиеся к отрасли плотницкого и столярного дел. Это прокладывание и обматывание берестой деревянных конструкций погребальных срубов, обмотка спиц средств передвижения. Технология изготовления берестяной посуды требует отдельного исследования.

Н.И. Рыбаков

Петровская академия наук и искусств, Союз художников, Красноярск, Россия

ЕНИСЕЙСКИЕ МУЖЕ-ДЕВЫ В МАНТИЯХ: КТО ОНИ?

Загадочные фигуры в длиннополых одеяниях (памятники Енисея) открыты финской экспедицией под руководством И.-Р. Аспелина в лето 1887 г. и под знаком удивления и вопроса явились иконографическим феноменом. Они до сих пор находятся в пространстве полемики. Поместив в основание интерпретации определение первооткрывателя, касающееся одной из фигур – «ассирийского священнослужителя», О. Менхен-Хелфен (Maenchen-Helfen O., 1951) в середине XX в. выдвинул предположение: они – манихеи, но, как замечает Л.Р. Кызласов (1999, с. 15), «за манихейские автор принял писаницы более ранней таштыкской культуры». Загадочное «явление», как факт вхождения некоего христианского элемента (несториане) в пределы Енисея, не находит отражения и какой-либо поддержки в новых памятниках иконографии (см. ниже), а попытка осмысления «загадочных персонажей» в рамках сугубо шаманской маскировки (Erdy M., 1996, p. 53) не выдерживает критики.

Любая версия невозможна, так как исследователи изначально столкнулись с парадоксальной ситуацией – проблемой иконографического свойства, выражающейся в известной словесной комбинации: «изображения фигур лежат в таштыкском слое», и их отношение к периоду средневековья сомнительно. Но наш феномен «не находит» аналогов и объяснений в моделях сибирского прошлого и чужд идеологической традиции элементов военно-оборонительной структуры раннего средневековья. Между демонстративной формой героя-воина в изобразительных вариантах таштыкского стиля и состоянием «внешности» покойно-созерцательных фигур в мантиях кроется противоречие. При обследовании глухих участков июских степей и каменистых логов засвидетельствованы новые гравировки с изображением «фигур» удовлетворительной сохранности (материалы. – *Н.Р.*). Этот материал из новых находок (в частности, четыре многофигурные сцены шествующих духовников в мантиях и три одиночные) в столь узком сообщении предлагается в виде фрагментов.

В заголовке этого сообщения («муже-девы») заложена формально-словесная интрига, она и может быть поводом к осмыслению данного вопроса. Следует признать, что специфический язык чужеродной традиции по внешним признакам костюма, таким как длиннополые одеяния, детали убора и другие атрибуты, изначально был отнесен первооткрывателем к традиции жречества, т.е. они – священнослужители, жрецы-духовники, адепты каких-то пришлых религиозных сообществ. В этом положении не может быть сомнений. В шаманистской практике Южной Сибири «муже-девы» просматриваются по скудным материалам историографии (Штенберг Л.Я., 1936; Потанин Г.Н., 1882, с. 311; Абрамзон С.М., 1971, с. 79). Однако фрагментарные сведения о переодевании шамана в дева в каком-либо бытовании традиционных свидетельств Сибири не могут быть продвинуты выше объяснения психофизиологического начала в человеке (мужского и женского) и «ритуальной двуполости шамана», исходя из нижнего – женского, верхнего – мужского,

как бы утверждающего его «космизм», завязанность на все миры Вселенной (Косарев М.Ф., 2003, с. 231). Эти суждения не могут дать определенной ясности. Наиболее ярко данное явление проявлено в наследии культур Передней Азии, а именно – в гностицизме.

В концепции апокастасиса, одной из универсальных категорий гностического мышления, в частности, у сефиан (Сидоров А.И., 1987, с. 47–52), в системе понятий и символов антропологизации и метафизики космического бытия личность человеческая теряет свою неповторимость и индивидуальность. Исторические личности (Каин, Сеф, Иисус), возведенные в ранг мифических существей ценой потери индивидуальности становятся паратетами, партнерами и соперниками космических сил и важным фактором в истории мироздания. Упразднение мужского и женского начала в человеческом роде, его недостаточности, выраженное в неполноте, есть возврат к самодостаточности горнего бытия, а человека – к «чистому семени» (Дух беспримесный), т.е. к Сефу, сыну Адама. В текстах «Наг-Хаммади» сказано: «... когда вы сделаете двоих одним... и когда вы сделаете мужчину и женщину одним, чтобы мужчина не был мужчиной и женщина не была женщиной... тогда вы войдете в царствие» (Трофимова М.К., 1979, с. 35). Там же в отношении к мирскому: «...ибо муже-женщины мечутся без женщин и женщины без мужчин». Это устройство праведности, избрание семени и рода, вопреки смешанному с тьмой и переполненному злом «миру непорядочности», разделенности, знаменует приход спасителя, Христа, «дабы снова исправить разделение». В гностической религиозности символ высокого полномочия – Слова-Логос, извещенный земным Иисусом первородному Адаму, как вариант, выражается в индоиранской формуле «что было, что есть и что будет» (Виденгрэн Г., 2001, с. 95–96) и определяет ритуальную драму, которая «тысячелетиями разыгрывалась в Месопотамии». Это «знание» появляется и в зороастрийском катехизисе. Ключевая позиция презрения мира материального и стремление к миру надтварному строится в понимании того, что душа имеет небесное происхождение. Гностический способ спасения души в мифологических событиях «окружения и времени» определил диалектику познания, где реликтовая оппозиция двух космических сил – света и тьмы (бог и материя), находящихся в непрестанной битве, заложена в основе индо-иранских религий. В тождестве Небесного Христа и земного Иисуса Сеф в сообщениях Епифания (Сидоров А.И., 1987, с. 48) по духовному родству в качестве духовной силы востребовал оболочку «самого Иисуса Христа». Но и горняя Мать вложила в Сефа свою силу. Подобная форма тождества, и в каких-то деталях и различия, характерна для манихейства, где «посланцы Света», периодически являющиеся в мир (Будда, Зороастр, Христос, сам Мани), были все как бы единой сверхличностью, не переставая тем не менее быть индивидуальностями. В бесконечном ряду гностических импровизаций, в тесном соприкосновении метафизической и космической сфер и сферы человеческой истории путь «избранных и знающих, в которых нет ни ущерба, ни уменьшения» (псалмы Фомы – Виденгрэн Г., 2001, с. 140), преодолевая отчужденную раздвоенность, возможен в оболочке «полноты».

Можем признать, что изначальная андрогинная традиция «небесного человека» может иметь место в гипотетической андрогинной интерпретации в отношении

наших муже-дев – посланников Света, костюмированных в наряд «полноты». Критический скептицизм и затянувшаяся полемика в материалах историографии XX в. в осмыслении явления «загадочных фигур» всё же не могут быть нейтрализованы этим заявлением. Однако мы не можем оставить без внимания положение, высказанное О. Менхен-Хельфеном, и примем за основу предложенное им решение: они – манихеи. В манихейской догматике роль Высшего Существа несет двупольный Бог Зерван (андрогин), породивший Армазда – светлую сущность и Ахримана – темную сущность и, соответственно, изначальные свойства: Свет – абсолютное знание, Тьма – заблуждение, безумие материи (Литвинский Б.А., 1975, с. 254; Мухитдинов Х.Ю., 1973, с. 106). Первая же пара людей – Адам и Ева, как и их потомки, стали полем битвы благих и темных сил. Как следует понимать, мифологема «начала пути Познания», когда Адам был просвещен Иисусом-Сиянием (особо подчеркиваем! – *Н.Р.*), воплощенным в Еву, и вкусил плод с древа познания, что трактуется как благо у гностиков и манихеев, предопределила манихейскую полемику «вопросов и ответов» и дальнейший путь к спасению светлой души и, как творческий акт – спасения Мировой души, повлияла на миссионерскую стратегию, ярко выраженную в Восточной манихейской церкви. Следует добавить, свидетельства «обретения прошлого» получили и соответствующую реликтовую форму и символическую наглядность, далеко превысив простую маскировку. Синтетическая версия манихейского учения, по обстоятельствам характера региона и времени, «востребовала» приспособление богословского языка, специфические нормы поведения, ритуальные методы и вещную «оболочку» праведника-миссионера. Вещный наряд на пути спасения как «образ-форма» постижения Бога можно представить в конкретных примерах: «В теперешнем существовании, будучи молодыми людьми в длинной женской одежде, о сколько мы ошибались и прегрешали» («Хуастуанифт», 5–51; Малов С.Е., 1951); «Манихеи... блистающие воинства называются девушками... в стране радости нет мужчин и женщин и нет половых органов. Все они обладают вечно живыми телами... они не различаются в отношении слабости и силы, длины и краткости, образа и внешности; они подобны одинаковым светильникам» (Ал-Бируни, 1963, с. 79). Обратимся непосредственно к памятникам иконографии (рис. 1), намеренно используя материалы, объявленные выше как новооткрытые. Мы видим персонажи по внешним доминирующим признакам, в целом тождественные, отвечающие специфическим нормам одной традиции: на головах короны в виде перевернутых конусов, из-под основания которых – откиннутые назад «косыпальмы»; диадемы в области лба и на короне – круг в круге или круг с точкой внутри; длиннополые мантии, оканчивающиеся волочащимися шлейфами, и возложенные на груди руки (рис. 1.-в), ладонями внутрь, и т.д. Диадема в виде двойного круга или круга с точкой внутри в синкретической версии понятий и символов манихейского учения имеет корни в древности (Рыбаков Н.И., 2006, с. 121–127). Как универсальная архетипическая модель в форме Слово-Логос (точка в круге) выражается дополнительно в череде определений: назарейское духовное семя Явар-Зива (Дровер Е.С., 2002, с. 265); глаз Ахура-Мазды (Литвинский Б.А., 1972, с. 152); муже-женское начало (Новгородова Э.А., 1984, с. 51); семя Гайомарда (Бундахишн 50 г); древневосточное Инь и Янь (Палладий Арх., 1887, с. 130); вершина горы

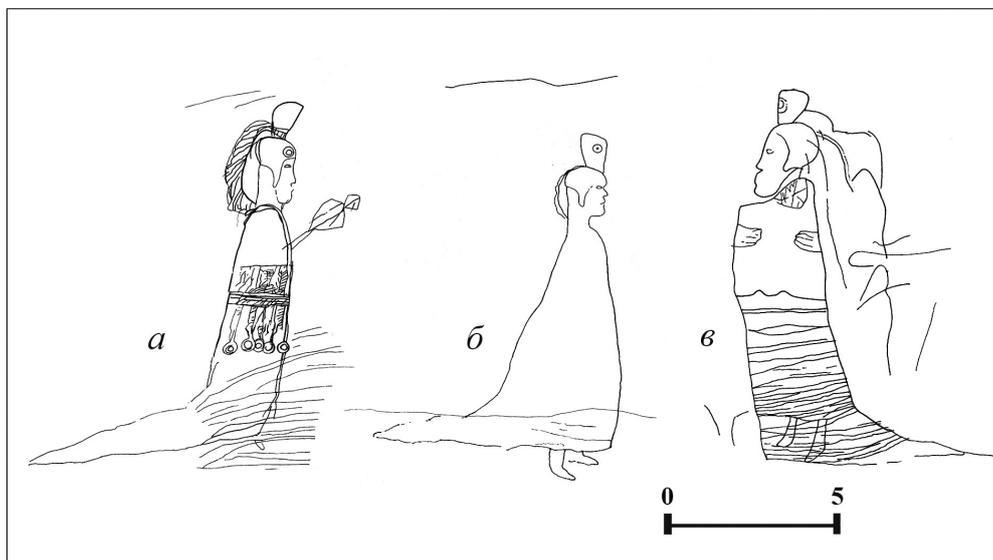

Рис. 1. Фигуры в мантиях. Междуречье Июсов (полевые материалы автора):
а – носитель ваджры (гора Барстаг. Белый Июс); б – одиночная фигура
(Барбаковы горы. Подкамень); в – персонаж в наряде праведника
(Барбаковы горы. Подкамень)

Меру (Tucci G., 1963, p. 140); первая корона – «Я есть» (Еврейская энц., 1991, т. 15, с. 875); благо Зурвана (Зороастрийские тексты, 1997; Моносиллаба ОМ (Генон Р., 2004, с. 264); десятиричная Единица (Генон Р., 2004, с. 153) и т.д. Этот множественный абстрактный феномен небесной субстанции неоднократно упоминается в псалмах и гимнах, манихейско-тюркских текстах: он – «Око Зурвана Мани-Будды», «диадема владычества» и к нашему материалу, соответственно – Слово-Логос Иисуса, изъясненное Адаму. Все персонажи несут руки под мантией – они скрыты. У праведника (рис. 1.-в) руки показаны, и мы можем судить, как они возложены на груди – ладонями внутрь, что согласуется с двумя из трех заповедей в манихейской дисциплинарной практике: «печать рук» и «печать груди», суть которых – в запрете на разрушение мира тварного и запрете на вожделение (чистота девственности). В отношении корон в коптской манихейской книге «Псалмы Фомы» сказано: «Ладья получила ветвь пальмовую» и «...он укрепил ладью, украсил ее и вознес в дар Великому» (Смагина Е., 1992, с. 118). Ладья (корона), украшенная ветвью пальмовой, относится к кругу символов-аллегорий мандее-назарейской религиозности (Дровер Е.С., 2002, с. 262). Среди алтарных атрибутов в иконографических турфанских материалах (Le Cog, 1923, p. 58) тиара Апостола Мани представлена как сакрализованный атрибут, обозначенный диадемой «Око Бога»; тиара пророка являлась предметом поклонения в манихейской богослужебной практике. Получение «венца, одеяния и диадемы славы», «ношение мантии и венцов» – акт формализованной манифестации; он отмечен в западной и восточной манихейской литературе (Кефалайя, 1998, с. 41-25). Между тем в богословской символике средневековой религиозности

манихейства «диадема владычества» – «Откровение бога» по внешним признакам иконографии несовместима с несторианским крестом. Несториане по известным причинам не могли возложить на лбы языческий знак «Око Бога», они несли четырехконечный крест – символ обретения христианского «древа крестного» (Мещерская Е.Н., 1984, с. 35; Пигулевская Н.В., 1956, с. 104–105; Джумагулов Ч.Д., 1987, с. 38–39).

Эти доказательства не могут дать окончательного ответа на вопрос «кто они, муже-девы в мантиях», если не будет отторгнуто устоявшееся скептическое обстоятельство – тупиковая иконографическая ситуация: «фигуры лежат в таштыкском слое». В сезон 2004 г. Ю.Г. Белокобыльский в личной беседе по этому вопросу заметил, что «фигуры» неоднократно обводились. Повторный внимательный осмотр памятников и дополнительная съемка с использованием GSM позволили выявить и понять наконец причину парадокса, суть которого проста: изображения обводились несколько раз и при этом обводке были подвергнуты разновременные слои – «таштыкский» и «средневековый», и таким образом объединены в один хронологический пласт. К яркому примеру иконографического «коварства» палимпсеста относится Ошкольская писаница, где сгруппированные и одиночные изображения таштыкских воинов, лучников, быков, лошадей объединились и перемешались с фигурами в мантиях. Это «коварство» как факт явилось причиной общего заблуждения в последующих исследованиях XX в., но следует признать: петроглифическая ситуация «смещения» не была распознана изначально первооткрывателем И.-Р. Аспелиным, что отражено в известной публикации (Appelgren-Kivalo, 1931), касающейся памятников «Подкамень-Ошколь». В корпус материалов попали только выделенные обводкой петроглифы, имеющие убедительную изобразительную структуру, тогда как другие гравировки, однозначно относящиеся к тому же кругу загадочных фигур, были либо незамечены, либо опущены. Казалось бы, суть в простом, но побудительные мотивы многократных обводок не так просты и требуют отдельного исследования. В данном материале приведены памятники, представляющие одноактовый тип рукотворной иконографии, нетронутой вторичными наложениями.

Итак, феномен, покрытый тайной происхождения, в памятниках Енисея – «Муже-девы в мантиях» проясняется и приобретает суть некоего подвижного элемента гностической религиозной структуры в системе взаимосвязей культур эпохи средневековья. Космогония Поздней Античности выявила арену исконного сражения за человеческую судьбу в пределах миров света и тьмы и потребовала в пространстве человеческой земной неполноты активного участия посланников мира Света. Двойное наследие человеческого тела, тела Адама и Евы (рабство света и тьмы) в облике посланцев муже-дев, в предназначении которых был заложен потенциал для каждого индивидуума, должно было пробудить божественную идентичность человеческого существа (Beduhn J.D., 2000, p. 97). Привлекательная форма космогонического мифа спасения, унаследованная манихейской проповедью, нашла сторонников в среде государства древних кыргызов Енисея. Муже-девы в мантиях – манихеи. Но мы пока не знаем, какая секта прошла на Енисей и к какой манихейской консорции она принадлежала.

Д.Г. Савинов, Сэрээтэрийн Урантугс
*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

ОПЫТ ТИПОЛОГИИ ХЕРЕКСУРОВ

Херексуры – один из основных видов археологических памятников горно-степных районов Центральной Азии, хорошо известный и описанный в трудах русских путешественников и всех последующих исследователей начиная со 2-й половины XIX в. Наиболее краткое определение херексуров было дано Ю.С. Худяковым (1987, с. 136): херексуры – это «своеобразные курганы с округлой насыпью в центре, обнесенной кольцевой или квадратной оградой, соединенной с насыпью перемычками из камней». Безынварный характер погребений не позволяет точно определить дату сооружения херексуров, хотя по всем имеющимся данным они относятся к самому концу эпохи бронзы – началу скифского времени, т.е. к тому переломному моменту истории, когда были заложены основы будущей степной цивилизации. Позже VI в. до н.э. они, по-видимому, уже не сооружались, а отдельные памятники, отличающиеся соответствующей планировкой, например, один из курганов на «дороге Чингизхана» в Туве (Полторацкая В.Н., 1966, рис. 1.-3), представляют уже пережитки существовавшей ранее традиции.

Несмотря на явное разнообразие наземных сооружений (а скорее всего, в силу именно этого обстоятельства), единой типологии херексуров до сих пор не существует, хотя определенные попытки в этом направлении предпринимались неоднократно. При этом все авторы совершенно справедливо разделяют херексуры по характеру оформления ограды на две основные группы: с круглыми и квадратными оградями. Именно так они представлены в публикациях В.Д. Кубарева (1980, рис. 9), Э.А. Новгородовой (1989, с. 213, 217, 218), Л.Р. Кызласова (1979, рис. 23, 24), В.В. Волкова (2002, рис. 10, 33, 53, 80 и сл.). В работе Ю.С. Худякова (1987, с. 141, табл. I) была предложена первая классификация херексуров с разделением их на группы – с двойной и одинарной оградой; типы – по форме ограды, наличию и численности перемычек; подтипы – по наличию угловых камней; варианты – по дополнительным выкладкам и стелам внутри и вне ограды. Позднее А.Д. Цыбиктаровым (1995, с. 39, рис. 1) были выделены типы 40 раскопанных к тому времени херексуров, однако в типологическом отношении представительность их оказалась весьма ограниченной.

Возвращаясь к вопросу о типологии херексуров, мы исходим из того, что главной их конструктивной особенностью, при сохранении деления на два основных вида – с круглой и квадратной формой ограды – является оформление внутренней площади и площади за оградой, по отношению к которым далее следуют таксономически более мелкие признаки. Конечно, далеко не все многообразие внешнего оформления херексуров нашло отражение в опубликованных материалах; поэтому предлагаемая схема-типология носит предварительный характер и, пользуясь словами Ю.С. Худякова (1987, с. 141), «...будет уточняться по мере дальнейшего изучения подобных объектов».

Херексуры с круглой оградой (рис. 1). По внутреннему оформлению площади делятся на следующие классы: а) без каких-либо дополнений на площади; б) с двумя

расходящимися «дорожками» (могут быть расположены от центральной насыпи с северной или восточной стороны); в) с крестообразно расположенными «дорожками»; г) с радиально расположенными «дорожками»; д) с вымосткой, идущей от центральной насыпи к ограде (с восточной или южной стороны). По внешнему оформлению площади за пределами ограды делятся на следующие подклассы: а) одно окружающее кольцо из мелких каменных выкладок; б) два (или три) окружающих кольца из мелких каменных выкладок; в) мелкие каменные выкладки, расположенные с одной стороны от ограды (западной или восточной); г) прямоугольная или изогнутая каменная вымостка с одной стороны от ограды (с юго-восточной или северо-восточной стороны); д) прямоугольная вымостка-пристройка (с южной стороны). В качестве вариантов могут быть выделены два способа размещения вертикально установленных камней в ограде: 1) два камня (с западной и восточной стороны); 2) четыре камня, установленных в ограде по странам света.

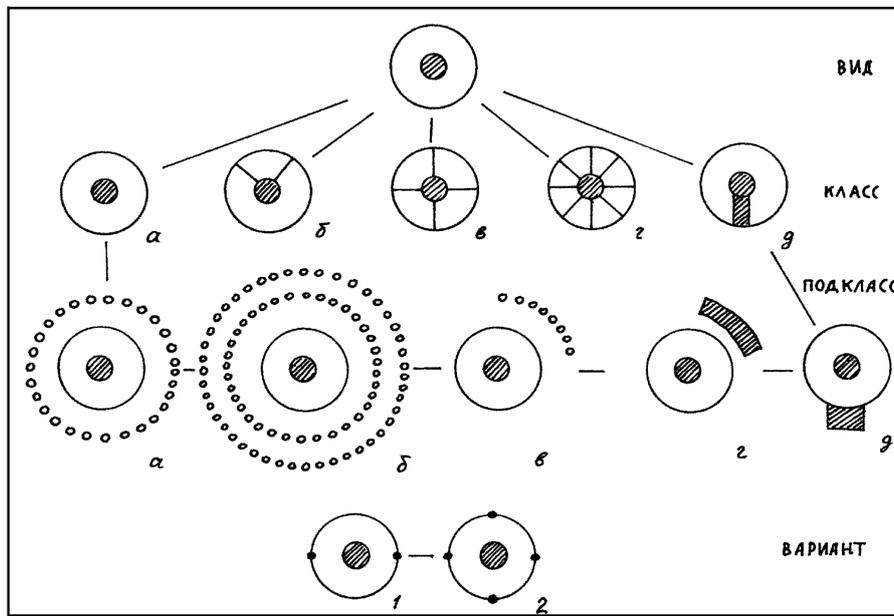

Рис. 1. Схема-типология херексуров с круглой оградой

Херексуры с квадратной оградой (рис. 2). Могут быть ориентированы сторонами или углами по странам света (пропорция приблизительно равная, что за этим стоит – сказать трудно). В большинстве случаев различным образом (вертикально установленные камни, небольшие каменные вымостки) отмечены углы ограды. По внутреннему оформлению площади делятся на следующие классы: а) без каких-либо дополнений на площади; б) с одним «лучом», идущим от центральной насыпи к углу ограды; в) с крестообразно расположенными «дорожками»; г) с радиально расположенными «дорожками»; д) с каменной вымосткой, идущей от центральной насыпи к одной стороне ограды (южной или восточной). По внешнему оформлению

площади за пределами ограды делятся на следующие подклассы: а) без каких-либо дополнительных сооружений; б) с прямоугольной вымосткой (чаще с южной или восточной стороны); в) с прямоугольным однорядным ограждением из мелких колец; г) с круглым однорядным ограждением из мелких колец; д) однорядное или двухрядное ограждение из мелких колец с одной стороны; е) двухрядное ограждение из мелких колец на двух смежных сторонах (чаще всего южной или восточной).

В качестве вариантов могут быть выделены: А) особенности обозначения углов; Б) особенности обозначения сторон. Особенности обозначения углов: а) без видимого обозначения; б) вертикально стоящие камни; в) камни, расположенные под углом; г) каменные вымостки-треугольники; д) округлые каменные вымостки. Особенности оформления сторон: а) с вогнутыми сторонами; б) со слегка выпуклыми сторонами; в) с выделенной с одной стороны округлой «апсидой».

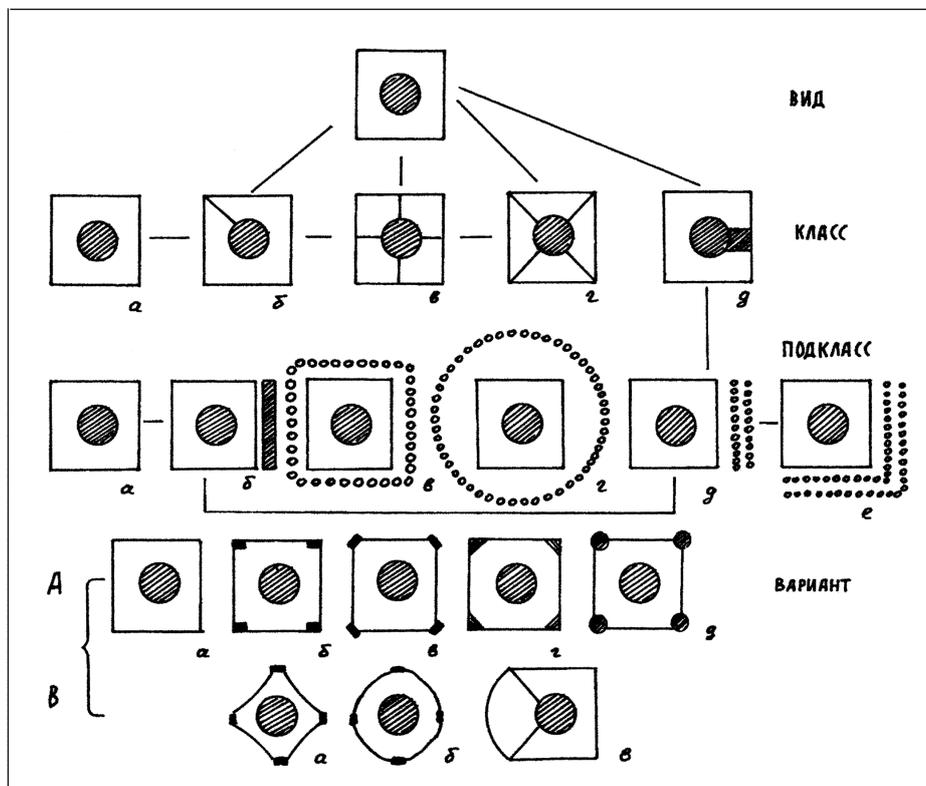

Рис. 2. Схема-типология херексоров с квадратной оградой

Выделенные особенности оформления наземных сооружений курганов-херексоров могут иметь разные причины – как семантические, что пока не поддается какой-либо убедительной интерпретации, так и хронологические. В настоящее время можно только констатировать несколько моментов, имеющих своеобразное «реперное» значение.

1. Вопрос о функциональном и хронологическом соотношении херексуров с круглыми и квадратными оградами остается открытым. Очевидно, что среди них могут быть как погребальные, так и поминальные сооружения. Наличие общих конструктивных элементов, выявленных в результате предложенной типологии, показывает, что оба основных вида херексуров существовали относительно одновременно.

2. Херексуры с круглой оградой, особенно с радиально расположенными «дорожками», тяготеют к северо-западной Монголии и южным районам Саяно-Алтайского нагорья. К ним, в частности, относится известный «курган-храм» Улуг-Хорум, раскопанный А.Д. Грачом (1980, с. 119–121, рис. 71–73) в юго-западной Туве. Однако таких курганов с радиально расположенными «дорожками» значительно меньше, чем кажется на первый взгляд. Скорее всего, это особая, возможно, более поздняя форма херексуров.

3. Такую же планиграфию (с радиально расположенными секторами) имеет деревянная «платформа» кургана Аржан-1 (Грязнов М.П., 1980, вкладка), на что уже обращалось внимание исследователей (Савинов Д.Г., 1992, с. 109–110). Датировку херексуров с круглой оградой этим временем подтверждает бронзовая пряжка с изображением хищника в «аржанском» стиле, найденная А.Д. Цыбиктаровым (2003, с. 92, рис. 15) в камнях ограды одного из раскопанных им херексуров в Забайкалье.

4. Херексуры с квадратной формой ограды и радиально расположенными перемычками, возможно, каким-то образом связаны с крестообразным оформлением площади в оградах окуневской культуры, на что в свое время обратила внимание М.Н. Комарова (1981, с. 88). Поэтому не исключено, что херексуры с квадратными оградами, с точки зрения истоков происхождения традиции, могут оказаться более ранними. Однако показать это могут только целенаправленные археологические раскопки. Как очень хорошо закончил свою статью об «оленных» камнях и менгирах Л.Р. Кызласов (1978, с. 29): «Надо копать».

К.Н. Солодовников

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ЕВРОПЕОИДНОГО КОМПОНЕНТА
В РАСОГЕНЕЗЕ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЕ-САЯНСКОГО НАГОРЬЯ
ЭПОХИ РАННЕЙ И РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ**

Появление металлических изделий на Алтае-Саянском нагорье связывается с афанасьевской культурой, являющейся и первой скотоводческой для данной территории. Традиционно ее причисляют к периоду энеолита, однако в настоящее время рассматривают как принадлежащую к эпохе ранней бронзы (Савинов Д.Г., 1994; Молодин В.И., 2002; Цыб С.В., 1984, с. 16). Ее памятники обнаружены на обширной территории Южной Сибири и Центральной Азии, включающей Горный Алтай, Минусинскую котловину, Туву и западные районы Монголии. В постафанасьевское время в лесостепных и горных районах Южной и Западной Сибири появляются яркие этнокультурные образования, которые объединяет нали-

чие развитой металлургии, обработки бронзы и традиции производящего хозяйства. Вопросы датировки и исторической периодизации для каждой из этих археологических культур самусьско-сейминского историко-хронологического пласта (Бобров В.В., 1994; 2003) решаются неоднозначно. В их числе каракольская культура Горного Алтая (Молодин В.И., 2006), которую В.Д. Кубарев (1988) был склонен рассматривать как особый вариант окуневской культуры Минусинской котловины. Памятники окуневского типа исследованы и на территории Тувы (Стамбульник Э.У., Чугунов К.В., 2006), где выделяются В.В. Бобровым (1994) в чаа-хольскую культуру. К данному культурно-хронологическому горизонту, вероятно, относится недавно выделенная чемурчекская культура Западной Монголии, севера Синьцзяна и Восточного Казахстана (Ковалев А.А., 2005).

В палеоантропологическом отношении эти археологические культуры, охватывающие ранний и развитый периоды эпохи бронзы, изучены неравномерно. Краниологические материалы афанасьевской культуры Горного Алтая довольно многочисленны (сто черепов), что позволило исследовать их не только суммарно, но и на локально-групповом уровне. Исследованных черепов афанасьевцев Минусинской котловины примерно вдвое меньше. Изучены также два черепа из курганов афанасьевской культуры Западной Монголии (Баян-Хонгорский аймак). На основе этих материалов было установлено, что население афанасьевской культуры в целом характеризуется резко выраженными европеоидными чертами и сочетанием высокой долихокранной мозговой коробки с широким, но невысоким лицом – особенностями протоевропейского антропологического типа (Алексеев В.П., 1961; Дебец Г.Ф., 1932, 1948; Солодовников К.Н., 2003, 2005, 2006; Чикишева Т.А., 1994, 2000). На материалах из центральных районов Горного Алтая выделяются два краниотипа, входящих в качестве основных антропологических компонентов в состав населения афанасьевской культуры – гиперморфный с высокой крупной мозговой коробкой и средненаклонным лбом, и умеренно гипоморфный с менее крупной низкой мозговой коробкой и наклонным лбом. Гиперморфный вариант в составе алтайских афанасьевцев количественно преобладает, однако удельный вес его в разных локальных группах существенно варьирует. Краниологическую специфику населения афанасьевской культуры Минусинской котловины определяет умеренно гипоморфный вариант (Солодовников К.Н., 2003, 2005). Разной долей участия исходных компонентов и объясняется, вероятно, предполагавшийся В.П. Алексеевым (1989) генетический разрыв между населением этих территориальных вариантов культуры. Два исследованных мужских черепа афанасьевской культуры с территории Монголии (Мамонова Н.Н., 1980), по-видимому, принадлежат к гиперморфному типу. Выявляется восточноевропейское происхождение этих краниологических типов и их генетическая связь с различными группами населения среднестоговско-хвалынской энеолитической общности Юго-Восточной Европы, подстилающей в культурно-хронологическом отношении древнейшие комплексы этой территории (Солодовников К.Н., 2003, 2005, 2006). При сравнении локальных серий черепов афанасьевцев Горного Алтая выделяются два краниологических варианта, различающиеся по морфологическому вектору короткоголовость–низколицесть и длинноголовость–высоколицесть (по афанасьевскому масштабу), что

в значительной степени повторяет морфологическую дифференциацию групп населения древнеямной культурно-исторической общности степей и лесостепей Восточной Европы, локализованных к востоку от Днепра, уже в собственно древнеямное время. Вероятно, смешение исходных для афанасьевцев антропологических компонентов началось на территории восточных районов Восточной Европы еще в доямное время. Это позволяет связывать формирование афанасьевской культуры с миграцией древнейших скотоводов, начавшейся, вероятно, на ранних этапах сложения древнеямной общности или в непосредственно предшествующий этому период (Солодовников К.Н., 2006). Она является продолжением реконструируемого палеоантропологически процесса аккультурации и ассимиляции древнеямниками энеолитического населения юга Восточной Европы, сопровождавшегося вытеснением его части из западных районов складывающейся культурной общности на восток (Шевченко А.В., 1986).

Количество исследованных краниологических материалов из погребений культур окуневского типа Южной Сибири соответствует степени их археологической изученности. Наибольшее число черепов происходит с территории Минусинской котловины, что позволяет исследовать антропологические особенности населения окуневской культуры не только суммарно, но и на уровне локальных и хронологических групп (Громов А.В., 1997). Культура окуневского типа Тувы представлена численно небольшой краниологической серией из могильника Аймырлыг (Гохман В.В., 1980). Единичные черепа каракольской культуры происходят из разных могильников в центральных районах Горного Алтая (Чикишева Т.А., 2000, 2003; Тур С.С., Солодовников К.Н., 2005).

Антропологический облик населения этих культурных образований отличает от предшествующего афанасьевского наличие местного генетического компонента с монголоидными расовыми чертами, морфологические особенности которого проявляются на черепах доафанасьевского времени из погребений Горного Алтая, его северных предгорий и Среднего Енисея. Доля местного антропологического компонента, как правило, существенно больше в составе женских серий эпохи бронзы. Интегрирующим фактором для населения культур окуневского типа, а также культурных образований самусьско-сейминского времени юга Западной Сибири, является также присутствие генетически не связанного с населением предшествующей афанасьевской культуры пришлого европеоидного компонента, фиксирующегося в основном в мужских группах (Солодовников К.Н., 2006). Типологически он сходен у большинства из них и происходит, по-видимому, из одного источника. В составе населения культур окуневского типа Горного Алтая и Тувы европеоидный компонент представлен в форме гиперморфного варианта средиземноморского антропологического типа, характерные особенности которого ярко выражены на черепах из синхронного могильника Ранний Тулхар на юге Средней Азии (Кияткина Т.Н., 1968). Не исключено присутствие гиперморфного средиземноморского расового варианта и у окуневцев Минусинской котловины наряду с основным европеоидным – брахикранным протоевропейским компонентом (Громов В.А., 1997). Последний обнаруживает наибольшее морфологическое сходство с краниологическими сериями эпохи ранней и средней бронзы степных районов Предкавказья

и южно-русских степей (Шевченко А.В., 1986). Сходный европеоидный компонент присутствует у населения елунинской и кротовской культур. У елунинцев он также морфологически наиболее сближается с гиперморфным древнесредиземноморским типом, но, возможно, отличался несколько меньшей шириной лица (Солодовников К.Н., Тур С.С., 2003). Ярко европеоидные мужские черепа из погребений восточных районов бассейна Верхней Оби, связываемых с самусьской культурой, проявляют наибольшее сходство с узколицими сериями средиземноморского типа (например, из Кара-Депе и Геоксюра на юге Средней Азии) (рис. 1).

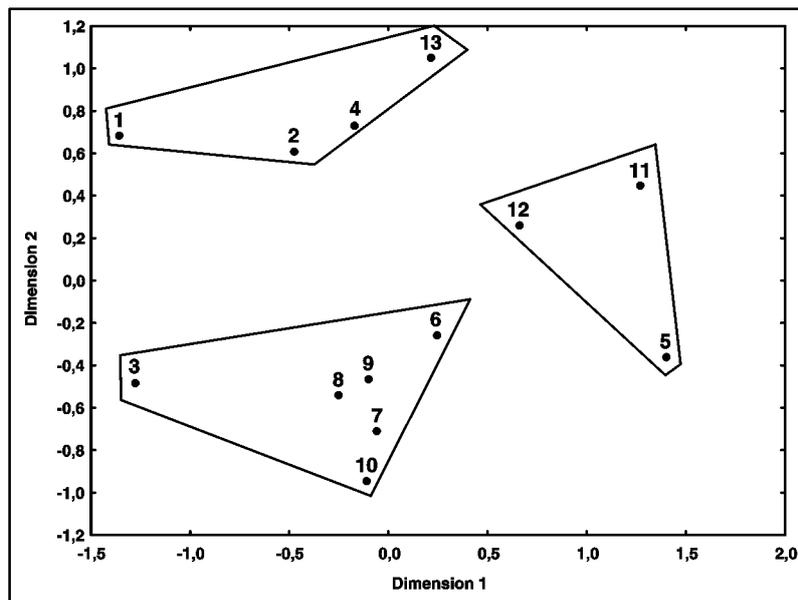

Рис. 1. Результаты многомерного шкалирования и кластеризации обобщенных расстояний Пенроза (C_R^2) мужских европеоидных и смешанных серий черепов эпохи бронзы с территории Сибири, Восточной Европы и Средней Азии:

- 1 – каракольская культура; 2 – елунинская культура; 3 – окуневская культура;
- 4 – Аймырлыг; 5 – самусьское время восточных районов Верхнего Приобья;
- 6 – афанасьевская культура Горного Алтая; 7 – древнеямная культура Калмыкии;
- 8 – ямно-катакомбное время Калмыкии; 9 – северокавказская культура; 10 – поздняя северокавказская культура; 11 – Кара-Депе; 12 – Геоксюр; 13 – Ранний Тулхар

Появление этих краниологически несколько различающихся европеоидных вариантов следует связывать с одним миграционным потоком. Его исходным районом или одним из промежуточных, но в наибольшей степени фиксируемым с помощью палеоантропологических данных, вероятно, являлись территории, непосредственно прилегающие к Кавказу (Солодовников К.Н., 2006). Так, большинство морфологических аналогий европеоидному компоненту в составе населения каракольской, елунинской и чаа-хольской культур обнаруживается в краниологических материалах энеолита-бронзы Закавказья (Шенгавит, Лчашен, Севан). Севернее Кавказского

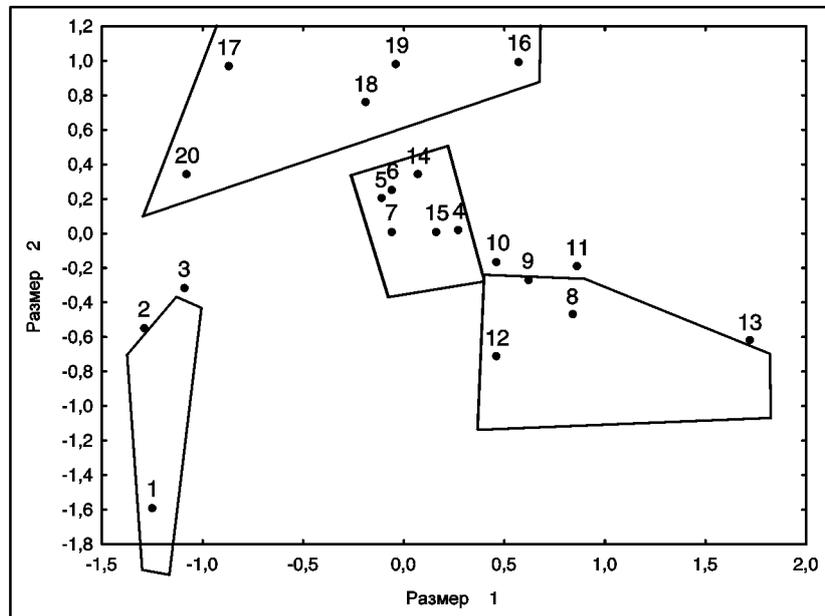

Рис. 2. Результаты многомерного шкалирования и кластеризации обобщенных расстояний Пенроза (C_R^2) мужских европеоидных и смешанных серий черепов энеолита-бронзы с территории Сибири, Восточной Европы, Средней Азии и Кавказа: 1 – каракольская культура; 2 – елунинская культура; 3 – Аймырлыг; афанасьевская культура: 4 – Горного Алтая; 5 – Среднего Енисея; древняя культура: 6 – Оренбуржья; 7 – Нижнего Поволжья; 8 – Астраханского правобережья (Кривая Лука); 9 – Калмыкии; 10 – северокавказская культура; 11 – поздняя северокавказская культура; ямно-катакомбное время: 12 – Калмыкии; 13 – Кривой Луки; катакомбная культура: 14 – Калмыкии; 15 – степного Приднепровья; 16 – новосвободненская культура; 17 – Шенгавит; 18 – Лчашен; 19 – Севан; 20 – Ранний Тулхар

хребта морфологические особенности группы из Раннего Тулхарского могильника, служащей своеобразным «эталонном» гиперморфного древнесредиземноморского типа, повторяются на краниологических находках новосвободненской культуры (Шевченко А.В., 1986) (рис. 2). Особенно перспективными в плане поиска прародины населения, миграция которого привела к формированию культур самусьско-сейминского времени Южной и юга Западной Сибири, являются Северный Кавказ и Предкавказье, где в эпоху ранней бронзы проживали группы с краниологическими особенностями как гиперморфного варианта средиземноморского типа, так и брахикранные широколицые протоевропейцы и узколицые средиземноморцы. Последние явились основой европеоидного компонента населения окуневской и, вероятно, самусьской культур соответственно. Локальное антропологическое разнообразие населения культур самусьско-сейминского времени Южной и юга Западной Сибири определяется расовой дифференциацией местных групп; некоторой разнородностью пришлого антропологического компонента, морфологическим «ядром» которого

являлся гиперморфный древнесредиземноморский тип; количественным соотношением местного и пришлого компонентов; а также глубиной зашедшего между ними смешения (Солодовников К.Н., 2006).

Н.А. Тадина

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

**ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ МОДЕЛИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
АЛТАЕ-САЯНСКИХ КОЧЕВНИКОВ НА ОСНОВЕ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИМВОЛИКИ АЛТАЙЦЕВ***

На этнографическом материале алтайцев, одного из тюркоязычных народов саяно-алтайского региона, предлагается реконструировать мировоззренческую систему кочевников в контексте природной среды обитания и сложившихся этнокультурных традиций.

Алтайцы издревле расселены в пределах Алтайских гор, а точнее, северной их части, называемой Горным Алтаем. На юге Алтай переходит в Монгольский, на севере – Степной Алтай, на востоке – Саяны и Кузнецкий Алатау, на западе – казахстанские степи. Он разнообразен по природно-ландшафтным условиям. Его северная часть покрыта тайгой, а центральная часть расположена в нижнем течении р. Катунь с мягким микроклиматом и выступает переходным регионом от природы предгорья к ландшафтам высокогорья. Такое разнообразие местности вызвало формирование нескольких хозяйственно-культурных типов – таежных охотников, занимающихся также кедровым промыслом и рыболовством, скотоводов-охотников горной таежно-степной зоны и скотоводов горно-степной зоны, сочетающих свои занятия с земледелием и охотой.

На основе хозяйственно-культурного типа формируется специфическая мировоззренческая система, реализуемая в практической деятельности. В Горном Алтае скотоводческая культура имеет древние традиции. Назвать ее «кочевой», а население «кочевниками» будет не вполне корректно. Та классическая кочевая культура, где постоянное передвижение на расстояние несколько сот километров, пожалуй, встречается в казахстанских и монгольских степях. В Горном Алтае «вертикальное» кочевание – с зимовий в долинах рек, на летние пастбища в альпийских лугах.

Традиционные поселения скотоводческих народов иные по типу. Вплоть до начала прошлого века алтайцы проживали по логам, называемым «цзук». Об этом В.В. Радлов писал: «Иной раз часами едешь по обширным лугам, часто видны разбросанные на большом расстоянии друг от друга маленькие кучки юрт – аулы, состоящие из двух-четырех юрт» (Радлов В.В., 1989, с. 144). Такое поселение близкородственных семей, называемое «*юрт*» (отсюда слово «юрта»), в смысле «стойбище, поселение» (Вербицкий В.И., 1884, с. 105), было вызвано тем, что каждая семья имела многочисленный скот и переселялась туда, где были лучшие условия для него.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ–Министерства Фландрии (проект №05-06-80853а).

Эта хозяйственно освоенная территория предстает центром мира скотовода. В нем жилое пространство – свой дом, осмысливаемый как микромир. Юрта у алтайцев строго ориентирована по сторонам света, где вход с восточной стороны, что является древней традицией тюркских народов (ср. у монгольских народов на южную сторону) (Кляшторный С.Г., 1981, с. 181; Жуковская Н.Л., 1988, с. 24). Идею противопоставления пространства жилища внешнему миру выражает очаг как семейный центр и огонь очага – наиболее почитаемый объект в юрте.

Изучая алтайскую картину мира, можно сказать о ее преемственности из мировоззренческой системы населения предыдущих эпох, развивавшегося в Горном Алтае на основе скотоводства. В представлении кочевников беспредельный, физический мир не актуален; он сужен до освоенных пределов. Ограниченный жизненный мир наполнен особым содержанием, а ориентирами в нем выступают объекты ландшафта. Так образ родины-Алтая состоит из двух взаимосвязанных половин: горы, покрытые тайгой, и реки, текущие с них. Эти природные объекты осмысливаются естественными знаками ориентации в пространстве.

Горная местность неоднородна – в ней горы, выделяющиеся высотой на фоне других, называются «туу». Они образуют группу высоких гор в верховьях рек, именуемой «тайгой», на подступах к которой стоят горы средней высоты – «кыр», а цепь гор равной высоты – «сын», небольшая гряда – «межелик». Гора как объект поклонения рода-сёока очеловечена. Ее вершина зовется «головой» (*баи*). Северный склон, поросший лесом, называется «хребтом» (*арка*), а южная сторона с солнцепеками, «передней» (*меес*). Раскинувшееся подножье горы сравнивается с «подолом» (*эдек*), нижний выступ с «ногой» (*бут*), верхний выступ с «плечом» (*ийин*) спящего богатыря (Тадина Н.А., 1999, с. 120–122).

Другим объектом выступает река как сакральный элемент картины мира. В освещаемом контексте связаны многие культуры древней цивилизации. Издавна местом постоянного поселения в Горном Алтае служат речные долины, а в качестве временного поселения используются пастбища в верховьях рек. Речная долина осмысливается как этническая, семейно-родовая территория, поэтому у алтайцев принято называть не только свой сёок и род родителей, но и речную долину, в которой вырос (Тадина Н.А., 2006, с. 378). Регион проживания образует своеобразную территориальную единицу, сосредоточенную вдоль реки и окаймленную горными хребтами.

Река осмысливается как «граница миров» между своим и чужим пространством, что подтверждается сакральной практикой алтайцев. Переправиться через реку, а значит пересечь ее течение, означает переход из одного мира в другой. Река считается чистой, поэтому нельзя переправляться через реку, даже по мосту, тем, у которых не истек траурный срок, а также перевозить умерших. Она разделяет миры на разных берегах, причем мир на противоположном берегу обладает другими, полярными качествами. Если в семье происходит один за другим несчастья – смерть, падеж скота, болезни, то следует поменять место жительства, переселившись на другой берег. Начало реки связано с образом «пуца земли», «мировой горы». Самая полноводная р. Катунь берет начало у высокой вершины Сибири – Белухи. Эта мировая гора названа «Кадын-Бажы Ыч Сямер» (Исток Катунь Трехвершинный),

а мировая река именуется «Эне-Кадын киндиктя» (Мать-Катунь, имеющая пуповину (т.е. вершину). В этих семантических названиях прослеживается связь горы и реки, небесного мира и земной жизни.

Обычно модель мира принято представлять в виде горизонтального деления на «мир природы» и «мир людей», и вертикального – на три мира по принципу «верхний – нижний»: земной, в котором живут люди, противопоставлен как нижний верхнему – небесному, и как верхний нижнему – подземному (Потапов Л.П., 1982, с. 538–540). Изучение семантики миров на этнографическом материале по алтайской культуре позволило прийти к выводу о том, что при всей троичности модели мира все три «слоя» одновременно не «работают», а в ритуальной практике действует лишь определенная пара миров (Гадина Н.А., 2006, с. 112–121). Так, в честь живых воздействуют символы земного и небесного мира, а в память ушедших активизируется другая пара символов – земного и потустороннего.

Материальные предметы (сосуд, треножник), природные объекты (гора, река) и явления (новолуние, закат) принадлежат одновременно двум мирам: профанному, по обыденным и утилитарным характеристикам, и сакральному – по своему символическому смыслу. В зависимости от ситуации действует определенная цепь символов, по которой «прочитывается» смысл ритуала – в честь живых или в память ушедших.

Двоичная структура алтайской модели мира, ее земной и потусторонний мир, передаются посредством чет-нечета. Четное число (*эштя*) считается «своим», «реальным», «земным». Соответственно, потусторонний мир обозначает нечетное число (*сын-ар*), определяющееся как «чужое», «потустороннее», «мифологическое». Земная жизнь – это пара, несколько пар, одним словом, парное количество – в этом символ ее правильности, определенности, завершенности. Правилу парности, четности принято следовать в количестве ритуальных действий, подношений, участников церемониала, творимых только для «мира живых».

В системе мировоззрения алтайцев прослеживаются коды земного и потустороннего миров, как-то: «восток-запад», «новая луна – старая луна», «по кругу солнца – против хода солнца», «день-ночь». Учитываются лунные фазы, время суток, сторона света. Ритуал в честь здравствующих выполняется посолонь и четное количество раз. Напротив, ритуальные запреты соблюдают в вечернее неблагоприятное время, особенно когда лунный месяц на исходе. В это время не шумят, не выносят огонь из очага, молоко и молочные продукты, а также мусор из жилища, не берут из источника воду. Так в поведенческих действиях кодируется установка на счастье-несчастье, удачу-неудачу, жизнь-смерть (Гадина Н.А., 2004, с. 84).

В алтайской картине мира также значима цветовая символика. Наиболее устойчива и многогранна семантическая пара «белый-черный». Земной мир людей, освещаемый солнцем и луной, обычно называют «белая ясность» («ак айас»). Белому (*ак*) цвету, как цвету жизни, отведена сакральная роль. Он олицетворяет собой счастье, удачу, благополучие, достаток. Все, что связано с ритуалом в честь «мира живых», должно быть белого цвета: молоко и молочные напитки, жертвенные ленты, масть посвященных животных, шерстяные нити и войлок, а также серебряная утварь и обереги.

От правильного соблюдения бинарных оппозиций, от щепетильности их исполнения зависит само существование мира, иначе нарушится мировой порядок. Малейшее отступление от заданных норм расценивается как дурной знак к несчастью. В честь живущих следует придерживаться знакового ряда: «новолуние – утро – восток – чет – посолонь – белый – открытый – целый – вперед». Иной мир мыслится как мир «наоборот», которому соответствует полярность: «убывающая луна – против круга солнца – вечер – запад – закат – черное/красное – нечет – закрытый – битый – низ – назад».

С.С. Тихонов

Омский филиал ИАЭТ СО РАН, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

ОБ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В СТЕПЯХ ЕВРАЗИИ

Как известно, в раннем железном веке в степной полосе Евразии сложился особый мир – мир всадников с богатейшей материальной и духовной культурой. Его называют скифо-сибирским, подчеркивая тем самым сходство общности культуры населения на огромных территориях европейских и азиатских степей. В это героическое время произошли, кроме всех прочих, колоссальные изменения в социальной структуре общества, имевшие, как мне кажется, истоки в предыдущей эпохе.

Спектр исследований социальной структуры этого общества весьма широк: от теоретико-методологических разработок до работ по изучению конкретных коллективов. Однако, судя по количеству публикаций, эта тема не является приоритетной у археологов. Наоборот, ученые успешно разрабатывают традиционные направления, связанные чаще всего с типологией и классификацией материалов, выделением и описанием типов керамики, орудий труда и оружия, памятников, археологических культур и их локальных вариантов, или культурно-исторических областей/общностей.

Вероятно, слабая активность исследователей в изучении социальных структур населения прошлого обусловлена какими-то факторами. Например, имеются разработанные методики анализа данных для проведения работ по типологии, классификации, культурной атрибуции, датировки и т.д., и наоборот, процедуру изучения социальной структуры надо каждый адаптировать к имеющимся данным. Причем исходные материалы не всегда хорошей сохранности, и могут быть не пригодны для социальных исследований. Принято проводить подобные работы по материалам раскопок могильников, а данные по поселениям используются чрезвычайно редко, в то время как для «традиционных» исследований одинаково хорошо подходят как поселенческие, так и погребальные материалы. Много зависит от направленности ученых на изучение какой-либо проблемы, и социальные разработки не всегда имеют приоритет.

Однако время от времени по каким-то причинам изучение социальной структуры древних обществ становится более интенсивным. Мне кажется, что в пос-

ледный раз катализатором стала активность трех докторов наук: Н.Н. Крадина из Владивостока, А.А. Тишкина из Барнаула и А.В. Харинского из Иркутска, которые в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» (МИОН) сумели объединить ученых для подготовки специальной монографии (Социальная структура..., 2005), стали ее редакторами, а также авторами обобщающих разделов.

Указанная монография, а также другие работы по социальной структуре древних обществ, содержат некоторые общие положения:

- социальная структура отражена в погребальном обряде. Речь, конечно, идет об узком значении термина, связанного с делением общества на группы. Кроме того, погребальный обряд – источник по изучению половозрастной структуры, этнической и культурной принадлежности, хозяйству и т.п.;

- маркерами социальной дифференциации являются размеры курганных насыпей, могильных ям, их обустройство, набор погребального инвентаря, материал из которого он сделан, наличие или отсутствие следов тризны или жертвоприношений и т.д.;

- социальную структуру прослеживают чаще всего по мужским погребениям, априори считается, что женщины занимали подчиненное положение. Однако этнографические и письменные источники иногда содержат и иную информацию о роли женщин в обществе;

- реконструируемая структура общества по преимуществу трехчастна и состоит ли вождей/царей, рядовых членов общества и зависимых людей.

Вероятно, трехчастная структура общества была широко распространена и зависела не от уровня развития общества или его хозяйственно-культурного типа, а от чего-то другого. Упрощенно ее можно представить так: во главе коллектива стоит лидер, который должен обладать набором соответствующих качеств (харизма, удачливость, смелость, физическая сила, ум и пр.). У лидера имеется «группа поддержки» – преданные ему люди, через которых он осуществляет руководство. Эта руководящая группа – верхний слой – может быть ранжирована, но она стоит над рядовыми общинниками. И наконец, есть низший слой общества – зависимые люди (рабы, холопы и т.д.).

Итак, исследователи, изучая материалы разных эпох и территорий, реконструируют похожие социальные структуры. Интересно, что они (реконструируемые структуры) в целом соответствуют историческим материалам (античным – Геродот, Страбон, Тацит, Цезарь и др., и средневековым – Павел Диакон, Григорий Турский, Иордан, Кассиодор и др.), не противоречат изученным археологами материалам и этнографическим сведениям, собранным в XVIII, но по большей части в XIX в. (Камерон, Стенли, Левингстон, Юнкер, Льюис, Кларк и др.) в Африке, Австралии, Америке, Азии.

Полагаю, что реконструкция социальной структуры конкретных обществ – только первый шаг в разработке этого направления. Следующим может стать соотнесение уровня социального развития разных обществ, скажем, степной Евразии в раннем железном веке. На эту мысль меня натолкнули работы археологов по изучению пазырыкской культуры на Алтае (см., например: Кирюшин Ю.Ф.,

Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Молодин В.И., 2000; Полосьмак Н.В., 2001; и др.). Эта культура необычайно ярка. Восхищение вызывают материалы прежде всего из органики «мерзлотных» курганов, раскопанные на Укоке. Бесспорно, что население, оставившее пазырыкские памятники, имело высокую культуру и развитую социальную структуру. Но насколько пазырыкское население превосходило или уступало по социальному развитию европейским скифам, сарматам или сакам? Вариантов ответа три: превосходили, развитие было такое же, уступали.

Представим, что уровень социального развития зависит, например, от размеров контролируемой территории, ее биологической продуктивности и имеющихся ресурсов, суровости или мягкости климата, численности объединения людей и имеющегося у них скота, близости к развитым земледельческим обществам и от частоты контактов с ними и других факторов. Иначе говоря, может быть, следует по совокупности показателей определить рейтинг обществ в раннем железном веке? Тогда можно будет полнее представить уровень развития социальных структур.

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ*

О головных уборах монгольских замужних женщин («бокка» – богтаг, бокто) уже известно много различных сведений, которые отражены в письменных, изобразительных и археологических источниках (Тишкин А.А., 2003), а также использованы при реконструкциях. Эти изделия имели своеобразную конструкцию из бересты и соответствующим образом украшались. Кроме указанного типа головных уборов существовали и другие. Выявление и изучение их только начинается. В данной работе остановимся на некоторых специфических находках металлических изделий, связанных с головными уборами и обнаруженных в женских захоронениях монгольского времени на довольно обширной территории.

Традиция использования пластин и блях, сделанных из цветных металлов для оформления костюма кочевников, была распространена в развитом средневековье (Максимова А.Г., 1965; Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Хамзина Е.А., 1970; Могильников В.А., 1981; Полякова Г.Ф., 1996; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002; и др.). Данный факт в комплексе с другими показателями можно рассматривать как отражение определенного социального статуса погребенных людей. На это обратила внимание еще А.А. Гаврилова (1965, с. 45), указав на особое расположение «богатой» могилы №17 монгольского времени на территории археологического комплекса Кудыргэ в Горном Алтае.

Стоит иметь в виду, что рассматриваемые ниже металлические украшения были связаны только с женскими головными уборами. В частности, речь идет о так называемых венчиках. При раскопках памятника Кудыргэ исследовано уже упомянутое погребение. Умершая женщина находилась в деревянной колоде, покрытой досками и установленной в могильную яму под каменной курганной насыпью. Она

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №07-06-00341).

была уложена вытянуто на спину с согнутыми и сложенными на животе руками, головой на север. Над черепом обнаружено «...серебряное украшение шапки с тисненным орнаментом...» (Гаврилова А.А., 1965, с. 44, 47–48; табл. XXVI.-1). Данное изделие сохранилось лишь частично (рис. 1.-2). В настоящее время оно находится в Государственном Эрмитаже (кол. №4389/79). Рентгенофлюоресцентный анализ (РФА), выполненный С.В. Хавриным в Лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ, показал, что «венчик» действительно был изготовлен из серебра с добавлением меди (20–25%). Среди прочих компонентов зафиксировано золото (около 1%) и свинец (3–5%). Кстати, из аналогичного по составу металла изготовлена и оправа деревянной палочки (кол. №4389/88), найденной в той же могиле (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXVI.-3а–б).

Еще одно металлическое украшение головного убора в виде «венчика» обнаружено в женском подкурганном захоронении на памятнике Усть-Алейка-5, который зафиксирован в Лесостепном Алтае (Тишкин А.А., 2001). Изделие (рис. 1.-1) изготовлено из скрепленных металлических листов, оформленных искусным мастером. В Лаборатории минералогии и геохимии Томского государственного университета получены результаты полуколичественного спектрального анализа пробы от этой вещи: Cu – >>1; Ag – >>1; As – 0,3; Au – 0,2; Bi – 0,1; Pb – 0,05; Si – 0,05; Sb – 0,05; Ca – 0,03; Fe – 0,01; Ti – 0,01; Na – 0,01; Mg – 0,01; Ni – 0,005; Al – 0,005; Zn – 0,003; Co – 0,003; Sn – 0,003; V – 0,003; Mn – 0,002; Tl – 0,001; Cr – 0,001; Ge – 0,0003; In – 0,0002 (в весовых процентах, исполнитель Е.Д. Агапова). Эти данные свидетельствуют о сложном сплаве, основу которого составляют медь и серебро при заметном содержании мышьяка и золота. В настоящее время изделие, находящееся в экспозиции Алтайского государственного краеведческого музея (кол. 14483/1), сильно покрыто медным окислом и с внешней стороны орнамент плохо различим. Однако в некоторых местах виден металл беловато-желтого цвета, свидетельствующий о наличии в нем благородных компонентов. С внутренней стороны у рассматриваемой вещи медного окисла значительно меньше, и поэтому хорошо просматриваются многие детали оформления всех составляющих частей предмета. С одной стороны к металлу «прикипели» остатки ткани, возможно, от несохранившегося головного убора. К основной металлической пластине в трех местах прикреплен дополнительный «kozyрек», оформленный аналогичным образом, как и сам «венчик». Кроме этого, имеется еще одна маленькая неорнаментированная пластинка, удерживаемая двумя фиксаторами (рис. 1.-1). Сквозные отверстия на основной пластине служили, скорее всего, для пришивания всего изделия к основе головного убора. Некоторые края у рассматриваемой вещи обломаны.

Оба представленных изделия (из Кудыргэ и Усть-Алейки-5) сближает не только характер использования и схожая форма, но и, по-видимому, способ изготовления (Тишкин А.А., 2001). Отметим и ряд одинаковых орнаментальных мотивов. А.А. Гаврилова (1965, с. 47–48) так описала узор на металлическом украшении головного убора из Кудыргэ: «...по краю пластинки – тисненный ряд перлов между двумя тисненными же рядами, имитирующими зернь. В центре цветок в виде лотоса, у сохранившегося края шестилепестковый цветок». Основой композиции на «венчике» из Усть-Алейки-5 является аналогичный «шестилепестковый цветок».

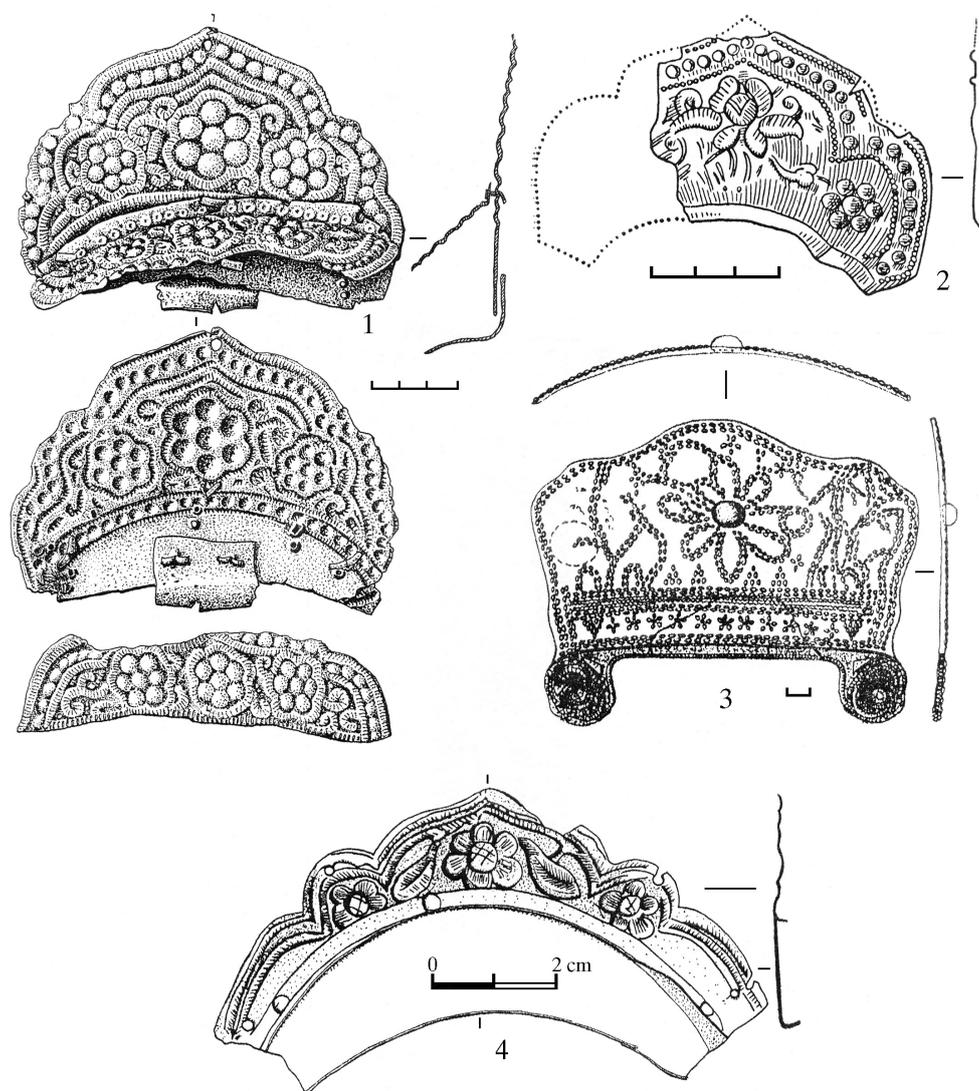

Рис. 1. Украшения женских головных уборов: 1 – Усть-Алейка-5 (по: Тишкин А.А., 2001); 2 – Кудыргэ (по: Гаврилова А.А., 1965); 3 – Воскресенский могильник (по: Чиндина Л.А., 2002); 4 – Внутренний Тянь-Шань (по: Табалдиев К., Жолдошов Ч., 2007)

В центре большой пластины он крупнее, чем по краям и на «козырьке» (рис. 1.-1). Кроме того, изделие имеет окантовку по контуру орнаментированных частей, повторяющую общую форму каждого листа с наличием дополнительного набора разных элементов. Следует еще отметить присутствие характерного для искусства кочевников развитого средневековья (и более позднего времени) мотива в виде «закрученных бараньих рогов» (Максимова А.Г., 1965, с. 91). В целом «венчик» из Усть-Алейки-5 выглядит «массивнее» и «богаче», чем изделие, найденное на памятнике Кудыргэ.

Кроме указанных находок металлических украшений головных уборов с Алтая подобные вещи обнаружены при изучении комплексов монгольского времени на территории Внутреннего Тянь-Шаня (Табалдиев К., Жолдошов Ч., 2007, рис. 2.-1). Найденный там «венчик» (рис. 1.-4), несмотря на свои особенности, имеет общие черты, которые объединяют его с предметами из Кудыргэ и Усть-Алейки-5 как по времени существования, так и по использованию.

Еще одна аналогичная тонкая металлическая пластина от головного убора в виде венца зафиксирована *in situ* А.В. Харинским при раскопках женского погребения (№1) на памятнике Заглик-IV в Прибайкалье (Бохайский район Иркутской области). Объект, исследованный на правом берегу Иды, датирован радиоуглеродным методом. По костям умершей определены две даты: 460 ± 60 (СОАН-4102) и 440 ± 25 (СОАН-4102) (Харинский А.В., 2001, с. 160). Калибровочные показатели, полученные с помощью специальной программы, которая разработана в лаборатории Вашингтонского университета (RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAMM REV 4.3), выглядят соответственно так: 1 sigma cal AD 1415 (1439) 1470; 2 sigma cal AD 1331 (1439) 1622 и 1 sigma cal AD 1437 (1443) 1451; 2 sigma cal AD 1426 (1443) 1480. Эти данные позволяют определить время погребения 2-й половиной XIV–XV вв. Материалы раскопанного комплекса пока не опубликованы, но они существенно расширяют территориальные и хронологические границы бытования рассматриваемого типа изделий (автор благодарен А.В. Харинскому за возможность познакомиться с материалами отчета и использовать предоставленную информацию).

Стоит еще упомянуть украшения, обнаруженные Е.А. Хамзиной (1970, с. 72–73, табл. XII) при исследовании Телятниковского могильника на территории Западного Забайкалья. В могиле №10, датируемой XII–XIV вв., на черепе погребенной молодой женщины были найдены орнаментированные металлические пластины, связанные с несохранившимся головным убором. Изделия из низкопробного серебра с отверстиями для пришивания зафиксированы «...на темени, по бокам и на затылке...» Важной деталью этого комплекса являются лежавшие у черепа две бронзовые височные подвески, аналогичные так называемой серьге, обнаруженной в могиле №17 на памятнике Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXVI.-7). Данное соответствие, а также наличие украшений головного убора и погребальный обряд сближают указанные комплексы, значительно отдаленные друг от друга. Изделие из Кудыргэ, хранящееся в Государственном Эрмитаже (кол. №4389/85), было подвергнуто рентгенофлуоресцентному анализу (аналитик С.В. Хаврин), который выявил следующий состав металла: Cu – основа; Zn – 15–20 %; Sn – 1–3%; Pb – <1%; As – <0,4%; Sb – следы. Кроме этого, предмет был покрыт золотой амальгамой.

Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что, кроме «бокки», в монгольское время существовали и другие типы женских головных уборов, украшавшиеся металлическими изделиями, в том числе «венчиками». Более ранние аналогии проявления данной традиции можно найти в памятниках Алтая хуннского времени (усть-эдиганский этап булан-кобинской культуры) – Яломан-II (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003) и Усть-Эдиган (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2004). Именно в женских захоронениях найдены золотые рифленые пластины и бляхи, украшав-

шие головные уборы. Более поздние параллели «венчикам» монгольского времени обнаруживаются, например, в материалах Воскресенского могильника, датированного XV – началом XVII в. Однако там «налобье» (рис. 1.-3) было не металлическое, а «...состояло из твердого берестяного щитка..., на лицевой поверхности покрытого тонкой тканью...» (Чиндина Л.А., 2002, с. 160, рис. 1.-1). Узор же был выложен семенами конопли и закреплен клейким веществом. Анализируя полученные находки, Л.А. Чиндина (2002, с. 161) пришла к заключению о том, что подобную традицию оформления можно обнаружить и позже среди старинных головных уборов сибирских татар.

Таким образом, приведенные материалы демонстрируют возможность дальнейшего изучения зафиксированной традиции украшения женских головных уборов. Более тщательный анализ позволит выявить не только ее истоки, но и рассматривать этапы развития, а также распространения среди целого ряда народов вплоть до этнографической современности. Развернутому исследованию будут способствовать новые данные и использование комплексного подхода.

А.А. Тишкин, В.П. Мыльников

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСА ДЕРЕВЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ*

Многочисленные деревянные изделия пазырыкской общности, которые сохранились благодаря образовавшейся мерзлоте, хорошо известны исследователям. Их всестороннее изучение позволило получить обширную информацию об одном из основных видов древних производств на территории Южной Сибири – о деревообработке (Семенов А.И., 1956; Мыльников В.П., 1999; Самашев З.С., Мыльников В.П., 2004).

К настоящему времени на Алтае раскопано значительное число объектов на археологических памятниках булан-кобинской культуры (Соенов В.И., 2003; Тишкин А.А., 2006). Однако материалы многих из них не введены в научный оборот, а лишь частично анализировались по отдельным аспектам. В булан-кобинских курганах найдено огромное количество изделий из разных материалов, в том числе из дерева. Для их изучения намечена и выполняется программа междисциплинарного исследования (Тишкин А.А., 2004, 2006). Следует отметить, что довольно хорошая сохранность вещей из органических материалов была обеспечена не мерзлотой, как это зафиксировано в пазырыкских могилах, а связана с размещением могильников на высоких террасах и особенностью сооружения каменных погребальных камер.

Начало изучения комплекса деревянных предметов булан-кобинской культуры связано с находками на памятнике Яломан-II, который раскапывался экспедицией Алтайского государственного университета около устья р. Большой Яломан (левый приток Катуня, Онгудайский район Республики Алтай). По результатам предвари-

---

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект №07-06-00341).

тельного технико-технологического анализа материалов выделены следующие функциональные группы деревянных предметов, которые бытовали на Алтае в период со II в. до н.э. по V в. н.э.: *внутримогильные сооружения* («перекрытие из жердей», «комбинированная каменно-деревянная конструкция ящика»); *погребальные лежа* (колоды из целых стволов дерева хвойных пород); *посуда* (блюда с ножками и без них, кружкоподобные и горшковидные сосуды, «ножи»); *оружие* (кибиты луков, колчаны с деревянными деталями, древки стрел, модель чекана); *конское снаряжение* (псалии, составные седла с полками и луками); *несущие части инструментов* (рукояти шильев); *предметы туалета* (наборные гребни с деревянной основой; гребни, выполненные из одной заготовки, и др.); *пеналы* (долбленные емкости с крышками для хранения инструментария). Кроме этого, обнаружены изделия из бересты, деревянные подкладки под металлические детали и другие находки. Ксилотомический анализ части образцов, взятых от изучаемых предметов, выполнен М.И. Колосовой, кандидатом биологических наук, старшим научным сотрудником Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа.

Наибольший интерес представляет раскопанный на памятнике Яломан-II курган №31, который датирован 2-й половиной IV – 1-й половиной V вв. до н.э. (Тишкин А.А, Горбунов, 2003, с. 293; 2005, с. 161; Тишкин А.А., 2006, с. 31). Он представлял собой «классический» кенотаф. Там обнаружен сле-

дующий комплекс интересующих изделий.

Деревянный сосуд (рис. 1) выполнен из одной заготовки (березового нароста – «капа») и имеет маленькую округлую ручку, отверстие в которой прорезано стамеской, а внутренняя поверхность выровнена тонким лезвием ножа, зашлифована абразивом и заглажена. Предмет изготовлен специалистом с большим опытом работы. Тщательность обработки наблюдается во всем: от соблюдения пропорций толщины дна и стенок, диаметров горловины и тулова до очень тонкой вторичной обработки внешней поверхности. На внешней и внутренней сторонах сосуда сохранились следы первичной (лезвие резца) и вторичной обработки (лощение, полировка).

Блюдо-столик с четырьмя несъемными ножками выполнено из цельной березовой заготовки прикорневой части дерева. Его форма – прямоугольная с овальными краями. Все

Рис. 1. Деревянный сосуд с ручкой

поверхности блюда, внутренняя и внешняя, и даже опоры ножек были тщательно зашлифованы. Следов порезов лезвием ножа при разделке мяса очень мало. Все они сосредоточены на внутренней поверхности блюда.

Археологически целый лук был изготовлен из двух специально подобранных березовых заготовок, соединенных между собой после первичной обработки. Две части лука крепко соединялись между собой в центре кибити при помощи длинных косых срезов с насечками, клея и костяных накладок, которые, по всей вероятности, сверху были обмотаны плотной стягивающей обвязкой из сухожильных нитей. Общая реконструируемая длина лука составляет от 143 до 150 см (Горбунов В.В., 2006, рис. 11.-1; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2007, с. 166).

В коллекции насчитывается 33 древка стрел. Вместе с ними найден 31 железный наконечник (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2007, с. 168). Все древки стрел, по определению специалистов, выполнены из березовых заготовок. Они круглые в сечении, ровные и с выраженными участками разного диаметра в начальной, срединной и конечной частях для большей устойчивости стрелы в полете. Изготовлены предметы очень тщательно и, вероятно, в соответствии с существовавшими стандартами. Трасологический анализ следов на поверхностях древков позволил выявить несколько операций по их изготовлению: первичные (резание (поперечное, косое), строгание (продольное, скобчато-выемчатое)) и вторичные (заглаживание (сплющивание структуры для придания изделию большей прочности), шлифовка (полировка)). Реконструируемая длина целых изделий 70 см (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2007, с. 168). Несколько древков составлены из двух частей, скрепленных (склеенных) друг с другом при помощи длинных косых симметричных срезов на клин.

Среди сопроводительного инвентаря найдены многочисленные детали колчана для стрел. В набор деревянных деталей входят следующие элементы: профилированное днище круглой формы, верхняя крышка в форме копыта лошади (рис. 2), боковая резная планка для ремня, боковые каркасные планки (ребра жесткости матерчатой основы) с рядами пар отверстий, деревянный крючок.

В целом полная реконструкция колчана выглядит в виде длинного матерчатого цилиндра-тубуса с круглой деревянной крышкой снизу и полулунной сверху, тремя боковыми планками жесткости, приспособлением для ремня и карманом (Горбунов В.В., 2006, рис. 11.-4; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2007, с. 168, рис. 3.-1).

К деталям конского снаряжения относится деревянная основа седла. Сохранились части полок, передней и задней лук, изготовленные из березы. Эти фрагменты жесткого седла имеют плохую сохранность. Отверстия, с помощью которых к полкам крепились луки двух типов, – округлые, просверленные сверлом или разверткой, и подквадратные, прорезанные стамеской. На внутренней поверхности полок фиксируются следы лезвия топора. Очевидно, они не прошли вторичную обработку. Внешние поверхности – заглаженные, следов инструментов практически нет. Следует указать, что в могиле-1 кургана №33 памятника Яломан-II обнаружена полностью сохранившаяся деревянная основа жесткого седла без стремян (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, рис. 2.-4–7).

Рис. 2. Деревянные детали колчана

Выдолбленная из фрагмента ствола дерева хвойной породы коробочка в виде пенала (рис. 3) предназначалась для хранения предметов. На лицевой стороне (бортике), ниже края кромки, фиксируются два сквозных отверстия. Они прорезаны или прорублены стамеской с тонким плоским лезвием. На противоположной стороне с изломом посередине фиксируется только одно отверстие. Изнутри торцы обработаны лезвием небольшого тесла или долота. Удары инструмента, судя по расположению и характеру следов, были направлены сверху вниз к днищу. Принципы обработки поверхности и выемки древесины изнутри для оформления полости практически те же, что и при изготовлении большой колоды, только исполнены в миниатюре. Каждый торец тела пенала равномерно заострен с четырех сторон к середине. Сверху пенал был закрыт тонкой крышкой, изготовленной из сосны кедровой сибирской. На крышке для ее крепления просверлены три сквозных отверстия симметрично на уровне отверстий в теле пенала. На плоскостях обеих сторон фиксируется множество перекрещивающихся в разных направлениях следов порезов тонким лезвием ножа. Такими же порезами испещрена верхняя плоскость крышки пенала. Вероятно, это следы многочисленных раскроев каких-то кожаных или берестяных изделий, при изготовлении которых мастер использовал плоскости пенала и крышку как маленькую столешницу. На бортиках пенала слабо различимы и какие-то плохо читаемые тончайшие узоры (следы) непонятного происхождения.

Внутри пенала на дне был найден инструмент: металлическое шило, вставленное в деревянную рукоять. Ручка, круглая в сечении с округло-сферическим утолщением на конце, выполнена из березовой заготовки. Заглаженная поверхность свидетельствует о частом применении этого инструмента для разного вида работ.

Рис. 3. Пенал, изготовленный из ствола дерева хвойной породы

Обломок гребня для волос с пятью зубцами выполнен из единой заготовки. Зубья одинаковой длины и толщины аккуратно вырезаны тонким лезвием ножа. С одной стороны (лицевой) верхней части гребень покрыт тонким резным геометрическим орнаментом в виде частых ломаных линий (уголков), вершинами обращенных к воображаемому центру наверх гребня. Несмотря на небольшую длину зубьев, гребень, предположительно, мог служить в качестве декорированной заколки для волос.

Предмет, похожий на изображение змеи, округлый в сечении, вероятно, был выполнен из одной заготовки – прута (корневой части) дерева.

Тонкая и полая внутри деревянная трубочка имеет на сохранившемся конце ровный косой срез острым лезвием под углом 45–55°, как у гусиного пера, используемого для письма. Возможно, найденный в кургане №31 предмет является свидетельством пока не обнаруженной изобразительной деятельности. На втором фрагменте полого внутри стержня сохранилось блестящее покрытие из тончайшей коры (рис. 4).

Обнаружено пять хорошо сохранившихся стержней удлиненно-конической формы. В сечении они круглые. У трех самых длинных конических стержней тонкие концы аккуратно заострены, у двух маленьких – притуплены. Толстые концы-основания плоско срезаны лезвием ножа, у маленьких они полусферические. Сбоку у одного из маленьких стержней зафиксирован небольшой скобчато-выемчатый срез лезвием ножа.

Еще одна серия обнаруженных деревянных предметов своей формой удивительно напоминает семена бобов. Зафиксировано девять целых экземпляров

Рис. 4. Деревянные полые трубочки

(рис. 5). Одна сторона каждого «боба» (предположительно внешняя) округлая, противоположная – двускатная (срезы с двух сторон к центру). Ребра узкие, иногда немного вогнутые внутрь. У трех предметов на двускатной поверхности нанесен резной геометрический (линейный) орнамент из перекрещивающихся двойных линий, напоминающих букву X, или косой крест, в обрамлении четырех уголкового скоса. На оборотной стороне этих «бобов» вырезаны поперечные полукруглые и квадратные в сечении выемки. Внутренние стороны бобов с выемками закрывали наклеенные на них тончайшие листки коры.

Поскольку останки человека в каменном ящике отсутствовали, то, очевидно, умершего заменили стилизованным изображением антропоморфной фигуры, выполненной из бересты. Морфологически облик берестяной фигуры близок антропоморфным изображениям из могильника Аймырлыг (Степная полоса..., 1992, табл. 78, 44–46, вклейка). Подобный предмет обнаружен при раскопках археологического комплекса каменной культуры Новотроицкое-I (Уманский А.П., 1992, с. 54, рис. на с. 110).

Раскопанные объекты изучаемого комплекса Яломан-II неоднократно датировались радиоуглеродным методом (Тишкин А.А., 2006). Представим еще одну новую датировку кургана №31 – 1700 ± 35 лет ($\Delta 13C-23.5$, GU-14925) (авторы благодарны Г.И. Зайцевой за содействие в получении приведенного результата). Калибровка осуществлена при использовании специальной программы, разработанной в лаборатории Вашингтонского университета (RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAMM REV 4.3). Она дала следующие показатели: 1 sigma cal AD 260 (344, 370, 379) 406; 2 sigma cal AD 244 (344, 370, 379) 426.

Наличие корпуса источников предоставляет возможность проводить специальные исследования по изучению особенностей деревообработки в достаточно полном объеме. Этому будут способствовать аналогичные находки, зафиксированные

Рис. 5. Орнаментированные деревянные предметы неясного назначения (без масштаба)

на сопредельных территориях. Большое количество изделий и приспособлений самого разнообразного функционального назначения и высокое качество их изготовления демонстрируют довольно значительный уровень развития деревообработки на Алтае в так называемое гунно-сарматское время. В целом можно констатировать, что обработка дерева во II в. до н. э. – V в. н.э. по-прежнему носила характер домашнего ремесла. Основная масса делалась повсеместно. Предметы повышенной сложности изготовления выполняли специалисты с большим опытом работы, предполагавшим высокую квалификацию и отточенное мастерство. В первую очередь это относится к изготовлению предметов вооружения.

А.А. Тишкин, Д. Эрдэнэбаатар

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

Улан-Баторский государственный университет, Улан-Батор, Монголия;

**ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БУЯНТСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ***

В июне 2007 г. Буянтская российско-монгольская археологическая экспедиция осуществляла исследования в Ховдском аймаке Монголии в рамках выполнения совместного проекта РГНФ и Министерства образования, культуры и науки Монголии. В ее работе приняли участие представители Алтайского государственного

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ–МинОНК Монголии (проект №07-01-92074е/G).

университета (г. Барнаул, Россия), Улан-Баторского государственного университета (г. Улан-Батор, Монголия), НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия) и Ховдского государственного университета (г. Ховд, Монголия). Основной задачей программы, рассчитанной на длительную перспективу, стали раскопки объектов на памятнике Улаан худаг, который был обнаружен в 2006 г. в 10 км к юго-западу от г. Ховда, на левом берегу Буянты (Тишкин А.А. и др., 2006, с. 110–111). Кроме этого, предусматривалось продолжение обследования долины реки, где сосредоточены древние и средневековые погребально-поминальные сооружения, для составления археологической карты Ховдского аймака. Все запланированные мероприятия направлены на создание целостной культурно-хронологической и этнокультурной концепции истории Западной Монголии. Выполнение такого рода научно-исследовательской работы позволит сопоставить ее с имеющимися результатами, полученными при изучении Алтая (Тишкин А.А., 2006) и других сопредельных территорий.

Археологическое изучение Ховдского аймака имеет небольшую историю, которая изложена в одной из работ монгольского автора (Батмөнх Б., 2000). В советское время в Монголии активно работал В.В. Волков. Его основная деятельность была направлена на выявление и изучение «оленных» камней. На территории Ховдского аймака им зафиксировано несколько пунктов с такими памятниками (Волков В.В., 2002).

В июне 2007 г. в урочище Улаан худаг были проведены дополнительные обследования, которые позволили разделить имеющиеся археологические объекты на две группы. Первая, обозначенная как Улаан худаг-I, находится на надпойменной террасе р. Буянт, а вторая (Улаан худаг-II) – неподалеку, в пойме. Перед раскопками был снят план памятника Улаан худаг-I. Площадка террасы, на которой расположены погребальные, поминальные и другие сооружения, составила 1000 м длиной и более 300 м шириной. На этой территории зафиксировано более 70 объектов, предположительно датированных от эпохи бронзы до средневековья. Памятник перспективен для сплошного исследования. На нем много разновременных и хорошо выраженных сооружений. Почти в центре рассматриваемого комплекса находится херексур высотой 1,3 м, имеющий четыре заметных «луча» и ограду диаметром 36 м. С западной стороны веером с юга на север располагаются 17 небольших выкладок. Еще три таких же сооружения отмечены внутри этой дуги. В 8 м к востоку от ограды зафиксирован лежавший «оленный» камень, который, по всей видимости, стоял в центре курганной насыпи и был выброшен при ограблении гробницы. Обследованный херексур может быть датирован раннескифским временем. К эпохе поздней бронзы относится несколько объектов так называемого монгун-тайгинского типа. На памятнике выделяются два кургана, которые предварительно были отнесены к чемурчекской культуре (Тишкин А.А. и др., 2006). Для них характерен хорошо выраженный на поверхности каменный ящик прямоугольной формы, составленный из огромных плит. Объекты располагаются на мысоподобных выступах надпойменной террасы на окраине памятника в восточной части и отдалены друг от друга на расстоянии около 200 м. Один из курганов (№1) исследовался.

Он оказался полностью разграбленным. Обнаруженный немногочисленный остеологический материал позволит осуществить радиоуглеродное датирование. Плиты перекрытия находились на каменной насыпи, сооруженной вокруг огромного ящика. Конструкция кургана имеет сложное устройство и требует внимательного изучения. С юго-восточной стороны к насыпи примыкала прямоугольная выкладка, которая обнаружилась только в ходе зачистки комплекса. В центре ее находилась еще одна прямоугольная оградка, выложенная из камней в один ряд. Рядом с ней обнаружен стелоподобный камень, которой раньше находился в вертикальном положении, но был опрокинут. Неподалеку лежал еще один крупный камень, выполнявший также какую-то ритуальную роль. Исследуемый объект продолжает серию раскопанных в Китае и Монголии памятников чемурчекской культуры (Ковалев А.А., 2005). В 2 м к югу от зачищенного комплекса исследована хорошо выделяющаяся на поверхности однослойная, плоская и округлая каменная выкладка (курган №2), под которой могильная яма не обнаружена. Никаких предметов не зафиксировано. Датировать это сооружение затруднительно. До раскопок оно внешне напоминало курган мунх-хайрханской культуры (Тишкин А.А. и др., 2006). Но подтвердить или опровергнуть данное предположение не представилось возможным.

Остальные объекты памятника Улан худаг-I как бы дистанцировались от захоронений чемурчекской культуры. Они в основном располагаются в западной части памятника. Тюркские же оградки разбросаны по всей обследованной территории. Раскопано семь таких объектов. Все они имели подквадратную форму и оказались полуразрушенными. Не исключено, что такое массовое уничтожение тюркских памятников произошло в период Уйгурского каганата (745–840 гг.). По крайней мере об этом имеются письменные свидетельства. Однако данное предположение требует отдельного рассмотрения.

Одинокая оградка №3 находилась к северу от кургана №1. Две другие располагались рядом друг с другом. Около оградки №4 почти с восточной стороны *in situ* находилась часть небольшого изваяния (отсутствовала голова). На одной из плоскостей хорошо просматриваются руки в традиционной для тюркской скульптуры манере. В правой руке находился сосуд, а левая располагалась у пояса. Оградки №6 и 7 маркируют западную границу памятника, которая проходит по логу. Они расположены рядом друг с другом на одной линии. Рядом с оградками №8 и 9 лежали сбитые стелы. Их бывшие основания зафиксированы в центре смежных подквадратных выкладок, заполненных грунтом и камнями. В исследованных оградках инвентарь отсутствовал. После завершения всех необходимых археологических фиксаций на этих объектах была осуществлена музеефикация. Оградкам был придан первоначальный вид. Подготовленные таким образом площадки могут быть использованы для демонстрации объектов историко-культурного наследия Монголии.

В заключение кратко изложенных итогов работы Буянтской археологической экспедиции укажем на два новых археологических памятника. Один из них находится по дороге из Ховда в урочище Улаан худаг и обозначен как Бугатын узуур (в переводе с монгольского – «Олений мыс»). В центре разбросанных по левобе-

режной террасе Буянта объектов располагается комплекс их четырех рядом стоящих тюркских оградок. Географические координаты их следующие: N – 47°58.683'; E – 091°34.047'. Высота над уровнем моря 1445 м. Другой комплекс находится между памятниками Улаан худаг-I и Халзан узуур на террасе. Его координаты такие: N – 47°55.837'; E – 091°29.535'. На следующий год планируется продолжение намеченных исследований.

И.Д. Ткаченко

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия

ТРАДИЦИОННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ ЛОШАДИ У АЛТАЙЦЕВ (по материалам коллекций РЭМ)

В кочевой культуре верховая лошадь играет особую роль. Трудно представить себе кочевника-алтайца без его коня. Несмотря на развитие современных видов транспорта и строительство сети автомобильных дорог, в ряде районов Горного Алтая верховой конь и сегодня остается одним из основных способов передвижения.

Формирование коллекционного собрания Российского этнографического музея по традиционной культуре алтайцев осуществлялось как путем систематизированных экспедиционных сборов сотрудниками музея или его корреспондентами, так и в результате отдельных поступлений от частных лиц или организаций. Интересно, что все предметы конского снаряжения алтайцев были приобретены в экспедициях РЭМ. Среди переданных в 1948 г. из расформированного в Москве Музея Народов СССР коллекций, которые сегодня составляют значительную и весьма ценную, но, к сожалению, часто плохо аннотированную часть собрания РЭМ, также нет экспонатов, относящихся к комплексу снаряжения верхового коня алтайцев.

Наиболее ранними и по времени приобретения и по датировке самих предметов являются вещи, привезенные первым директором музея Д.А. Клеменцем из экспедиции 1904 г. Целью этой поездки являлось изучение алтай-кижи и теленгитов, проживавших по берегам рек Катунь и Чуя и далее до границ с Китаем. В с. Усть-Кеньга на р. Урсул Бийского уезда Томской губ. (вероятно, современное с. Теньга Онгудайского р-на в устье р. Теньга – левого притока р. Урсул) был приобретен комплект свадебного женского седла. Кроме собственно седла, туда входят: кожаный чепрак с прикрепленным к нему войлочным потником; покрывало *бятелген* из синей («небесного» цвета) далимбы; уздечка с поводом и чумбуром, украшенная железными бляшками с серебряной насечкой (орнамент в виде полос), кистями из галуна, бахромой из золотых нитей и красного сукна; подфейный ремень, декорированный такими же, как на узде, бляхами с тканевым украшением *талбак* из черного сукна, обшито по периметру красной, желтой и оранжевой тесьмой и с вышитыми кругами на лопастях. Там же, в Бийском уезде (более точное место не указано), найдено мужское седло с кожаным чепраком и войлочным потником. Луки обоих седел, примерно одинаковые по высоте, узкие (на женском седле передняя лука немного шире, чем на мужском), украшены вырезанными по периметру желобками и валиками и обтянуты черной кожей.

После длительного перерыва экспедиционно-собираТЕЛЬская работа на Алтае возобновилась в середине 1920-х гг. и была связана с деятельностью С.И. Руденко и А.Н. Глухова. Кроме значительных по своим масштабам археологических работ (эти материалы, называемые палеоэтнографическими коллекциями, в большинстве своем в настоящее время переданы в Эрмитаж), экспедиция С.И. Руденко обследовала бассейн Телецкого озера в южной его части – долины рек Чулышмана, Башкауса, Улаганское плоскогорье (район расселения теленгитов), и в северной его части – бассейн р. Човуш-Кара (тубалары). В результате этих поездок в собрание музея поступили нагрудные ремни *кова-тарга* (Ткаченко И.Д., 2006, рис. 2), нагайки *камча*, уздечки *угон* теленгитов и тубаларов, украшенные орнаментированными бляшками, раковинами каури, кистями из кожи и пр.

В 1957 г. П.И. Каралькин совершил научно-собираТЕЛЬскую экспедицию к телесам Улаганского аймака Горного Алтая. Им приобретены подфейные ремни *кушкан* с украшением *талбак* (Ткаченко И.Д., 2006, рис. 1), нагрудные ремни *камельторге*, нагайка *камча*.

После более чем 20-летнего перерыва, в 1989 г. состоялась экспедиция старшего научного сотрудника отдела этнографии народов Сибири Н.Г. Алоевой в Онгудайский и Улаганский районы тогдашней Горно-Алтайской автономной области. В результате собрание РЭМ пополнилось значительной коллекцией по культуре алтай-кижи и улаганских теленгитов. Среди предметов, относящихся к снаряжению верхового коня, обращает на себя внимание женское седло, приобретенное в с. Бичикту-Боом Онгудайского р-на. В отличие от седел привоза Д.А. Клеменца здесь сохранилась кожаная седельная подушка, набитая шерстью. Широкие округлые луки, также почти одинаковые по высоте, украшены прорезными желобками и валиками по периметру. В Улаганском районе (с. Балыкча, п. Усть-Улаган) Н.Г. Алоевой приобретены уздечки и подфейный ремень, изготовленные из двойных ремней, сложенных пополам, соединения ремней выполнены их взаимным переплетением. Уздечки из двойных ремней, скрепленных в местах соединения частей уздечки металлическими обоймами, характерны для тувинцев (Вайнштейн С.И., 1991, с. 212, рис. 93.-1). Такие уздечки, купленные Ф.Я. Коном в начале XX в. в бассейне верхнего Енисея, хранятся в коллекциях РЭМ. Н.Г. Алоева также приобрела плетеные из конского волоса недоуздки, кожаные трапециевидные чепраки с войлочными потниками, стремена, подковы и др.

Летом 2006 г. состоялась поездка О.П. Игнатъевой и И.Д. Ткаченко в Шебалинский и Улаганский районы Республики Алтай. В Улаганском районе для коллекции РЭМ было приобретено два седла: женское в с. Балыкча с нагайкой *камча* и мужское в с. Саратан. Последнее седло, приобретенное у Тихона Семеновича Тазранова (1932 г.р., сѳбк тѳблѳс), интересно тем, что кожаный чепрак и состоящий из нескольких слоев войлока и ватина потник являются не цельным полотнищем, а состоят из двух частей и прикреплены снизу к каждой из полок. По сообщению владельца, такая составная конструкция более удобна для лошади, чем цельная, так как не касается позвоночника животного и не повреждает его.

Кроме того, нами было зафиксировано еще одно, уникальное по полноте убора и сохранности, мужское седло, принадлежащее Табаевой Марии Михайловне

(1929 г.р., сёок кёбёк), жительнице с. Саратан. Седло принадлежало отцу владелицы, в память о нем она исключительно бережно хранит седло в доме (а не в сарае). Изготовленное в 1916 г. седло М.М. Табаевой находится в рабочем состоянии, кожаные части седла и уздечка не пересохли, лишь слегка потерта серебряная насечка на бляшках узды и подфейного ремня. Помимо седел нами привезены две уздечки: одна из них изготовлена из двойных ремней, подобная тувинским (получена в дар в с. Балыкча), вторая датируется началом XX в. (приобретена в с. Саратан), украшенная фигурными железными бляхами с серебряной листовой насечкой.

Таким образом, коллекция предметов снаряжения верхового коня алтайцев в собрании РЭМ является достаточно представительной для некоторых обобщений.

Алтайская узда состоит из регулируемых по длине ремней оголовья и подганашного и нерегулируемого наносного ремня. Для традиционных уздечек всех народов Южной Сибири, в отличие от уздечек, например, русского населения, характерно небольшое количество ремней. Как правило, отсутствует налобный, подгубный ремни и лыска. Ремни алтайской уздечки чаще всего гладкие, украшенные Т-образными или круглыми бляшками на стыках ремней (подбородочного и наносного с оголовьем), несколькими (до 10 шт.) подпрямоугольными и одной фигурной наносной бляшками (рис. 1). Бытование в восточных районах Горного Алтая уздечек из двойных ремней, соединенных переплетением или обоймами, вероятно, связано с культурным влиянием Тувы и взаимным смешением населения.

В орнаментации металлических украшений сбруйных ремней используются мотивы, известные на этой территории, по крайней мере, с древнетюркского времени: растительный бордюры, правда, сильно стилизованный, трехлепестковая пальметта, цветочная розетка.

Наиболее сложным элементом комплекса снаряжения верхового коня является седло. На алтайских седлах сохранилась *щель ленчика* (4–7 см в ширину) – зазор между лопастями на верхнем крае полка, закрытый *живцом* – кожаным ремнем или полосой камуса, закрепленного между нижними краями внутренних сторон луков. Зазор встречался на седлах предмонгольского и монгольского времени. У седел других народов Южной Сибири лопасти на верхних краях полка сходятся вплотную и не образуют зазора.

Е.В. Степанова, изучающая седла пазырыкской культуры, где седло представляло собой две кожаные подушки, сшитые кожаным полотнищем (в раннем варианте) или соединенные между собой небольшими, слабо изогнутыми деревянными или костяными планками (в позднем варианте), использует термин *седельный желоб* для обозначения зазора между подушками, прикрытого кожаным полотнищем. Он оставлялся для предотвращения контакта седла с позвоночником лошади (Степанова Е.В., 2006, с. 110). В конструкции мягкого седла такой зазор является насущной необходимостью, так как в деревянном ленчике он является скорее рудиментом, чем необходимостью, так как жесткая конструкция и без дополнительного зазора позволяет избежать контакта седла с позвоночником лошади.

Сохранение щели ленчика, как рудимента мягкого седла, дает возможность проследить прототипы седел, а также формы и приемы орнаментации сбруйно-уздовой фурнитуры, бытовавших в традиционной культуре алтайцев конца XIX–XX вв.,

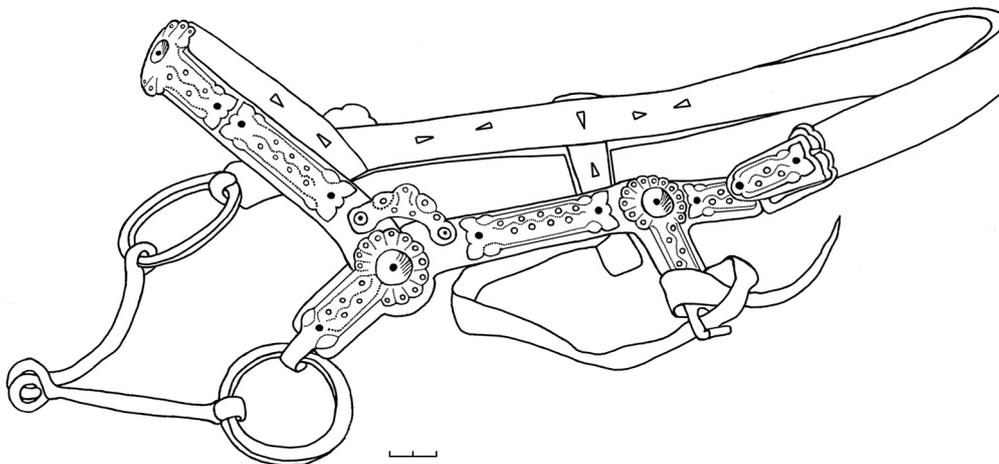

Рис. 1. Узда. Теленгиты. Улаганский р-н, с. Саратан. РЭМ.
Коллекция №12356-13 (прорисовка автора)

по археологическим материалам с древнетюркского времени, и позволяет считать комплекс снаряжения верхового коня одним из самых устойчивых элементов культуры кочевников.

А. Тойшанулы, А. Нурбаев

*Институт литературы и искусства им. М.О. Ауэзова,
журнал «ДОМБРА», Алматы, Казахстан*

«ТОЙГЕ» – ДРЕВНИЙ НАПЕВ ТРУДОВЫХ ПЕСЕН СКотоводческой культуры

Песня «Тойге» является забытым образцом народного музыкального творчества. Из-за недостаточности материалов, отсутствия исполнительской фонозаписи, источников информации по сегодняшний день нет полного представления о ее происхождении и жанровой принадлежности.

В своих этнографических очерках Х. Аргынбаев (1969, с. 25) пишет, что когда самка домашнего животного отказывается от кормления своего новорожденного детеныша, то, «... чтобы приручить, кладут ей в рот траву, прижимают детеныша к груди, если надо поют и приговаривают “тубяй-тубяй”». Фольклорист Б. Уакатов (1974, с. 102) высказывает свое предположение: «В песнях, посвященных четверем домашним животным, были народные песни “тубяй-тубяй”, которые пелись, чтобы приручить овцу к кормлению ягненка, в случае отказа от кормления своего детеныша. Несмотря на то, что эти песни раннего происхождения и были очень распространены, они не дошли до нашего времени и остались забытыми». Какое значение имело слово «тубяй-тубяй», не указывается в этих статьях, а также источники, откуда взято это слово. Ее этимологию мы смогли обнаружить только в «Киргизско-русском словаре», где встречаем, что «тувөй – этническое слово, которым заканчивается заговор знахаря против болезни овец» (Киргизско-русский словарь,

1965, с. 762). Также подтверждением этого значения может служить киргизское выражение «тувой-тувой» против сглаза, что близко с выражением «тфай-тфай», распространенным среди казахского народа. Общность корней и смысла говорит об очевидности древних, общих корней. Но по отношению к слову «тойге» оно не раскрывает его полного значения.

Более полно раскрыто его значение этнографом Б. Кинаяулы (1998, с. 106–110). В статье «Тойгелеу – древний обряд приручения новорожденных четырех видов скота» он сравнивает эти образцы на основе поэтических текстов песен монгольского, тувинского, киргизского народов и приходит к выводу, что песни тойгелеу исполняются в следующих случаях:

1. Чтобы приручить к кормлению, в случае отказа матери приплода.
2. Чтобы приручить к кормлению осиротевшего детеныша к другой матери.
3. Чтобы приручить чужого детеныша, если у матери умер родной детеныш.

Нам удалось записать четыре образца музыкального исполнения этих песен среди казахов, проживающих в Монголии в Баян-Ульгийском аймаке, во время фольклорной экспедиции организованного Институтом литературы и искусства им. М.О. Ауэзова в октябре 2005 г. На основе нотированных материалов и информации исполнителей нам удалось более полно представить эти песни.

У скотоводов кормление детенышей домашних животных определяют словом «телу». «Тойгелеу» – проведение обряда, традиционно исполняемого во время приручения кормлению новорожденных ягнят. Он включает в себя целый комплекс действий. Сначала ягненка мажут грудным молоком матери, чтобы она почувствовала свой знакомый запах, или же обмазывают хвост ягненка солью, который постоянно лижет овца и привыкает к его запаху и начинает вскармливание ягненка. Также прижимают к груди матери, вскармливают и напевают мотив с постоянными словами «тойге» мягким, протяжным голосом и напевом со словами обращения, просьбы, внушения, угрозы, пока не добьются результата. Четыре записанных нами нотного образца со словами прилагаются к данному докладу.

По рассказам скотоводов, если не проводить этот обряд, то осиротевший детеныш останется голодным и погибнет, а неиспользованное молоко у матери скисает и приводит к заболеванию (желинсау). Именно в таких практических целях используются песни в обряде тойгелеу. В экспедиции нам удалось записать исполнение песен тойгелеу только овцам (нотный пример первый–третий) и козам. Если овце приговаривают тойге, то козе – шоре (нотный пример четвертый). Из рассказов скотоводов мы узнали, что этот обряд проводят и с коровами, если нужно приручить теленка, но им приговаривают «ауке». Информаторы подтверждают, что были песни, посвященные верблюдам и лошадям. А у монгольских скотоводов были записаны песни обряда, посвященные вскармливанию верблюдицей верблюжонка.

Следует отметить, что ритуальные песни, исполняемые при кормлении, нравятся слушать домашним животным, нежные слова придают силы, пробуждают материнский инстинкт, вселяют успокоение, и даже чужого родившегося детеныша они принимают как родного.

В некоторых случаях скотоводы используют музыкальные инструменты как сыбызгы, кобыз или домбра. Особенно к звукам восприимчив верблюд, он увлекается

Пример № 1
исп. Жырынтай Лакулы

Тө-йге, тө-йге, Жа - ман ко - йшы жай-(ы)пта, ко - йым Тө-йге, тө-йге.

4
Жан-(ы)лыс ко - зы сал (ы)пты, ко-йым. Тө-йге, тө-йге, Жу - сан же - сең жу(ы)п бер қойым

7
тө - йге, тө - йге И - зен же - сең (и)п бср ко - йым тө - йге, тө - йге

10
Өз ба - лаң - нан, жаң-(ы)лма, ко - йым, тө-йге, тө-йге Ке - ге - ге - ге таң-(ы)лма, ко-йым.

13
тө - йге, тө - йге тө - йге

Пример 2
исп. Ауэльхан-апа

Тө-йге ко-йым тө-йге Тө - йге, тө - йге А - ла гой ко - йым а - ла гой

4
Тө-йге тө-йге Ө - зің-нен ту - ған ба - ла-гой Тө-йге тө-йге Жа - ман ко - йшы жайып-ты

8
Тө-йге тө - йге А - ла гой ко - йым а - ла гой Тө-йге тө-йге тө-йге

его звучанием, от этого сильно начинает проявляться ее материнский инстинкт. Поэтому, когда волжские калмыки приручают верблюжонка, что делается на рождение новой луны, надевают буйдасын (веревка с одного конца, закрепленная за кончик носа) на мизинец и играют на домбре мелодию «Бобон божуухай» (верблюжонок-верблюжонок). Когда исполняют песню тойгелеу из эпоса «Джангир», то верблюдица, вслушиваясь в мелодию, начинает подавать голос, у нее появляются слезы на глазах, она прижимает своего детеныша и начинает его кормить. Т.Г. Борджанова

Пример 3
исп. Айып-апа

Тө-йге ко-йым тө-йге Тө-йге ко-йым тө-йге Ал-ма саң та-нам ал-ты күн

4
Же-рі-сең та-нам же-ті күн Ө-зің-нен ту-ған ба-лаң-гой тө-йге тө-йге тө-йге

Пример 4
исп. Айып-апа

Шө-ре шө-ре шө-ре шө-ре Шө-ре шө-ре шө-ре шө-ре

3
Шө-ре шө-ре шө-ре шө-ре Шөре

(1999, с. 46–48) эти песни определяет как «Песни-заклинания». Несмотря на то, что инструментальный мотив возник в ранний период, они также не дошли до нас. Только лишь в легенде кюя «Нар идирген» есть упоминание об этом ритуале. А также информаторы обращают наше внимание на то, что выражение «игра на домбре как для ушей верблюда» осталось от древней традиции игры на инструменте при вскармливании верблюжонка верблюдицей.

В самом обряде, исполнении песни можно увидеть следы анимистики, магии, представление верований, своего быта.

В заключение скажем, что три элемента – мотив, слово, определенные действия, включающие в себя обряд толгелеу, – являются синкретической формой и показывают его древнее происхождение. Сопоставление материалов, записанных из уст разных скотоводческих народов, показывает их однородность, схожесть и единые истоки песен (у монгол это наречие звучит как «тойг» или «тайг»). Весь секрет его сохранности до сегодняшнего дня в том, что этот древний напев связан и распространен со скотоводами, которые занимаются разведением и сохранением баранов казахской породы. Именно только у казахов, проживающих в Монголии, и по сегодняшний день скотоводство ведется на основе этой породы, которые имеют свою особенность. Овцы казахской породы не требуют особого ухода, они неприхотливы, сами себе добывают корм зимой, своенравные, диковатые, необщительны, никогда не вскармливают, не признают чужих ягнят. Могут отыскать среди тысяч ягнят свое дитя, чувствительны к запаху, а если от их детенышей исходит какой-нибудь

запах, то они становятся брезгливыми. Поэтому песня с давних времен используется в утилитарно-практических целях для кормления детенышей домашних животных, от которых отказалась их мать. Кстати, у современной овцы отсутствует такой инстинкт, она даже не помнит своего детеныша и может покормить любого ягненка. Вместе с этим и по сегодняшний день не изменился скотоводческий вид трудовой деятельности, и не были нарушены традиции и обычаи быта, что способствовало сохранению песен «толгелеу».

Песни «толгелеу» достойно дополняют жанр трудовых песен и должны занять достойное место в музыкальном наследии казахской народной музыки.

Г.Ш. Файзуллина, М.К. Егизбаева

Центральный Государственный музей

Республики Казахстан, Алматы, Казахстан

**К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ МУЗЕЙНЫХ ПРЕДМЕТОВ
ИЗ ЭТНОКОНТАКТНЫХ ЗОН В ФОНДАХ ЦГМ РК
(одежда казахов и татар Семипалатинской обл.)**

В конце XIX – начале XX в. г. Семипалатинск как центр одной из самых крупных областей Казахстана, являлся очагом развития науки, образования и культуры, местом сосредоточения интеллигенции того времени. Через этот край проходили дипломатические представительства, научные, военные экспедиции и торговые караваны в Казахскую степь, Центральную Азию и Китай. Вместе с тем для России этот регион имел огромное стратегическое значение в развитии торговых связей с Монголией и Китаем.

Становление татарской этнической группы было напрямую связано со стеканием в Казахстан представителей этого этноса из различных регионов России, в связи с чем региональные особенности последних стали постепенно размываться. В конце XIX в. одной из самых крупных этнотерриториальных общин в Казахстане стали татары. В то же время в результате взаимодействий с соседними народами стали проявляться свои особенности и в материальной, духовной культуре семипалатинских казахов. В данной статье мы рассматриваем эти особенности на основе хранящихся в фондах ЦГМ РК музейных предметов, в частности, казахской национальной одежды, которая в общем в течение продолжительного времени сохраняла свою этнографическую особенность и бытовое назначение. Однако к концу XIX – началу XX в. можно наблюдать внесенные извне особенности в одежде казахов Семипалатинского региона, где встречаются элементы татарской одежды, и, напротив, в одежде татар Семипалатинска – элементы казахского национального костюма.

В среде казахского населения татарская культура считалась городской, европейской, имеющей более высокий социальный статус. Модной была одежда от татарских портних (например, в фонде ЦГМ РК – казахские платье и камзол, сшитые татарской мастерицей Шаймолдой). Восприятию различных типов и элементов одежды способствовали единые общетюркские этнические корни и религиозные воззрения.

По переписи 1897 г. в Семипалатинском уезде татар насчитывалось 9,9 тыс. Город Семипалатинск постепенно приобрел славу «столицы» татар в Казахстане. В фондах ЦГМ РК и семейных архивах сохранились фотографии казахов из этого региона, одетых в татарскую национальную одежду. В то же время есть, например, фото, на котором видно, что татары в одежде детей использовали традиционный казахский оберег в виде перьев филина.

Семипалатинская область – это ярко выраженная зона этнокультурного взаимовлияния казахов и татар, которое проявлялось как на духовном, так и на материальном уровне. Чаще всего предметы из подобных этноконтактных зон с трудом поддаются этнической атрибуции, если не известен мастер и владелец. Но при этом вполне возможно использование, например, «татарской» вещи в казахской экспозиции и выставке по принципу бытования предмета, характерного для данного региона, например, застежка (капсырма – КП 10499) по форме и технике исполнения татарская (отмечается «сходство североказахстанских ажурных застежек для камзола в виде листа с основной частью нагрудного украшения – яка чылбыры – казанских татар»). По сути, здесь прослеживаются прямые аналогии в технике (ажурная филигрань), форме составных частей, декоре» (Тохтабаева Ш.Ж., 2005, с. 174). По легенде, данный предмет приобретен «в Семипалатинске у торговца» и принадлежал казахке Ташкинбаевой (представлен в экспозиции ЦГМ РК по этнографии казахов).

К подобным же предметам из фондов и экспозиции относятся – ичиги (КП 20968). Так, по мнению казанских ученых, «мозаичная обувь, безусловно, составляет специфику именно татарской обуви, производство которой осуществлялось, вероятно, еще во времена Казанского ханства (в 1988 г. при археологических работах в Казанском Кремле был найден фрагмент узорной кожаной обуви). В XIX в. ичижное дело давало значительный доход татарским предпринимателям и торговцам, вывозившим пользующуюся большим спросом узорную обувь далеко за пределы края, особенно на восток (Среднюю Азию, Казахстан, Сибирь)» (Суслова С.В., Мухамедова Р.Г., 2000, с. 83). И в то же время известные исследователи казахской одежды подтверждают то, что «распространение современной формы бескаблучных сапожков (масі) среди казахов было связано с татарами... Татарские ичиги распространялись среди горожан; эту форму бескаблучной обуви переняли казахские мастера» (Захарова И.В., Ходжаева Р.Д., 1964, с. 77).

Платья (КП 5933, 7382, 11355) напрямую соотносятся с татарским «национальным вариантом моды... “кысмалы кульмак”». Это платье имеет несколько завышенную линию талии, со шлейфом, с отделкой-драпировкой... Новый стиль платья обеспечил новый элегантный облик женщине, особенно в городах» (Суслова С.В., Мухамедова Р.Г., 2000, с. 102). У узбеков «первым признаком трансформации одежды в начале XX в. стало то, что в моду вошли длинные платья со стоячим воротником, которые вытеснили традиционные длинные, широкие, цельнокроеные платья. Платья и рубашки с таким воротником в народе назывались “ногайскими” (татарскими) или “козоки” (казахскими). Здесь следует отметить, что этот фасон быстро приобрел популярность среди местного населения и соответствовал религиозным нормам» (Давлатова С.Т., 2006, с. 22).

Бешмет-камзол (КП 601). «В восточных районах (теперешние Семипалатинская и Павлодарская области) часто носили камзолы с закрытым воротом и стоячим воротником» (Захарова И.В., Ходжаева Р.Д., 1964, с. 88). Подобные камзолы в Узбекистане начиная с 1930-х гг. сначала среди городского населения, а позднее и сельского, стали называться «татарскими камзолами» (Давлатова С.Т., 2006, с. 21).

Прямоспинный «жилен» казанских татар из РЭМа (Суслова С.В., Мухамедова Р.Г., 2000, с. 125), за исключением деталей орнаментального рисунка, соотносится с казахскими парадными мужскими халатами из ГЭ (Маргулан А.Х., 1986, с. 128), с халатами из экспозиции Семипалатинского областного краеведческого

Бану Галиакпар кызы (казашка) с подругами.
Семипалатинская обл. Начало XX в.

музея и ... с «халатом» каменного изваяния (древнетюркский период, VII–VIII вв.), которое находится на берегу р. Тарни в Центральной части Монголии (Баяр Д., 1997, с. 124, рис. 79). У казахов «сплошь расшитые узором халаты встречались редко; их шили из ткани, чаще красного цвета (сукна, бархата, байки), без подкладки или на подкладке из материи. Возможно, раньше халаты были частью костюма жениха» (Захарова И.В., Ходжаева Р.Д., 1964, с. 50).

Особую группу представляют собой головные уборы. Среди них наиболее «спорными» являются головные уборы типа «тюбетейка», «такия». Например, есть такия (КП 503), украшенная растительным орнаментом, вышитым серебряной канителью. Этот предмет атрибутируется как казахский, по месту бытования и исходя из того, что казахи в украшениях отдавали предпочтение серебру. Или такия (КП 19876), вышитая тамбурным швом и занимающая достойное место в коллекции казахских головных уборов ЦГМ РК, соотносится с очень похожим старинным головным убором приуральского татарина (БМК. Инв. 6063, ил. в книге «Одежда татар Поволжья и Приуралья», с. 73). В то же время, как отмечают разные исследователи, на северо-востоке и востоке Казахстана были популярны тюбетейки с круглой плоской верхушкой, в виде усеченного конуса, напоминающие татарские

тюбетейки (каляпуш). Они или приобретались у татар, или шились по подобию. Но заимствовалась не только форма, но также и техника украшения, например, девичьих тюбетеек. Так, в коллекции головных уборов ЦГМ РК есть четыре предмета из Семипалатинской обл. (КП 9685, 9700, 9937, КПД 274), в орнаментации которых использованы зооморфные узоры (что характерно для казахов), но техника их украшения – вышивка с использованием золотых нитей и бисера (что в свою очередь характерно для татар).

В настоящее время на первый план выступает казахско-татарская векторность взаимовлияния культур. Так, в орнаментации татарских тюбетеек (КП 25958/17,18) использованы зооморфные мотивы, и соотношение узора и фона можно расценить как «казахское».

Таким образом, при этнической атрибуции музейных предметов необходимо учитывать время поступления предмета в фонды музея, так как в разные периоды выступают на первый план разные составляющие атрибуции. В нашем случае, например, для XIX – начала XX в. (когда в одежде еще присутствовали этнические различия) важным является состояние взаимодействия культур на территории происхождения предмета. Для конца XX в. на первый план выносятся тип, форма, техника изготовления предмета, которые в период глобализации становятся главными этнодифференцирующими признаками в изучении памятников историко-культурного наследия.

А.В. Харинский, Д. Эрдэнэбаатар

Иркутский государственный технический университет, Иркутск, Россия;

Улан-Баторский государственный университет, Улан-Батор, Монголия

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИСАЯНЬЯ В МОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Долина р. Иркут и примыкающая к ней с юго-запада котловина оз. Хубсугул издревле составляли важный транспортный коридор, соединяющий Центральную Азию с Прибайкальем. Расстояние между рекой и озером составляет 85 км. Дорога, начинаясь от берега Хубсугула, располагающегося на высоте 1645 м над уровнем мирового океана, тянется по долине реки Ханх-Гол до перевала Мунгийн-Даба (высота 1829 м), а затем спускается к Иркуту. Отсутствие на этом пути серьезных препятствий сделало его одним из наиболее используемых во время передвижения жителей двух соседних районов. Попадая в долину Иркута, ограниченную с севера отрогами Саянских гор, а с юга хребтом Хамар-Дабан, путник мог следовать, как правило, в двух направлениях. Более легкая дорога проходила от среднего течения Иркута к оз. Байкал (высота над уровнем мирового океана 455,9 м). Другая шла вдоль Иркута в Ангарскую долину. Геоморфологическая предопределенность транспортного коридора обозначала направление, по которому могли осуществляться миграции населения.

Второй важной транспортной артерией, соединяющей Прибайкалье с Центральной Азией, была долина р. Селенги. Наряду с Хубсугульско-Иркутским «коридором» она использовалась еще в глубокой древности. Наличие всего двух основных путей,

по которым осуществлялись контакты между населением этих регионов, облегчает поиск истоков формирования многих культурных явлений, которые фиксируются на байкальских берегах в разные периоды истории.

Одним из поворотных событий в истории Прибайкалья стало появление на его территории в XII–XIII вв. населения, хоронившего своих умерших в деревянных внутримогильных конструкциях – рамы, ящики, колоды. Этот погребальный ритуал связан с распространением в регионе монголоязычных племен или иных этнических групп, подвергшихся существенному культурному влиянию с их стороны (Харинский А.В., 2001, с. 90–91).

К настоящему времени в верхней и средней части долины р. Иркут (Тункинский район Бурятии) известно шесть археологических объектов, которые включают захоронения монгольского времени. На трех из них в 1920-е гг. проводил раскопки Б.Э. Петри. На могильнике Хорибьаты раскопано две могилы. Еще две могилы исследованы на памятнике Монды-I. Шесть погребений раскопаны на могильнике Монды-III (Лбова Л.В., Хамзина Е.А., 1999, с. 167–168). В 2004 г. во время обследования правого берега р. Иркут С.В. Снопковым раскопано одиночное захоронение Шарагун-II (Харинский А.В., Снопков С.В., 2005).

К сожалению, материалы раскопок Б.Э. Петри в Тункинской долине так и не были опубликованы в полном объеме, а коллекции к настоящему времени утеряны. Имеется лишь краткое описание этих исследований в работе Б.Э. Петри и А.П. Окладникова. Сверху могилы перекрывались круглыми кладками, выложенными из булыжников. Погребенные располагались в колодах. В могилах обнаружены кости барана, китайские бронзовые зеркала, остатки седел, крытых лаком, жемчуг, серебряные и золотые украшения, остатки конской сбруи с богатыми бронзовыми накладками, стремяна и удила, остатки сложного монгольского лука, наконечники стрел со свистунками и т.д., шелковые ткани и серебряная чаша на высокой ножке (Окладников А.П., 1937, с. 283–285).

Более скромно на фоне захоронений, исследованных Б.Э. Петри, выглядит погребение Шарагун-II. Вместе с останками умершего в нем обнаружены подпружная пряжка и стремя. Погребенный располагался в колоде вытянуто на спине и был ориентирован головой на север. Сверху могила перекрывалась овальной кладкой размерами 0,6х2,3 м. По костям погребенного получена радиоуглеродная дата 720 ± 50 л.н. (СОАН-5657), соответствующая с учетом калибровки середине XIII – серединой XIV вв. (Харинский А.В., Снопков С.В., 2005). В отличие от других захоронений монгольского времени, над которыми сооружались круглые каменные кладки диаметром 3–3,5 м, шарагунское погребение сверху перекрывалось овальной кладкой. Объяснить это различие из-за малого количества раскопанных захоронений пока не представляется реальным. Можно лишь наметить направления, по которым следует вести исследования, пытаясь найти ответы на этот вопрос: 1) захоронения под круглыми кладками более ранние и относятся к XII в., а овальные датируются концом XIII – серединой XIV вв.; 2) погребения с разными кладками относятся к разным социальным группам населения; 3) неоднородность погребальных ритуалов предопределяется этнокультурными различиями населения.

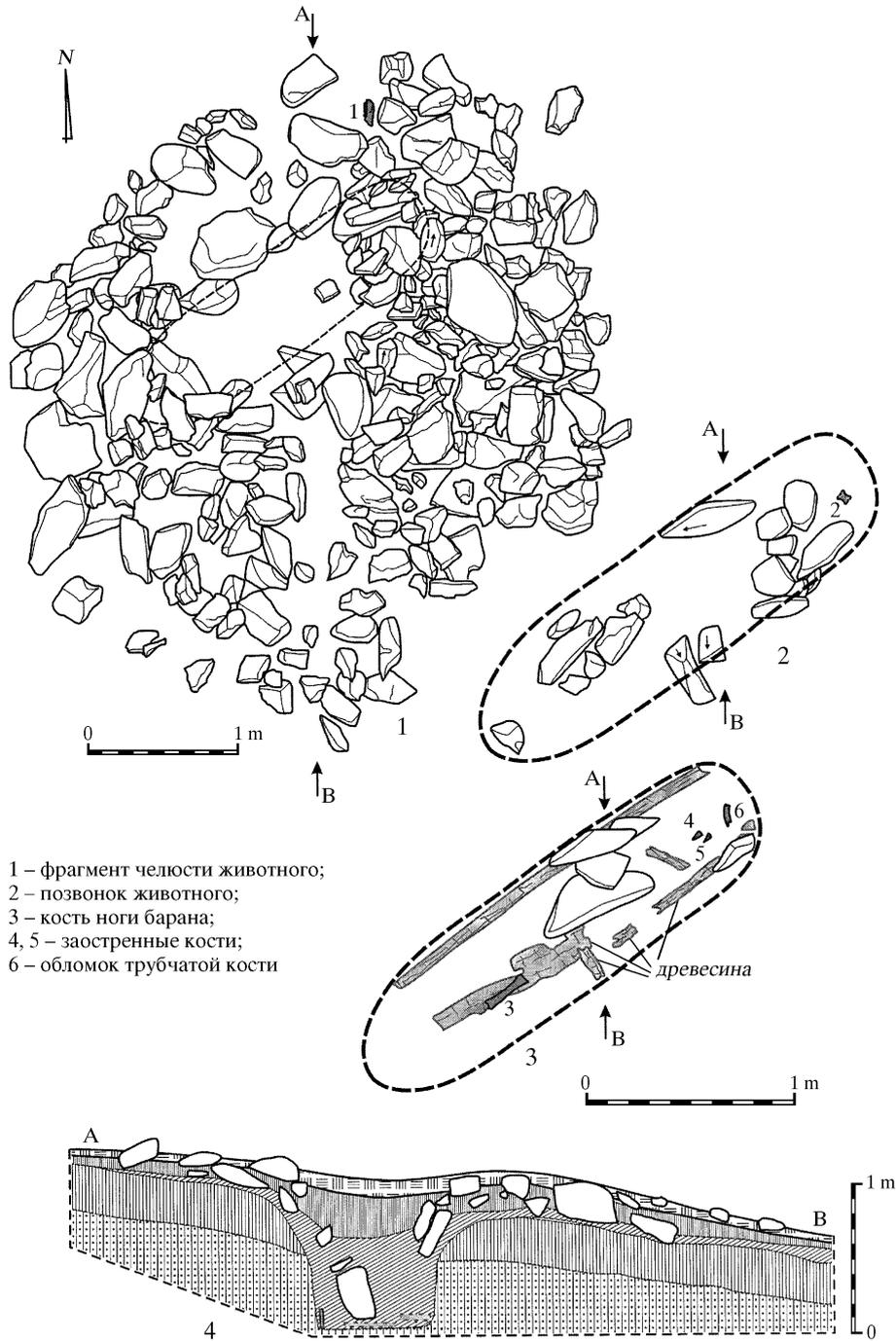

Рис. 1. Цыгыр-II, комплекс №1: 1 – кладка после расчистки; 2 – верхний уровень могильной ямы; 3 – нижний уровень могильной ямы; 4 – разрез комплекса по линии север-юг

Основываясь на особенностях погребального ритуала захоронений долин рек Иркут и Эгийн-гол (Торбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003), проведено предварительное выделение могил монгольского времени и в Прихубсугулье. К ним отнесены сплошные кладки круглой формы диаметром от 2,5 до 5,5 м. Подобные конструкции отмечены на памятниках Цыгыр-I, Цыгыр-II и Хавцал-II (Харинский А.В., Ожередов Ю.И., Эрдэнэбаатар Д., 2006). Одна из них была вскрыта в 2006 г. на одиночном кенотафе Цыгыр-II. Она локализовалась к западу от скальной гряды, ориентированной по азимуту 205°. Кладка сооружена на высоте 1764 м над уровнем мирового океана и располагается на 120 м выше уровня оз. Хубсугул. Территория вокруг нее не залесена, лишь вдоль западного подножия гряды разрозненно растут лиственницы, одна из которых проросла с южной стороны кладки. Надмогильная конструкция обнаружена в 1999 г. (Харинский А.В., Наумов И.В., 2000).

После расчистки стало ясно, что кладка имеет круглую форму и диаметр 4 м (рис. 1.-1). В центральной части конструкции камни отсутствовали. С края кладки они уложены в один слой, а ближе к центру в два слоя (рис. 1.-4). Их размеры варьируют от 4x5x10 см до 40x50x60 см. Камни располагались горизонтально. После дальнейшей расчистки погребальной конструкции выяснилось, что часть камней в центральной части кладки просела, поэтому их не было видно при первичной расчистке сооружения. Камни сползли по краю ямы, находившейся под центральной частью выкладки. При этом часть из них поменяла свое первоначальное горизонтальное положение, наклонившись во время перемещения в сторону ямы.

Яма – овальной формы размерами 76x226 см и глубиной 90 см (рис. 1.-2), ориентирована по линии северо-запад – юго-восток (азимут 70°). Она заполнена серо-желтой супесью с углями. Верхнюю и среднюю часть ямы перекрывают камни, большинство из которых располагалось наклонно. На дне ямы на глубине 85 см обнаружены остатки внутримогильной конструкции, выполненной в виде деревянного ящика (рис. 1.-4). Стенки ящика толщиной 2–2,5 см были изготовлены из плах шириной 12–16 см, поставленных на ребро. Днище сделано из плах шириной около 40 см и толщиной до 2,5 см. Сверху ящик перекрывался поперечно уложенными плахами, остатки двух из них были зафиксированы. Их толщина составляла 2–2,5 см. Реконструируемая высота погребального сооружения составляла около 20–25 см. Ее северо-восточная часть подверглась воздействию огня. Погребальный ящик оказался пуст. Единственной находкой внутри могилы стала кость ноги барана, уложенная в качестве жертвенного приношения на перекрытие деревянного ящика. Среди каменной кладки были найдены челюсть и позвонок животных, что, видимо, свидетельствует о проведении поминальных ритуалов. По всем признакам раскопанный археологический объект является кенотафом, ритуализация которого проведена с соблюдением норм погребальной обрядности, соответствующей традициям монголоязычных племен Прибайкалья и Северной Монголии XII–XIV вв.

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКИХ С КОЧЕВНИКАМИ
ЮЖНОЙ СИБИРИ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ
В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ***

Исследование процессов взаимодействия и взаимовлияния различных этносов, относящихся к разным языковым, группам и культурно-хозяйственным типам, имеет большое теоретическое и прикладное значение для анализа процессов аккультурации и синтеза культур. Одним из перспективных полигонов изучения таких процессов в исторической ретроспективе могут служить процессы этнокультурных контактов и взаимодействия между русским населением и тюркскими кочевыми этносами в период присоединения Южной Сибири к Российскому государству.

В рассматриваемый период при включении в состав России лесостепных и степных районов Южной Сибири русским казакам и служилым людям пришлось контактировать с разными этническими группами тюркоязычных кочевых народов, вступать с ними в военные действия, заключать мирные соглашения, вести торговлю, заимствовать у представителей другого народа наиболее пригодные для жизни и быта в сибирских условиях предметы материальной культуры и способы их эффективного применения. Различные свидетельства взаимодействия и взаимовлияния русских и тюркских народов Сибири прослеживаются в разных сферах материальной и духовной культуры, в том числе и в военной области. Изучению таких процессов аккультурации и синтеза культур в археологических исследованиях до недавнего времени не уделялось должного внимания. Основные события, связанные с историей присоединения южных районов Сибири к России, исследовались отечественными историками-сибироведами с начала научного изучения этого огромного края в XVIII в. Среди ученых, работавших в этот период в Сибири, большой фонд источников был собран Г.Ф. Миллером. Им был собран, проанализирован и систематизирован основной круг источников по данной теме, свод русских исторических документов, освещающих взаимоотношения российских властей и казаков с енисейскими кыргызами (Миллер Г.Ф., 2000, с. 55). Ученым был реконструирован ход событий военной истории на территории Сибири в XVI–XVII вв. Сведения об особенностях вооружения и военного искусства сибирских тюркоязычных кочевников, о характере военных столкновений, об обеспеченности своих воинских сил необходимым оружием и снаряжением, имеющиеся в русских исторических документах, «отписках» и «скасках» сибирских казаков, атаманов и воевод XVI–XVII вв., отличаются достаточно большой точностью и достоверностью. Русские администраторы и воинские командиры отправляли свои донесения в вышестоящие инстанции в Тобольск и Москву. Они были заинтересованы в должном обеспечении подчиненных им военных отрядов необходимым вооружением, боеприпасами и снаряжением. Поэтому русские администраторы весьма подробно описывали оружие и оценивали боеспособность своих противников, с которыми приходилось встречаться в ходе боев, сообщали о состоянии своего вооружения и мерах, предпринимаемых

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №07-01-434а).

для улучшения оснащения подчиненных служилых людей, стрельцов и казаков, совершавших походы для присоединения новых «землиц» и сбора ясака. Оружие, которое «воинские люди» получали со складов «государевой казны», тщательно фиксировалось и после завершения похода снова сдавалось на хранение. Описывались и трофейные предметы вооружения, захваченные в ходе военных действий или купленные у сибирских народов. Эти описания являются важным источником для сравнительного анализа оружия русских воинов и их противников. В казачьих донесениях – «отписках» упоминаются разные виды оружия, применявшиеся русскими казаками и служилыми людьми. Среди них имелись разные типы боевых защитных наголовий, в том числе «шеломы» – сфероконические шлемы с высоким куполом и навершием; «шишаки» – сфероконические боевые наголовья с длинным навершием-«шишом»; «шапки железные» – сферические шлемы, «мисюрки» – боевые наголовья с наносником. В числе защитной одежды различались «кольчуги» и «пансыри» – кольчатые доспехи в виде рубах с коротким воротом, разрезом спереди, короткими рукавами и подолом; «куяки» – ламелярные или пластинчато-нашивные доспехи, «латы» – европейские кирасы, иногда дополнявшиеся набедренниками; «бумажники» – стеганные ватные мягкие доспехи (Худяков Ю.С., Бобров Л.А., 2005, с. 107). В источниках упоминаются также «наручники», створчатые наручи и «наколенки» – защитные покрытия колен. В русских исторических документах перечисляются различные виды холодного оружия, применявшиеся русскими воинами в Сибири, в том числе бердыши, копья, рогатины, пики, сабли, сулемы, кистени, пальмы; огнестрельного – пищали, винтовки, мушкеты, пистолы, а также пушки (Митько О.А., 2004, с. 169). Не менее тщательно описывалось наступательное и защитное оружие сибирских народов.

Важным источником по военному делу русских и тюркских народов Сибири являются находки предметов вооружения из раскопок острогов, позднесредневековых памятников тюркских народов Сибири, городищ и захоронений енисейских кыргызов и кыштымов, шорцев, телеутов, сибирских татар. Введение в научный оборот большого фонда вещественных источников из раскопок памятников русской и аборигенных культур с территории Западной и Южной Сибири дает возможность объективно проанализировать и оценить все имеющиеся данные по военному делу русских и тюркских народов.

Судя по имеющимся материалам, русские воины, пришедшие в Южную Сибирь в составе казачьих отрядов, были достаточно хорошо вооружены. Казаки и служилые воины были вооружены не только ручным огнестрельным, но и артиллерией, и холодным оружием и средствами защиты. Они широко использовали древковое колющее оружие: копья, бердыши, рогатины. В рукопашных схватках воины умело наносили удары врагам саблями, палашами и кистенями. Для защиты головы они использовали боевые наголовья: шишаки и мисюрки с кольчатыми бармицами. Для защиты тела воины надевали кольчатые доспехи: кольчуги и «пансыри», комбинированные «колонтари», стеганные ватные «бумажники» и «тягеляи».

В Южной Сибири русским казакам пришлось столкнуться с хорошо вооруженными отрядами енисейских кыргызов и войсками их сюзеренов монгольских и джунгарских ханов. Основной ударной силой енисейских кыргызов были отря-

ды панцирной конницы. Оружейной базой для кыргызских княжеств были земли шорцев-кузнецов, изготавливавших оружие высокого качества. Воины енисейских кыргызов были вооружены луками и стрелами, копьями, саблями, боевыми топорами. Для защиты применялись шлемы и панцири-куяки или кольчуги. В бою они осыпали противника стрелами, затем атаковали копьями и саблями. По свидетельству источников, «куяшники мугальские и киргизские» в ближних боях «копьем смешивали» противостоящих им казаков и служилых людей. Оценив возможности огнестрельного оружия, кыргызы пытались заполучить его и использовать в боях. Ружья покупали или выменивали у русских, несмотря на категорические запреты московских и сибирских властей.

В отличие от енисейских кыргызов, телеуты старались поддерживать с русскими властями в Сибири мирные отношения и даже выступали в качестве союзников России в ходе военных действий с енисейскими кыргызами, с которыми у них были острые противоречия и противоборство из-за стремления удержать под своим господством кыштымов – шорцев.

Нехватка оружия и доспехов сказывалась и на русских воинах. Русские служилые люди и казаки широко использовали защитные доспехи, изготовленные шорцами или привезенные из Средней Азии. Без надежных средств защиты было трудно противостоять «куяшным и доспешным» противникам. Казаки охотно покупали «куяки добрые под сукном» у качинцев и аринцев, живших в окрестностях Красноярского острога. С шорцев даже ясак брали «шеломами, и рогатинами, и саблями». Служилые люди нередко надевали двойные доспехи, кольчуги и пластинчатые кюяки, а также «шапки железные». При нехватке огнестрельного оружия русские воины использовали луки и стрелы, пики, копья, сулемы, захваченные у кыргызов и кыштымов. Луки татарского производства использовали даже казачьи командиры. Иногда в Сибирь попадали доспехи и оружие западноевропейского производства, «латы, и шишаки, и шпаги, и пищали съезжие». Вероятно, их привозили европейские военные специалисты, приезжавшие на службу в Сибирь. Предпринимались попытки создать и обучить с помощью немецких офицеров солдатские рейтарские полки «нового строя». В состав российских войск сибирская администрация из-за нехватки русских и европейских воинов широко привлекала и набирала татар, казахов, качинцев и представителей других коренных народов, которые нередко несли службу со своим традиционным оружием. В сибирских острогах были созданы арсеналы «государевой казны», в которых хранились оружие и доспехи, в том числе приобретенные у сибирских народов или захваченные в качестве трофеев. Они выдавались служилым людям на время военных действий, а затем возвращались на хранение на склады после завершения походов.

Развитие военного дела у тюркских народов Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и новое время происходило в постоянном взаимодействии с русскими. Этнокультурные контакты способствовали взаимовлиянию русских и аборигенов, а также заимствованию друг у друга наиболее эффективных видов современного и традиционного оружия. Эти данные необходимо учитывать при анализе событий военной и этнокультурной истории.

Е.В. Шелепова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАХОРОНЕНИЯХ КОНСКИХ ЧЕРЕПОВ (по результатам исследования памятника Тыткескень-VI)

В полевой сезон 2006 г. в процессе исследования цепочки курганов пазырыкской культуры на памятнике Тыткескень-VI, попадающего в зону затопления Алтайской ГЭС, были выявлены захоронения конских черепов (объекты №86 и 87)*. Они располагались по одной линии Ю-С, в 20 м друг от друга.

Объект №86 находился в 8–12 м к востоку от раскопанной в 1988–1993 гг. цепочки курганов №2–4, 48. Он представлял собой сложенную из галек округлой формы вымостку, размер которой по линии З-В составляет 1,5 м, по линии Ю-С – 2 м, высота над уровнем современной поверхности – 0,22 м. В процессе раскопок объекта на глубине 0,2 м найден череп лошади, уложенный по линии ЮВ-СЗ и ориентированный челюстной областью на восток. Ниже уровня залегания черепа, с восточной стороны челюсти, зафиксированы кости мелкого рогатого скота.

Объект №87 обнаружен в 20 м к северо-северо-востоку от предыдущего объекта. На современной поверхности он был обозначен кладкой, составленной из крупных плит. Размеры конструкции по линии ЮВ-СЗ – 1,5 м, по линии ЮЗ-СВ – 0,75 м, высота 0,11 м. В процессе раскопок под камнями кладки на глубине 0,3 м обнаружен череп лошади, ориентированный по линии ЮВ-СЗ, как и в рассмотренной ситуации.

Определение культурной принадлежности выявленных объектов осложнено отсутствием датирующих находок.

Нахождение этих памятников с восточной стороны пазырыкских курганов не может являться убедительным основанием для их отнесения к VI–II вв. до н.э. В материалах пазырыкской культуры известен лишь один подобный случай, когда отдельные части конских черепов были обнаружены под выкладками, расположенными к востоку от погребальных сооружений (могильник Айрыдаш-IV) (Кочев В.А., 1996, с. 135, 137).

Привлечение более широкого круга аналогий позволило установить, что манипуляции с конскими черепами наблюдаются в археологических культурах скотоводческого типа от эпохи бронзы до раннего средневековья.

Отдельные находки черепов животных (бык, дикая лошадь) демонстрируют уже неолитические памятники (Окладников А.П., 1978, с. 199–204). По мнению А.П. Окладникова, такие захоронения могут свидетельствовать об их связи с древним культом зверя, с представлениями о возрождении убитых животных к новой жизни.

В памятниках катакомбной культуры (эпоха поздней бронзы) конские черепа (до 40 в одной могиле) были помещены в мужских захоронениях, а также в отдельных могильных ямах. Очевидно, в данной ситуации они выступали показателем богатства и высокого социального статуса погребенного (Ковалева И.Ф., 1983, с. 56).

* Выражаю благодарность А.Л. Кунгурову за предоставление материалов для публикации.

Наибольшая частота использования черепов лошадей в погребально-поминальном обряде зафиксирована в эпоху поздней бронзы и раннескифское время на территории Монголии и частично Забайкалья:

1. При раскопках плиточных могил, где конские черепа находились в одном комплексе со стелами («оленными» камнями) и костями других животных (Волков В.В., 1981, с. 80–81; Данилов С.В., 1983, с. 109; Новгородова Э.А., 1989, с. 201–202, 228; Цыбиктаров А.Д., 1998, с. 50).

По мнению С.В. Данилова (1983, с. 111–112), черепа в культуре плиточных могил выполняли те же ритуальные функции, что и целые туши животных. При этом они не являлись посмертной пищей, а символизировали стадо скота.

2. При раскопках «курганчиков»-жертвенников Шивертун-ам, Жаргалант, Алтан сандал (Монголия) (Волков В.В., 1981, с. 14, 30; 2002, с. 16; Новгородова Э.А., 1989, с. 201–202). Примечательно, что в данные комплексы входили также «оленные» камни.

3. При исследовании выкладок-жертвенников, окружающих с восточной стороны херексуры, а также непосредственно в могильной яме херексура. Такой обряд характерен для памятников Монголии (Ихэ-алык), Забайкалья и юга Бурятии (долина р. Чикой – Улзыт-VI, череп лошади был ориентирован на восток) (Боровка Г.И., 1927, с. 71–72; Коновалов П.Б., 1999, с. 21–22, 27).

На юге Западной Сибири примерно в это же время (эпоха поздней бронзы) конские черепа являлись необходимым элементом погребального обряда населения ирменской культуры (памятники Танай-7, Журавлево-4). Черепа были пробиты в лобной части и без определенного порядка помещены в специальные ямки, объединенные в составе одного погребения. Иногда они находились в одном ритуальном комплексе со стелами (Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Горяев В.С., 1997, с. 144–145, 148; Бобров В.В., Горяев В.С., 1998, с. 182–185; Михайлов Ю.И., 2001, с. 194, 207; Ковалевский С.А., 2004, с. 126–130). Схожий обряд демонстрирует Титовский могильник, где по центру кургана №1 на глубине 0,3 м найден отдельно лежащий череп лошади (Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1978, с. 50; Михайлов Ю.И., 2001, с. 195).

В.В. Бобров подчеркивает, что голова лошади никогда не являлась объектом ритуальной пищи, поэтому захоронения конских черепов в ирменской культуре не относятся к разряду поминальных. Они являлись, видимо, заместителями животного или даже самого человека (Бобров В.В., Горяев В.С., 1998, с. 184). Ю.И. Михайлов (2001, с. 200) полагает, что «черепа животных в контексте погребального обряда символизировали общее генеалогическое родство умерших».

Единичные факты захоронения черепов под курганными насыпями выявлены по памятникам окуневской культуры. В ряде случаев они находились в основании некоторых стел (например, Черновая VII и др.) (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 29–30).

Практически аналогичная ситуация прослежена по материалам тасмолинской культуры Казахстана. Отдельные захоронения шкур и черепов лошадей известны в карасукских могильниках (Кузьмина Е.Е., 1977, с. 36; Степная полоса..., 1992, с. 131–133, 139–140; Нестеров С.П., 1990, с. 107–108).

Череп лошадей и баранов были обнаружены в большом грунтовом Синташтинском могильнике. Один из конских черепов зафиксирован рядом с перевернутым вверх дном сосудом (Михайлов Ю.И., 2001, с. 264).

Нахождение в одном комплексе черепов лошадей и «оленных» камней, по-видимому, является не случайным, поскольку для создателей последних лошадь являлась священным животным (Членова Н.Л., 2000, с. 101). Стоит отметить, что в скифскую эпоху особое отношение к лошади отразилось не только в памятниках монументального искусства, но также в изображении различных ее частей на разнообразных предметах декоративного искусства, наскальных изображениях.

Территориально более близкие материалы для привлечения аналогий демонстрируют материалы раннескифского времени Алтая (бийкенская культура) (конец IX – 2–3-я четверть VI вв. до н.э.).

В результате изучения погребальных комплексов указанного периода выявлен обряд помещения целых туш лошадей как вместе с умершим (в одной могильной яме), так и обособленно, под самостоятельными сооружениями (Нестеров С.П., 1990, с. 59, 79; Марсадолов Л.С., 2001, с. 26–27; и др.). В «совместных» с человеком захоронениях при сохранности остальных частей скелета лошади череп мог отсутствовать (Грязнов М.П., 1980, с. 50; Абдулганеев М.Т., 1994, с. 38; Марсадолов Л.С., 1981, с. 13; 2001, с. 6–7, 9, 12; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 119).

В памятниках бийкенской культуры выявлены также немногочисленные захоронения отдельных частей конских черепов (чаще это фрагменты челюсти). Они находились под сооружениями, пристроенными к кургану (каменный ящик, выкладка) или помещенными на некотором расстоянии от него. По конструкции – это выкладки или вымостики из камней с неглубокими ямами под ними (Усть-Кулом, Кызык-Телань-I, Чоба-7, Тыткескень-I и др.) (Марсадолов Л.С., 1981, с. 18, 21; Суразаков А.С., 1990, с. 198; Марсадолов Л.С., 2001, с. 10; Ларин О.В., Суразаков А.С., 1994, с. 86–87; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 37, 60; Суразаков А.С., Тишкин А.А., 2003, с. 197; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 119).

Во всех приведенных ситуациях культурная идентификация захоронений черепов лошадей не вызывает особых затруднений, так как они приурочены в основном к погребальным комплексам.

Обряд захоронения конских черепов на памятнике Тыткескень-VI имеет ряд отличий от вышеприведенных материалов. К ним относятся:

- нахождение обособленно по отношению к погребальным объектам;
- расположение черепов по одной линии и ориентация на восток;
- отсутствие специальных конструкций, в которые бы были помещены конские черепа;
- встречены кости мелкого рогатого скота.

Такие особенности обряда захоронения черепов лошадей выявлены на погребально-поминальном комплексе Бике (Чемальский район Республики Алтай, правый берег Катуня). Черепа там были захоронены под самостоятельными выкладками (всего три), но, в отличие от тыткескеньских, находились с *западной* (курсив мой. – Е.В.) стороны кургана афанасьевской культуры (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 58, 86). Расположение объектов по одной линии Ю–С и ориентация черепов на восток идентичны ситуации на памятнике Тыткескень-VI. На

комплексе Бике найдены, кроме того, фрагменты венчиков сосудов, мелкие угольки и следы прокаленной почвы, однако датировка захоронений с черепами достоверно не установлена. В.Д. Кубарев, исследовавший бикенский комплекс, датировал захоронения конских черепов афанасьевской культурой. Однако впоследствии это предположение не подтвердилось.

Схожий по смысловому значению обряд демонстрирует материал могильника Тогустан на территории Республики Алтай. При раскопках одного из курганов под насыпью в каменном ящике обнаружен череп лошади (Ефремов С.А., 1995, с. 90–93, рис. 1). Исследованный объект отнесен к раннескифскому времени (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 35–36).

В более поздние эпохи на ряде памятников «гунно-сарматского» времени, тюркской и кыргызской культур зафиксированы схожие случаи отдельного захоронения лошадей (полностью или черепов) (Соенов В.И., 1999, с. 134–135; Горбунов В.В., 1996, с. 156–166; Костюков В.П., 1998, с. 312; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с. 489, 491–492; Илюшин А.М., 1995, с. 122–124, рис. 125).

Таким образом, преднамеренное отделение черепа у лошади являлось элементом определенных ритуальных действий в рамках погребально-поминального обряда. Захоронения конских черепов на могильнике Тыткескень-VI могут быть предварительно датированы эпохой раннего железного века. Именно тогда начинает складываться ритуальное отношение к лошади, что было связано с ее широким использованием (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 265).

Теоретические разработки по интересующей нас проблеме позволяют пролить свет на аспект, касающийся семантики зафиксированного обряда.

В хеттских и ведийских обрядах голова лошади ассоциируется с утренней зарей, солнцем, с одной из частей трехчастного космоса (Кузьмина Е.Е., 1977, с. 40; Иванов Вяч.Вс., 1989, с. 81–83). В ведийских текстах отмечено, что лошадиная голова могла выступать заменой человеческой (Иванов Вяч.Вс., 1989, с. 82). Там же зафиксирована возможность уподобления части целому.

Установление роли конских черепов в разнокультурных комплексах еще требует отдельного рассмотрения. Темой самостоятельного исследования должен стать также вопрос о связи в одном комплексе черепов лошадей с вертикально установленными камнями (стелами, «оленными» камнями).

Ю.В. Ширин

Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость», Новокузнецк, Россия

**К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕРЕДИНЫ
I тыс. до н.э. В ПРЕДГОРЬЯХ САЛАИРА**

Черневая тайга Салаирского кряжа на юге Западной Сибири является условной границей трех смежных лесостепных зон – Бийско-Чумышской возвышенности, Новосибирского Приобья и Кузнецкой котловины. К середине I тыс. до н.э. в этих районах распространяются памятники, сходство признаков которых позволяет предполагать тесное взаимодействие оставившего их населения в рамках одной

культурной общности, которую В.А. Могильников предложил назвать больше-реченской. К сожалению, этот компромиссный вариант названия отягощен возможной неоднозначностью восприятия. И не только потому, что за собственно больше-реченской культурой в настоящее время закреплены памятники переходного этапа от эпохи бронзы к железу, но и в силу того, что не все археологи склонны выделять существенный (или просто равнозначный) автохтонный компонент в культурогенезе тех территорий, где выделяются памятники более поздней «больше-реченской общности». Точнее представляется название «каменная общность», с учетом того, что именно черты каменной культуры (носители которой, видимо, доминировали в регионе в период сложения общности) перекрывают локальные различия таких культур, как староалейская, быстрианская и шеломокская (кижировская – по Т.Н. Троицкой).

В то же время признаваемое и даже обосновываемое доминирование каменной культуры, позволяющее переводить исследования в плоскость исторического анализа на уровне культурной общности, не снимает проблему локального культурного своеобразия, с которым исследователи сталкиваются в соответствующих регионах. В частности, еще далека от решения проблема локализации отдельных культурных образований середины I тыс. до н.э. в предгорьях Салаира.

К настоящему времени высказано несколько точек зрения на культурную принадлежность памятников середины I тыс. до н.э. в различных районах предгорий Салаира. Северо-западный район Присалаирья (Новосибирское Приобье) традиционно отводится кругу памятников особого варианта каменной культуры (больше-реченской – по Т.Н. Троицкой). Бассейн нижнего течения Ини до оз. Танай включительно (северный район Присалаирья), по мнению В.В. Боброва, также входит в этот же культурный горизонт. Впрочем, погребальные памятники здесь пока представлены в публикациях только одним впускным погребением – в ирменском курганном могильнике Журавлево-4. Поселенческие керамические комплексы из этих мест позволяют говорить о большей культурной неоднородности. Не менее сложная картина представлена и по материалам Кузнецкой котловины (северо-восточный и восточный район Присалаирья), где кроме каменной, шеломокской и быстрианской культурных традиций предполагается влияние тагарской культуры. Юго-восточный и южный районы Присалаирья (верхнее течение Чумыша), по мнению ряда исследователей, до начала доминирования здесь каменной культуры были освоены населением быстрианской культуры, а юго-западный и западный районы Присалаирья (нижнее течение р. Чумыш) входил в ареал распространения памятников каменной и староалейской культур. Но, судя по материалам могильника 5 на МГК-1, здесь также была более сложная культурная ситуация.

Анализ культурогенеза в предгорьях Салаира осложняет то, что относительная датировка памятников с разными культурными традициями на одной территории пока слабо разработана. Так, попытка автора обосновать относительно более позднее хронологическое место комплексов с валиковой керамикой (быстрианского типа) в Кузнецкой котловине, на основании находок на поселениях железных ножей с петлевым навершием и черешковых (имеющим аналогии в памятниках хуннского

времени), вошла в противоречие с обнаружением таких же изделий в значительно более ранних погребениях в этих же местах.

Роль пришлого и автохтонного компонентов в культурогенезе отдельных регионов Присалаирья в эпоху раннего железа также можно оценивать неоднозначно. Так, курганная группа Казанково-10 может быть связана с ранним проникновением в степи Кузнецкой котловины кочевников сакского круга (Могильников В.А., 1995, с. 109; 1998, с. 68), но их участие в формировании культур эпохи раннего железа данного региона пока оценить достаточно сложно. Во многом сходный с казанковским погребальный комплекс – Савинский курганный могильник – был исследован в нижнем течении Томи (Плетнева Л.М., 1994), где его, более по сложившейся у исследователей этого региона традиции, чем исходя из фактического материала, связали с возможным проникновением тагарской культуры. Также без особых оснований Т.Н. Троицкая и А.В. Новиков (2004, с. 68) отнесли Савинский могильник к числу памятников кижировской (шеломокской) культуры. Настораживают еще менее обоснованные попытки расширения ареала тагарской культуры на Кузнецкую котловину (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 61).

Весь накопленный к настоящему времени материал свидетельствует в пользу того, что развитие культуры эпохи раннего железа населения Кузнецкой котловины и Салаирских предгорий связано с постепенным включением этого региона в сферу влияния кочевников степей Верхнего Приобья и Прииртышья. На всех поселениях раннего железа этого региона распространяются типы керамики и инвентаря, характерные для культур Верхнего Приобья (быстрянская, каменная). Именно эта керамика в свое время послужила основанием для определения восточного ареала распространения большебереченской (по М.П. Грязнову) культуры (Бобров В.В., Добжанский В.Н., 1986, с. 52–54).

На юге Кузнецкой котловины исследованы не только поселения с валиковой керамикой быстрянского типа, но и могильники с характерными для быстрянской культуры сопроводительными захоронениями коней (Кузнецк-1/4, Кузнецк-1/5). Такую активность предгорного населения, оставившего быстрянские памятники в бийско-чумышских предгорьях Салаира в середине I тыс. до н.э., можно объяснить только особой ролью, которую играло это кочевое население в данном регионе, в том числе и в составе «каменной общности».

Наличие культурной общности эпохи раннего железа у населения смежных с Салаиром лесостепных равнин соотносится с выделяемой здесь историко-этнографической областью. Важно отметить, что эта область не ограничивается только названными ландшафтными зонами, она включает также и население ближайших таежных территорий. Можно предполагать, что формирование этой историко-этнографической области под влиянием самых разнообразных факторов началось задолго до эпохи раннего железа. Сохраняется эта общность и в раннем, и в развитом средневековье.

П.И. Шульга

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

О ДАТИРОВКЕ И СИНХРОНИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ И ТУВЫ VI–III вв. до н.э.

Согласно новым радиоуглеродным датам большие курганы Пазырыка отнесены к 300–250 гг. до н.э. (Евразия в скифскую..., 2005, с. 79–82, 215). Хронологический интервал между Туэктой-1 и Пазырыком-2 в 130 лет (Марсадолов, 2000) ревизии почти не подвергся (Евразия в скифскую..., 2005, с. 49–50) и даже увеличен до 142 лет (Евразия в скифскую..., 2005, с. 54, 166). Соответственно, Туэкта-1 датирована примерно 444–430 гг. до н.э. (Евразия в скифскую..., 2005, с. 83, 215). Сам факт значительного омоложения опорных пазырыкских и синхронных им памятников примерно на 150 лет принципиальных возражений не вызывает. К близкому выводу сравнительно недавно пришел и автор данной публикации. Проблема в том, что радиоуглеродные даты в ряде случаев не соотносятся и даже противоречат археологическим материалам.

Остановимся на передатировке могильника Догээ-Баары-2 (Тува) с конца VI – начала IV вв. до н.э. (Чугунов К.В., 2001, с. 174) до 2-й половины V – 1-й половины IV вв. до н.э. (Евразия в скифскую..., 2005, с. 159, 215). В результате уточнения этого интервала курганы Догээ-Баары-2 оказались на 50–80 лет позже Туэкты-1 (Евразия в скифскую..., 2005, с. 82), хотя по археологическим материалам они, наоборот, старше Туэкты-1 и даже Башадара-2. Относительная хронология этих памятников – не частный случай. Она имеет принципиальное значение, поскольку за Туэктой-1 и Догээ-Баары-2 стоят десятки представительных комплексов на Саяно-Алтае и за его пределами. Могильник Догээ-Баары-2 достаточно надежно синхронизируется в Туве с Урбюном-3 и с опубликованными материалами из Аймырлыга. В эту же хронологически близкую группу входят многие памятники в Барнаульском и Новосибирском Приобье (Староалейка-2; Обские Плесы-2; Новый Шарап-1, к. 19; Раздумье-6, к. 3), предгорьях Северного Алтая (Майма-19; Юбилейный-2), на Нижней Катуні (Тыткескень-6, к. 27; Кайнду, к. 7; ряд курганов в Бике-1, 3; и др.), в Центральном и Юго-Восточном Алтае (малый туэктинский курган №6; Арагол; Чендек-6а, к. 2; Кор-Кечу; Талдура-1; и др.). Это наиболее ранние, близкие савроматским, устоявшиеся комплексы скифского времени (около середины VI – 1-й половины V вв. до н. э.), в которых содержатся вещи переходного типа, сложившиеся еще в раннескифское время. Еще недавно в этот перечень включались Башадар-2 и Туэкта-1 как наиболее ранние. Анализ же найденного в них конского снаряжения и звериного стиля показывает обратное – они сооружены значительно позже (Шульга П.И., 2006). При этом Башадар-2 тяготеет к вышеуказанной ранней группе, а Туэкта-1 – к поздней и имеет многочисленные параллели в курганах Укока. Соответственно, Туэкта-1 значительно позже вышеуказанных ранних курганов (в том числе Догээ-Баары-2). За Туэктой-1 также стоит группа памятников, занимающих промежуточное место между Башадаром-2 и Пазырыком. На наш взгляд, относительная хронология Догээ-Баары-2 и Туэкты-1 устанавливается достаточно хорошо, и оснований для ее пересмотра нет.

Более продуктивными пока выглядят традиционные археологические методы датировки и синхронизации. Сравнительно недавно автором предложена хронология памятников пазырыкской культуры, базирующаяся на положении о *существовании у кочевников к востоку от Урала начиная с VII в. до н.э. хорошо различимых, последовательно сменяющих друг друга вещевых комплексов* из конского снаряжения, поясной фурнитуры, оружия, украшений и предметов искусства. Основой датировки является конское снаряжение, а также поясная фурнитура, которые можно рассматривать как часть составляемого снаряжением лошади и всадника единого одновременно существовавшего сакрального комплекса. Этот подход позволяет датировать и многочисленные комплексы за пределами Алтая, где нет конского снаряжения, но имеются детали поясов.

В рамках пазырыкской культуры выделяется ранний (добашадарский и башадарский периоды) и поздний этапы. **Добашадарский период** (около середины VI – 1-й половины V вв. до н.э.) характеризуется особой сбруей, поясной фурнитурой, вооружением и украшениями. В это время на Алтае, как и на других территориях к востоку от Урала, почти полностью сохраняется конструкция раннескифской уздечки с распределителями, двойтелями, кольцевидными или полукруглыми пронизками, чумбурными блоками и застежками подбородных ремней, а также поясная фурнитура с прорезными обоймами, полукруглыми пронизками, массивными ворворками, костыльками, специфическими колчанными крючками, застежками из клыков кабана и роговыми с боковыми отверстиями. Оружие характеризуется кинжалами с бабочковидным перекрестием, «грифовым» и брусковидным навершиями, своеобразными бронзовыми и роговыми башневидными и пулевидными наконечниками стрел. Ножи часто имеют выгнутый обушок и кольцевидное навершие. Зеркала отличаются массивностью, могут иметь длинную ручку, сохранившуюся с раннескифского времени петельку на оборотной стороне, иногда – кнопку, похожую на сбруйный распределитель. Из украшений хронологическими индикаторами являются серьги с малым перпендикулярно припаянным колечком (или без колечка), на которое часто подвешивалась цепочка, а также плоские подпрямоугольные бусы с угловым сверлением. Имеет особенности и звериный стиль.

Исследованные в Туве курганы могильника Догээ-Баары-2 в целом синхронны вышеуказанной ранней группе погребений добашадарского периода в горах Алтая и на равнине. Сюда же относятся комплексы с переходной сбруей Туран-1 (к. 93), Аймырлыг, Демир-Суг-1. Из них достаточно полно опубликованы лишь материалы из Турана-1, но уздечная фурнитура остальных также включала распределители и двойтели, как и в большинстве вышеуказанных курганов на Алтае. Многочисленней в Туве материалы из погребений без конского снаряжения. Из опубликованных погребальных комплексов наиболее представительные происходят из Урбюна-3, Турана, Догээ-Баары-2 и Аймырлыга. Близость и архаичность этих памятников убедительно показаны в краткой, но обстоятельной и емкой работе К.В. Чугунова (2001). При этом автор справедливо выделил ряд характерных для них изделий: серьги с цепочкой, зооморфные бляшки из золота с изображениями кошачьих хищников, зеркала с бортиком, заколки (шпильки) с шаровидными навершиями, подвески в виде копыта, чеканы с укороченной втулкой, определенные типы наконечников

стрел (Чугунов К.В., 2001, 173–175). Судя по приведенным К.В. Чугуновым рисункам, в этом перечне справедливо подразумевались подпрямоугольные плоские бусы с угловыми отверстиями, кинжалы с «грифовыми» навершиями и бабочковидными перекрестиями, распределители, бабочковидные бляшки и некоторые другие изделия, относящиеся к поясной фурнитуре (Чугунов К.В., 2001, табл. I). Помимо этого, отмечалось, что отсутствие керамики в уюкских погребениях (как и на Алтае) указывает на сохранение алдыбельской традиции. Аналогии указанным изделиям оправданно приводились из захоронений VI–V вв. до н.э. на Верхней Оби и Средней Катунь. Там же содержится и принципиально важное предположение – основные причины различий в инвентаре уюкского и саглынского типов памятников «заключаются в хронологии комплексов» (Чугунов К.В., 2001, с. 176).

В настоящее время для Алтая и Тувы перечень входящих в этот комплекс изделий может быть существенно расширен и уточнен за счет деталей конского снаряжения, поясной фурнитур, ножей, наконечников стрел, украшений и особенностей звериного стиля. Например, в поясной фурнитуре следует отметить характерные для ранних поясных комплексов трапециевидную форму прорезных обойм, массивные конические ворворки, полукруглые пронизки, застёжки с боковым отверстием («копытовидные подвески»), костыльки, оселки, массивные колчаные ворворки, некоторые типы крючков и ряд других деталей. Надежными хронологическими индикаторами являются образы звериного стиля, серьги с малым припаянным колечком, ранее не учитывавшиеся роговые наконечники с башневидной или остроугольной головкой. Почти все указанные изделия появляются в раннескифское время. Несмотря на определённые изменения, *большая часть из них сохраняют изначальную форму и устройство до начала–середины V в. до н.э. не только в Туве и на Алтае, но и на других территориях к востоку от Урала.* Это хронологические индикаторы данного времени. Они могут встречаться в разных сочетаниях, но независимо от культурного окружения и территории в представительных комплексах всегда указывают на ранний возраст памятника. Вполне естественно, одни из вышеуказанных комплексов выглядят более ранними, другие – более поздними, но в целом они имеют ряд общих черт, характеризующих становление в восточной части Евразии культур скифского времени.

Башадарский период (около второй половины V в. до н. э.). Опорные памятники на Алтае – Башадар-2, Туэкта-1, 2. Их относительная хронология (как и Больших курганов из урочища Пазырык) пока устанавливается по конскому снаряжению и особенностям звериного стиля, поскольку в этих, несомненно, представительных комплексах, другого хорошо датируемого инвентаря нет. Из датирующей сбруйной фурнитур в Башадаре-2 и Туэкте-1 имеются отличные от раннескифских бронзовые подпружные пряжки и блоки, чумбурные блоки, а также полукруглые железные пронизки и бронзовая застёжка подбородного ремня в Башадаре-2. Конструкция узды и фурнитура там уже не переходного (близкого раннескифскому) типа, а подобна найденной в Пазырыке. Хорошо вычленяется и звериный стиль. К башадарскому периоду в Горном Алтае можно отнести довольно много рядовых погребений: Башадар (к. 10), Кок-Су-1 (к. 31), Коол-1 (к. 501), Боротал-1 (к. 7, 82), Яломанская Бельда (к. 6), Катанда (Руденко С.И., 1953); Катанда-3 (к. 10), Кастахта (к. 32, 35),

Уландрык-1, Барбургазы-1 (к. 23, 26) и ряд других. Однако уверенно синхронизировать их с Башадаром-2 и Туэкткой-1 не всегда удается, поскольку часть найденной в них сбруйной и поясной фурнитуры, а также инвентаря бытовала на протяжении всего раннего этапа.

В Туве к башадарскому этапу может быть отнесено довольно много комплексов, но отсутствие там конского снаряжения не позволяет синхронизировать их с Башадаром-2 и Туэкткой-1 путем прямого сопоставления. Существенные трудности вызывает и специфика инвентаря из Тувы, во многом близкого и даже идентичного не пазырыкской, а удаленной каменной культуре (Уманский А.П., Шульга П.И., 2005). Достаточно подробно этот вопрос будет рассмотрен в отдельной работе, в данной же публикации упомянем только несколько однородных комплексов из Суглуг-Хема-1 (срубы 13, 15, 16,) и Суглуг-Хема-2 (срубы 4, 5, 7, 9–11). Усредненные радиоуглеродные даты для срубов Суглуг-Хема-1, 2 «дают V–IV вв. до н.э.» (Семенов Вл.А., 2003, с. 79). Опираясь же на восточные аналогии, Вл.А. Семенов (2003, с. 76) отнес их к озен-ала-белигскому этапу и посчитал возможным датировать не IV–III вв. до н.э. (как предшественники), а II в. до н. э. К сожалению, Вл.А. Семенов (2003, с. 79–80) из «западных» материалов привлек только курганы Укока и точку зрения Н.В. Полосьмак (2001, с. 107) о формировании пазырыкских комплексов на Алтае не ранее IV в. до н.э. Между тем Н.В. Полосьмак, насколько известно автору, не приводила тому развернутых обоснований, ограничиваясь лишь отсылками на работы некоторых исследователей, прежде всего на сборник «Source. Notes in the History of Art, 1991. Vol. X, №4». Действительно, по имеющимся данным и аналогиям из Китая, курганы могильника Пазырык, видимо, не могут датироваться раньше IV в. до н.э., но ранняя группа курганов башадарского этапа пазырыкской культуры, как отмечалось выше, синхронна или очень близка во времени савроматским комплексам, появляющимся, видимо, не позднее середины VI в. до н.э. Очевидно, в это же время аналогичные комплексы формируются и у кочевников на территории современного Китая.

Важно подчеркнуть, что мнение Н.В. Полосьмак относится исключительно к Пазырыку, Башадару-1, 2, Туэкте-1, 2 и другим близким курганам пазырыкской культуры. Курганы ранней группы ею не рассматривались. Не случайно, в качестве подтверждения поздних дат Н.В. Полосьмак (2001, с. 107) ссылается на раздел работы С.В. Киселева (1951, с. 327–361), посвященный Пазырыку и другим относительно поздним курганам, но не упоминает предыдущий текст о майэмирской культуре Алтая. В этом редко цитируемом сейчас разделе С.В. Киселев вполне обоснованно на имеющихся в то время материалах выделил вторую стадию майэмирской культуры, куда, в частности, включил наиболее ранние малые курганы из Туэкты (Туяхты). Они содержали типично пазырыкские погребения в срубках с конскими подхоронениями у северной стенки и ориентацией на восток. Анализируя материалы из Туэкты (в том числе курган №6), этот незаурядный исследователь, уже тогда отметил их близость и одновременность с савроматскими комплексами из Покровки и Блюменфельда в Приуралье и Поволжье, а также Турана в Туве (Киселев С.В., 1951, с. 300–301). Обратил он внимание и на сбрую из Арагольских курганов, но посчитал их более поздними на основании найденного там вотивного оружия (Киселев С.В., 1951, с. 302).

По материалам с Алтая (в том числе из Новотроицкого некрополя), комплексы из указанных срубов Суглуг-Хема-1, 2 (вероятно, и большая часть остальных) могут быть предварительно отнесены к башадарскому этапу, а также ко времени сооружения курганов Укока и Пазырыков-1, 2, т. е. приблизительно ко 2-й половине V – 2-й половине IV вв. до н.э. Это заключение совпадает с радиоуглеродными датами для Суглуг-Хема-1, 2, но, как справедливо отметил Вл.А. Семенов, их разброс слишком велик.

Позднепазырыкский этап (IV–III вв. до н.э.). Основное количество памятников позднего этапа в Горном Алтае характеризуется однородным (часто невыразительным), датирующимся в широких рамках вещевым материалом. Погребальный обряд также не имеет однозначных хронологических особенностей. Наиболее яркими памятниками являются большие курганы из урочища Пазырык, Берели, а также с верховий Чуи и Укока. Сюда же могут быть отнесены элитные курганы Шибе, Катанда, Башадар-1 и др. Одними из самых ранних представительных памятников можно назвать курганы с Укока (Ак-Алаха-1, 3; Верх-Кальджин-1; Верх-Кальджин-2, к. 3; Кутургунтас), которые могут рассматриваться как переходные между Туэкткой-1, 2 и поздними курганами. Сбруйные детали из этих курганов с подвесками в виде противопоставленных грифонов и грифонов со вставными головками, орлами с округлым ухом, седельными четырехлепестковыми бляшками, деревянными имитациями клыков кабана, а также дольчатая подвеска и роговая пластинчатая со шпеньком подпружная пряжка (Полосьмак Н.В., 1994, 2000, 2001; Молодин В.И., 2000) имеют прямые аналогии в Туэкте-1, 2, а войлочная подвеска на седло в виде волка – в Башадаре-2 (Руденко С.И., 1960, рис. 48). Оттуда же происходят настоящее железное оружие, сверленный клык кабана, подвески сережек и окончание портупейного ремня в виде асимметричного листка, крупные колчаные ворворки. Все эти изделия и орнаменты характерны для башадарского этапа. Особый интерес представляют материалы из кургана Верх-Кальджина-1, где найдены очень редкие в рядовых курганах сбруйные деревянные подвески с нагрудника, воспроизводящие подвески из Башадара-2 и Туэктки-1 с орнаментом в виде «асимметричного листка» (Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2003, рис. 44; Руденко С.И., 1960, табл. XXXV, XXXVI и др.).

Судя по имеющимся данным, хронологический разрыв между Туэкткой-1 и более поздними курганами Укока и Пазырыка-2 составляет не 130–140 лет (как считается по дендрошкале и радиоуглероду), а значительно меньше – около 60–70 лет. В этом случае Пазырыкские курганы могли бы датироваться примерно 350–300 гг. до н. э. Не противоречит этому и мнение Э.С. Банкер о датировке Пазырыков-3, 5, 6 не раньше конца IV в. до н.э., в рамках конца IV–III вв. до н.э. (Bunker E.C., 1991, p. 23). Этот хронологический интервал относится только к поздней группе Пазырыкских курганов, датировка же китайского зеркала не ранее 311 г. до н.э. демонстрирует лишь наличие в пазырыкской культуре курганов конца IV–III вв. до н.э. Комплексы позднее Пазырыков-5, 6 в Горном Алтае достоверно не вычлняются. Аналогичная картина как будто прослеживается и в Туве, по крайней мере среди подробно опубликованных комплексов Суглуг-Хема и Хайырыкана (Семенов Вл.А., 2003), очень близких не только Улангомскому могильнику в Монголии, но и Новотроицкому некрополю на Верхней Оби.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.И. Боброва, С.И. Валиулина, Р.Х. Храмченкова

Томский областной краеведческий музей, Томск;

Казанский государственный университет, Казань;

Лаборатория спектрального анализа ЦНИИ геолнеруд, Казань, Россия

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БУСЫ ИЗ НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ*

Бусы являются одной из наиболее ярких категорий инвентаря, позволяющих достаточно объективно определять хронологию отдельных погребений, их групп, могильников в целом.

В аналитическую выборку вошли бусы из средневековых курганных могильников Нарымского Приобья: Тяголовского (4 экз.), Тискинского (15 экз.), Гребенщиковского (1 экз.), Кустовского (1 экз.); грунтового могильника Бедеревский Бор III (1 экз.) и Алдыган (3 экз.). Морфологически, прежде всего по характеру декора, наиболее выразительны следующие типы: бусы с мозаичным или пятнистым узором; бусы со спиральным узором, выполненным накладными нитями стекла; бусы со слоисто-щитковыми глазками; бусы в виде крученого многоцветного жгута.

Бусы с мозаичным узором. Орнаментированы вдавлением цветных кусочков или крошек стекла в еще неостывшую мягкую стеклянную основу бусины.

Круглые в поперечном сечении, зонные, крупные черные бусы с крошками-пятнами белого, голубого, красного и желтого цвета входят в состав ожерелья погребения 14, кургана №2 Тяголовского могильника (Боброва А.И., 2003, с. 26, рис. 1.-7) и обнаружены в грунтовой могильнике Бедеревский Бор-III.

Е.А. Рябинин называет их бусами «с углубленной инкрустацией» и отмечает, что они достаточно часто встречаются в курганах XII – 1-й половины XIII в. Костромского Поволжья (Рябинин Е.А., 2001, с. 59). Бусы этого типа были широко распространены в XII–XIV вв. (Львова З.А., 1970, рис. 3, 6–7, 9), но наиболее характерны для золотоордынских памятников. В Болгаре 81 экз. бус происходит из золотоордынских слоев и только одна бусина – из домонгольского слоя (Полубояринова М.Д., 1988, с. 171). Небольшим числом они представлены и в других болгарских памятниках: Биляре, Суваре, Муромском городке, Лаишевском и Мурзихинском селищах (Валиулина С.И., 2005, с. 94–95).

Цветовая палитра включений у бус золотоордынского времени значительно богаче домонгольских и представлена красными, белыми, желтыми, зелеными, бирюзовыми, голубыми крошками стекла. Такие бусы обнаружены при раскопках Селитренного городища (Галкин Л.Л., 1982, с. 217, рис. 7, 18), Болгара (Полубояринова М.Д., 1988, с. 171), золотоордынского Биляра 2-й половины XIII – 1-й половины XIV вв. Бусы разного времени отличаются и по химическому составу,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №06-01-00304а).

домонгольские – класса Pb-Si, золотоордынские – класса Na-Ca-Si. Аналогичный золотоордынским состав имеют пятнистые бусы из Лаэти (Тындыкское городище, сборы Л.Л. Галкина), бусы из мастерской Болгара, исследованной М.Д. Полубояриновой, мозаичные бусы из могильников Тяголовского и Бедеревский Бор-III.

Бусы со спиральным узором, выполненным накладными нитями стекла.

Круглые в поперечном сечении, зонные, крупные бусы, черные с белой спиралью происходят из погребения 63 кургана №4 Тискинского могильника и погребения 14 кургана №2 Тяголовского могильника.

В Саркеле-Белой Веже такие бусы происходят из слоя 2-й половины X – конца XI вв. (Львова З.А., 1959, с. 329). В курганных древностях северо-западной Руси они датируются XI–XIII вв. (Фехнер М.В., 1959, рис. 6, 24). В Новгороде гладкие бусы со спирально-волнистой инкрустацией появляются в XII в. и бытуют весь XIII в., постепенно исчезая в начале XIV в.; 70% находок приходится на XII в. (Колчин Б.А., 1982, с. 69). Бусы черные с желтым спирально-волнистым орнаментом входили в состав Бутаевского клада XI–XIII вв., найденного недалеко от Биляра (Ефимова А.М., 1960, с. 202, рис. 7). Особенно много таких бус в памятниках золотоордынского времени, в Болгаре их более 300 (Полубояринова М.Д., 1988, с. 176). В Болгаре открыта мастерская XIV в. по производству бус, в том числе и со спиральным орнаментом (Полубояринова М.Д., 2006, с. 156).

Бусы со слоисто-щитковыми глазками. Слоисто-щитковые глазки бус образованы наслоенными друг на друга разноцветными, уменьшающимися дисками-каплями, слегка вдавленными внутрь (Алексеева Е.М., 1975, с. 51).

Круглые в поперечном сечении, зонные, крупные черные с ярко-голубыми глазками в белом обрамлении бусы происходят из могильников Кустовского и Тискинского – погребения 41 кургана №13, погребения 63 кургана №4.

Бусы со слоисто-щитковыми глазками, чаще всего с темно-синей или черной основой получают широкое распространение как в Западной, так и в Восточной Европе с VIII–IX вв., доживая до XII в. (Валиулина С.И.; 2005, с. 98–99). Иногда они присутствуют в материалах золотоордынского времени.

В.Б. Ковалевская (2000, с. 43–44) отмечает, что бусы данного типа не однородны, отличаются значительными вариациями в размерах, оттенках, пропорциях и манере исполнения, но их объединяет техника изготовления основы, глазков и основная цветовая гамма.

Бусы в виде крученого многоцветного жгута могут иметь разные цветовые сочетания, но объединяются по технике изготовления. Так, желто-черной бусине Тискинского могильника близки бусы из округа Укека (Валиулина С.И., Недашковский Л.Ф., 2005, рис. 1.-30) и Лаэти-Тындыкского городища (Галкин Л.Л., 2003, с. 52).

Химический состав бус из могильников Нарымского Приобья был установлен количественным эмиссионным спектральным анализом в Лаборатории спектрального анализа ЦНИИ геолнеруд (г. Казань) ст. научным сотрудником, кандидатом физ.-мат. наук Р.Х. Храмченковой по эталонам, подобранным В.А. Галибиным и А.Н. Егорьковым, и эталонам В, Д из Corning Museum of Glass с использованием лабораторных стандартных образцов.

Все исследованные бусы были выполнены из стекла, сваренного с использованием щелочного золистого сырья (белая бусина из Тискинского могильника не стеклянная, выполнена из известкового сырья. По содержанию основных стеклообразующих элементов стекло бус представлено следующими классами: Na-Ca-Si, K-Ca-Si, K-Na-Ca-Si.

Щелочное натриево-калиевое золистое стекло – класс Na-Ca-Si, тип Na-K-Ca-Mg-Al-Si оказалось самым многочисленным – 21 образец в аналитической выборке. Такой состав имеют черные бусы из могильников Тяголовского (погр. 14 кург. №2) – с белыми глазками и красной нитью; с белой спиральной нитью; мозаичная или пятнистая с желтыми и бирюзовыми пятнами-крошками; Кустовского – крупная зонная бусина из черного стекла с большими бело-синими слоисто-щитковыми глазками; Алдыган – бисер навитой диаметром 4 мм, высотой 3 мм из непрозрачного белого, желтого и бирюзового стекла; Тискинского (погр. 41 кург. №13) – зонная черная бусина с желто-красными глазками; бусины неправильной формы из перевитого полихромного жгута; зонные черные бусины с бело-синими слоисто-щитковыми глазками; с коричневыми полосками; белым спирально-волнистым орнаментом; с желтыми и белыми глазками-пятнами.

Стекло бус сварено на золе растений галофитов – средние величины концентрации соединений натрия и калия составляют 14,87 и 2,83% соответственно.

Тип характеризует также относительно невысокая концентрация кальция, что в соотношении с содержанием магния, по алгоритму Т. Ставярской, позволяет предположить использование доломита в качестве щелочно-земельного сырья (Щапова Ю.Л., 1989, с. 96).

Значительное содержание алюминия и магния обеспечило высокую химическую устойчивость стекла. Бусы лишены патины и иризации, сохранили первоначальную структуру и чистоту цвета (Боброва А.И., 2003, рис. 2). За исключением бисера из могильника Алдыган, основа всех бус рассматриваемого типа – черного цвета. Основным красителем в данном случае, очевидно, выступает сульфид железа, иногда в сочетании с марганцем. Сульфидом железа окрашена большая группа изделий из черного стекла Селитренного городища (Наумов Д.В., 1973, с. 225), Укека (Валиулина С.И., Недашковский Л.Ф., 2005, с. 266), Болгара. Декоративные элементы – нити, спирали, глазки, пятна выполнены из стекла, окрашенного окисью меди, свинца, олова, кобальта. Кобальтом (сотые доли процента) обеспечен синий цвет слоисто-щитковых глазков бус из могильников Кустовского и Тискинского. Присутствие примеси марганца и мышьяка в стеклах, окрашенных кобальтом, может свидетельствовать о применении кобальтового красителя сложного состава, такое сырье в средние века называли «цафра» (Галибин В.А., 2001, с. 380).

Минимальное количество щелочно-земельных элементов в его составе (суммарно 2,13%) отличает стекло бусины из Гребенщиковского курганного могильника. Оно прозрачное, окрашено в бирюзовый цвет окисью меди (1,13%) и выделяется из всей выборки заметной примесью висмута (0,03%) и никеля (0,01%). В.А. Галибин отмечает, что висмут (Bi_2O_3) особенно часто встречается в стекле дальневосточного происхождения, объясняя это тем, что Дальний Восток является геохимической провинцией с повышенным содержанием висмута (Галибин В.А., 2001, с. 50).

Стекло типа Na-K-Ca-Mg-Al-Si сварено на золе пустынных и полупустынных растений. Эта группа стекол характеризуется довольно большим содержанием окиси магния, многие исследователи считают данный признак характерной особенностью так называемых исламских стекол, продолжавших традиции древней Месопотамии (Бусятская Н.Н., 1976, с. 59). Щелочные золистые натриевые стекла известны с глубокой древности на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье. В широком временном и географическом диапазоне они бытуют и в средневековье, являясь наиболее представительным типом, в том числе и в памятниках Золотой Орды. Базируясь на особенностях щелочного сырья той или иной геохимической провинции, стекло данного типа отражало в своем составе эту специфику региона. Так, например, одной из особенностей индийской школы стеклоделия являлось большое содержание алюминия и низкое – кальция (Галибин В.А., 2001, с. 79).

Щелочное калиевое стекло подразделяется на три типа K-Ca-Al-Si (1 экз.), K(Na)-Ca-Al-Si (3 экз.), K-Na-Ca-Al-Si (3 экз.). Их особенностью является принципиально иной состав стеклообразующих элементов: щелочей (зола растений умеренного пояса) и щелочных земель (известняк). Щелочное калиево-кальциевое стекло в средние века производилось и в Западной Европе, и на Дальнем Востоке. Так, В.А. Галибин считал соотношение $K \geq Na$ одним из ведущих признаков стекла чжурчженей XI–XIII вв. и более позднего времени XIV–XVI вв. (Галибин В.А., 2001, с. 80–81).

Все калиевые стекла отличаются чрезвычайно малой концентрацией магния (менее 1%), тем не менее имеют хорошую сохранность и блестящую поверхность. Две бусины типа K-Na-Ca-Al-Si из Тискинского могильника (погр. 63 кург. №4) – прозрачные, темно-желтого цвета «под янтарь» – не обнаруживают в своем составе никакого специального красителя. Необходимым условием изготовления такого стекла является использование для варки стеклянной массы сырья с минимальными примесями железа и отсутствие других красителей – меди, марганца и т.п. Этот метод окрашивания существует с древних времен до наших дней и мог возникнуть в результате использования растительной золы с несгоревшими остатками угля (Галибин В.А., 2001, с. 35).

Т.Г. Горбунова, А.А. Тишкин, С.В. Хаврин

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЛАГОРОДНЫХ МЕТАЛЛОВ В ИЗГОТОВЛЕНИИ УКРАШЕНИЙ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ (по материалам раннесредневековых памятников Алтая)*

Использование благородных металлов в материальной культуре кочевников эпохи раннего средневековья выполняло не только эстетические функции, но и отражало социальную дифференциацию. В этот период золото и серебро на территории Алтая применялись для изготовления различных металлических изделий

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №07–06–00341).

(поясная гарнитура, элементы костюма, украшения конского снаряжения и др.). Для получения информации о составе металла одной из данных категорий предметов был осуществлен рентгенофлюоресцентный анализ (РФА) поверхности на приборе ArtTAX в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2005, с. 153–157). Изучению подвергнуто 126 украшений амуниции верховых лошадей из памятников тюркской культуры Горного Алтая и сросткинской культуры Алтайской лесостепи (фонды Государственного Эрмитажа и Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Драгоценные металлы, зафиксированные в составе 103 изделий данной серии, представлены золотом и серебром. Золото (Au) – химический элемент, металл желтого цвета, пластичный и тягучий. В природе встречается в самородном состоянии в виде песка, мельчайшей пыли или более или менее крупных кусков-самородков. Твердость золота невелика, в связи с чем оно часто употреблялось в виде сплавов с медью и серебром. Такие сплавы хорошо режутся, шлифуются и полируются (Флеров А.В., 1981, с. 64–65). Но и в природе золото в чистом виде не встречается, основными природными примесями также являются медь и серебро (Потемкин С.В., 1988, с. 7).

В рассматриваемой серии декоративных изделий присутствуют лишь два украшения, в которых основа из меди обложена толстой золотой фольгой, изготовленной из самородного золота (подвески-колты из Кудыргэ). В небольшом количестве (от десятых долей процентов до 2–4%) золото присутствует обычно в составе серебряных и очень редко бронзовых изделий. Так, у наконечника ремня из Нижнего Кучука-VII ремонтный штырь содержит в своем составе <0,5% золота, между тем в составе сплава самого изделия оно не прослеживается.

Особым свойством золота является его способность растворяться в ртути, образуя амальгаму. Амальгамирование является одним из вариантов золочения (позолоты). Кроме него также различают холодное золочение (втирание золотой пыли) и листовое (склеивание предмета листом или мелкими листочками золота) золочение. Применительно к анализируемым украшениям зафиксировано амальгамирование и холодное золочение. Для приготовления золотой амальгамы золото предварительно измельчали, затем нагревали и погружали в ртуть, нагретую до 300°. Смесь непрерывно размешивали до полного растворения золота (Одноралов Н.В., 1989, с. 11). Среди украшений конской амуниции из памятников Алтая методом РФА зафиксировано присутствие золотой амальгамы на 25 изделиях. Также отмечено семь позолоченных изделий, в которых не выявлено присутствие ртути. Возможно, здесь имело место холодное золочение. Несмотря на то, что для анализа были отобраны украшения, датируемые в рамках со 2-й половины VI в. по XI в. включительно, амальгама прослежена только на вещах сросткинской культуры, относящихся ко 2-й половине IX–XI вв. Хотя нужно отметить, что применительно к другим категориям археологических находок (например, поясная гарнитура и серьги 2-й половины VII–VIII вв. из памятника Катанда-3) горячее золочение также обнаруживается. Подчеркнем, что золотая амальгама присутствует абсолютно на всех украшениях конского снаряжения из таких объектов, как курган №4 могильника Щепчиха-I и погребение в одиночном кургане Грань.

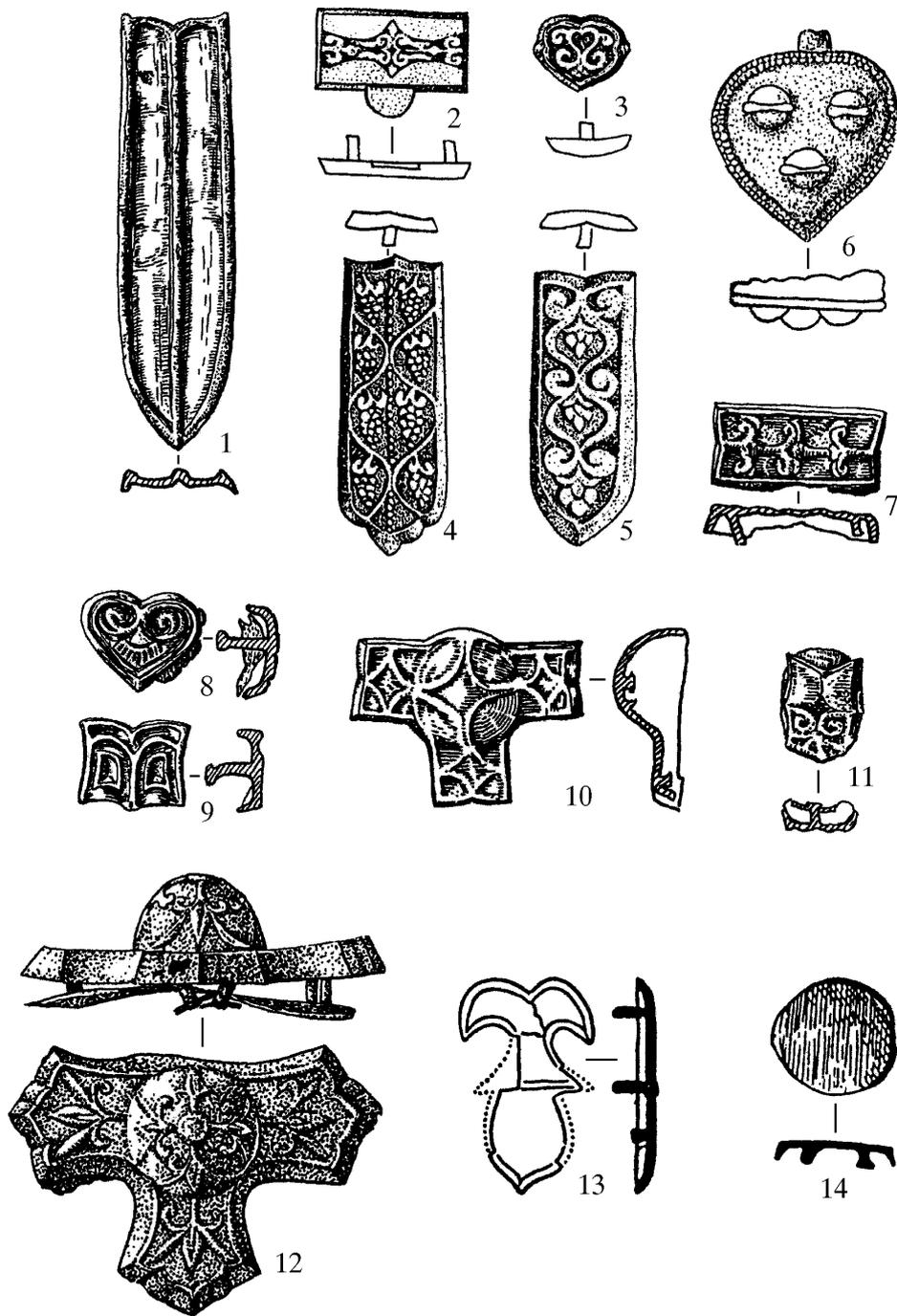

Рис. 1. Украшения конского снаряжения, изготовленные с использованием благородных металлов: 1, 8, 9 – Грань; 2–6 – Щепчиха-I; 7, 10, 11 – Екатериновка-3; 12 – Михайловка; 13–14 – Кудыргэ

Кроме золота, в составе средневековых декоративных изделий от снаряжения коня присутствует и другой благородный металл – серебро (Ag). Серебро представляет собой химический элемент, драгоценный металл белого цвета, обладает высокой пластичностью и ковкостью. Серебро имеет наивысшую отражательную способность из всех металлов – оно отражает 94% световых лучей. Серебро тверже золота, но мягче меди, вследствие чего чаще оно употреблялось в виде сплава с последней (Флеров А.В., 1981, с. 63). В природе встречается в виде серебряных руд, самородного серебра (содержит до 1–2% примесей), а также в составе минералов, основными из которых являются кюстелит (до 30% золота), электрум (золото, серебро и медь), медистое серебро и др. (Минералы..., 1986).

В исследованной серии украшений серебро составляет основу сплавов пяти предметов из памятников сроткинской культуры, относящихся ко 2-й половине IX в. – 1-й половине XI в. (наконечник ремня из Белого Камня, распределители из Михайловки и Екатериновки-3, накладки из Екатериновки-3 и кургана Грань). Серебро в качестве основы сплава также зафиксировано в 36 украшениях тюркской культуры Горного Алтая (изделия из памятника Кудыргэ).

Помимо этого факта, серебро прослежено в составе сплавов 79 экз. украшений из памятников сроткинской культуры Алтайской лесостепи в количестве от <0,3 до 1–2%, а также в составе 37 изделий тюркской культуры Горного Алтая в количестве от <0,3 до 8–10%.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что серебро часто входило в состав сплавов, служивших для изготовления художественного металла. Золото в таком качестве применялось в несколько раз реже и преимущественно на территории Горного Алтая (материалы тюркской культуры памятника Кудыргэ). Позолота служила для создания особого декоративного эффекта и использовалась либо для изготовления парадных наборов конской амуниции, либо в комплектах конской амуниции, применявшихся наиболее знатными и обеспеченными кочевниками.

П.К. Дашковский, А.А. Тишкин, С.В. Хаврин

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

**РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА
МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ МОГИЛЬНИКА
ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ХАНКАРИНСКИЙ ДОЛ
(Северо-Западный Алтай)***

В 2001–2006 гг. археологическая экспедиция АлтГУ проводила изучение погребально-поминальных комплексов на Чинетинском археологическом комплексе, расположенном в среднем течении Ини (приток Чарыша), около с. Чинеты в Краснощековском районе Алтайского края. В процессе планомерных работ исследованы десять курганов пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол. Планиграфически некрополь представляет собой две параллельные цепочки

---

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект №07–06–00341) и РГНФ-МинОКН Монголии (проект №06–01–91809а/Г).

курганов, расположенных примерно по линии Ю–С. В западной части памятника раскопаны три кургана (№1–3), а в восточной – семь (№4–10). Курганы восточной группы, исследованные сплошным раскопом, оказались неграбленными, что позволило зафиксировать особенности погребального обряда и обнаружить предметы материальной культуры ранних кочевников (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Дашковский П.К., Тишкин А.А., 2006; Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С., 2005; 2006; и др.).

По периметру большинства курганов выявлены каменные кольцевые выкладки из более крупных камней. Диаметр сооружений составлял от 6,5 до 11,5 м, высота от 0,15 до 1 м. Под курганами находились грунтовые могильные ямы овальной формы, средняя глубина которых составляла 2–2,2 м. Внутримогильные конструкции разнообразны: деревянная рама, колода, обкладка стенок могильной ямы камнями. Погребенные люди были уложены в могиле на правый бок, с подогнутыми ногами и ориентированы головой на восток или юго-восток. В четырех случаях зафиксированы вторичные захоронения, в том числе одно парное. В семи курганах обнаружены сопроводительные захоронения лошадей. Животные были уложены на живот с подогнутыми ногами и ориентированы головой в том же направлении, что и человек.

В исследованных курганах найден разнообразный инвентарь: бронзовые чеканы, кинжал, нож, зеркала, гривны, обложенные золотой фольгой, железные ножи, костяной наконечник стрелы, керамические сосуды, аппликации из золотой фольги с головных уборов. Имеющиеся материалы позволяют определить хронологические рамки раскопанных курганов IV – началом III вв. до н.э. Указанные хронологические рамки подтверждаются датировками, полученными с помощью радиоуглеродного метода (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2007).

Вся фольга, украшавшая погребальные предметы из Ханкаринского дола, раскована из самородного золота. При этом древними мастерами достигалась толщина ее в 20–30 мкм. Основные компоненты обычны: золото, серебро и медь (табл. 1). По соотношению этих компонентов выделяются три образца из кургана №9, имеющие более высокую пробу – содержание золота в них составляет 80–84% (рис. 1). Фольга от украшения головного убора из этого же погребения содержит значительно меньшее количество золота (61–68%), что сближает его с остальными образцами, в том числе и с составом фольги с головного убора кургана №4.

Большинство же проанализированных образцов – золото невысокой пробы (58–71%), с большим содержанием серебра (26,5–40,8%). Внутри этой группы условно можно выделить подгруппу, которая по соотношению содержания компонентов может быть отнесена к электруму* – 58–64,6% золота, 33,8–40,8% серебра и 1–2,2% меди (Минералы..., 1986, табл. 2). В нее вошли все изделия из курганов №4 и 6. Остальные предметы имеют чуть более высокое содержание золота при повышенном содержании меди (2–4%) – погребения №5, 7 и головной убор из погребения №9.

Проанализирована и медная основа, на которую в некоторых случаях накладывалась золотая фольга, а также несколько изделий, не украшенных фольгой (табл. 2).

---

* Н.В. Петровская предлагает иначе именовать такое золото: 600–699 пробы – низкопробное, < 600 пробы – весьма низкопробное (Минералы..., 1986, с. 100).

Таблица 1

Курган	Предмет	Au	Ag	Cu	Прочие
№4	Аппликация	63,7–64,4	34–34,6	1,7–2	
	Навершие булавки	63,3–64,6	33,8–35,3	1,3–1,5	
	Фольга с головного убора	60,4–64	33,9–37,7	1,9–2,2	
№5	Фольга	69,7–71	26,5–27,3	2,5–3	
	Фольга	63–66,5	31–34,4	2,5–3	
№6	Фольга	58,6–60,4	37,6–39,2	1,8–2,1	
	Серьга	58–59	40–40,8	1–1,5	
№7	Аппликация-олень	66–68	28–31	2–4	
	Обкладка гривны	66–67,8	29,2–30,8	2–4	
	Аппликация	65,8–68,4	28,6–31	2,9–3,5	
	Серьга	<0,5	>99	<0,6	Pb, Br
№9	Обкладка гривны	82–84	13–15	2,5–3	
	Аппликация	80,8–82,4	14,6–16,4	2,7–3,1	
	Аппликация-цветок	82,8–84	13,4–14,4	2,6–3	
	Фольга с головного убора	61–68	28,4–35,8	2,8–3,5	

Таблица 2

Курган	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Прочие
№4	Зеркало	Осн.	1–2	<1	<0,9	~1	
№6	Зеркало	Осн.	<0,4	–	–	–	Ag
№7	Кинжал	Осн.	<0,25	–	–	–	Ni
	Основа аппликации	Осн.	–	<1	Сл.	–	
	Основа гривны	Осн.	–	–	Сл.	–	
№9	Основа гривны	Осн.	Сл.	–	Сл.	–	
№10	Основа украшения	Осн.	1–2	–	–	Сл.	Ni

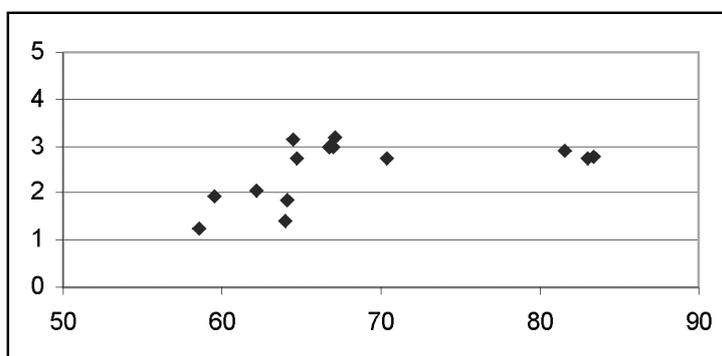

Рис. 1

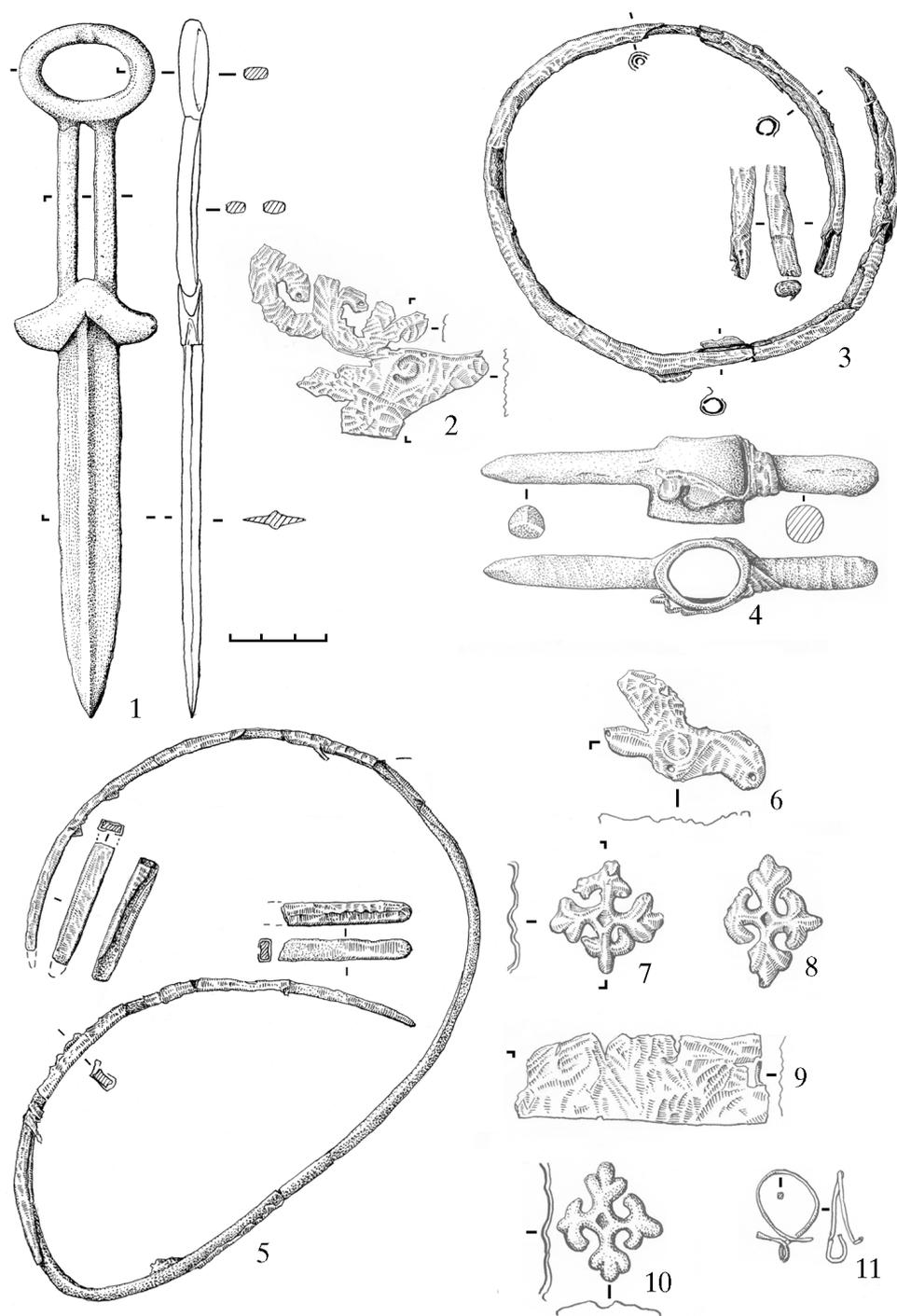

Рис. 2. Ханкаринский дол. Предметы из цветного металла, обнаруженные при исследовании курганов №7 (1–4, 6–11) и 9 (5)

Во всех случаях это практически чистая медь с незначительным количеством примесей, чаще рудных (мышьяк, свинец, сурьма). В двух случаях в составе отмечено наличие олова, но в таком количестве (менее 1%), которое не позволяет говорить о характере его присутствия в металле.

Единственное серебряное украшение – серьга из кургана №7 (рис. 2.-11) – изготовлено из самородного высокопробного серебра (табл. 1), имеющего незначительные примеси золота, меди и свинца.

В заключение отметим, что исследования в области изучения металлов пазырыкской культуры уже проводилось (Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В., 2000). Процесс накопления данных продолжается. Имеются перспективы дальнейшей работы в этом направлении.

А.В. Поляков, С.В. Хаврин

*Институт истории материальной культуры РАН,
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ СТРАТИГРАФИЯ МОГИЛЬНИКА КЮРГЕННЕР-I (Хакасия)*

Новые исследования материалов карасукской культуры позволили в последние годы разработать заметно более дробную хронологическую шкалу памятников эпохи поздней бронзы Среднего Енисея (Поляков А.В., 2002, 2006; Лазаретов И.П., 2006). В основе этих работ лежит анализ горизонтальной стратиграфии наиболее крупных из раскопанных на сегодняшний день могильников: Сухое Озеро-II (550 погребений), Малые Копены-III (287 погребений), Кюргеннер-I-II (183 погребения), Карасук-I (130 погребений), Белое Озеро-II (110 погребений) и др.

Особое место в системе доказательств занимают материалы могильника Кюргеннер-I-II, раскопки которого проводились М.П. Грязновым и М.Н. Комаровой в 1965–1966 гг. в рамках работ Карасукского отряда Красноярской экспедиции. Этот памятник расположен на границе между Сыда-Ербинской и Минусинской котловинами, возле места впадения р. Коксы в Енисей. На сегодняшний день эта территория полностью затоплена водами Красноярского водохранилища. Всего из 588 курганов было исследовано 126 (100 курганов в составе Кюргеннер-I и 26 – Кюргеннер-II). В результате был получен обширный материал, который хранится в фондах Государственного Эрмитажа (колл. №2408-2411 и Д2408-Д2411).

Этот памятник имеет принципиальное значение для дробной хронологии ранней части карасукской культуры («классический» этап). На примере его материалов наиболее отчетливо прослеживаются процессы развития погребальной традиции и изменения вещевого инвентаря. Кроме того, еще два важнейших фактора ставят этот памятник в совершенно особое положение. Это один из двух крупных карасукских могильников, в составе которого равномерно представлены все хронологические горизонты, и в отличие от могильника Сухое Озеро-II его построение не осложнено рельефом и другими посторонними факторами.

---

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект №07-06-00341).

При анализе горизонтальной стратиграфии могильника Кюргеннер-I довольно четко устанавливаются границы двух групп погребений.

Группа I, предположительно являющаяся более ранней, занимает центральную и северо-восточную часть могильника. Она выделяется в первую очередь на основании устойчивого набора керамики, для которого характерны сосуды с уступом у основания шейки (свыше 80%), богатой геометрической орнаментацией (свыше 70%), и уплощенной формой дна (свыше 80%). Особая инокультурная группа погребений с валиковой керамикой саргары-алексеевского облика при подсчетах не учитывалась, так как не может быть уверенно названа собственно карасукской (Поляков А.В., 2006, с. 9, VII тип и с. 19). Кроме керамики I группу отличают крупные размеры курганов, заметные расстояния между ними, зачастую ограды имеют круглую форму.

Группа II, предположительно более поздняя, к сожалению, исследовалась только в западной части могильного поля. Однако можно предположить, что курганы II группы охватывали погребения группы I «подковой» с западной, южной и восточной сторон. Основанием для этого являются одинаково скромные размеры сооружений, очень высокая плотность их размещения и ограды исключительно прямоугольной формы. Керамический материал из погребений группы II отличается полным отсутствием сосудов с уступом. Их место занимают сосуды, орнаментированные по шейке несколькими желобками или резными линиями. Геометрические орнаменты встречены менее чем в 20% случаев и их мотивы гораздо проще, чем у керамики группы I. Остальная посуда либо совсем не орнаментирована, либо украшена насечками, ямками или уже указанными желобками по шейке. Преобладает керамика с круглой формой дна (свыше 80%).

Таким образом, наблюдается вполне отчетливая картина. Погребения группы I занимают относительно центральное положение и по признакам керамического инвентаря близки к андроновской традиции. Группа II располагается на периферии и облик ее посуды уже более сопоставим с материалами «каменноложского» этапа. Дополнить эту картину могли бы данные по типологии бронзового инвентаря, однако в силу повального ограбления карасукских могил, начавшегося еще в скифскую эпоху, крупные литые изделия в погребениях могильника Кюргеннер-I отмечены только в единичных случаях. Типологический анализ бронзовых пронизок, височных колец, обоймочек и тому подобных изделий, крайне широко распространенных в эпоху бронзы, ощутимых результатов не принес. Поэтому решено исследовать химический состав всех бронзовых изделий могильника и соотнести группы сплавов с планом могильника Кюргеннер-I (см. Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 203–208).

Как показали исследования металла Минусинской котловины II–I тыс. до н.э., выделяются два основных типа сплава: оловянистая бронза и мышьяковистая бронза/медь. В ранних карасукских памятниках преобладают оловянистые бронзы, при дальнейшем резком росте количества бронзовых предметов происходило постоянное уменьшение количества оловянистых бронз и господствующим типом сплава на «каменноложском» этапе становится медь с естественными (рудными) примесями, основной из которых является мышьяк (Пяткин Б.Н., 1977; Хаврин С.В., 2001).

Исследование бронз могильника Кюргеннер-I показало, что из 134 бронзовых предметов 59 – это мышьяковистая бронза или медь, 73 предмета* изготовлено из оловянистой бронзы. Содержание олова в последних составляет от 1 до 20–25%.

Изучение распределения двух типов сплава на площади могильника показало, что в 20 оградах преобладают изделия из оловянистой бронзы и в 20 – из меди и мышьяковистой бронзы (табл.). Ограды с погребениями, сопровождающимися инвентарем из оловянистой бронзы преобладают в северной части могильника, из мышьяковистой – в западной (рис. 1).

І группа керамики	ІІ группа керамики	Оловянистая бронза	Медь и мышьяковистая бронза
2, 23, 24, 26, 28, 29, 31, 32, 33, 41, 56, 57, 61, 64, 67, 68, 69, 73, 75, 76, 77, 78, 82, 83, 84, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 100		23, 24, 29, 37, 41, 53/2, 61, 64, 66, 67, 69, 70, 73, 75, 79, 80, 83, 86, 90, 96	
	4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 19, 25, 38, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52		1, <u>5</u> , <u>9</u> , 11, 14, 15, 16, <u>19</u> , <u>25</u> , 28, 32, 33, 42, 44, 46, 47, 52, 53/1, 63, 97
			59

Жирным шрифтом выделены комплексы, сопровождающиеся керамикой группы I. Подчеркнуты комплексы, сопровождающиеся керамикой группы II.

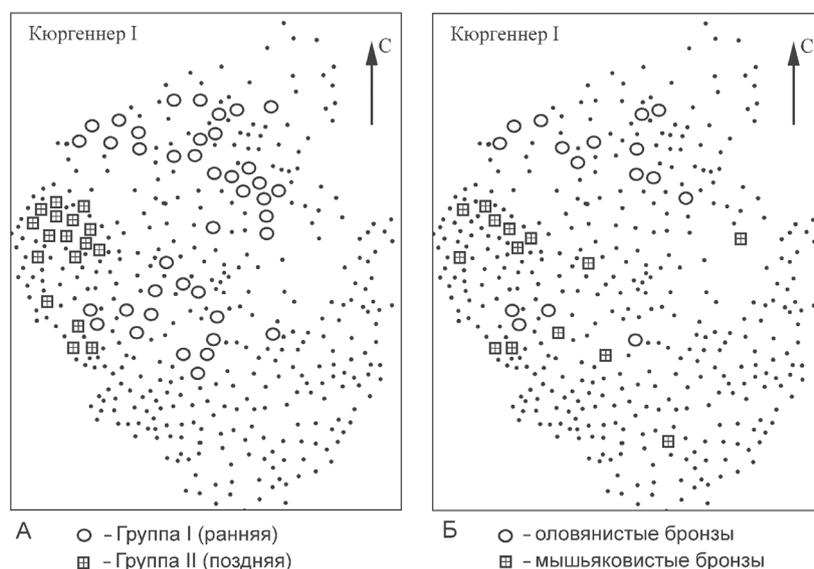

Рис. 1. Размещение на плане могильника Кюргеннер-I погребений с различными признаками

* Два колечка в один оборот из кургана №19 имеют непонятный состав и сильную степень коррозии, основными компонентами их состава являются медь, золото, олово и серебро.

Очевидно, что в данной выборке (могильник Кюргеннер-I) в комплексах I группы преобладают изделия из оловянистой бронзы, в комплексах II группы преобладают медные и медно-мышьяковистые. Оловянистая бронза в комплексах с керамикой второй группы встречена лишь в двух случаях: ограда 15 (1 изделие из 10 исследованных) и ограда 47 (1 из 4).

Таким образом, анализ горизонтальной стратиграфии керамики могильника и химического состава металлических изделий позволяет выделять в его составе две группы погребений. Наиболее вероятно их последовательное существование. Относительно ранняя группа I характеризуется оловянистыми бронзами и серией постандроновских признаков. Группа II – тесно связана со следующим каменно-ложским этапом культуры и имеет идентичный состав металла на основе мышьяковистой бронзы и меди.

В.И. Соёнов

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ТОЧНЫХ НАУК ПРИ ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИИ ГОРНОГО АЛТАЯ ГУННО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ*

В последнее время стало заметно, что в изучении археологии Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (II в. до н.э. – V в. н.э.) удалось достичь значительных успехов. После ввода в научный оборот части массовых полевых материалов археологических раскопок 80–90-х гг. XX в. появилось большое количество аналитических работ, посвященных различным вопросам широкого спектра исследовательских проблем по этому периоду: от первичного осмысления и систематизации данных до реконструкции социальной структуры и религиозно-мировоззренческих систем. Основными авторами полевых работ, а также статей и монографий являются М.Т. Абдулганеев, В.В. Бобров, А.С. Васютин, С.А. Васютин, Г.Д. Глоба, В.В. Горбунов, А.П. Деревянко, В.Н. Елин, А.Д. Журавлёва, А.М. Илюшин, С.М. Киреев, Ю.Ф. Кирюшин, В.А. Кочеев, В.Д. Кубарев, Ю.Т. Мамадаков, С.С. Матренин, Е.А. Миклашевич, В.А. Могильников, В.И. Молодин, М.В. Мороз, Е.А. Окладникова, Д.Г. Савинов, А.И. Семёнов, С.Г. Скобелев, В.И. Соёнов, А.С. Суразаков, Ю.В. Тертерин, А.А. Тишкин, С.В. Трифанова, С.В. Хаврин, Ю.С. Худяков, Д.В. Черемисин, П.И. Шульга, А.В. Эбель.

Вполне возможно, что к настоящему времени не все категории памятников Горного Алтая гунно-сарматской эпохи выявлены, но можно уверенно считать, что круг главных источников определен. Он включает погребальные памятники буланкобинского и кок-пашского типов, разнотипные поселения, остатки керамического производства, ритуальные памятники и петроглифы (Соёнов В.И., 2003, с. 13–22). Степень изученности этих памятников разная. Но исследователи единодушны во мнении, что изучение памятников Горного Алтая гунно-сарматского времени прошло этап первоначального накопления массового материала и перешло на качественно новый этап, который требует обобщения материалов с применени-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №04-01-61007а/Т).

ем различных методов (Соенов В.И., 1997, с. 8; 2003, с. 12; Тишкин А.А., 2004, с. 296; Матренин С.С., 2005, с. 9). Специальная работа с использованием методов естественных и точных наук активно ведется горно-алтайскими, барнаульскими, кемеровскими и новосибирскими археологами с конца 80-х гг. XX в. Основные моменты, касающиеся обоснования необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая на современном этапе, а также определенные итоги исследований с использованием методов естественных и точных наук изложены в ряде публикаций, рассмотренных ниже.

Результаты минералого-петрографического изучения особенностей керамики поселения Майма-I опубликованы С.М. Киреевым, А.И. Баженовым, С.А. Музыкой и А.В. Тулиновым. Исследования дали возможность сделать важные заключения о технологических особенностях керамики, ремесленных занятиях и миграциях населения Северного Алтая в гунно-сарматское время, а также дали возможность сделать выводы о генетической связи местных культур (Киреев С.М., Баженов А.И., Музыка С.А., Тулинов А.В., 1988, с. 91–104).

Некоторые результаты определения материалов украшений Северного Алтая, в том числе из могильника гунно-сарматского времени Бике-I, опубликованы С.М. Киреевым без указания применявшихся лабораторных методов. По полученным данным, для изготовления украшений использованы стекло, амазонит, сердолик, бирюза и кальцит пещерного происхождения (Киреев С.М., 1990, с. 14–16).

Предварительные итоги остеологического анализа костного материала с поселения гунно-сарматского времени Майма-I на Северном Алтае изложены в публикации Я.Ю. Полосиной. Анализ костей показал, что в основном они принадлежат лошади, мелкому и крупному рогатому скоту, а количество костных остатков диких животных и рыбы очень незначительно (Полосина Я.Ю., 1990, с. 12–14).

Сведения о результатах ксилотомических анализов древков стрел и деталей лука из пещерного погребения Камтыттукем опубликованы А.И. Семеновым. Ксилотомические диагнозы редки даже для коллекций с хорошей сохранностью дерева, поэтому полученная серия диагнозов дала исследователям хорошую возможность историко-культурной и биологической характеристики региона (Семенов А.И., 1995, с. 147–149).

Данные по микроскопическим петрографическим, а также оптико-минералогическим исследованиям бусин разных размеров и форм из могильников Курайка и Верх-Уймон опубликованы В.И. Соёновым и Г.А. Винокуровой. В результате исследований сделаны выводы о том, что бусы изготовлены из природных минералов, костей, искусственного стекла, янтаря – окаменевшей смолы, кварцита – горной породы и что большинство изученных бусин гунно-сарматского времени, скорее всего, имеют импортное происхождение (Соенов В.И., Винокурова Г.А., 2000, с. 151–155).

К настоящему времени частично опубликованы результаты радиоуглеродных датировок образцов, взятых В.Д. Кубаревым, Ю.Ф. Кирюшиным, В.И. Соёновым, А.А. Тишкиным из памятников гунно-сарматского времени: керамических печей Юстыда, поселения Тыткескень-VI, могильников Верх-Уймон и Яломан-II (Орлова Л.А., 1995, с. 207–232; Соенов В.И., 2005, с. 168–170; Соенов В.И., Трифа-

нова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А., 2005, с. 169–171; Тишкин А.А., 2006, с. 384–387). К большому сожалению, радиоуглеродные даты пока не создали возможности для решения вопросов абсолютной и относительной хронологии памятников и их периодизации. Однако они в целом подтвердили хронологические границы гунно-сарматской эпохи в пределах II в. до н.э. – V в.н.э.

Основные результаты изучения черепов из погребений Горного Алтая гунно-сарматского времени опубликованы антропологами А.Р. Кимом, Т.А. Чикишевой и Д.В. Поздняковым. Исследователи выявили наличие автохтонного для Горного Алтая брахикранного антропологического пласта в популяции указанного периода, отметив заметное увеличение доли монголоидного компонента только для юго-восточной части Горного Алтая (Ким А.Р., 1988, с. 581–582; Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., 1997, с. 154–159; 2000, с. 116–131).

Результаты исследования деталей погребальных памятников Горного Алтая II в. до н.э. – V в.н.э. с применением формально-статистических методов были опубликованы автором. Элементы и приемы статистики позволили нам осуществить корреляцию признаков погребальных сооружений, группировку памятников и на этой основе – их типологию. Указанные исследования подтвердили обоснованность выделения булан-кобинского и кок-пашского типов погребальных памятников, а также дали относительную датировку могильников (Соенов В.И., 1997, с. 11–13; 2003, с. 40–53).

Предварительные результаты спектрального анализа металлических изделий из могильника Яломан-II изданы А.А. Тишкиным и С.В. Хавриным. Спектральный анализ сплавов на основе меди и серебра показал, что большинство исследованных изделий имеет местное происхождение и только некоторые изделия, легированные большим количеством олова, имеют импортное (китайское) происхождение (Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2004, с. 300–306).

Палеосоциальным исследованиям археологических материалов могильников Горного Алтая гунно-сарматского времени посвящен целый ряд публикаций, основными из которых являются работы В.Н. Елина, Ю.Т. Мамадакова, Ю.С. Худякова, Ю.В. Тетерина, В.В. Боброва, С.А. Васютина, А.С. Васютина, С.С. Матренина, А.А. Тишкина. В них осуществлен половозрастной, демографический, физико-генетический анализ, а также представлены модели социальной и профессиональной стратификации, организации населения на основе изучения могильников и элементов погребальной обрядности, в том числе с применением многоступенчатой статистической систематизации. Выводы этих исследований свидетельствуют о динамичных этнокультурных и социальных процессах, имевших место в Горном Алтае во II в. до н.э. – V в.н.э. (Елин В.Н., 1989, с. 119–121; Мамадаков Ю.Т., 1994, с. 129–132; 1997, с. 159–161; Худяков Ю.С., 1994, с. 134–136; Тетерин Ю.В., 1994, с. 126–129; Бобров В.В., Васютин С.А., Васютин А.С., 2003, с. 46–47; Васютин С.А., Васютин А.С., 1997, с. 73–77; 2005, с. 224–236; Матренин С.С., 2005, с. 16–22; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с. 152–182).

Итоги работы по изучению палеоэкономики населения Восточного Алтая предтюркского времени изложены в работе А.Н. Садового и С.С. Онищенко. На основании ландшафтных исследований с учетом изучения археологических памятников, а

также привлечения этнографических параллелей, исследователями выделены модели жизнеобеспечения и организации населения Восточного Алтая второй четверти I тыс. н.э. (Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003, с. 217–218).

Пока остаются неопубликованными результаты дендрохронологического, кислотохимического, палеокарпологического и других анализов материалов из могильника Яломан-II (Тишкин А.А., 2006, с. 386). Результаты ряда других исследований алтайских материалов гунно-сарматской эпохи, произведенных с использованием методов естественных наук: антропологических анализов коллекций из разных памятников (С.С. Тур); радиоуглеродных анализов части образцов кости и угля (Л.А. Орлова) и петрографических исследований каменных пряслиц (В.Л. Ермаков) из могильника Верх-Уймон; спектрального анализа бронз из могильников Верх-Уймон и Айрыдаш (С.В. Хаврин); дендрохронологических исследований дерева из могильника Курайка (И.Ю. Слюсаренко); технико-технологического анализа образцов керамики из могильников Верх-Уймон, Курайка, Сары-Бел, Чендек (Н.Ф. Степанова) также пока не опубликованы.

Итак, изучение морфологических признаков предметов, деталей и элементов погребального обряда и т.п. уже не дает качественного сдвига в решении многих проблем этнокультурогенеза населения гунно-сарматской эпохи на современном этапе развития археологии Горного Алтая. Только широкомасштабные исследования материалов с помощью специальных естественно-научных, математических и других методов могут дать новые ощутимые результаты в данном направлении. Это подтверждается уже произведенными комплексными исследованиями, позволившими существенно расширить наши знания о гунно-сарматской эпохе.

А.А. Тишкин, С.В. Хаврин, Я.В. Френкель

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

БУСЫ ХУННУСКОГО ВРЕМЕНИ

(по материалам раскопок памятника Яломан-II в Горном Алтае)*

Довольно значительную долю находок могильника Яломан-II составляют бусы. В некоторых погребениях их количество исчисляется десятками. В составе ожерелий имеются изделия из поделочных камней (бирюзы, сердолика), но большинство экземпляров изготовлено из стекла. Анализ всего массива бус, обнаруженных при раскопках могильника, представляет отдельную задачу. В данном случае ограничимся лишь несколькими замечаниями предварительного характера, касающимися этого источника.

Большинство стеклянных бус изготовлено из одноцветного стекла. Наиболее значительна (по количеству) группа бус голубого непрозрачного стекла разной степени заглуженности (от полупрозрачного до совершенно непрозрачного). Формы бус этой группы значительно отличаются. Бросается в глаза сравнительная небрежность исполнения большинства экземпляров.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №07–06–00341).

Многообещающим, с точки зрения хронологической индикации, является совместное обнаружение в составе ожерелий некоторых погребений бус узнаваемых типов, имеющих достаточно надежные датировки. Говоря здесь о датировках, мы имеем в виду в первую очередь нижние даты, «отбивающие» время появления таких бус на «эталонных» памятниках с разработанной дробной хронологией (в данном случае речь идет о черноморско-средиземноморском регионе). Хронологические интервалы бытования однотипных бус там и в изучаемом культурно-археологическом регионе могут существенно различаться.

В курганах могильника Яломан-II встречаются вместе «западные» бусы (золотостеклянные разных форм, полихромные глазчатые и продольно-полосчатые, бисер из тянутых стеклянных трубочек) и китайские изделия из свинцово-бариевого стекла. Такое сочетание (грубо) определяет нижнюю хронологическую границу могильника в интервале III-II вв. до н.э. В ряде случаев, однако, дата может быть несколько уточнена. Ниже будут рассмотрены комбинации хронологически чувствительных бус трех комплексов могильника: курганов №51, 52 и 57.

Для археологов, использующих бусы для хронологической индикации памятников «рубежа эр», настольной книгой является трехтомный труд Е.М. Алексеевой (1975, 1978, 1982). Отметим, что она очень деликатно подходит к процедуре датировки бус. Приводимые даты бус вычисляются из дат комплексов, а даты комплексов в свою очередь Е.М. Алексеева (1975, с. 74) получала из статей, отчетов авторов раскопок либо в ходе «обсуждения с лицами, готовящими материалы раскопок к изданию», либо определяла самостоятельно на основании анализа погребального инвентаря. Получаемые такими путями даты не всегда находились в согласовании между собой. Сложная и крайне трудоемкая задача по упорядочиванию огромного материала, стоявшая перед Е.М. Алексеевой, не предполагала детального критического анализа всех использованных датировок. По этой причине опубликованные ею хронологические интервалы бытования бус бывают достаточно протяженными и, порой, должны рассматриваться как предварительные, как база для дальнейшей дискуссии, не исключающей некоторой корректировки хронологических границ. Такая дискуссия уже началась (см.: Зуев В.Ю., 2004).

Вернемся к трем погребениям могильника Яломан-II. В кургане №51 обнаружена круглая глазчатая бусина глухого белого стекла с сине-белыми слоисто-накладными глазками. В классификации Е.М. Алексеевой (1975, с. 59, табл. 14.-3), среди полихромных бус с глазчатым орнаментом этой бусине близок тип 26а. Опубликованная дата этого типа глазчатых бус – II в. до н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 52, 59, рис. 5). В рассматриваемом кургане такая бусина встречена вместе с золотостеклянной бусиной, относящейся по классификации Е.М. Алексеевой к типу 15 бус с металлической прокладкой – «короткоцилиндрические бусины с поперечным пояском из бугорков, которых насчитывается от 5 до 9». Они датируются эпохой эллинизма, с III в. до н.э., преимущественно II в. до н.э. (Алексеева Е.М., 1978, с. 28, 31, рис. 10). Согласно тщательным выкладкам В.Ю. Зуева, пересмотревшего (с хронологических позиций) приведенные в своде Е.М. Алексеевой погребальные комплексы с золотостеклянными бусами этого и других типов, более обоснованной нижней датой для золотостеклянных бус в Северном Причерноморье представляется II в. до н.э. (Зуев В.Ю., 2004, с. 13–17, 30).

Среди инвентаря кургана №51 есть медная серьга с нанизанными на нее бусинами синего прозрачного стекла. Как показал рентгенофлюоресцентный анализ (РФА), проведенный С.В. Хавриным, одна из этих бусин (крупная бочонковидная) изготовлена из китайского свинцово-бариевого стекла. Такие стекла в Китае датируются достаточно широко, а за пределами Китая, для восточной периферии распространения китайских импортов, время появления бус такого стекла, согласно В.А. Галибину (2001, с. 77), определяется II в. до н.э. Таким образом, для кургана №51, на основании предварительного анализа импортных бус, нижняя граница высчитывается достаточно точно: II в. до н.э. Такая же глазчатая бусина, как и в кургане №51, встречена в кургане №57. Здесь она встречается с золотостеклянными бусами и бисером. Алгоритм датировки близок изложенному выше, только в данном случае речь идет о других типах золотостеклянных бус. С учетом указанных хронологических корректировок нижняя хронологическая граница этого кургана также определяется II в. до н.э.

Стоит сделать немаловажное замечание: один экземпляр декорированного металлической прокладкой бисера, визуально воспринимавшийся как «золотостеклянный», оказался декорированным серебром. Это вновь было выяснено в результате РФА. «Золотой» эффект производила кантарель – внешний защитный слой прозрачного стекла, окрашенный железом в янтарно-коричневый цвет. Сам по себе такой технологический прием окраски стекла является достаточно древним (Галибин В.А., 2001, с. 36) и не может помочь при проводимой узкой хронологической индикации. Важнее, что «золотостеклянная» бусина оказывается «псевдозолотостеклянной», декорированной не золотом, а серебром. Определить это можно только в результате специальной аналитической процедуры.

Использование комбинации серебра и прозрачной желто-коричневой кантарели для создания «золотого» эффекта хорошо известно по бусам более позднего, средневекового времени (см.: Львова З.А., 1968, с. 82, 84). Однако в литературе называется достаточно позднее время появления «псевдозолотостеклянных» бус в Причерноморье (Деопик В.Б., 1961, с. 221; Алексеева Е.М., 1984, с. 239). Э.Б. Вадецкая (1999, с. 151), датируя тагарские курганы по стеклянным бусам, ссылаясь на Е.М. Алексееву, использует для своих хронологических выкладок в качестве хронологического рубежа IV в. н.э. Так ли оправдан этот шаг?

Следует полагать, что среди ранних бус, визуально воспринимавшихся как «золотостеклянные», уже во II в. до н.э. имеются «псевдозолотостеклянные» имитации. Следовательно, дата появления серебростеклянных бус в Причерноморье может быть удревнена. Соответственно, оказывается возможной хронологическая корректировка в сторону удревнения других памятников, датированных на основании этого признака.

Обратимся к кургану №52. В инвентаре погребения этого объекта зафиксирована серия грязно-голубых бочонковидных бус китайского свинцово-бариевого стекла. Как уже говорилось, в Южной Сибири они появляются во II в. до н.э. В этом же кургане найдена «западная» зеленовато-синяя бусина с продольно-полосатым декором белого стекла. Эти бусы, согласно Е.М. Алексеевой, достаточно широко

датируются начиная с эпохи эллинизма, наиболее часто встречаясь в III в. до н.э. (тип 192-а, Алексеева Е.М., 1978, с. 43, 36, рис. 14, табл. 27.-89). Следовательно, их датировка не противоречит датировке кургана (не ранее II в. до н.э.), следующей из времени появления в Южной Сибири бус свинцово-бариевого стекла.

Итак, все три рассмотренные кургана (на данном этапе исследования) по стеклянным бусам можно датировать не ранее II в. до н.э. Конечно, из этого пока не стоит делать окончательные выводы для всех курганов могильника, но полученная дата тем не менее служит достаточно надежным хронологическим репером. Она в определенной мере подтверждается и радиоуглеродным датированием (Тишкин А.А., 2006).

**А.А. Тишкин, К.В. Чугунов, М.А. Чемякина, П.Г. Дядьков,
А.К. Манштейн, О.А. Позднякова, М.И. Миненко, А.А. Адайкин**
*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург;
Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН,
Новосибирск, Россия*

ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПАМЯТНИКЕ БУГРЫ В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ*

Различные сведения о больших земляных курганных насыпях («буграх») в Сибири и Казахстане имеются в архивных материалах известных барнаульских краеведов С.И. и Н.С. Гуляевах, в также в работах В.В. Радлова (1989), Н.М. Ядринцева (1883), В.М. Флоринского и других дореволюционных исследователей и путешественников (Демин М.А., 1989). Среди этих данных пока не обнаружены свидетельства, касающиеся больших курганов около села с характерным названием Бугры. Впервые этот памятник, находящийся в Рубцовском районе Алтайского края, осматривался специалистом-археологом в 1989 г. Тогда А.Б. Шамшин, сотрудник Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая Алтайского государственного университета, при выполнении хозяйственного договора с Институтом «Алтайгипропроводхоз» обследовал участок площадью 300 га, попадавший в зону проектируемого орошаемого участка в колхозе «Страна Советов». В результате им была схематично зафиксирована и кратко описана курганная группа из пяти объектов. В связи с тем, что одно из древних сооружений находилось в непосредственной близости с зоной предполагаемого строительства водоема, то были намечены его раскопки и сделаны соответствующие обоснования. Приведенные сведения базируются на материалах (справка и схема размещения) из архива НИИ гуманитарных исследований при АлтГУ, а также на полевых дневниковых записях А.Б. Шамшина (выражаем Александру Борисовичу благодарность за бескорыстную помощь при обнаружении необходимых документов и за другую предоставленную информацию). Планировалось, что изучением аварийного кургана №1 займется один из авторов

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты №06–06–80295а, 07–06–00341а, 07–07–10037к), а также в рамках Интеграционного проекта СО РАН №109.

данной публикации. В связи с этим памятник дополнительно был обследован осенью 1989 г. и весной 1990 г.

В 1990 г. старший научный сотрудник Алтайского краевого краеведческого музея Я.В. Егоров, находясь в составе Юго-Западной экспедиции АлтГУ, провел разведку в Рубцовском районе Алтайского края на землях колхозов «Восток» и «Страна Советов». В результате им был сделан глазомерный план курганной группы Бугры и дано описание зафиксированных объектов (Егоров Я.В., 1991, с. 9–11).

В 1990-х гг. мелиоративное строительство было приостановлено, а в последующие годы вообще прекратилось. Поэтому раскопки на памятнике не осуществлялись. Курганную группу удалось поставить на государственный учет (решение крайисполкома №225 от 21.05.1991 г.). В ходе плановой инвентаризации объектов культурно-исторического наследия памятник Бугры осматривался А.А. Тишкиным в 1-й половине 1990-х гг. и в последующие годы. Он был нанесен на землеустроительные карты и сфотографирован на цветную пленку. Краткие сведения о комплексе из пяти больших курганов вошли в свод памятников юго-западных районов Алтайского края (Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., 1996, с. 152). Кроме этого, в монографии, посвященной скифской эпохе Алтая, имеется небольшое упоминание о Буграх и дана фотография одного из объектов (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., с. 8, рис. 1).

В 2006 г. курганная группа, расположенная в 1–1,8 км к западу и северо-западу от села (на полях СПК «Страна Советов») и состоящая из пяти огромных по размерам насыпей, которые сильно разрушены грабительскими раскопками, зафиксирована с помощью тахеометрической съемки и GPS-навигатора, а также детально описана. Координаты триангуляционного знака, стоявшего на самом высоком и центральном кургане №3, такие: N – 51° 18.337'; E – 081° 29.194' (Тишкин А.А., 2006, с. 491). Данные мероприятия были реализованы совместной экспедицией Алтайского государственного университета и Государственного Эрмитажа и являлись подготовительной работой для запланированных раскопок двух объектов (курганы №1 и 4).

Территория Рубцовского района Алтайского края, на которой располагается указанный памятник скифо-сакского времени, относится к Алейской степи и тяготеет к предгорьям Алтая. Представим основные характеристики интересующих нас объектов.

Курган №1. Географические координаты центра кургана следующие: N – 51° 18.043'; E – 081° 25.089'. Он находится в 1 км к западу от с. Бугры, в 6 км к югу от с. Новониколаевка и в 25 км к юго-востоку от г. Рубцовска, на водоразделе. Опахивается с западной стороны. В 180–200 м к северо-востоку от него находился мехток (ныне разрушен). В непосредственной близости располагается накопительный подземный резервуар, к которому подведены трубы водопровода ООО «Водоканал-сервис».

Высота земляной насыпи – 3,85 м, диаметры ее – 111,7х89,4 м. Объект имеет 14 грабительских ям и западин разной формы и глубины. Курган №1 своей большей

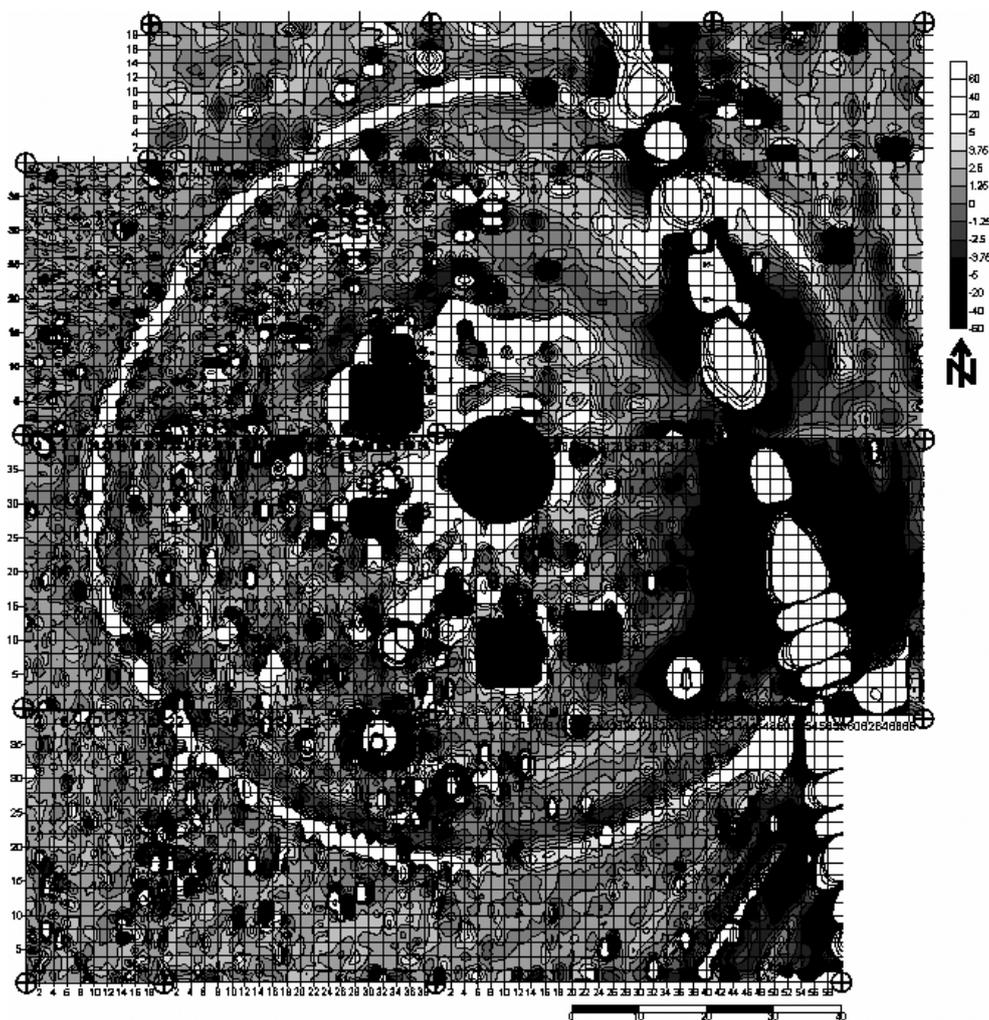

Рис. 1. Бугры. Курган №1. Результаты магнитометрической съемки

частью оказался вне зоны раскопки. Поэтому сохранились кое-где просматривающиеся конструктивные особенности сооружения.

Курган №4. Географические координаты его центра следующие: N – 51° 18.476'; E – 081° 25.276'. Объект длительное время опаживается со всех сторон и находится в 225 м к северу–северо-востоку от кургана №3, как бы в стороне от основной цепочки курганов, выстроенных по линии Ю–С. Высота насыпи 2,7 м, диаметры 43,1x49,1 м. Северо-восточная часть земляной конструкции повреждена бульдозером. Курган имеет 14 грабительских ям и западин разной конфигурации, а также многочисленные норы.

Результаты обследования памятника и предстоящие раскопки обозначили необходимость проведения геофизических исследований. В мае 2007 г. такие работы

осуществлены на выбранных объектах. В них приняли участие представители нескольких учреждений. Кроме получения сведений о внутреннем устройстве насыпей и особенностях использования прикурганной территории, изыскания были нацелены на продолжение разработки методики комплексных геофизических исследований для эффективной идентификации объектов археологии и распознавания их структуры. Такая работа в предгорьях Алтая на памятнике скифо-сакского времени осуществлялась впервые.

Геофизические исследования реализовывались приборами и методами, которые уже неоднократно использовались при изучении древних памятников (Дядьков П.Г. и др., 2005; Молодин В.И. и др., 2006; и мн. др.).

Физической основой магнитометрического метода картирования археологических объектов является присутствие магнитных минералов в грунтах, строительных материалах и изделиях. При этом наблюдается достаточно сильная дифференциация различных грунтов, горных пород и искусственных объектов по магнитным свойствам в зависимости от величины магнитной восприимчивости и остаточной намагниченности. Высокая чувствительность и точность современной магнитометрической аппаратуры (протонные и квантовые магнитометры) позволяют регистрировать весьма малые пространственные изменения магнитного поля, обусловленные в свою очередь достаточно слабыми изменениями магнитных свойств грунтов и других погребенных объектов.

В качестве измерительного прибора использовался квантовый магнитометр-градиентометр фирмы Geometrics (прибор принадлежит Институту археологии и этнографии СО РАН). Его чувствительность такая: 0.05 нТл при цикле измерений 0.1 сек и 0.01 нТл при цикле 1 сек. Оба датчика выполняют синхронные измерения модуля полного вектора магнитной индукции. В качестве результата единичного измерения рассматривается разность синхронных значений магнитного поля между этими двумя датчиками. Такой подход позволяет исключать разнообразные мешающие факторы – влияние геомагнитных вариаций как внешнего (магнитосфера), так и внутриземного происхождения.

Конструкция измерительной системы градиентометра G-858, состоящая из двух датчиков, позволяет проводить наблюдения как методом горизонтального, так и вертикального градиента. При выполнении съемки на курганах №1 и 4 памятника Бугры использовался метод вертикального градиента. Наблюдения выполнялись по профилям, расстояние между которыми составляло на площади кургана №1 – 1 м, а на объекте №4 – 2 м (рис. 1 и 3). Интервал между замерами был равен 0,1 сек, что соответствовало в среднем расстоянию 10 см вдоль профиля при движении оператора со средней скоростью 1 м/сек.

Кроме этого, осуществлялось определение магнитной восприимчивости почвы и подстилающих пород. Для определения физической природы регистрируемых аномалий важно знание магнитных свойств грунтов (почвенного слоя и подстилающих пород). С этой целью в районе расположения курганов были выполнены измерения магнитной восприимчивости с помощью каппометра МП-01. Средние значения магнитной восприимчивости для почвенного слоя составили 0.0016 единиц СИ, а для подстилающего этот слой суглинка – 0.0012 единиц

СИ. Наблюдающаяся разница магнитных свойств может являться источником возникновения магнитных аномалий, обусловленных заполнением почвой искусственных объектов, таких как рвы и другие, нижняя часть которых захватывает «материковый» слой.

Метод электромагнитного индукционного частотного зондирования реализовывался с помощью аппаратурно-программного комплекса, состоящего из трехкапустечного зонда (Балков Е.В., Манштейн А.К., 2001) и переносного компьютера со специальным программным обеспечением. Работа с данными, зафиксированными зондом, включает их передачу в компьютер для их обработки и визуализации в виде карт и/или разрезов.

Полученные результаты (рис. 1–3) требуют дальнейшего всестороннего изучения. В данной публикации представлены пока предварительные материалы, свидетельствующие о сложной конструкции намеченных для раскопок объектов. Для кургана №1 обследовалась территория 19000 кв. м. В результате прослежена практически полная конфигурация рва, который с одной стороны частично распахан, а с другой прорезан траншеей водопровода. Последнее обстоятельство создавало негативные условия для геофизических изысканий, «забывая» своим фоном важный для понимания устройства кургана восточный участок (рис. 1–3). Тем не менее благодаря использованным приборам появилась возможность предполагать наличие дромоса (рис. 2). Отметим еще один момент. Не исключено, что для сооружения кургана №1 использовался камень.

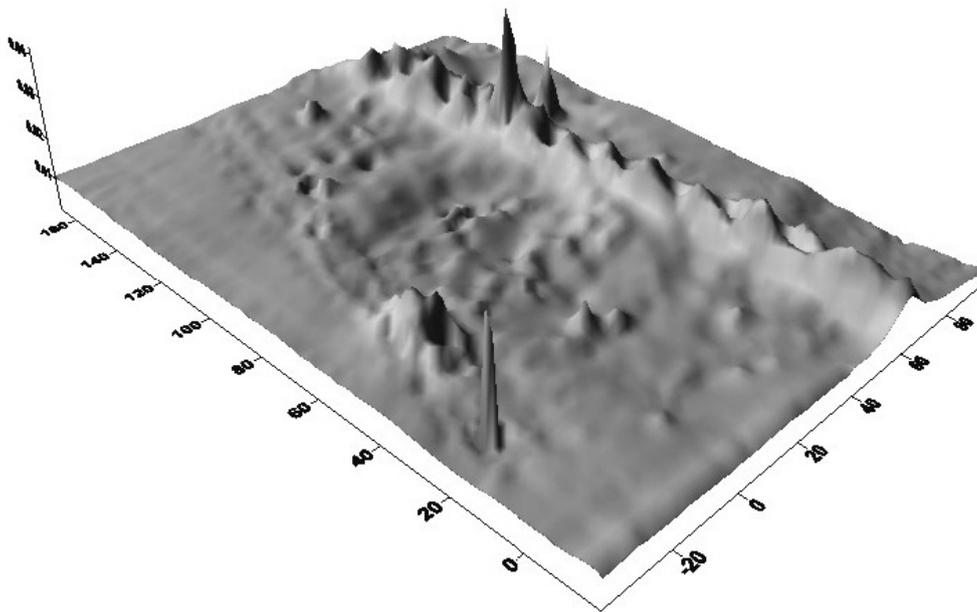

Рис. 2. Бугры. Курган №1. Один из результатов частотного электромагнитного зондирования

Обследуемая площадь для объекта №4 составила 6400 кв. м. Это было обусловлено задачей проверить наличие или отсутствие рва, который не просматривался на распаханном поле. Оказалось, что такой конструктивной особенности нет. Более сложная картина отражает внутреннее устройство надмогильного сооружения (рис. 3).

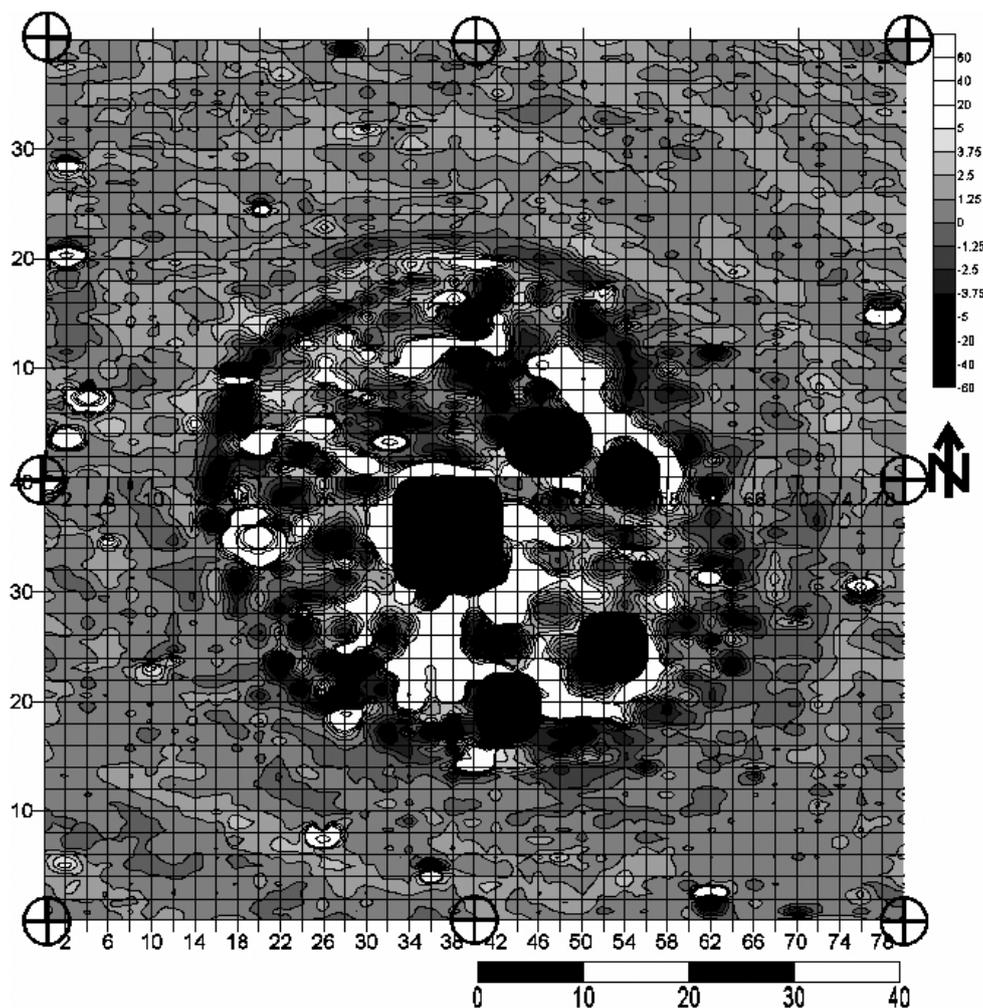

Рис. 3. Бугры. Курган №4. Магнитограмма

Работа над полученными результатами продолжается. Все зафиксированные особенности будут учтены при проведении раскопок, намеченных в июле-августе 2007 г. совместной экспедицией Государственного Эрмитажа и Алтайского государственного университета.

С.С. Тур

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ МЕТОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ*

К настоящему времени в результате масштабных археологических раскопок погребений кочевников Алтая широкого хронологического диапазона собраны значительные по объему антропологические материалы, которые составляют основу для изучения общности происхождения тех или иных групп населения, направления и масштабов миграций, а также «качества» жизни населения. В последние годы привычный арсенал методов исследования палеоантропологических материалов существенно расширился за счет рентгенографии, компьютерной томографии, электронно-сканирующей микроскопии, молекулярно-генетического, химического и изотопного анализа.

Происхождение населения. Помимо методик, оценивающих морфологическое сходство (краниометрия, краниоскопия, одонтология, одонтоглифика, остеометрия) для выявления населения местного и пришлого происхождения используется изотопный и молекулярно-генетический анализы.

Одним из наиболее перспективных в этом отношении представляется сопоставление концентрации изотопов стронция в зубной эмали и костной ткани. Пропорция изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ в организме человека и животных не зависит от типа питания и определяется главным образом его концентрацией в почве, которая существенно различается в разных географических районах. В горах концентрация ^{87}Sr в целом выше, чем на равнине, и зависит от состава и возраста горных пород. В отличие от зубной эмали, состав которой остается неизменным на протяжении всей жизни, костная ткань постоянно обновляется. Поэтому концентрация изотопов стронция в зубной эмали и костной ткани у человека, детство которого прошло в одной геологической провинции, а более или менее продолжительный период взрослой жизни – в другой, будет различаться. В качестве стандартного уровня $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ для той или иной местности служит концентрация изотопов в костях местных животных (Price T.D., 2000, p. 903–913). Аналогичные принципы лежат в основе использования изотопа кислорода ^{18}O при изучении миграций (White C.D., Longstaffe F.J., Law K.R., 2004, p. 233–250; White C.D., Spence M.W., Longstaffe F.J., Law K.R., 2000, p. 535–558). Концентрация изотопа ^{18}O во внешней среде зависит от температурного фактора, что позволяет различать индивидов, которые росли в разных климатических условиях – в горах и на равнине, в более северных и более южных районах.

Применение молекулярно-генетических методов исследования мтДНК, передающейся по женской линии, и ДНК Y-хромосомы, передающейся по мужской линии, дает возможность проследить и сопоставить процессы формирования мужской и женской части популяции, очертить круг родственных и брачных связей (Бермишева М. А., Викторова Т.В., Хуснутдинова Э.К., 2003, с. 1013; Рычков С.Ю., Наумова О.Ю., Мамонова Н.Н., 1997, с. 18–31).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №07–06–00341).

Состояние здоровья. Палеопатологическое исследование скелетных материалов позволяет оценить состояние здоровья населения, являющееся одним из важных показателей качества жизни. Учитывается частота встречаемости заболеваний зубо-челюстной системы (кариес, пародонтоз, одонтогенный остеомиелит, прижизненная утрата зубов) и опорно-двигательного аппарата, маркеров анемии (*cribra orbitalia*, поротический гиперостоз) и воспалительных процессов (периостит), наличие специфических инфекций (бруцеллез, туберкулез, сифилис) (Бужилова А.П., 1998, с. 87–121).

Реконструкция физической активности. В качестве индикаторов характера и уровня физической активности используют биомеханические свойства длинных костей конечностей, развитие костного рельефа в местах прикрепления мышц и связок, а также дегенеративно-дистрофические изменения суставных поверхностей (остеоартроз).

Известно, что под влиянием высокой механической нагрузки костная ткань утолщается и соответственно увеличивается прочность кости. Биомеханические свойства длинных костей конечностей вычисляются на основе теории сопротивления материалов. Основными показателями прочности являются моменты инерции поперечного сечения – осевые моменты инерции I_x и I_y , которые определяют прочность кости на сгиб в передне-заднем и боковом направлениях, и полярный момент инерции J , который является суммой I_x и I_y и характеризует устойчивость кости при скручивании. Наиболее точное изображение поперечного сечения кости, параметры которого необходимы для расчетов, дает компьютерная томография. Если это недоступно, используются рентгенограммы кости в передне-задней и боковой плоскости. В одном из методов, основанных на рентгенографии (*Ellipse model method*), кортекс моделируется как два эллипса – внешний и внутренний, и свойства поперечного сечения рассчитываются по стандартным геометрическим формулам. В другом (*Latex cast method*) внутренний контур поперечного сечения (костно-мозговой канал) моделируется в виде эллипса, а внешний (субпериостальный) воспроизводится с помощью силиконового слепка. LCM дает более точные результаты, чем ЕММ, особенно в том случае, если форма поперечного сечения существенно отличается от круглой (O'Neill M.C., Ruff C.B., 2004, p. 221–235).

Развитие костного рельефа в местах прикрепления мышц и связок, а также степень изношенности основных крупных суставов и позвоночника обычно оценивается в баллах как слабое, среднее или сильное по специальным схемам (Медникова М.Б., 1998, с. 152–165; Бужилова А.П., 1998, с. 114–117).

Совместное использование различных признаков, характеризующих физическую активность, позволяет установить разделение трудовых операций между определенными группами населения, а также проследить роль верховой езды в кочевых обществах.

Реконструкция типа питания. В палеоантропологических материалах находят отражение как количественные, так и качественные характеристики питания. Эмалевая гипоплазия зубных коронок, заметная невооруженным глазом, и линии Гарриса на длинных костях конечностей, регистрирующиеся на рентгенограммах, возникают в результате прерывания ростовых процессов, одной из основных причин которого является периодическое недоедание (Larsen C.S., 2002, p. 126–128).

Особенности диеты определяют скорость стирания зубных коронок, распространение кариеса или зубного камня, а также элементарный химический и изотопный состав зубов и костей. Наиболее показательными в этом отношении являются концентрации таких элементов, как стронций, барий, цинк, медь, железо, а также изотопов углерода ^{13}C и азота ^{15}N (Добровольская М.В., 2005, с. 83–89; Larsen C.S., 2002, р. 120–122).

Органическая (коллаген) и неорганическая (апатит) фракции костной ткани отражают разные компоненты питания. Костный коллаген формируется только из белковой части диеты, а костный апатит и зубная эмаль из всех ее элементов – белков, жиров и углеводов. (Ambrose S.H., Norr L., 1993, р. 1–37; Tieszen L.L., Fagre T., 1993, р. 121–155). Таким образом, комбинированный изотопный анализ костного коллагена и апатита позволяет получить количественную оценку нескольких компонентов питания. Поскольку костная ткань медленно, но постоянно обновляется, ее изотопный состав отражает усредненную диету за ряд лет, предшествовавших смерти. Состав зубной эмали и первичного дентина, остающийся неизменным на протяжении всей жизни, отражает диету детского и юношеского возраста, которая имела место в период формирования зубных коронок и корней. Изотопный анализ последовательных слоев вторичного дентина может использоваться для изучения сезонных вариаций в диете (Balasse M., 2002, р. 155–165; 2002, р. 3–10; Wilson W.J., Tукот R.H., Ubelaker D.H., 2001, р. 166).

Изучение признаков, маркирующих особенности питания, позволяет оценить роль продуктов земледелия в диете кочевников, сезонную нестабильность в поступлении пищевых ресурсов, а также гендерное и социальное неравенство.

Определение сезона смерти. Вопрос о сезоне смерти, как правило, возникает в связи с какими-то особенностями обряда, например, при вторичном характере захоронения. Соответствующую информацию можно получить при изучении зубов покойника.

Утолщение цемента, покрывающего корень зуба снаружи, и вторичного дентина, постепенно заполняющего полость пульпы, происходит циклично. Процесс этот замедляется поздней осенью и зимой, а весной ускоряется. На тонких продольных срезах зуба при увеличении под световым микроскопом прослеживается чередование широких темных (осенне-зимних) и узких светлых (весенне-летних) слоев цемента, по которым и маркируют сезон смерти. Положительный результат, однако, зависит от возраста – годовые кольца не прослеживаются у индивидов моложе 15 и старше 50 лет (Klevezal G.A., Shishlina N.I., 2001, р. 481–486). Аналогичная методика применяется при изучении зубов млекопитающих животных.

Травматические повреждения зубов и костей. Исследование материалов с помощью электронного сканирующего микроскопа позволяет дифференцировать характер травмирующего воздействия, возникающего при использовании зубов в качестве рабочего инструмента в некоторых видах трудовой деятельности, посмертных и прижизненных трепанациях, а также ранениях разными видами оружия.

Таким образом, комплексное изучение палеоантропологических материалов существенно расширяет возможности изучения многих ключевых моментов истории освоения Алтая кочевниками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК*

- Абдулганеев М.Т. Бийский этап (хронологические рамки и содержание понятия) // *Материалы к изучению прошлого Горного Алтая*. Горно-Алтайск, 1991. С. 91–105.
- Абдулганеев М.Т. Памятники бийского этапа на Верхней Оби // *Культура древних народов Южной Сибири*. Барнаул, 1993. С. 51–56.
- Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // *Археология Горного Алтая*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 37–43.
- Абдулганеев М.Т. Древнейшие городища в северных предгорьях Алтая // *Известия лаборатории археологии*. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 53–61.
- Абдулганеев М.Т. Поселение Енисейское-2 на р. Бия // *Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири*. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 5. С. 42–51.
- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // *Погребальный обряд древних племен Алтая*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 143–155.
- Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю. Каменные орудия с поселений раннего железного века лесостепного и предгорного Алтая // *Культура народов Евразийских степей в древности*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 191–202.
- Абдулганеев М.Т., Папин Д.В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катуня // *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул, 1999. С. 5–13.
- Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // *Археологические исследования в районах новостроек Сибири*. Новосибирск, 1985. С. 103–130.
- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 256 с.
- Азбелев П.П. К реконструкции социальной структуры кыргызского общества // *Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова*. Омск: Изд-во ОмГУ, 1992. Ч. 1. С. 88–90.
- Азбелев П.П. Типогенез характерных таштыкских пряжек // *Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края*. Красноярск: Изд-во КГУ, 1992. Т. II. С. 48–52.
- Алексеев В.П. О происхождении древнейшего европеоидного населения Минусинской котловины // Алексеев В.П. *Историческая антропология и этногенез*. М.: Наука, 1989. С. 350–355.
- Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // *Антропологический сборник III*. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 107–206.
- Алексеев В.П., Мамонова Н.Н. Палеоантропологические материалы последних веков до нашей эры и тюркского времени с территории Северо-Западного Алтая // *Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири*. Новосибирск: Наука, 1988. С. 3–21.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 1: *Археология СССР*, САИ. М., 1975. Вып. Г-1-12 М.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 2: *Археология СССР*, САИ. М., 1978. Вып. Г-1-12.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 3: *Археология СССР* // *Свод археологических источников*. М., 1982. Вып. Г-1-12.

* Составлен на основе указанной литературы, которую прислали авторы публикаций.

- Алексеева Е.М. Бусы и подвески // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- Аманжолов А.С. Две эпитафические находки на юге Казахстана // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. Алматы 2006. №1(252). С. 183–184.
- Амбрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971.
- Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. // Советская археология. 1971. №3, ч. II. С. 106–134.
- Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. №2. С. 3–17.
- Аргынбаев Х. Қазақтың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк. Алматы: Ғылым, 1969.
- Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник. Л.: Изд-во ГЭ, 1961. Вып. 2. С. 57–87.
- Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 111–123.
- Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку: Элм, 1993. 203 с.
- Атавин А.Г. Некоторые особенности захоронений коня в кочевнических погребениях X–XIV вв. // СА. 1984. №1.
- Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. 292 с.
- Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. 2-е изд., испр. Алматы: Ғылым, 1999. 296 с.
- Ахмедов С.А., Джафарова Э.Б. Изображения на средневековой керамике как источник по военному делу (находки из Азербайджана) // Российская археология. 2005. №3. С. 133–140.
- Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). Алматы, 2005. 235 с.
- Балков Е.В., Манштейн А.К. Трехкатушечный зонд в индукционном зондировании // Геофизический вестник. 2001. №12. С. 17–20.
- Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.
- Баркова Л.Л. О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных и хищников в искусстве ранних кочевников Алтая (опыт статистического анализа) // Археологический сборник. СПб., 1995. С. 61–76.
- Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Вост. литер., 2002. 757 с.
- Баскаков Н.А. Тир рунических надписи из с. Мендур-Соккона Горно-Алтайской АО // Советская этнография. 1966. №6. С. 79–83.
- Батмөнх Б. Ховд аймгийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 2000. 160 т. (на монг. яз.).
- Бат-Эрдэнэ С. Буган хошоо тууний хэлбэр // Тов Азийн нуудэлчдийн соёл иргэншилийн зарим асуудал. УБ., ШУА, Чингис судлалын хурээлэн. 1997. С. 80–93.
- Баяр Д. Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуу. УБ. 1997.
- Баяр Д. Каменные изваяния Восточной Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Батор, 1991.

- Беленицкий А.М. Конь в культурах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. М., 1978. Вып. 154. С. 31–39.
- Беликова О.Б. Среднее Причумылье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1996. 272 с.
- Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., 1999.
- Бермишева М.А., Викторова Т.В., Хуснутдинова Э.К. Полиморфизм митохондриальной ДНК человека // Генетика. 2003. Т. 39. №8. С. 1013–1025.
- Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинка. // КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 23–31.
- Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков (Восточнотюркский каганат и кыргызы). М.; Л.: Наука, 1946. 207 с.
- Биологическое разнообразие Алтае-Саянского экорегиона / Под ред. Ю.А. Мананова. Кемерово, 2003. 156 с.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, в древние времена. Алматы: Жалын баспасы, 1998. Ч. 1. LLXIV+390 с.
- БНМАУ-ын түүх. Дэд боть. 1607–1917. УБ., 1968.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: (Кол. монография). Самара, 1999. С. 8–109.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобров В.В. Два древних историко-культурных мира Западной Сибири: проблема взаимодействия // Археология Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003. С. 11–17.
- Бобров В.В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Центральной Азии // Северная Азия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 1992. С. 54–57.
- Бобров В.В. К проблеме миграций европеоидного населения на территорию Южной Сибири в сейминскую эпоху // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 53–56.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2003. 224 с.
- Бобров В.В., Горяев В.С. Лошадь в погребальном обряде ирменской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. IV. С. 182–186.
- Бобров В.В., Добжанский В.Н. О восточной границе большереченской культуры // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 52–54.
- Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Горяев В.С. Новые исследования на могильнике Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. Т. III. С. 144–149.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск: Наука, 1993. 157 с.
- Боброва А.И. Шейные украшения средневекового населения Нарымского Приобья // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск. 2003. – С. 24–28.

- Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. 240 с.
- Боковенко Н.А. Проблема реконструкции религиозных систем номадов Центральной Азии в скифскую эпоху // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996. С. 39–42.
- Болобана А.П. Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении. СПб., 1914.
- Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаяев А.В. Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград: Учитель, 2006. С. 15–36.
- Борджанова Т.Г. Магическая поэзия калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. С. 46–48.
- Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург, 1992. 188 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Особенности социально-экономической структуры енисейских кыргызов // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Мат. Всерос. науч. конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 161–164.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №1 (17). С. 65–72.
- Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия: (предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиции о работах, произведенных в 1925 году). Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Вып. II. С. 43–87.
- Бородовский А.П. Афанасьевские памятники нижней Кутуни // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 84–95.
- Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–146.
- Бурдуков А.В. Очерки баитского хошуна князя Тюмы-Баирь-Гуна. Томск, 1915.
- Бурдуков А.В. Хуучин ба шинэ Монголд. УБ., 1987.
- Бусятская Н.Н. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976. С. 38–72.
- Быков Н.И., Быкова В.А., Крупочкин Е.П., Слюсаренко И.Ю. Расселение древних кочевников скифской эпохи на плоскогорье Укок (Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 285–291.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
- Вайнштейн С.И. Народное искусство Тувы. М., 1974.
- Вайнштейн С.И. Происхождение саянских оленеводов (Проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов) // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 68–88.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.

- Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань, 2005. 280 с.
- Валиулина С.И., Недашковский Л.Ф. Стекланные изделия Укека и его округи // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2005. Вып. 7. С. 257–280.
- Варенов А.В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск: Наука, 1984. С. 42–51.
- Варенов А.В. Пещерное искусство в Китайской части Монгольского Алтая // Международная конференция по первобытному искусству: Тез. докл. Кемерово, 1998.
- Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970. 484 с.
- Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Восточная литература, 2001. 488 с.
- Васютин А.С., Онищенко С.С. Погребения со шкурой коня конца I – начала II тыс. н.э. на юге Западной Сибири // Тюркские народы: Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., Тобольск). Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 32–36.
- Васютин А.С., Ширин Ю.В. Курганная группа Порывайка. Кемерово-Городок: Кузбассвузиздат, 2002. С. 78–92.
- Васютин С.А. Архаичные элементы политической культуры в тюркских каганатах // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 95–99.
- Васютин С.А. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // Монгольская империя и кочевой мир: Сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005а. Кн. 2. С. 56–71.
- Васютин С.А. Общественная система кочевников в эпоху тюркских каганатов (VI–VIII вв.) // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005б. С. 215–223.
- Васютин С.А. Проблемы комплексного анализа социальной организации кочевников древнетюркской эпохи по данным погребальных памятников // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2006. Т. II. С. 403–405.
- Васютин С.А. Традиционные социальные системы номадов // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005в. С. 166–169.
- Васютин С.А., Васютин А.С. Население Восточного Алтая в предтюркское время // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 224–236.
- Васютин С.А., Васютин А.С. Социальная планиграфия предтюркских погребений могильника Кок-Паш из Восточного Алтая // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово, 1997. С. 73–77.
- Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
- Виденгрэн Г. Мани и манихейство. СПб.: Евразия, 2001. 256 с.
- Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002.
- Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 253 с.

- Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.: ил.
- Волков В.В., Доржсурэн Ц. Ховд аймгийн Манхан сумын нутагт эртний судлалын малтлага, хайгуул хийсэн тухай // SA. Tomus III. Fase 2–7. УБ., 1961.
- Вольная Г.Н. Мотив животного с перекрученным туловищем // Старожитности степового Причерноморья и Криму. Запоріжжя, 2004. Т. XI. С. 60–64.
- Воробьева-Десятовская М.И. Фрагменты тибетских рукописей на бересте из Тувы // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1980. Вып. 22. С. 124–131.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм. М.: Восточная литература РАН, 2000. 584 с.: ил.
- Вяткина К.В. Монголы монгольской народной республики // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 159–186.
- Гаврилина Л. Бляхи-решмы в украшениях узды у кочевников Восточной Европы X–XI веков // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 77–85.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Галанин А.А., Смирнов В.Н. Лихенометрическое датирование палеосейсмодислокаций на Северо-Востоке России // Информационный бюллетень РФФИ. 1996. №5. С. 722.
- Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб., 2001.
- Галкин Л.Л. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. 1984. №2. С. 217–225.
- Галкин Л.Л. Коробейники Золотой Орды // Техника молодежи. 2003. №2. С. 52–56.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Ч. 1–2. 1328 с.
- Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Ялинов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX–XV века). Уфа: Гилем, 1998. 165 с.
- Генон Рене. Символика креста: Пер. с франц. Т.М. Фадеевой, Ю.Н. Стефанова. М., 2004.
- Генштафт Ю.С. Сейсмоструктура // Монгольская народная Республика: Национальный атлас. Улан-Батор; Москва, 1990. С. 40.
- Геоэкология горных котловин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1992. 292 с.
- Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны // История монголов. М.: Мысль, 1997. С. 98–99.
- Го Баоцзюнь. Отчет о раскопках Иньского городища весной 1950 г. // Чжунго Каогу сюэбао. 1951. Т. 5. С. 1–61, ил. I – XLV (на кит. яз.).
- Гонгор Д. Ховдын хураангуй түүх. ТС. Т. 3. Ф. X. УБ., 1964.
- Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плесы-II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 156–166.
- Горбунов В.В. Процессы тюркизации на юге Западной Сибири в раннем средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. I. С. 37–42.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III–XIV вв. н.э.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006. 55 с.

Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Взаимодействие средневековых кочевников в северо-западной части Горного Алтая // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005. С. 145–147.

Горбунова Т.Г. Социальная значимость украшений конской амуниции (по материалам сроскинской культуры) // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово: Изд-во КемГУ, 2003. С. 109–113.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование спектрального анализа при изучении украшений конского снаряжения из средневековых памятников Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 151–157.

Готлиб А.И. Крепостные сооружения севера Хакасии // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Сибирь, 1991. Т. 3. С. 65–67.

Готлиб А.И. Новые сюжеты таштыкского искусства (предварительная публикация) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2006. Т. 2. С. 78–80.

Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: Наука, 1980. С. 5–34.

Грач А.Д. Петроглифы Тувы. I (проблемы датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сборник МАЭ. 1957. Т. XVII. С. 385–428.

Грач А.Д. Петроглифы Тувы // Сборник МАЭ. 1958. Т. XVIII. С. 339–384.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Гл. ред. вост. лит., 1980. 255 с.

Громов А.В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: ПетроРИФ, 1997. С. 301–345.

Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. М.; Л., 1956. №48. 160 с.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 367 с.

Давлатова С.Т. Трансформация традиционной одежды узбеков Кашкардарьинского оазиса (конец XIX–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2006. 30 с.

Данилов С.В. Животные в погребальных обрядах ранних кочевников Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1983. С. 107–112.

Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: (Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск, 1994.

Дашибалов Б.Б. Кыпчаки в Восточной Сибири // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. С. 167–174.

Дашибалов Б.Б. Бурятские погребения XVI–XVII вв. (кыпчаки в этногенезе бурят и якутов) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск: Наука, 2004. С. 185–186.

Дашибалов Б.Б. На монголо-тюркском пограничье (этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 202 с.

Дашковский П.К. Синкретизм религиозно-мифологической системы и служители культа у кочевников Горного Алтая скифской эпохи // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. Вып. 11. С. 59–72.

Дашковский П.К. К вопросу о формировании мировоззренческого статуса правителей кочевых обществ Евразии в скифо-сакский период // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск: РИОКГПУ, 2005а. С. 147–149.

Дашковский П.К. О сакрализации правителей государственных образований nomadов Центральной Азии // Древние кочевники Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005б. С. 63–67.

Дашковский П.К., Тишкин А.А. Ханкаринский дол – памятник пазырыкской культуры в Северо-Западном Алтае // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 20–22.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 62–68.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Памятник пазырыкской культуры Ханкаринский дол в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI, ч. 1. С. 294–296.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: АН СССР, 1948. 392 с.

Дебец Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (к вопросу о миграциях в доклассовом обществе) // Антропологический журнал. 1932. №2. С. 26–48.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.

Деопик В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. 1961. №3.

Дилов хутагт Жамсранжав. Ариун сэтгэл авралын үндэс (Дуртгал, намтар, өгүүлэл). УБ., 2000.

Длужневская Г.В. Погребально-поминальная обрядность енисейских кыргызов в свете этнографических данных // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Сер. историческая. Кызыл: Изд-во ТНИИЯЛИ, 1995. Вып. XVIII. С. 137–156.

Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. Вып. 21. С. 193–200.

Длужневская Г.В. Погребально-поминальная обрядность как источник для реконструкции мировоззрения енисейских кыргызов // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. С. 113–115.

Добровольская М.В. Человек и его пища. М.: Научный мир, 2005. 368 с.: ил.

Древний Новгород: Прикладное искусство и археология: Альбом. М.: Искусство, 1985. 167 с.

Дровер Е.С. Сокрытый Адам. Мандеи: история, литература, религия. СПб., 2002. 394 с.

Думан П.И. Учение о сыне Неба и его роль во внешней политике Китая (с древности до Нового времени) // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.

Дьяконова В.П. Тувинский этнический компонент маады // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Мат. IV Сибирских чтений. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2000. С. 102–106.

Дэвлет М.А. Петроглифы Улуг-Хема. М.: Наука, 1976.

Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980.

Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука, 1982.

Дэвлет М.А. Петроглифы на степной тропе. М.: Наука, 1982. 128 с.

Дэвлет М.А. Изображения на скалах Бижикиг-Хая в Саянском каньоне Енисея // Памятники наскального искусства / Координационно-методологический центр прикладной этнографии Ин-та этнологии и антропологии. М., 1993. С. 79–193.

Дэвлет М.А. Петроглифы Куйлуг-Хема // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: Старый сад, 2001. С. 371–438.

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI, ч. I. С. 304–309.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза, 2005. 290 с.: 173 ил.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). М.: Изд-во АН СССР, 1952. №24. С. 72–120.

Егорова А.В. Барьерный фактор в развитии природной среды гор. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 342 с.

Егоров Я.В. Отчет об археологической разведке, проведенной летом 1990 г. в Рубцовском районе Алтайского края. Барнаул, 1991. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №114).

ЕлеуKENOVA Г.Ш. Очерк истории средневековой скульптуры Казахстана. Алматы: Гылым, 1999. 219 с.

Елин В.Н. О социальной структуре населения гунно-сарматского времени Восточного Алтая (предварительные наблюдения) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 119–121.

Елин В.Н., Эрдэнэцогт Р., Батмунх Б., Баяраа Д. Раскопки на могильнике Овоот в Монголии // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 22–24.

Елькин М.Г. Отчет о результатах археологических разведок в Гурьевском районе Кемеровской области в 1953 г. Прокопьевск, 1953 // Архив ИА РАН. Д. NP-1/843.

Ермоленко Л.Н. Манихейство и скульптура уйгурского периода Тувы // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. С. 124–122.

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 132 с.

Ефимова А.Е. Бутаевский клад ювелирных изделий волжских болгар // СА. №3. 1960.

- Ефремов С.А. Погребение в урочище Токусхан (к вопросу об отдельных захоронениях конских черепов) // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул: Изд-во пед. ун-та, 1995. Вып. V, ч. I. С. 90–93.
- Жиренчин А. Казак китаптарынын тарихынан. Алматы, 1971.
- Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 131–146.
- Зайцева Г.И., Семенов А.А., Лебедева Л.М., Панкова С.В., Васильев С.С., Дергачев В.А., Юнгер Х., Соннинен Е. Новые данные о хронологии памятника Оглахты-6 // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: Теза, 2007. С. 300–307.
- Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын хууль зүйлийн бичиг (хэвлэлд бэлтгэсэн О. Батсайхан, З. Лонжид, Ч. Хажидсүрэн). УБ., 1995.
- Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.
- Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда (XIX – нач. XX в.). Алма-Ата: Наука, 1964. 178 с.
- Землетрясения и основы сейсмического районирования Монголии. М.: Наука, 1985. 224 с.
- Зенько А.П. Типология погребальной обрядности самодийцев и угров Западной Сибири // Самодийцы: Мат. IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 203–205.
- Зубов А.П., Павлова О.И. Религиозные аспекты политической культуры древнего Востока: образ царя // Религии древнего Востока. М.: Восточная литература, 1995. С. 34–84.
- Зуев В.Ю. Хронология бус с внутренней позолотой античной эпохи Северного Причерноморья (по данным свода Е.М. Алексеевой) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. 2. С. 5–32.
- Зуев Ю.А. Киргизы-буряты (к вопросу о тотемизме и принципах этнонимообразовая) // Советская этнография. 1970. №4. С. 74–80.
- Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
- Зуев Ю.А. Сармато-Аланы Приаралья (Яньцай/Абзойя) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.) // Проблемы генезиса и трансформации. Алматы, 1995. С. 38–49.
- Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.
- Иванов Вяч.Вс. Реконструкция структуры символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (погребальный обряд). М.: Наука, 1990. С. 5–11.
- Иванов Вяч.Вс. Ритуальное сожжение черепа и колеса в Полесье и его индоевропейские параллели // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской культуры: источники и методы. М.: Наука, 1989. С. 79–87.
- Идельсон Н.И. Этюды по истории небесной механики. М., 1975.
- Илюшин А.М. Ритуальные захоронения коней в Горном Алтае (датировка и география) // Изучение памятников в археологии Алтайского края. Барнаул: Изд-во пед. ун-та, 1995. Вып. V, ч. I. С. 122–125.
- Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. – 160 с.

Илюшин А.М. Саратовская археологическая культура // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск: Изд-во ОГПУ, 2002. С. 122–124.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. К вопросу о компонентах тюркского археолого-этнографического комплекса XI–XIV веков на территории Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск: Наука, 2006. С. 33–35.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 г. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №1(59). С. 98–100.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Итоги исследования древностей раннего железного века Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 61.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 666 с.

История Тувы. М.: Наука, 1964.

Камалов А.К. Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 215 с.

Караев О. Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе: Илим, 1968. 103 с.

Карапетова И.А. Обряды жизненного цикла: погребальный обряд у ненцев // Мифология и религия в системе культуры этноса. СПб.: РЭМ, 2003. С. 190–192.

Катанов Н.Ф. Восточная библиография // Деятель. Казань, 1897. №5.

Кефалайя («главы»). Коптский манихейский трактат: Пер. Е.Б. Смагиной. М., 1998. 512 с.

Килуновская М.Е. Наскальные святилища Южной Тувы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 198–205.

Килуновская М.Е. Петроглифы на правом берегу Улуг-Хема // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1995. Вып. XVIII. С. 166–169.

Килуновская М.Е. Петроглифы Сарыг-Даша // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб., 1996. С. 29–31.

Килуновская М.Е. Быки Кара-Булуна // Древние культуры в центральной Азии и Санкт-Петербург, 1998. С. 159–163.

Килуновская М.Е. Шаманистические мотивы в наскальном искусстве народов Саяно-Алтайского нагорья // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово, 1999. Т. 1. С. 232–239.

Килуновская М.Е. Композиция в стиле оленных камней на скалах Бегреды // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 2002. Вып. XIX. С. 136–141.

Килуновская М.Е. Петроглифы на горе Хербис (Центральная Тува) // Вл.А. Семенов. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 204–238.

Килуновская М.Е. Петроглифы Тувы // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Алматы, 2004. С. 29–31.

Килуновская М.Е. Наскальные композиции на горе Шолде-Тей (Улуг-Хая) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб., 2004. С. 255–261.

Килуновская М.Е. Отчет об археологической разведке Тувинской археологической экспедиции в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС (Улуг-Хемский и Чаа-Хольский кожууны Республики Тыва) в 2005 г. СПб.: ИИМК РАН, 2006.

Ким А.Р. Расогенетические связи населения Горного Алтая в первой половине I тыс. н.э. // Тюркология-88. Фрунзе, 1988. С. 581–582.

Кинаяулы Б. Тойгелеу – древний обряд приручения новорожденных четырех вида скота // ҚР ҒА Хабарлары, қоғамдық ғылымдар сериясы. Алматы: Ғылым, 1998.

Киргизско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965.

Киреев С.М. Каменные украшения из погребений скифского и гунно-сарматского времени Северного Алтая // Вопросы археологии и истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 14–16.

Киреев С.М., Баженов А.И., Музыка С.А., Тулинов А.В. Минералого-петрографические особенности керамики поселений Нижней Катунь // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 91–108.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова Н.Ю. Хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 23–28.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень-6 на Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 111–123.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескеньской пещеры I. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. 150 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Коллекция древних орудий горно-рудного дела с Алтая // Труды музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. Т. 1. С. 21–38.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.: ил.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Степанова Н.Ф., Кунгурова Н.Ю. Поселение Сары-Бел // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1995. №1. С. 6–15.

Киселев В.Е. Ткани // Древнемонгольские города. М.: Изд-во АН СССР, 1965. С. 289–290.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.

Кияткина Т.Н. Черепа эпохи бронзы с территории юго-западного Таджикистана // Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л.: Изд-во АН СССР, 1968. С. 168–182.

Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография. М.: Логос, 2000. С. 6–23.

Классен Х.Дж.М. Эволюционизм в развитии // Личность. Культура. Общество. 2005. Вып. 3 (27). С. 47–62.

Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени Түрк (Ашина) // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 171–178.

Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник, 1977. М.: Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 121.

Кляшторный С.Г. Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 159–168.

Кляшторный С.Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: проблема социальной мобильности. М.: Наука, 1986а. С. 217–228.

Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н.э. – I тыс. н. э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М.: Наука, 1986б. С. 312–339.

Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: СПбГУ, 2003. 560 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: СПбГУ, 2005. 346 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 320 с. (Orientalia).

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 368 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 375 с.

Кобзев А.И. Особенности философской и научной методологии в традиционном Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М.: Наука, 1988. С. 17–55.

Ковалев А.А. Чемурачский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 178–184.

Ковалева И.Ф. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов: Учеб. пособие. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1983. 108 с.

Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000. 364 с.

Ковалевский С.А. Ритуально-жертвенные комплексы с черепами животных в эпоху поздней бронзы у населения ирменской культуры // Вестник КузГТУ. 2004. №5. С. 126–130.

Козырева Ю.В. География и хозяйственное использование растительного покрова бассейна реки Песчаной (Алтай). Барнаул: Фонд 21 Век, 2006. 192 с.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М., 1982. С. 156–178.

Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981. С. 76–91.

Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 1999. 214 с.

Коновалов П.Б., Наваан Д., Волков В.В., Санджмятав Г. Керексуры в Тосонцэнгэ (р. Идэр, Монголия) // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1995. С. 47–58.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Тюхтятский клад: состав цветного металла ременных украшений // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Сб. докл. междунар. науч. конф. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 119–123.

- Король Г.Г. Средневековые личины Саяно-Алтая (типология, особенности, антропология) // Мир наскального искусства. М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2005. С. 133–139.
- Король Г.Г. Тюхтятский клад: декор ременных украшений // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 123–128.
- Король Г.Г. Средневековые личины Саяно-Алтая и Восточной Европы (торевтика малых форм) // Археология Верхнего Поволжья. М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2006. С. 153–185.
- Королюкова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2006. 272 с.
- Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография. М.: Логос, 2000. С. 24–83.
- Костюков В.П. О хронологической позиции поминальных оградок Южного Зауралья // Культуры евразийских степей втор. пол. I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 311–320.
- Кочеев В.А. Курганный могильник Айрыдаш-IV на Средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 134–137.
- Крадин Н.Н. Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М.: Наука, 1993. С. 192–210.
- Крадин Н.Н. Империя хунну. Владивосток: Дальнаука, 1996. 164 с.
- Крадин Н.Н. Кочевничество в современных теориях исторического процесса // Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 369–396.
- Крадин Н.Н. Империя хунну. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2001/2002. 312 с.
- Крадин Н.Н. Новые интерпретации исторического // Вестник ДВО РАН. 2003. №4. С. 72–81.
- Крадин Н.Н. Теории исторического процесса и проблема их синтеза // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 518–530.
- Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток: Дальнаука, 2004. 106 с.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.
- Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск. Северная Азия. Новосибирск: Наука, 1980. С. 69–91.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д. Чашечные камни Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1987. С. 68–80.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 301 с.
- Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 171 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 189 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
- Кубарев В.Д. «Мифические» чашечные камни Алтая и их аналогии в древних культурах Евразии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Алт. ун-та, 2000. С. 104–108.

- Кубарев В.Д. Арал-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006а. №4.
- Кубарев В.Д. Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006б. №3. С. 41–54.
- Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 101–119.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.
- Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвээндорж Д. Алтай – Заповедная Зона // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2000. Т. II. С. 64–77.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАиЭт, 2005. 400 с.: ил.
- Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюрка из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №4. С. 64–82.
- Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культура коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого света // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977. С. 28–52.
- Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–X вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972.
- Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень 3 // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 43–58.
- Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 92–98.
- Кунгуров А.Л. Неолитический комплекс поселения Малый Дуган на р. Куюм // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. Т. XI, ч. 1. С. 126–131.
- Кунгуров А.Л. Каменная индустрия афанасьевского поселения Узнезя-1 // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 95–119.
- Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Каменная индустрия афанасьевского поселения Узнезя-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. Т. X, ч. 1. С. 321–325.
- Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Проявление традиций в каменном инвентаре поселения Малый Дуган // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 26–33.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 127 с.: ил.
- Кызласов И.Л. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. М.: РУСАКИ, 2004. С. 111–129.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Высш. шк., 1969. 212 с.
- Кызласов Л.Р. К изучению оленных камней и менгиров // Краткие сообщения Института археологии. 1978. №154. С. 25–30.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 206 с.

- Кызласов Л.Р. Открытие государственной религии древних хакасов. Мани и манихейство // Труды Хакасской археологической экспедиции. М.; Абакан: Роса, 1999. Вып. 6. С. 10–41.
- Кызласов Л.Р. Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение. 2001. №5. С. 83–90.
- Кызласов Л.Р. Манихейское мировоззрение и раннесредневековые археологические памятники // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. Кн. II. С. 249–250.
- Кызласов Л.Р., Панкова С.В. Татуировка древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. Вып. LXII. С. 61–67.
- Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Л.: Наука, 1978. Вып. 2. С. 76–85.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Наука, 1961. 392 с.
- Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 34 с.
- Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 208 с.
- Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки могильника Чоба-VII // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 86–91.
- Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки на Кор-Кобы-1 // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1992.
- Ларичев В.Е. Азия далекая и таинственная: (Очерки путешествий. За древностями по Монголии). Новосибирск: Наука, 1968. С. 262–263.
- Ларичев В.Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. Новосибирск, 1993.
- Ларичев В.Е. Миф о Мировой горе в мировоззрении жречества эпохи палеометалла юга Сибири (Первый Сундук – астрономическая обсерватория и астросвятилище времени окуневской культуры Хакасии) // История цивилизации и духовной культуры кочевников. Павлодар: Изд-во Павлодарск. пед. ун-та, 2004. Т. I. С. 36–39.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г. Наскальные рисунки тагарской эпохи в контексте структур равноденственного протохрама Первого Сундука (астрономические, временные и мифологические аспекты образов и знаков раннего железного века Северной Хакасии) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭт, 2005. Т. XI, ч I. С. 382–389.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Луна на небесном меридиане (к проблеме отслеживания сезонов, многолетних лунно-солнечных циклов, предсказания затмений и представлений о Мироздании в культурах палеометалла Северной Хакасии) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭт, 2004б. Т. X, ч I. С. 335–343.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Комиссаров В.Н., Серкин Г.Ф. Первый Сундук: протохрам захода Солнца в дни летнего солнцестояния (к проблеме выявления календарно-астрономических знаний и сюжетов астральной мифологии жречества окуневской культуры) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭт, 2006. Т. XII, ч I. С. 406–411.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Равноденственное «Окно» астрономической обсерватории окуневской эпохи юга Западной Сибири (астрокомплекс отслеживания восхода Солнца в дни северного и осеннего равноденствий) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004а. С. 190–197.

Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 241 с.

Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М.: Наука, 1972. 258 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на шелковом пути. М.: Восточная литература, 1994. 326 с.: ил.

Львова З.А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. МИА. №75. М., 1959. Т. 1. С. 307–332.

Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi (Часть I) // АСГЭ. 1968. №10. С. 64–94.

Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. 2: Происхождение бус // АСГЭ. Л.: Искусство, 1970. Вып. 12. С. 89–111.

Магсаржав Н. Монгол улсын шинэ түүх (хэвлэлд бэлтгэсэн О. Батсайхан, З. Лонжид). Ф. 1. УБ., 1994. Т. VII.

Майский И. Орчин үеийн монгол. УБ., 2002. (Орчуулсан Ц. Отхон).

Макнил В. Меняющийся образ Всемирной истории // Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 16–38.

Максимова А.Г. Погребение воина XIV века // Вестник АН КазССР. Алма-Ата, 1965. №5. С. 85–91.

Малов Е. «Ахыр заман китабы = Мухаммеданское учение о кончине мира» («Книга о последнем времени или о кончине мира»). Казань: Типолиитография ун-та, 1897.

Мамадаков Ю.Т. О роли миграций в демографических процессах в Горном Алтае в гунно-сарматское время // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 129–132.

Мамадаков Ю.Т. Отражение общественных отношений булан-кобинского населения в детских погребениях // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 159–161.

Мамонова Н.Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по антропологическим данным // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: Наука, 1980. С. 60–74.

Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата: Онер, 1986. Т. 1. 256 с.

Марков Г.Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М.: Наука, 1976. 318 с.

Марсадолов Л.С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по раскопкам Г.П. Сосновского и Г.П. Сергеева) // АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22. С. 11–22.

Марсадолов Л.С. О территориальных границах единого художественного стиля в I тыс. до н.э. // Скифо-сибирский мир: Тез. докл. Кемерово: Изд-во Кемеров. ун-та, 1984. С. 41–44.

Марсадолов Л.С. Ритуальный центр в долине р. Чуи на Алтае // Святителища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000. С. 206–210.

- Марсадалов Л.С. Археологические памятники IX–III веков до н. э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... докт. культурологии. СПб., 2000. 57 с.
- Марсадалов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб.: Копи Р, 2001. Вып. 4. 65 с.: 118 ил.
- Марсадалов Л.С. Работы Саяно-Алтайской экспедиции в 2003 г. // Археологические экспедиции за 2003 год. СПб.: Эрмитаж, 2004. С. 48–59.
- Марсадалов Л.С. Тархата – алтайский «Стоунхендж» // Труды Государственного астрономического института им. П.А. Штернберга. Т. 78: Тезисы докладов Восьмого съезда Астрономического общества и Международного симпозиума «Астрономия–2005: Состояние и перспективы развития». М.: ГАИШ, 2005.
- Марсадалов Л.С., Самашев З.С. Изучение археологических памятников Западного Алтая // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб.: Копи Р, 2000. Вып. 3. 32 с.: 42 ил.
- Мартынов А.И. Ландшафтный подход к археологическому наследию Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 6–7.
- Мартынов А.И. О необходимости музеефикации уникальных историко-археологических зон на территории Горного Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 4–5.
- Матвеев А.В. Ирменская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 181 с.
- Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в.н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 24 с.
- Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 152–182.
- Матушина С.Ю. О перспективах музеефикации некоторых объектов Чуйского тракта // Социально-культурные туристические ресурсы Алтайского региона. Проблемы и перспективы использования. Барнаул: Изд-во АГИИК, 2004. С. 58–62.
- Медникова М.Б. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М., 1998. С. 151–165.
- Миклашевич Е.А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. СПб., 2004. С. 320–325.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2. 796 с.
- Минералы благородных металлов: Справочник. М.: Недра, 1986. 272 с.
- Митько О.А. Обряд трупосожжения у енисейских кыргызов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и центральной Азии в I–III тысячелетии н.э. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 207–227.
- Митько О.А. Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. С. 165–206.
- Михайлов Ю.И. К проблеме исследования коммуникативной символики каменных стел и изваяний в контексте палеосоциологического анализа комплексов эпохи позд-

ней бронзы юга Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2000. Т. VI. С. 334–341.

Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.

Могила Фу-хао на Иньском городище [Иньсюй Фу-хао му]. Пекин: Вэньу, 1980. 242 с. (на кит. яз.).

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 194–200.

Могильников В.А. О савромато-сарматской миграции в лесостепь и степь Обь-Иртышского междуречья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. 2. С. 106–109.

Могильников В.А. Новые памятники енисейских кыргызов на Алтае // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск, 1989. С. 138–140.

Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИЯЛ, 1990. С. 137–185.

Могильников В.А. Экологическая ситуация и особенности формирования культуры населения Верхнего Приобья второй половины I тыс. до н.э. // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Томск, 1998. С. 64–68.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. Т. 1: Древность и средневековье. Горно-Алтайск: Изд-во Ин-та алтаистики, 2002. С. 97–142.

Молодин В.И. Древности плоскогорья Укок: Тайны, сенсации, открытия. Новосибирск, 2000. 192 с.

Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана №3 памятника Верх-Кальджин-II // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 86–119.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер Й., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследований) // Материалы по археологии Сибири. Новосибирск, 2001. Вып. 1. 240 с.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Балков Е.В., Миненко М.И. Результаты геофизических исследований памятника Преображенка-2 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 434–439.

Монголын автономитын үеийн сургууль (1911–1920) баримт бичгийн эмхэтгэл. УБ., 1966 (эмхэтгэсэн С. Жигмэдсүрэн, Б. Балжиргармаа).

Мороз М.В., Худяков Ю.С. Средневековое укрепление на горе Барбак – хая // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск: Полиграфучасток УД СО АН СССР, 1990. С. 147–155.

- Мунхбаяр Ч. Археологийн хээрийн танилцах дадлагын тайлан (2005–2006 оны хичээлийн жил). Ховд хот.: ХоИС Туухийн тэнхим, 2006. 32 с.
- Мустапаева Д. Түркістандағы тайқазанның тарихы. Қолжазба. Түркістан, 2006. 65б. (139б).
- Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 232 с.
- Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // Российская археология. 1995. №2. С. 36–43.
- Наумов Д.В. Количественный спектральный анализ древнего стекла // Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975. С. 156–175.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. С. 176–178.
- Ненашева Г.И. Растительность и климат голоцена межгорных котловин Центрального Алтая: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Барнаул, 2007. 23 с.
- Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 142 с.
- Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 108–142.
- Николаев В.В. Традиционные типы захоронений северных алтайцев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. Т. XI, ч. II. С. 131–134.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 383 с.
- Новиков А.В. Исследования на могильнике ирменской культуры Камень-1 // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. С. 62–64.
- Нямдорж Б. Ховдын хязгаар 1911–1919 он. УБ., 2006.
- Одноралов Н.В. Декоративная отделка скульптуры и художественных изделий из металла. М.: Изобр. искусство, 1989. 208 с.
- Окладников А.П. Очерки из истории западных бурято-монголов. Л., 1937. 481 с.
- Окладников А.П. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножья горы Богдо-Улла // Монгольский археологический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 70–72.
- Окладников А.П. Из области духовной культуры неолитических племен долины Керулена: Ритуальные захоронения остатков животных // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 199–204.
- Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. Л.: Наука, 1980. 271 с.
- Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.
- Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск, 1995. Ч. II. С. 207–232.
- Орнамент казанских татар. Казань: Татарское кн. изд-во, 1969. 203 с.
- Островских П. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина, отд. этнографии. СПб., 1895. Вып. III–IV, год. 5.

Панкова С.В. К вопросу об изваяниях, называемых таштыкскими // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб.: Мир книги, 2000. С. 86–103.

Панкова С.В. Новые образы таштыкского искусства и их параллели // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 183–185.

Папин Д.В. Степная полоса юга Западной Сибири в эпоху поздней бронзы // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. I. С. 442–444.

Папин Д.В. Проблемы социогенеза древних обществ эпохи поздней бронзы степной полосы Западной Сибири // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2005. С. 292–294.

Папин Д.В. Хозяйственно-культурный центр как отражение определенного уровня развития древнего общества // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2003. С. 34–38.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку: Монография / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 202 с.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселения переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 85–110.

Переводчикова Е.В. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // Советская археология. 1987. №4. С. 44–58.

Пилипенко С.А. Монгольский головной убор из могильника Басандайка // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. 1. С. 156–162.

Плетнева Л.М. Погребения IX–X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. С. 64–87.

Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.

Плетнева Л.М. Савинский курганный могильник – памятник раннего железного века // Северск. История и современность. Томск, 1994. С. 22–34.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 348 с.

Погожева А.Н., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Ч. 1. 254 с.

Полидович Ю.Б. Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Археологический альманах. №15: Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004. С. 143–166.

Полосина Я.Ю. Предварительный анализ остеологического материала поселений Майма-I, Майма-III и Майма-XII // Вопросы археологии и истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 12–14.

Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. С. 124.

Полосьмак Н.В. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3. Историко-культурный анализ // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 57–85.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.: ил.

- Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Археологические комплексы эпохи раннего железа плоскогорья Укок как источник интеграционных исследований // *Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики)*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. С. 14–62.
- Полторацкая В.Н. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // *Памятники эпохи бронзы и раннего железа Восточной Европы, Южной Сибири и Средней Азии*. ГЭ. 1962. Вып. 5. С. 76–90.
- Полторацкая В.Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве (по раскопкам С.А. Теплоухова) // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. Л., 1966. №8. С. 78–102.
- Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // *Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности*. М.: Наука, 1988. С. 151–219.
- Полубояринова М.Д. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // *РА*. 2006. №4. С. 152–158.
- Поляков А.В. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // *Степи Евразии в древности и средневековье*. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. С. 209–213.
- Поляков А.В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 26 с.
- Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // *Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков*. Казань, 1996. С. 154–268.
- Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах, по поручению СПб. Имп. рус. геогр. о-ва. СПб., 1881. Вып. 1.
- Потапов Л.П. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя // *Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 171–237.
- Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
- Потапов Л.П. Тюркоязычных народов мифология // *Мифы народов мира*. М., 1982. Т. 2. С. 538–540.
- Потемкин С.В. *Благородный 79-й: Очерк о золоте*. М.: Недра, 1988. 176 с.
- Прохорова Т.Н. Кобяковская гривна // *Известия Ростовского областного музея краеведения*. Ростов-на-Дону, 2001. Вып. 9. С. 59–71.
- Прудникова Т.Н. *Природные закономерности развития орошаемого земледелия в древней Туве: Дис. ... канд. геогр. наук*. Красноярск, 2005.
- Пряхин А.Д. Уникальные археологические территории // *Охрана и изучение культурного наследия Алтая*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 1. С. 16–18.
- Пэрлээ Х. Монгол тумний гарлыг тамгаар хайж судлах нь (Изучение этногнеза монгольских народностей по родовым знакам // *Опыт историко-этнографического исследования*). УБ., 1976. 270 с.
- Пяткин Б.Н. Некоторые вопросы металлургии эпохи бронзы Южной Сибири // *АЮС*. Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та, 1977. Вып. 9. С. 22–33.
- Радлов В.В. *Древнетюркский словарь*. Л., 1969.
- Радлов В.В. *Из Сибири: (страницы дневника)*. М.: Наука, 1989. 718 с. : ил., карты.
- Раевский Д.С. *Очерки идеологии скифо-сакских племен*. М.: Наука, 1977. 216 с.

- Ревякин В.С. Природные льды Алтае-Саянской горной области. Л.: Гидрометиздат, 1981. 288 с.
- Ревякин В.С. О границах Алтае-Саянской горной страны // Геоморфология Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001.
- Ревякина Н.В. Флора Алтае-Саянской горной области // Горы и человек: антропогенная трансформация горных геосистем. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 101–102.
- Рогожин Е.А., Богачкин Б.М., Иогансон Л.И., Рейснер Г.И., Баясгалан А., Кочетков В.М., Курушин Р.А. Опыт выделения и прослеживания сейсмогенерирующих зон методами геолого-тектонического анализа на территории Западной Монголии и Зайсано-Алтайской складчатой области // Сейсмичность и сейсмическое районирование Северной Евразии. М.: ОИФЗ РАН, 1995. Вып. 2–3. С. 132–152.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 524 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 486 с.
- Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Рыбаков Н.И. Небесная пара – символ корабля света // Енисейская провинция: Альманах-2 / Пед. у-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2006. С. 121–127.
- Рыгдылон Э. Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области // Советская археология. 1955. №XXII. С. 177–189.
- Рычков С.Ю., Наумова О.Ю., Мамонова Н.Н. Методы молекулярной генетики в антропологии: анализ ДНК из древних останков человека как источник новой информации о древнем народонаселении // Новые методы – новые подходы в современной антропологии. М.: Старый сад, 1997. С. 18–23.
- Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода (по результатам археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб., 2001. 261 с.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 176 с.
- Савинов Д.Г. Реконструкция погребального комплекса кургана Аржан, его компоненты и аналогии // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1992. С. 108–112.
- Савинов Д.Г. Афанасьевская культура // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск: Наука, 1994. С. 130–135.
- Савинов Д.Г. Государство и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 1994. 215 с.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994. 209 с.
- Савинов Д.Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. Кн. 2. С. 31–43.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 47–62.
- Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири: По материалам раскопок 1980–1984 гг. Л.: Наука, 1988. С. 83–103.

- Садовой А.Н., Онищенко С.С. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения населения Восточного Алтая предтюрокского времени // Бобров В.В., Васютин С.А., Васютин А.С. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск, 2003. С. 209–220.
- Самашев З., Ахметкалиев Р., Алтынбеков К. Консервация и реставрация деградированной древесины берельского кургана №11. Алматы, 2004. 96 с.
- Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая: (Материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана №11 могильника Берел). Алматы: Берел, 2004. 312 с.
- Сараев П., Первых Н.М. Каргалинские камни с чашевидными знаками. История и археология Семиречья. Алматы: Родничок, 2001. Вып. 2.
- Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. 72 с.
- Семейная обрядность народов Сибири: (Опыт сравнительного изучения). М.: Наука, 1980. 240 с.
- Семенов А.И. Обработка дерева на древнем Алтае // Советская археология. 1956. Т. 26. С. 204–230.
- Семенов А.И. Ксилотомические анализы материалов гуннского облика из пещеры Камтыттукем // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 147–149.
- Семенов В.А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб.: ЛНИАО, 1992.
- Семенов В.А., Чугунов К.В. Роль субстрата в сложении культур скифского облика в Туве // Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. Кемерово, 1987. Ч. 2. С. 73–76.
- Семенов Вл.А. Знаки-индексы в наскальном искусстве Северной Евразии // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово: Кемер. ун-та, 1999. Т. I. С. 180–185.
- Семенов В.С. Сулуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 230 с.
- Си Ю Цзы, или Описание путешествия даосского монаха Чан Чуня на Запад // Пустыня Татарии: Альманах «Арабески истории». М.: Изд-во ДИ ДИК, 1995. Вып. 2. С. 280–379.
- Сидоров А.И. Гностическая философия истории (каиниты, сефиане и архонтики у Епифания) // Палестинский сб. СПб., 1987. Вып. 29 (92). С. 47–52.
- Ситнянский Г.Ю. О происхождении древнего киргизского погребального обряда // Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Наука, 2001. Вып. IV. С. 175–180.
- Скарпари М. Древний Китай. Китайская цивилизация от неолита до эпохи Тан. М.: АСТ Астрель, 2003. 292 с.
- Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература, 1997. 216 с.
- Советова О.С., Миклашевич Е.А. Исследование петроглифов на горе Куня (Средний Енисей) // Вестник САИПИ. Кемерово, 1998. Вып. 1. С. 25–27.
- Соенов В.И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 22 с.
- Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. №4. С. 134–152.
- Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. 160 с.

Соенов В.И. Отчет о работах по проекту РГНФ и ЦНТ РА «Горный Алтай в гунно-сарматскую эпоху» в 2004 г. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 168–170.

Соенов В.И., Винокурова Г.А. Бусы из могильников гунно-сарматского времени Курайка и Верх-Уймон // Итоги и перспективы геологического изучения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2000. С. 151–155.

Соенов В.И., Глебова Н.И. Фрагменты шелковых тканей из могильника Курайка // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1. С. 88–90.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А. Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003–2004 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2005. С. 169–171.

Соенов В.И., Шитов А.В., Черемисин Д.В., Эбель А.В. Тархатинский мегалитический комплекс // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2000. №5. С. 7–15.

Соенов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 113–135.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века: Сб. МАЭ. Л.: Наука, 1971. Т. XXVII. С. 211–238.

Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. №10. С. 3–27.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника Сальдьяр-1 в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 120–154.

Солодовников К.Н. Население Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 25 с.

Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 142–176.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // ТГЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1969. Т. X. С. 208–236.

Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. 312 с.

Спицын А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества (ЗОРСА РАО). СПб., 1906. Т. VIII, вып. 1. С. 185–211.

Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник-2: Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 292–302.

Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX в. – начало XX в.). Барнаул, 2003.

Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. №13. С. 102–150.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. 494 с. (Археология СССР).

- Сунгатай С. Тарихи-мәдени жәдігерлер. II том. Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. Алматы: Дайк-Пресс, 2006.
- Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск: Наука, 1990. С. 197–200.
- Суразаков А.С., Тишкин А.А. Памятник Кызык-Телань-I в Горном Алтае и его планиграфические особенности // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. I. С. 191–198.
- Сулова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм тагар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.): Историко-этнографический атлас тагарского народа. Казань, 2000. 312 с.
- Сынские ханты. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. 352 с.
- Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бешкек: Айбек, 1996. 256 с.
- Табалдиев К., Жолдошов Ч. Позднесредневековые курганы Тянь-Шаня в свете новых исследований // Средневековая археология евразийских степей / Ин-т истории АН РТ. Казань, 2007. Т. I. С. 213–223.
- Тадина Н.А. Алтайская традиция очеловечивания гор // Россия и мировой исторический процесс. Бийск: НИЦ БиГПИ, 1999. С. 120–122.
- Тадина Н.А. Человек в модели мира как основы культуры общения алтайцев // Культурное наследие народов Сибири и Севера: (Мат. V Сибирских чтений). СПб.: МАЭ РАН, 2004. Ч. 2. С. 84–88.
- Тадина Н.А. О роли природного фактора в этническом сознании алтайцев // Актуальные проблемы географии. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. С. 376–381.
- Тадина Н.А. Традиционная картина мира как основа культуры общения алтайцев // Картина мира (лингвистические и этнокультурные аспекты): Вестник ТГУ. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. Бюллетень №60. С. 112–121.
- Тетерин Ю.В. Демографическая ситуация в Горном Алтае в конце I тыс. до н.э. // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 126–129.
- Тиваненко А.В. Гибель племени меркитов Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 67 с.
- Тишкин А.А. Предметы материальной культуры монгольского времени из разрушенного захоронения памятника Усть-Алейка-5 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 127–133.
- Тишкин А.А. Археологические, изобразительные и письменные свидетельства о женских головных уборах монгольского времени // Интеграция археологических и этнографических исследований: XI Междунар. семинар. Омск: Наука-Омск, 2003. С. 125–128.
- Тишкин А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 296–300.
- Тишкин А.А. Элита в древних и средневековых обществах скотоводов Евразии: перспективы изучения данного явления на основе археологических материалов // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. Кн. 2. С. 43–56.
- Тишкин А.А. Результаты междисциплинарного изучения материалов памятника гунно-сарматского времени Яломан-II // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 384–387.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006. 54 с.

Тишкин А.А. Археологические обследования на Алтае и в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 489–492.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследование погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX, ч. 1. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Саяно-Алтая (по материалам могильника Яломан-II) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 164–172.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследование памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX, ч. 1. С. 494–498.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский дол и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: Теза, 2007. С. 291–299.

Тишкин А.А., Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А. Рубцовский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 149–166.

Тишкин А.А., Нямдорж Б., Дашковский П.К., Нямсүрэн Л., Мунхбаяр Ч. Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительные изыскания) // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. С. 107–114.

Тишкин А.А., Пилипенко С.А. Опыт реконструкции женских головных уборов монгольского времени // V Конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 2003. С. 45.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 300–306.

Ткаченко И.Д. Снаряжение коня в традиционной культуре алтайцев // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. С. 105–110.

Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX веков: (Политико-экономический анализ). Алма-Ата: Наука, 1971. 633 с.

- Топоров В.Н. Заметки по похоронной обрядности (к 150-летию со дня рождения А.Н. Веселовского) // Балто-славянские исследования 1985 г. М.: Наука, 1987. С. 10–52.
- Торбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн Голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд (Хурлийн уеэс Монголын уе). Улаанбаатр, 2003. 295 с.
- Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 472 с.
- Троицкая Т.Н. Керамика переходного периода поселения Ближние Елбаны-1 // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск, 1990. С. 114–122.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины: Учеб. пособие. Новосибирск, 2004.
- Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 312 с.; Т. II. М.; Л.: Наука, 1966. 362 с.; Т. III. Л.: Наука, 1970. 298 с.
- Тур С.С. Краниологические материалы из Бобровского могильника больше-реченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (VIII–VII вв. до н.э.) в свете этногенетических проблем древнего населения Верхнего Приобья // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. №7. С. 67–82.
- Тур С.С., Солодовников К.Н. Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. С. 35–47.
- Уакаатов Б. Қазақтың халық өлеңдері. Алматы, 1974.
- Уманский А.П. О раскопках близ Новотроицкого в 1989 году // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 53–55, 110.
- Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII – первой четверти XVIII века. Барнаул: БГПУ, 1995. Ч. 1. 171 с.; Ч. 2. 221 с.
- Уманский А.П., Шульга П.И. Поясные пряжки-застежки скифского времени на Алтае // снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 176–182.
- Федорова Е.Г. Материалы по погребальному обряду верхнесосьвинских манси // Радловские чтения-2005: Тез. докл. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2005. С. 169–174.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 274 с.
- Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
- Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни X–XIII вв. // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.: Труды ГИМ. М., 1959. Т. 2, вып. 33. С. 149–224.
- Филлипс Э.Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов. М.: Центрполиграф, 2003. 174 с.
- Флеров А.В. Материаловедение и художественная обработка металлов. М.: Высш. шк., 1981. 288 с.
- Фролов Я.В. Особенности погребального обряда больше-реченской культуры (топография и планиграфия могильников, погребальные сооружения) // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул, 2001. С. 96–99.

Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование // *Материалы к серии «Народы и культуры»*. Вып. 18: Телеуты. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1993. 326 с.

Хаврин С.В. Металл эпохи поздней бронзы нижнетейской группы памятников (Торгажак – Арбан – Федоров улус) // *Евразия сквозь века*. СПб., 2001. С. 117–125.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. 334 с.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 3-е изд., доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 604 с.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 142 с.

Харинский А.В. «Городища» побережья озера Байкале железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 17 с.

Харинский А.В. Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. – середине II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2001. 198 с.

Харинский А.В., Наумов И.В. Этноархеологические исследования на северном побережье озера Хубсугул // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Владивосток; Омск, 2000. С. 151–153.

Харинский А.В., Ожередов Ю.И., Эрдэнэбаатар Д., 2006 Северное побережье озера Хубсугул в эпоху палеометалла // *Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 115–125.

Хороших П. П. Исследования каменного и железного века Иркутского края // *Известия Биол.-геогр. ин-та. Иркутск*, 1924. Т. 1, вып. 1. 51 с.

Хороших П.П. Отчет об археологических работах в Иркутской области. 1956 // *Архив ИА РАН*. Р-1. №1294.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // *Археология, этнография и антропология Монголии*. Новосибирск: Наука, 1987. С. 136–162.

Худяков Ю.С. Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // *Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX вв.* Новосибирск: Наука, 1987. С. 65–84.

Худяков Ю.С. Половозрастная дифференциация погребальной обрядности котюрок Среднего Енисея // *Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. «Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализма и капитализма»*. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1989. Вып. I. С. 25–26.

Худяков Ю.С. Палеодемографические аспекты изучения могильника Усть-Эдиган // *Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье*. Барнаул, 1994. С. 134–136.

Худяков Ю.С. Тюрки и уйгуры в Минусинской котловине // *Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э.* Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 85–95.

Худяков Ю.С. К вопросу о проникновении мировых религий в Южную Сибирь в эпоху средневековья // *Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций*. СПб., 1999. С. 156–157.

- Худяков Ю.С. Динамика соотношения кыргызов и кыштымцев на Енисее в эпоху средневековья // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и средневековье). Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2003. С. 113–116.
- Худяков Ю.С., Бобров Л.А. Этнокультурные контакты и взаимовлияние русских с тюркскими народами Западной и Южной Сибири в военном деле в XVI–XVII вв. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. Вып. 2. С. 103–128.
- Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.
- Цыбиктаров А.Д. Херексуры Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Культура и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 37–46.
- Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 1998. 288 с.
- Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. №1. С. 80–97.
- Цэвээн Ж. Түүвэр зохиолууд. Эмхтгэсэн. С. Идшинноров. I дэвтэр. УБ., 2000.
- Цэвээндорж Д. Монголын эртний урлагийн туух. УБ., 1999. 380 с.: ил.
- Цэвээндорж Д., Баяр Д ба бус. Монголын археологи. УБ.: Археологийн хурээлэн. 2003. 257 с.
- Чежина Е.Ф. Орнаментированные кабаньи клыки и их имитации в скифскую эпоху // Археологический сборник. Л.: Искусство, 1991. С. 30–38.
- Чейз-Данн К., Холл Т. Две, три, много миросистем // Время мира: Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 424–448.
- Ченкиров И.В., Попов В.В. Отчет о деятельности Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова с 1 октября 1926 по 1 января 1928 г. // Бурятияведение. 1928. Т. 4. С. 154–155.
- Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №1. С. 39–50.
- Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 167 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Чикишева Т.А. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск: Наука, 1994. С. 157–175.
- Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпоху неолита-бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1. С. 139–148.
- Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №3. С. 116–131.
- Чикишева Т.А. К вопросу об антропологическом составе населения южных районов Западной Сибири в эпоху неолита и бронзы // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 430–437.

- Чижишева Т.А., Поздняков Д.В. К особенностям морфологии населения гунно-сарматского времени центральных и восточных районов Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 154–159.
- Чиндина Л.А. Головной убор женщины из Воскресенского могильника // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2002. С. 159–163.
- Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск: Наука, 1984. 98 с.
- Членова Н.Л. К вопросу о центральноазиатской гипотезе происхождения скифов: дата оленных камней Монголии // Вестник антропологии. М.: Старый Сад, 1998. Вып. 4. С. 149–168.
- Членова Н.Л. К вопросу о происхождении оленных камней // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 36–42.
- Членова Н.Л. Новые данные о связях Монголии и Северного Кавказа в скифскую эпоху // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. М.: Изд-во ИА РАН, 1999. С. 140–141.
- Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. №8. С. 43–53.
- Чугунов К.В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н.э. // Евразия сквозь века. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2001. С. 173–178.
- Чугунов К. Аржан-источник // Аржаан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб., 2004. С. 31–35.
- Чуец А (Бурдуков А.В). По поводу культурного начинания «Алтай». 18.XI.1912.
- Чуйская долина // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). №14: Труды Семиреченской археологической экспедиции. 1950. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 159 с.: табл.
- Ш. Нацагдорж Манлайбаатар. Дамдинсүрэнгийн товч намтар. УБ., 1946.
- Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе раннего железа в Барнаульском Приобье (VIII–VI вв. до н.э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 116–129.
- Шамшин А.Б. Погребальный обряд населения Алтайского Приобья в эпоху поздней бронзы и переходное время // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1992. Ч. II. С. 103–105.
- Шан-чжоуские бронзы, найденные в Хэнани [Хэнань чуту Шан-Чжоу цинтун ци]. Пекин: Вэньу, 1981. Т. 1. 16, 296, 62, 4 с. (на кит. яз.).
- Шевченко А.В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология древнего и современного населения Европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Ширэндэв Б. Монгол ардын хувьсгалын түүх. УБ., 1999.
- Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-1 // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии №3. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. С. 58–69.

- Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 245–250.
- Шульга П.И. О датировке и относительной хронологии памятников раннего этапа пазырыкской культуры // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 72–74.
- Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В. Состав золотых и бронзовых изделий, источники металлов и способы их обработки // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 179–187.
- Эрдэнэбаатар Д. Сэлэнгэ морний сав дахь хурэл ба томор зэвсгийн туруу уеийн дурсгал (Диссертация). УБ., 1997. 247 с.
- Эрдэнэцогт Р. К проблеме о символике формы образа монгольской скульптуры с изображением оленей (оленных камней) // Природные условия, история. конф. (24–26 сентября 1997 г., Ховд. Монголия). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 136–137.
- Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 гг. // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1883. Т. IX. Вып. II–III. С. 181–205 (табл. к этой статье: Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1883. Т. XI, вып. II. Табл. I–VII).
- Ambrose S.H., Norr L. Experimental evidence for the relationship of the carbon isotope ratios of whole diet and dietary protein to those of bone collagen and carbonate // Prehistoric human bone: Archaeology at the molecular level. New York: Springer-Verlag. 1993. P. 1–37.
- Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.S. Ausgrabungen auf dem Graberfeld von Suttu – Bulak, Raj. Kockorka, Kyrgystan // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Berlin: Band 3, 1997. S. 513–570.
- Arne T.J. La Suède et l’Orient. Upsal, 1914. 243 p.: fig.
- Balasse M. Potential biases in sampling design and interpretation of intra-tooth isotope analysis // International Journal of Osteoarchaeology. 2002. V. 13. P. 3–10.
- Balasse M. Reconstructing dietary and environmental history from enamel isotopic analysis: time resolution of intra-tooth sequential sampling // International Journal of Osteoarchaeology. 2002. V. 12. P. 155–165.
- Beduhn J.D. The manichaean body in Discipline and ritual. The Johns Hopkins University Press. Baltimore. London, 2000, p. 97.
- Bokovenko N.A. Fsiian influence on European Scythia // Ancient Civilizations. 1996. №3,1. С. 40–46.
- Bunker E.C. The Chinese Artifacts Among the Pazyryk Finds // Source. Notes in the History of Art, 1991. Vol. X, №4. P. 20–24.
- Central Asian Art from the Museum of Indian Art, Berlin, SMPK: Exhibition Catalogue. Tokyo: Asahi Shimbun, 1991. 226 p.
- Dashibalov E.B., Dashibalov B.B. Mountain fortified settlements of Cisbaikalia and South siberia and their similarities with korean fortresses // Proceedings of the World Congress of Korean Studies 2006. Seoul: The Academy of Korean Studies, 2006. P. 483–487.
- Finsterbusch K. Verzeichnis und Motivindex der Han-Darstellungen. Band II. Abbildungen und Addenda. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1971.
- Golden Peter B. Religion among the Qipchaqs of the Medieval Eurasia // Central Asiatic Journal. International Periodical for Languages, Literature, History and Archaeology of Central Asia. 42 (1998) 2. P. 180–237.

Golden Peter B., Turkic Calques in Medieval Earstern Slavic. *Journal of Turkish Studies* 8. Cambridge, MA, 1984. P. 103–111. // *Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe*. Ashgate. Variorum. 2003.

Grano J.G. Archeologische Beobachtungen von meiner. Reise in Sub-Sibirien und der Nord west-M ongolei in jabre 1909. JSFO u. XXVIII. Helmsfors. 1912. 67 c.

James J.M. Some rules of composition for figural art during the Han Dynasty and the emergence of landscape // *Oriental art*. Autumn 1987. Vol. XXXIII, №3. P. 261–267.

Klevezal G.A., Shishlina N.I. Assessment of the season of death of ancient human from cementum annual layers // *Journal of archaeological science*. 2001. V. 28. P. 481–486.

Klimkeit H.-J., Heuser M. *Studies in manichaeen literature and art*. Leiden: E.J. Brill 1998, 331 p.

Kortum R., Batsaikhan Z., Edelkhan, Gambrell J. Another new complex in the Altai mountains, Bayan Olgii ainag, Mongolia: Biluut 1, 2 and 3. // *International Newsletter on Rock Art (INORA)*. 2005. №41. P. 7–14.

Kovalev A. Die dltesten Stelen am Ertix. Das Kulturphдnomen Хемирхек. // *Eurasia Antiqua*. Bd. 5 (1999). 2000. S. 135–178.

Larsen C.S. Bioarchaeology: The lives and Lifestyles of past People // *Journal of archaeological research*. 2002. V. 10, №2. P. 119–166.

Macnchen-Helfen O. Manichaeans in Siberi // *Semitic and oriental studies*. University of California publications in semitic philology. 1951. Vol. 91. P. 311–326.

Molodin V.I., Parzinger H., Schneeweib J., Garkusha J.N., Grishin A.E., Novikova O.I., Efremova N.S., Marchenko Z.V., Cemjakina M.A., Mylnikova L.N., Becker H. und Fasbinder J. Cica-eine befestigte Ansiedlung der Uberegangsperiode von der Spatbronzezur Fruheisenzeit in der Barabinsker Waldsteppe // *Eurasia Antiqua*, Band 8. Berlin, 2002.

O'Neill M.C., Ruff C.B. Estimating human lomg bone cross-sectional geometric properties: a comparison of noninvasive methods // *Journal of human evolution*. 2004. P. 221–235.

Price T.D. Immigration and the ancient city of Teotihuacan in Mexico: a study using strontium isotope ratios in human bone and teeth // *Journal of archaeological science*. 2000. V. 27. P. 903–913.

Source. *Notes in the History of Art*, 1991. Vol. X, №4.

Studia Mongolica, Tomus IV, УБ, 1964. // Ч. Содном. Малын тухай үг. 24–266.

Tieszen L.L., T. Fagre T. Effect of diet quality and composition on the isotopic composition of respiratory CO₂, bone collagen, bioapatite, and soft tissues // *Prehistoric human bone: Archaeology at the molecular level*. New York: Springer-Verlag, 1993. P. 121–155.

White C.D., Longstaffe F.J., Law K.R.. Exploring the effects of environment, physiology and diet on oxygen isotope ratios in ancient Nubian bones and teeth // *Journal of Archaeological Science*. 2004. V. 31. P. 233–250.

White C.D., Spence M.W., Longstaffe F.J., Law K.R.. Testing the nature of Teotihuacōn imperialism at Kaminaljuyъ using phosphate oxygen-isotope ratios // *Journal of Anthropological Research*. 2000. V. 56. P. 535–558.

Wilson J W., Tykot R.H., Ubelaker D.H.. Intradental variation in stable carbon isotope ratios in human tooth enamel // *American Journal of Physical Anthropology*, 2001. V. 114. P. 166.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГУ** – Алтайский государственный университет (г. Барнаул).
АН МНР – Академия наук Монгольской народной республики.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
БКМ – Бийский краеведческий музей.
ГАГПИ – Горно-Алтайский государственный педагогический институт (ныне ГАГУ).
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы (ныне Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск).
ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва).
ГОУ ВПО – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования.
ГЭ – Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург).
ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск).
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
КСИИМК – Краткие сообщения ИИМК.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МРКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова.
РАН – Российская академия наук.
РИО – Редакционно-издательский отдел.
САИ – Свод археологических источников.
СО – Сибирское отделение.
ХРКМ – Хакасский республиканский краеведческий музей (г. Абакан).
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск).

Научное издание

АЛТАЕ-САЯНСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА И ИСТОРИЯ ОСВОЕНИЯ ЕЕ КОЧЕВНИКАМИ

Сборник научных трудов

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Технический редактор: А.А. Тишкин
Подготовка оригинал-макета: Д.В. Тырышкин

На обложке: фотоснимки А.А. Тишкина

Подписано в печать 20.06.2007. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,5. Тираж 400 экз. Заказ

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а